3984

В. А. БОГОРОДИЦКІЙ.

КУРСЪ
ГРАММАТИКИ
РУССКАГО ЯЗЫКА.

Часть 1-ая:

ФОНЕТИКА.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Михаила Земкевича
Краковское-Предмѣстье, N. 17.

1887.

ПРОВ. 1957

PG
2029
Дозволено Цензурою.
Варшава, 8 Іюля 1887 года.

953
58

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Обозрѣніе аріо-европейскихъ языковъ вообще и, въ частности, славянскихъ; языкъ церковно-славянскій . 1

II. Краткая физіолологія звуковъ русскаго языка въ связи съ нѣкоторыми фонетическими явленіями . . . 11

III. О русскомъ правописаніи 40

IV. Введеніе въ этимологію 72

V. Фонетика. Предварительныя замѣчанія и научно-фонетическое письмо 102

VI. О вліяніи на ударяемые гласные твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ. 124

VII. Неударяемые гласные 146

VIII. Измѣненіе *é* въ *ó* 223

IX. Бѣглые гласные звуки *o* и *e*. Полногласіе . . 273

X. Явленія акоммодаціи въ области согласныхъ звуковъ. 294

XI. Родство звуковъ русскаго языка съ звуками другихъ индо-германскихъ языковъ. „Подъемъ“). . . . 308

ОПЕЧАТКИ.

Примѣчаніе. Римская цифра обозначаетъ томъ Рус. Фил. Вѣстн., а слѣдующая цифра — его страницу; цифры же, помѣщенныя въ третьемъ столбцѣ, обозначаютъ страницы и строки отдѣльныхъ оттисковъ.

			Вмѣсто:	*Должно быть:*
X	186	10_{13}	въ	къ
—	206	30_{12}	отрытыми	открытыми
—	208	32_{4}	28, 28	26, 28
XII	112	43_{10}	составляющихъ	состоящихъ
—	113	44_{17}	Песталюцци	Песталоцци
—	115	46^{16}	или	и
—	118	49_{14}	д᾽	д,
—	329	63_{17}	с᾽э́къ =	с᾽э́к ‖
—	330	64^{7}	той	этой
—	332	66_{4}	той	этой
—	333	67_{12}	послѣдующемъ	послѣднемъ
—	334	68_{11}	с᾽мэју́с᾽	с᾽м᾽эју́с᾽
XIII	284	71^{4}	согласный	согласный, самый же гласный произносился бы съ удареніемъ
—	»	71_{10}	раньніе	раньше
—	290	77^{12}	при чемъ	при чемъ знакъ +
—	»	77^{18}	полную картину	картину
—	»	77_{5}	кор. суф. ок. ос.	кор. суф. ок. ос.
—	294	81_{11}	М	Σ
—	295	82_{16}	ч ‖ ч᾽	к ‖ ч᾽
—	300	87^{13}	рыпъ	ры́п
—	304	91_{7}	значенія	значеніе
—	312	99_{1}	помнитъ	припомнитъ
XV	119	107^{18}	*s᾽im*	*s᾽im᾽*
—	126	114_{18}	22)	22) *другой извощикъ*

			Вмѣсто:	*Должно быть:*
XV	127	115 16	лгухо	глухо
XVI	332	149 17	первомъ	одномъ
—	„	149 12—11	во второмъ	въ другомъ
—	334	151 7	мувкульному	мускульному
XVII	186	173 14	словъ	слоговъ
—	205	192 12	-исходяще	-исходящее
—	250	223 9	орфографія	орѳографія
—	„	223 4	.—	.
—	251	224 7	много	мною
—	„	„	§ —	§ 43
—	„	224 14	*ое*	æ
—	„	224 13	м'*а*тý	м'æтý
—	„	224 12	*ое*	æ
—	„	„	по́л*ое*	по́л'æ
—	„	224 12	ло́ж*ое*	ло́жæ
—	261	234 8	раб'о́т'æ	рабо́т'æ
—	280	253 10	**ОГНЬ**	**ОГНЬ**
—	281	254 10	*е*	*е*, но
—	299	272 17	**СНѢТИ**	**СЪНѢТИ**
—	300	273 8	„бра́к“	„бр'ак“
—	330	303 1	.	, а съ другой—везу ‖ везъ (в'о́с).
—	331	304 2	ἄλες	ἅλες
—	343	316 17	λεῖπειν—λιπεῖν	λείπειν—λιπεῖν.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За послѣднія два десятилѣтія языковѣдѣніе сдѣлало значительные успѣхи какъ въ отношеніи метода изслѣдованія, такъ и въ своихъ результатахъ. [1]) Въ то же время въ русской лингвистической литературѣ ощущался недостатокъ въ грамматикѣ отечественнаго языка, которая бы отвѣчала новѣйшимъ успѣхамъ языкознанія. Вполнѣ сознавая трудность составленія такой грамматики, я все же взялъ на себя выполненіе этой задачи и пока представляю первую часть труда—фонетику. Пробѣлы, которые и самъ вижу въ моемъ трудѣ, я надѣюсь восполнить въ будущемъ, равно какъ и воспользоваться указаніями критики; кромѣ того, многіе вопросы фонетики, вслѣдствіе тѣсной связи фонетики съ другими частями грамматики, преимущественно же съ морфологіей, вполнѣ удобно могутъ быть изложены въ отдѣлѣ морфологіи. Замѣчу далѣе, что обстоя-

---

[1]) Много уже было разговоровъ и споровъ относительно новаго направленія въ языковѣдѣніи. Съ своей стороны, я думаю, что отличіе новаго направленія въ языкознаніи отъ прежняго состоитъ въ томъ, что прежде исключительно вниманіе обращалось на собираніе и классификацію или систематизацію фактовъ, тогда какъ теперь изслѣдователи стремятся при помощи такихъ матеріаловъ, а также и другихъ изслѣдованій, постигнуть сложный процессъ измѣнчивости и жизни языка. Это новое направленіе языкознанія (подобная же новая струя пробивается и въ другихъ филологическихъ наукахъ—въ исторіи или соціологіи и въ исторіи литературы), какъ мнѣ кажется, вполнѣ аналогично съ новымъ направленіемъ, представляемымъ иною наукою—ботаникою.

тельства заставили меня нѣсколько поспѣшить выпускомъ моего труда, вслѣдствіе чего мнѣ не удалось ввести въ него многое изъ того, что я предполагалъ вначалѣ (см. § 48).

Въ трудѣ своемъ я обратилъ большое вниманіе на методъ изслѣдованія; я стремился къ тому, чтобы ни одно положеніе не было высказано догматически, безъ доказательствъ, такъ чтобы читателю вполнѣ возможно было провѣрять основательность рѣшенія каждаго вопроса. Вслѣдствіе малой пока разработанности грамматической теоріи русскаго языка, мнѣ въ весьма многихъ случаяхъ пришлось предпринять самостоятельныя изслѣдованія, такъ что каждая глава моего труда (за исключеніемъ главы первой, какъ чисто описательной) въ значительной мѣрѣ является плодомъ самостоятельной разработки. Впрочемъ пусть судятъ другіе о достоинствахъ и недостаткахъ моего труда и рѣшатъ, на сколько я успѣлъ въ выполненіи предложенной мною задачи.

Глава I.

Обозрѣніе аріо-европейскихъ языковъ и, въ частности, славянскихъ; языкъ церковно-славянскій.

§ 1. Сравнивая отдѣльные аріо-европейскіе языки [1]), мы находимъ между ними сходство, объясняемое ихъ происхожденіемъ отъ одного общаго (предполагаемаго) аріо-европейскаго праязыка.

Въ Азіи аріо-европейскіе языки представляютъ двѣ большія семьи: *индійскую* и *иранскую*.

Древнѣйшій представитель *индійской* семьи — языкъ *ведаическій*, языкъ древнихъ религіозныхъ гимновъ Индусовъ. Эти гимны, сборники которыхъ носятъ названіе ведъ, заключаютъ въ себѣ молитвенныя обращенія къ разнымъ божествамъ — къ Огню, Зарѣ и др. Чисто народный языкъ, легшій въ основу древнихъ гимновъ, въ теченіи времени измѣнялся подобно тому, какъ, напр., народный латинскій языкъ измѣнился въ говоры итальянскіе и другіе романскіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ древній языкъ гимновъ, правда — съ нѣкоторыми перемѣнами, старались удержать для высшаго обращенія и для письменности, для цѣлей религіозныхъ и научныхъ. Такимъ образомъ изъ ведаическаго языка образовался языкъ литературный, хотя во многомъ и отличающійся отъ ведаическаго, но въ цѣломъ ос-

---

[1]) Они называются также индо-герм., индо-европейскими.

тавшійся на древней стадіи развитія; онъ не былъ никогда народнымъ языкомъ, въ противоположность языку ведаическому, и даже до нашихъ дней безъ существенныхъ перемѣнъ употребляется индійскими учеными, какъ литературный языкъ (аналогично тому, какъ въ Европѣ употребляется языкъ латинскій). Этотъ языкъ называется *санскритомъ* (т. е. языкомъ совершеннымъ—священнымъ, высшимъ) [1]), въ противоположность народнымъ говорамъ, которые въ болѣе древнемъ состояніи называются *пракритомъ* (т. е. языкомъ природнымъ). Изъ этихъ болѣе древнихъ народныхъ говоровъ развились многочисленные современные индійскіе нарѣчія и говоры, внуки языка ведаическаго, къ которымъ принадлежатъ между прочимъ *цыганскіе* говоры. Цыгане, отпрыскъ индійскаго племени, странствуя по разнымъ странамъ, приняли множество словъ изъ языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми имъ приходилось соприкасаться.

Нерѣдко случается слышать мнѣніе, что санскритъ есть родоначальникъ языковъ аріо-европейскихъ, но это несправедливо: санскритъ — такой же производный изъ предполагаемаго прааріо-европейскаго языка, какъ и другіе языки аріоевропейскіе, хотя впрочемъ отъ него мы имѣемъ самые древніе письменные памятники. Далѣе, нерѣдко злоупотребляютъ сравненіемъ того или другаго языка съ санскритомъ; но нужно помнить, что для того, чтобы сравнивать языки, необходимо по возможности глубже изучить сравниваемые языки.

§ 2. Къ *иранской* вѣтви принадлежатъ два древнихъ языка: *древне-персидскій* и *древне-бактрійскій* или *зендъ*; изъ нихъ древне-персидскій — западный, а древне-бактрійскій — восточный. Древне-персидскій языкъ — это языкъ

---

[1]) Санскритомъ называютъ также и языкъ ведаическій, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ различать *санскритъ ведаическій* и *санскритъ классическій*.

клинообразныхъ надписей царей изъ династіи Ахеменидовъ (къ которой принадлежали Дарій, Ксеркъсъ и Артаксеркъсъ), древне-бактрійскій — языкъ священной Зендавесты, приписываемой Зороастру. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ *ново-персидскій* языкъ съ разными нарѣчіями и говорами.

Къ вѣтви иранской нѣкоторые относятъ и языкъ *армянскій*, но онъ настолько отличается отъ языковъ этой вѣтви, что не можетъ считаться принадлежащимъ къ ней [1]).

§ 3. Перехожу къ аріо-европейскимъ языкамъ въ Европѣ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ семью *греческую*. Главнѣйшіе діалекты древне-греческаго языка: *дорическій*, *эолическій*, *іоническій* и *аттическій*, изъ которыхъ послѣдній легъ въ основу общаго литературнаго языка — „κοινὴ διάλεκτος“. Въ настоящее время существуютъ разнообразные *ново-греческіе* говоры. Нѣкоторые причисляютъ къ греческой семьѣ *албанскіе* говоры; но послѣдніе настолько отличаются отъ языка греческаго, что могутъ составить особую группу.

§ 4. Затѣмъ слѣдуетъ семья *италійская* или *романская*. Сюда принадлежитъ *древне-латинскій* языкъ съ его народными говорами, языкъ *умбрскій* и *оскійскій*. Латинскій языкъ продолжалъ существовать, какъ литературный, въ средніе вѣка, подвергаясь измѣненіямъ подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ. Этотъ *средневѣковой латинскій* языкъ существовалъ до эпохи Возрожденія, когда возстановленъ былъ древне-латинскій языкъ.

Народные латинскіе говоры, измѣняясь въ теченіи

---

[1]) О положеніи армянскаго языка въ кругу индо-германскихъ языковъ см. de Saussure Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes (1879) стр. 96—97.

времени, дали начало такъ называемымъ *романскимъ* языкамъ, къ которымъ принадлежатъ слѣдующія группы языковъ:

1) группа *итальянская*. Къ этой группѣ принадлежатъ многочисленные говоры Италіи, а литературнымъ языкомъ является языкъ итальянскій. Послѣдній весьма близокъ къ древне-латинскому и въ то же время сильно отличается отъ живыхъ говоровъ. Причины тому слѣдующія. Въ основаніе итальянскаго литературнаго языка легъ діалектъ Тосканы, какъ наиболѣе близкій къ языку латинскому, который въ то время былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ ученымъ и литераторамъ. Дантъ и другіе писатели, избравъ для литературныхъ цѣлей діалектъ тосканскій, въ то же время не вполнѣ примѣнили его, а устранили нѣкоторыя характерныя особенности, чтобы еще болѣе сблизить его съ языкомъ латинскимъ, и этотъ итальянскій литературный языкъ весьма мало измѣнился до настоящаго времени.

2) *ладинскіе* говоры.

3) языкъ *провансальскій*, на которомъ въ средніе вѣка развилась превосходная поэзія трубадуровъ.

4) говоры *французскіе* съ литературнымъ языкомъ французскимъ, который принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ въ мірѣ языкамъ; кромѣ Франціи онъ, между прочимъ, оффиціально принятъ литературнымъ языкомъ въ Бельгіи и дипломатическимъ — во всей Европѣ.

5) группа *испанская*, не столько распространенная въ Европѣ, сколько въ Америкѣ (вообще нѣкоторые Европейскіе языки, благодаря колонизаціи, распространились за предѣлы Европы).

6) группа *португальская* и, наконецъ,

7) группа *румынская*.

§ 5. Далѣе слѣдуетъ семья *кельтская*. Въ древнее время языкъ кельтскій былъ болѣе распространенъ, чѣмъ въ настоящее. Теперь на немъ говорятъ во Франціи —

въ Бретаніи, въ Англіи — въ Валисѣ, въ незначительной части Шотландіи и въ Ирландіи. Кельты, будучи перемѣшаны или съ Французами, или съ Англичанами, знаютъ ихъ языкъ, а многіе потомки прежнихъ Кельтовъ уже не говорятъ по-кельтски.

§ 6. Семья *германская*. Главныя ея вѣтви:

1) вѣтвь *готская*. Племена, которыя говорили готскимъ языкомъ, смѣшались съ племенами не германскаго происхожденія и утратили при этомъ свой языкъ; такимъ образомъ готскій языкъ вымеръ, сохранившись впрочемъ въ письменныхъ памятникахъ. Главный памятникъ—переводъ Св. Писанія, сдѣланный готскимъ епископомъ Ульфилой (правильнѣе Вульфилой, уменьшительное отъ готскаго vulfs „волкъ“) въ IV-мъ вѣкѣ и дошедшій до насъ въ отрывкахъ. Ульфила составилъ для этого азбуку изъ 26 буквъ, прибавивъ къ 16 рунамъ готскаго алфавита знаки, которыхъ не доставало. Готскій языкъ въ ряду другихъ германскихъ языковъ важенъ потому, что представляетъ самые древніе литературные памятники, такъ что его въ этомъ отношеніи можно сравнить съ санскритомъ въ ряду другихъ аріо-европейскихъ языковъ. Долго думали, что готскій языкъ—родоначальникъ всѣхъ германскихъ языковъ, но онъ скорѣе можетъ быть названъ ихъ братомъ, представляющимъ, правда, наиболѣе древніе письменные памятники сравнительно съ другими языками германской семьи.

2) вѣтвь *нордійская* (т. е. сѣверная) или *скандинавская*. На древне-нордійскомъ языкѣ написаны прекрасные памятники древне-нордійской литературы: двѣ Эдды, представляющія собраніе древнихъ миѳологическихъ разсказовъ. „Старшая“ Эдда — въ стихахъ, „Младшая“, болѣе поздняя,—въ прозѣ и служитъ какъ бы пополненіемъ первой. Что касается до современныхъ скандинавскихъ языковъ, то ихъ четыре: *исландскій, датскій, норвежскій* и *шведскій*.

3) вѣтвь *нѣмецкая*. Она представляетъ двѣ группы говоровъ: группа *верхне-нѣмецкая* и *нижне-нѣмецкая*; названія эти — географическія: верхне-нѣмецкіе говоры употребляются въ болѣе возвышенной части Германіи, въ южной, а нижне-нѣмецкіе—въ болѣе низменной, сѣверной. Языкъ *верхне-нѣмецкій* представляетъ три періода: древній, средній и новый. *Древне-верхне-нѣмецкій* языкъ отъ VII-го до XII вѣка. Въ письменныхъ памятникахъ этого періода всегда проявляется діалектъ писавшаго; нѣтъ общаго литературнаго языка, который употреблялся бы всѣми пишущими, къ какимъ бы діалектамъ ни принадлежали они. Болѣе общій языкъ развился въ періодъ *средне-верхне-нѣмецкій*, благодаря тому, что получилъ перевѣсъ надъ другими говорами языкъ двора, *швабскій*, сдѣлавшись языкомъ высшаго обращенія; образовался такимъ образомъ *придворный* языкъ, употреблявшійся даже тѣми, для которыхъ онъ не былъ роднымъ говоромъ. Въ этотъ періодъ литература изъ рукъ духовныхъ, которые обладали ею въ періодъ древне-верхне-нѣмецкій, перешла въ руки благородныхъ; такимъ образомъ языкъ придворный сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ литературнымъ. На немъ написаны прекрасныя произведенія XIII-го вѣка, произведенія знаменитыхъ поэтовъ миннезингеровъ. Наконецъ, *ново-верхне-нѣмецкій* языкъ начался со времени Лютера. Лютеръ говоритъ, что онъ не воспользовался какимъ-либо народнымъ говоромъ Германіи, но — языкомъ саксонской канцеляріи, которому слѣдовали всѣ князья и короли въ Германіи. По причинѣ этого общаго употребленія, говоритъ Лютеръ, общій нѣмецкій языкъ доступенъ пониманію верхнихъ и нижнихъ Нѣмцевъ [1]). Рядомъ съ этимъ письменнымъ язы-

---

[1]) Schleicher August, Die Deutsche Sprache (1874)[3] стр. 108. Въ этомъ сочиненіи въ главѣ III-ей Введенія (стр. 72—87) авторъ знакомитъ съ индо-германской семьей языковъ; гл. IV (стр. 87—95) представляетъ очеркъ нѣмецкаго, а гл. V (стр. 96—119) — верхне-нѣмецкаго языка.

Здѣсь я пользуюсь случаемъ, чтобы указать другіе тру-

комъ продолжаютъ жить народные говоры, потомки болѣе древнихъ народныхъ говоровъ. Что касается группы *нижне-нѣмецкой*, къ ней, кромѣ говоровъ низменной Германіи, принадлежитъ языкъ *англійскій* и *голландскій*.

§ 7. Затѣмъ слѣдуетъ семья *литовская*. Это одна изъ самыхъ малочисленныхъ семей (самая малочисленная — семья албанская, далѣе — литовская, затѣмъ — кельтская). Литовская семья подраздѣляется на двѣ группы: 1) группа *литовская въ тѣсномъ смыслѣ* и 2) группа *латышская*.

Къ группѣ литовской въ тѣсномъ смыслѣ принадлежалъ языкъ *древне-прусскій*. Древніе Пруссы были частью истреблены, частью ассимилированы нѣмецкими крестоносцами и такимъ образомъ языкъ древнихъ Пруссовъ вышелъ изъ живаго употребленія, сохранившись только въ скудныхъ памятникахъ отъ XVI-го вѣка. Побѣдители древнихъ Пруссовъ усвоили себѣ ихъ названіе, какъ географическое названіе страны, въ которой жили древніе Пруссы—Литовцы.

Въ настоящее время *Литовцы* живутъ въ восточной Пруссіи, преимущественно же въ Россіи и Царствѣ Польскомъ (въ губерніяхъ Ковенекой, въ части Виленской и Сувалкской). Литовскіе говоры распадаются на нѣсколько

ды, въ которыхъ находится обозрѣніе аріо-европейскихъ языковъ:

Овелакъ Абель, Лингвистика. Переводъ со втораго французскаго изданія (1881). Трудъ этотъ представляетъ лингвистико-этнографическіе очерки не только аріо-европейскихъ языковъ, но и другихъ извѣстныхъ—африканскихъ, австралійскихъ, американскихъ и проч.

Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ (1882). Въ этой статьѣ на стр. 19—53 авторъ знакомитъ съ отдѣльными семьями аріо-европейскихъ языковъ, при чемъ болѣе подробно говоритъ объ языкахъ славянскихъ.

группъ. Строй литовскаго языка отличается древностью. Въ этомъ отношеніи литовск. яз. едва ли многимъ уступаетъ санскриту, но имѣетъ то преимущество передъ послѣднимъ, что санскритъ—языкъ не живой, а литовскій—живой, такъ что его можно наблюдать до мельчайшихъ тонкостей.

Латышская группа простирается къ сѣверу отъ литовской и занимаетъ губерніи Курляндскую, половину Лифляндской и незначительную часть Витебской.

§ 8. Семья *славянская*. Она представляетъ слѣдующія вѣтви:

1) вѣтвь *русская*. Ея подраздѣленія: говоры *великорусскіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* и *южные (окающіе* и *акающіе)*; южно-великорусскіе говоры дѣлятъ на *собственно южно-великорусскіе* и *бѣлорусскіе*, западные по отношенію къ первымъ [1]). Слѣдуетъ однако замѣтить, что изученіе говоровъ русскаго языка пока весьма недостаточно, и только въ будущемъ можетъ быть сдѣлана болѣе точная ихъ классификація съ обозначеніемъ географическихъ границъ. Что касается *русскаго литературнаго* языка, то въ основѣ его лежатъ говоры *великорусскіе*, изъ которыхъ *московскіе* болѣе другихъ участвовали въ образованіи его. Вообще, въ исторіи языка то нарѣчіе выступаетъ передъ прочими, которое принадлежитъ средоточію государственной власти [2]).

2) Къ слѣдующей вѣтви принадлежатъ говоры *полабскіе*, *лужицкіе*, *кашубскіе* и *польскіе*, все болѣе и болѣе ассимилируемые нѣмецкимъ племенемъ.

Полабы уже совершенно онѣмечены; въ настоящее время нѣтъ ни одного Полаба, который бы говорилъ на

---

[1]) Потебня А. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 53.

[2]) Я рекомендовалъ бы читателю для прочтенія Введеніе въ Исторической грамматикѣ русскаго языка Буслаева.

своемъ языкѣ (послѣдній, говорившій по-полабски, умеръ въ прошломъ столѣтіи).

Говоры *лужицкіе* раздѣляются на *верхне-лужицкіе* и *нижне-лужицкіе*. Верхніе Лужичане живутъ преимущественоо въ Саксоніи, нижніе — преимущественно въ Бранденбургѣ.

Говоры *кашубскіе* — около Данцига.

Поляки живутъ въ Россіи (въ Польшѣ и, перемѣшанные съ Бѣлоруссами, Малоруссами и Великоруссами,— въ западныхъ губерніяхъ Россіи), въ Австріи (въ австрійской Силезіи и Галиціи) и Пруссіи.

3) вѣтвь *чешско-словацкая* распадается на группы *чешско-моравскую* и *словацкую* или *угро-словенскую*. Чехо-Моравы населяютъ славянскую часть Чехіи, Моравіи и ту часть австрійской Силезіи, которая не занята Поляками, т. е.—юго-западную. Говоры словацкіе (угро-словенскіе) занимаютъ сѣверо-западный уголъ Венгріи или Угріи.

4) Четвертую вѣтвь составляютъ говоры *сербо-хорватскіе, словинскіе* и *резьянскіе*.

Сербо-Хорваты занимаютъ Сербію, Боснію, Герцеговину, Черногорію, часть южной Венгріи, часть Кроаціи, не занятую Словинцами, южную часть Истріи, а также живутъ на островахъ Адріатическаго моря. Говоры сербохорватскіе дѣлятся на *чакавскіе* (западные) и *штокавскіе* (восточные). Названія эти заимствованы отъ вопросительныхъ мѣстоименій „ча“ и „што“ (что). Но на эти названія слѣдуетъ смотрѣть только какъ на условные термины, съ которыми соединяется представленіе о суммѣ другихъ свойствъ, гораздо болѣе важныхъ.

Населеніе, которое говоритъ *словинскими* говорами, занимаетъ Крайну, южную часть Штиріи и Каринтіи, сѣверную часть Истріи, а также Кроацію. Словинскіе говоры представляютъ множество діалектическихъ оттѣнковъ.

Резьянскими говорами (въ провинціи Удине Итальянскаго королевства) говорятъ только $3^1/_2$ тысячи; но они настолько отличаются отъ другихъ говоровъ той же вѣтви, что могутъ составить особую группу.

5) Послѣдняя славянская вѣтвь—*болгарская*. Болгарское племя населяетъ всю славянскую часть Балканскаго полуострова, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла, занятаго Сербо-Хорватами. Болгарское племя простирается на сѣверъ до Дуная и граничитъ съ Румынами, на западъ—до Албаніи, на югѣ отдѣляется отъ Архипелага и Мраморнаго моря только береговой полосой, гдѣ говорятъ по-гречески, или по-турецки, на востокъ доходятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до Чернаго моря [1]).

§ 9. Теперь я скажу нѣсколько словъ о языкѣ *церковно-славянскомъ*. Въ памятникахъ *древняго церковно-славянскаго* или *старо-славянскаго* языка отражается относительно самое древнее состояніе славянскихъ языковъ. Является вопросъ: у какого славянскаго племени этотъ языкъ былъ живымъ говоромъ? По этому вопросу было высказано нѣсколько мнѣній, изъ которыхъ выдаются два: по первому — старо-славянскій языкъ принадлежалъ къ болгарской вѣтви, по второму—онъ былъ языкомъ паннонскихъ Славянъ, которые исчезли вслѣдствіе того, что ассимилировались съ окружавшими ихъ неславянскими племенами. Старо-славянскій языкъ, употребляясь въ качествѣ церковно-литературнаго языка у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, сталъ приноравливаться въ живой рѣчи этихъ славянскихъ племенъ и потому получилъ разные оттѣнки. Древнѣйшимъ памятникомъ старо-славянскаго языка съ русскимъ вліяніемъ является Остромирово Евангеліе (1056—1057 года). *Новый церковно-славянскій языкъ* развился при сильномъ вліяніи языка русскаго, и прежде всего малорусскаго, такъ какъ центромъ духовнаго просвѣщенія на Руси былъ первоначально Кіевъ. Въ свою очередь и на русскомъ языкѣ сказалось вліяніе церковно-славянскаго.

---

[1]) Подробное описаніе этнографическихъ границъ славянскихъ нарѣчій читатель найдетъ въ слѣдующемъ трудѣ: Петровскій Матеріалы для славянской діалектологіи (Уч. Зап. Казанскаго Унив. 1866 т. II 388—480; 1867 т. III 154—191).

Глава II.

Краткая физіологія звуковъ русскаго языка въ связи съ нѣкоторыми фонетическими явленіями [1]).

§ 10. Произношеніе можно изслѣдовать съ точки зрѣнія *анатомо-физіологической, акустической,* со стороны *слуховыхъ ощущеній* и *ощущеній мускульно-осязательныхъ* при произношеніи.

Физіологію звуковъ русскаго языка я изложу преимущественно съ точки зрѣнія анатомо-физіологической.

Предварительно сдѣлаю краткое анатомическое обозрѣніе человѣческаго органа рѣчи.

Человѣческій органъ рѣчи можетъ быть раздѣленъ на три части:

а) Дыхательный аппаратъ.

б) Гортань.

в) Полости, лежащія надъ гортанью—полость глотки, полость рта и полость носа.

Мы вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ легкими, которыя весьма удачно сравниваютъ съ мѣхами. *Вдыханіе* (inspiratio) воздуха происходитъ слѣдующимъ образомъ. Грудная полость расширяется во всѣхъ направленіяхъ. Увеличеніе ея книзу есть слѣдствіе сокращенія грудобрюшной преграды — сводообразнаго мускула, который помѣщенъ между грудною и брюшною полостями. Кромѣ того, дѣйствіемъ нѣкоторой группы мышцъ поднимаются ребра и такимъ образомъ производится увеличеніе грудной полости сзади напередъ, а также вправо и влѣво. Воздухъ тотчасъ же

---

[1]) *Главное пособіе* по этому предмету:

Грот Я. К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ (1876). Второе, значительно пополненное изданіе съ подробнымъ указателемъ всѣхъ сомнительныхъ случаевъ. Стр. 1—89.

Его же Филологическія разысканія I (1876)^2 стр. 265—298.

черезъ носъ, или также и черезъ ротъ, стремится въ легкія, растягиваетъ ихъ, и такимъ образомъ происходитъ вдыханіе. По окончаніи сокращенія вдыхательныхъ мышцъ, грудная клѣтка вслѣдствіе упругости своихъ стѣнокъ стремится занять первоначальное положеніе, т. е. спадается, съуживается, производя *выдыханіе* (exspiratio).

Въ рѣчи въ теченіе одного выдыханія можетъ быть произнесено нѣсколько словъ; затѣмъ происходитъ пауза, во время которой мы вдыхаемъ; съ новымъ выдыханіемъ мы опять можемъ произнести нѣсколько словъ и т. д.

Въ гортани имѣется *голосовая щель*, образуемая двумя *голосовыми связками*. Для того, чтобы звучала гортань, нужно, чтобы обѣ голосовыя связки, были достаточно натянуты и приближены одна къ другой до соприкосновенія или почти до соприкосновенія (что производится особыми группами мышцъ), и тогда выдыхаемый токъ воздуха приведетъ ихъ въ звонкое дрожаніе. При обыкновенномъ спокойномъ дыханіи голосовая щель (дѣйствіемъ нѣкоторыхъ мышцъ) бываетъ открыта и имѣетъ видъ равнобедреннаго треугольника, боковыя стороны котораго, начинаясь одна возлѣ другой впереди гортани, дивергируютъ (расходятся) сзади. Воздухъ въ этомъ случаѣ безъ шума проходитъ черезъ открытую голосовую щель.

Полость глотки лежитъ сзади отъ полости носа и рта. Въ передней стѣнкѣ глотки находятся отверстія: для носовой полости (такъ называемыя хоаны), для полости рта (такъ называемый зѣвъ) и для гортани. Самая нижняя часть глотки, лежащая сзади отъ гортани, быстро съуживается и переходитъ въ каналъ пищепріемника.

Полость носа лежитъ надъ полостью рта, отъ которой отдѣляется твердымъ и мягкимъ небомъ. Мягкое небо, совершая движеніе къ задней стѣнкѣ глотки, является, такъ сказать, привратникомъ или клапаномъ, впускающимъ или же не впускающимъ выдыхаемый воздухъ въ полость носа.

Намъ остается разсмотрѣть еще полость рта. Ощупывая пальцемъ верхнюю стѣнку полости рта, начиная отъ

внутренней поверхности верхнихъ зубовъ, мы достигаемъ прежде всего до маленькой выпуклости, называющейся *альвеолями* верхнихъ зубовъ. За альвеолями слѣдуетъ вогнутое *твердое небо*, которое назадъ простирается на столько же, на сколько оба ряда верхнихъ зубовъ. Какъ только палецъ передвинулся за эту границу, мы чувствуемъ, какъ вмѣсто твердаго неба начинается мягкая, уступающая давленію поверхность. Это — *мягкое небо* или *небная занавѣска*. Мягкое небо по серединѣ продолжается въ такъ называемый *язычекъ*. Разсматривая внутренность раскрытаго рта, мы видимъ остающійся между заднимъ краемъ мягкаго неба и основаніемъ языка промежутокъ, который составляетъ заднее отверстіе полости рта, ведущее въ полость глотки и потому называемое *входомъ въ глотку* или *зѣвомъ*.

Въ полости рта помѣщается *языкъ*, въ которомъ мы различаемъ переднюю, среднюю и заднюю часть и бока. Другимъ органомъ произношенія служатъ *губы*.

§ 11. Прежде чѣмъ разсматривать звуки русскаго языка, мы должны понять *различіе между звуками и буквами*.

Звуки мы *произносимъ*, а буквы *пишемъ* для обозначенія этихъ звуковъ.

Различать звуки и буквы насъ побуждаетъ еще то, что *произношеніе и правописаніе не всегда соотвѣтствуютъ между собой*.

Разсмотримъ для примѣра букву *я*. Буква написана *одна*, а произносится *два* звука: j [1])+а. Въ самомъ дѣлѣ, если мы протянемъ звукъ, который обозначается буквою *я*, то въ концѣ слышится звукъ а, а въ началѣ j : ja.... а. Подобнымъ же образомъ:

---

[1]) j или й.

е = jэ [1])
ё = jo [1])
ю = jу [1])
щ = шч.

Иногда, наоборотъ, двѣ буквы обозначаютъ одинъ звукъ. Такъ, написаніе нъ обозначаетъ одинъ звукъ. Если мы продолжимъ произношеніе этого написанія, то каково произношеніе въ началѣ, таково оно и въ концѣ. Этимъ способомъ мы убѣждаемся въ томъ, что произнесли одинъ звукъ, а не болѣе. Подобнымъ же образомъ обозначаютъ одинъ звукъ соединенія буквъ: нь, рь и т. п.

Буслаевъ говоритъ: „Надобно отличать буквы отъ означаемыхъ ими звуковъ, потому что по большей части мы произносимъ слова не буква въ букву, какъ они писаны. Напримѣръ, говоримъ: *друкъ, што, слушка* . . ., а пишемъ: *другъ, что, служка* . . .“ [2]).

§ 12. Указавши различіе между звуками и буквами, я перехожу къ разсмотрѣнію звуковъ русскаго языка; русское же правописаніе мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

Въ русск. яз. 44 главнѣйшихъ звука, которые въ научно-фонетическомъ письмѣ обозначаются слѣд. буквами: а, æ [3]), е, і, о, у, ы, ф, ф’ [1]), в, в’, п, п’, б, б’, м, м’, с, с’, з, з’, ш, ж, л, л’, р, р’, т, т’, д, д’, ц, ч’, н, н’, j, х, х’, γ, γ’, к, к’ г, г’.

Въ нашъ перечень звуковъ не вошли: *я, е, ё, ю*; но это потому, что буквы эти обозначаютъ сочетаніе согласнаго j съ гласными а, э, о, у.

---

[1]) Особенность представляютъ случаи, когда разсматриваемыя буквы стоятъ послѣ буквы согласнаго звука; но объ этомъ будетъ говориться въ главѣ о правописаніи.

[2]) Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, (1878)[5] § 2.

[3]) Буква æ (или ä) въ ученыхъ изслѣдованіяхъ означаетъ „э широкое“, напр. въ словѣ *пѣть*, буква же е служитъ для обозначенія „узкаго э“, напр. въ словѣ *пѣть*.

[4]) Знакомъ ’ (апострофомъ) обозначается мягкость согласнаго.

Звуки рѣчи дѣлятъ прежде всего на *гласные* (а, æ, є, і, о, у, ы) и *согласные* (остальные).

(1) . . . . . а) *гласные*

б) *согласные.*

§ 13. Сравнимъ произношеніе звуковъ б и п.

При произношеніи того и другаго звука мы замѣчаемъ сходство въ дѣйствіи губъ.

Чѣмъ же обусловливается различіе между разсматриваемыми звуками?

Приложите палецъ къ гортани: при произнесеніи б вы ощущаете дрожаніе гортани, при произнесеніи же п— отсутствіе дрожанія, спокойное состояніе гортани.

Вы не можете произнести громкаго звука б такъ, чтобы при этомъ гортань не дрожала, а находилась въ спокойномъ состояніи. Наоборотъ, звука п нельзя произнести съ дрожаніемъ гортани.

Теперь мы заключаемъ, что различіе между звуками п и б обусловливается разнымъ дѣйствіемъ гортани.

Возьмемъ другой примѣръ. Будемъ произносить звукъ з: мы замѣчаемъ дрожаніе гортани. При произнесеніи звука с замѣчается спокойное состояніе гортани.

Такіе звуки, какъ б, з, называются *звонкими* (по-нѣмецки—tönende), а такіе, какъ п, с, — *глухими* (нѣм. — stumme или tonlose) [1]).

Спрашивается, въ чемъ-же состоитъ разное дѣйствіе гортани при произнесеніи звонкихъ и глухихъ звуковъ? Выяснимъ это различіе на звукахъ з и с. При произнесеніи звука з голосовая щель съужена для звучанія: достаточно натянутыя голосовыя связки касаются или почти касаются одна другой и токъ воздуха приводитъ ихъ въ звонкое дрожаніе; звонкій звукъ голосовыхъ связокъ смѣ-

---

[1]) Вмѣсто этихъ терминовъ встрѣчаются другіе: *мягкіе* и *твердые* (это — переводъ нѣмецкихъ терминовъ: weiche, harte), *звучные* и *отзвучные*. Латинскіе термины: mediae, tenues.

шивается съ шумомъ, образующимся при прохожденіи струи воздуха черезъ съуженіе, произведенное приближеніемъ передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. При произнесеніи **с** гортань не производитъ никакого звука, токъ воздуха безъ шума проходитъ черезъ широко раскрытую голосовую щель, шумъ образуется при прохожденіи струи воздуха чрезъ съуженіе, произведенное приближеніемъ передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

Есть еще другіе способы распознавать звонкіе и глухіе звуки: 1) звонкіе звуки можно пѣть на разные тоны, глухіе же звуки нельзя; 2) вслушиваться, есть ли въ произносимомъ звукѣ звонкость гортани, или же ея нѣтъ.

Изложеніе вопроса о глухихъ и звонкихъ звукахъ могло породить у нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей тѣ или другія недоумѣнія. Замѣчу, что когда въ нашемъ умѣ проходятъ даже самыя легкія, такъ сказать — мимолетныя недоумѣнія, мы не должны ихъ оставлять, но внимательно разсмотрѣть ихъ, такъ какъ именно такимъ путемъ доходятъ до глубокаго знанія и избѣгаютъ заблужденій. Я постараюсь предупредить возможныя затрудненія въ области излагаемаго вопроса.

Нѣкоторымъ могло показаться, что и при произнесеніи такихъ звуковъ, какъ **с**, происходитъ дрожаніе гортани. Это могло произойти отъ того, что вы произнесли эти согласные звуки не отдѣльно, а въ соединеніи съ слѣдующимъ гласнымъ (напр. **па**, **са** и т. п.), при чемъ ошибкою приписали глухимъ согласнымъ дрожаніе гортани, которое въ дѣйствительности принадлежало только слѣдующему гласному. Произнесите теперь глухой звукъ одинъ, безъ слѣдующаго гласнаго, и вы замѣтите спокойное состояніе гортани.

Далѣе, можетъ показаться, что глухо произносятся и звуки **б**, **з**; это, вѣроятно потому, что вы произнесли эти звуки шепотомъ, а не громко.

И такъ, звуки п и с глухіе. Я предлагаю вамъ рѣшить, который изъ этихъ глухихъ звуковъ ближе къ звонкому б (другими словами — болѣе сходенъ съ звонкимъ звукомъ б)? Я думаю, что вы безъ затрудненія рѣшите: къ звуку б звукъ п ближе, нежели звукъ с. Если мы возьмемъ и другіе глухіе звуки (ф, т, ш, ц, ч, х, к), то оказывается, что глухой звукъ п — самый близкій къ звонкому звуку б. Это мы можемъ выразить слѣдующимъ образомъ: звукъ б — звонкій, а звукъ п — *соотвѣтствующій* ему глухой; или: звонкому звуку б соотвѣтствуетъ глухой — п.

Я назову теперь звонкіе звуки и соотвѣтствующіе имъ глухіе: б || п, в || ф, д || т, з || с, ж || ш, г || к, γ [1]) || х. Здѣсь мы видимъ пары согласныхъ звуковъ, состоящія изъ звонкаго согласнаго и соотвѣтствующаго глухаго; поэтому разсмотрѣнные нами соотвѣтствующіе звуки называютъ *парными по звонкости и глухости.*

Здѣсь я сдѣлаю одно педагогическое замѣчаніе, къ которому я пришелъ собственнымъ опытомъ, обучая.

При объясненіи ученикамъ звуковъ русскаго языка, нужно какъ можно лучше выяснить различіе между глухими и звонкими звуками на какомъ-нибудь примѣрѣ, напр. з || с. Затѣмъ учащіеся пусть сами опредѣляютъ остальные звуки со стороны звонкости и глухости. Я увѣренъ, что они, хотя — быть можетъ — и послѣ одной или нѣсколькихъ не вполнѣ удачныхъ попытокъ, сами догадаются, что напр., в — звонкій согласный, а ф — соотвѣтствующій ему глухой и т. д. [2]). Вообще, при преподаваніи нужно стараться, чтобы учащіеся сами додумывались до того, до чего можно дойти своимъ умомъ.

Есть звуки *непарные по звонкости и глухости.* Такъ, звуки ч' и ц произносятся только глухо и не имѣютъ со-

---

[1]) Такъ обозначается въ научныхъ изслѣдованіяхъ звукъ г, произносимый напр. въ словахъ: благо, Господь.

[2]) Подобное же замѣчаніе я встрѣтилъ въ слѣдующемъ трудѣ:

Анастасіевъ А. Изъ чтеній на съѣздѣ учителей начальныхъ училищъ, бывшемъ въ 1882 г. въ Казани, стр. 69.

Институт Литературы

отвѣтствующихъ звонкихъ. Гласные звуки и согласный j произносятся вообще только звонко. Согласные р, л, м, н, называемые *плавными*, тоже произносятся вообще только звонко.

Научившись различать звонкіе и глухіе звуки, мы уже можемъ приложить къ дѣлу свое небольшое знаніе.

Если въ словѣ передъ гласнымъ звукомъ произносится звонкій согласный, то если согласный очутится въ концѣ слова, произносится соотвѣтствующій глухой согласный, напр.: раба || рап, боба || боп, лба || лоп, рва || роф, плода || плот, года || гот, рода || рот, воза || вос, раза || рас, ножа || нош, стога || сток и т. п. Правда, что въ такихъ случаяхъ въ концѣ слова пишется по правописанію буква звонкаго согласнаго (напр. рабъ, бобъ, лобъ, ровъ, плодъ, годъ, родъ, возъ, разъ, ножъ, стогъ), но произносится соотвѣтствующій глухой согласный.

Исключеніе отсюда составляютъ плавные согласные и согласный j, которые въ концѣ словъ послѣ гласныхъ произносятся звонко, напр. дар, дал, дам, дан, дај.

Далѣе, своимъ небольшимъ знаніемъ мы можемъ воспользоваться для уясненія себѣ другаго явленія русскаго языка.

Разсмотримъ слово „съ гору“. Въ этомъ словѣ въ началѣ произносится звукъ з, а не с, такъ что фонетически (согласно съ произношеніемъ) мы должны написать разсматриваемое слово: „згóру“. Передъ звукомъ г мы произносимъ вмѣсто звука с звукъ з. Легко замѣтить, что г — звонкій согласный, з — тоже, с — глухой. Значитъ, передъ звонкимъ согласнымъ г мы произносимъ вмѣсто глухаго согласнаго с соотвѣтствующій звонкій согласный. Произношеніе предшествующаго согласнаго уподобилось послѣдующему согласному. Такое явленіе называютъ *уподобленіемъ* или *ассимиляціей*.

Возьмемъ другой примѣръ: „въ томъ“ — это по правописанію, фонетически же — „фтóм“. Передъ глухимъ согласнымъ т мы произносимъ вмѣсто звонкаго согласнаго в

соотвѣтствующій ему глухой (ф). Здѣсь мы имѣемъ опять случай ассимиляціи.

И такъ, мы ознакомились съ явленіемъ уподобленія или ассимиляціи согласныхъ звуковъ по дѣйствію гортани.

Если станемъ наблюдать *ослышки*, то легко подмѣтимъ, что вмѣсто звонкаго согласнаго можетъ послышаться соотвѣтствующій ему глухой, и наоборотъ; напр. вмѣсто Гора послышалось Кора, вм. дочка — точка, вм. дрова — трава; вм. купальню — баню [1]).

(2) . . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *голосовая щель съужена для звучанія*;

б) звуки, при произнесеніи которыхъ *голосовая щель расширена.*

§ 14. Сравнимъ произношеніе звуковъ б и м, д и н (б || м, д || н). При произнесеніи звуковъ б и м сжимаются губы. Однако мы замѣчаемъ разницу въ нашихъ звукахъ: звукъ м имѣетъ носовый оттѣнокъ, а звукъ б не имѣетъ такого оттѣнка. Поэтому звукъ м называютъ *носовымъ*, а звукъ б — *не-носовымъ* или *чистымъ*. При произнесеніи звуковъ д и н языкъ своею передней частью прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. Но звукъ д — чистый, не-носовый, а звукъ н — *соотвѣтствующій* ему носовой; подобнымъ образомъ чистому (не-носовому) звуку б соотвѣтствуетъ носовой м.

Произношеніе звуковъ носовое или же не-носовое (чистое) обусловливается дѣйствіемъ мягкаго неба; мягкое небо, совершая артикуляціи къ задней стѣнкѣ глотки, или впускаетъ выдыхаемый воздухъ въ полость носа, или же отражаетъ его въ полость рта.

Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ д

---

[1]) Довольно большая ослышка.

уподобляется слѣдующему **н**: ланно (т. е. ладно), стынно, сконно и т. п. [1]).

Сходствомъ звуковъ **м** и **н** (оба они имѣютъ носовой оттѣнокъ) объясняются такія *ослышки*, какъ: вмѣсто франц. „**a**m**i**“ послышалось „о**ни**“.

(3) . . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *мягкое небо*, вслѣдствіе своего поднятія, бываетъ *приближено или прижато къ задней стѣнкѣ глотки* (звуки чистые или не-носовые).

б) звуки, при произнесеніи которыхъ *мягкое небо опущено* (звуки носовые).

§ 15. Наблюдая произношеніе звуковъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что они произносятся при разной *ширинѣ раствора рта* или, другими словами, при разной *степени осажденія* (опущенія) *нижней челюсти*.

Звукъ **а** произносится при *широкомъ* растворѣ рта (при *большомъ* осажденіи нижней челюсти); звуки **о**, **æ**, **є** — при *среднемъ* растворѣ рта (при *среднемъ* осажденіи нижней челюсти), при чемъ растворъ рта для **є** нѣсколько у̊же, чѣмъ для **æ**; остальные же звуки (т. е. гласные **у**, **і**, **ы** и всѣ согласные)—при узкомъ растворѣ рта (иначе говоря, при маломъ или незначительномъ осажденіи нижней челюсти).

(4) . . . . . а) звуки, произносимые при *широкомъ растворѣ рта*;

б) звуки, произносимые при *среднемъ* растворѣ рта;

в) звуки, произносимые при *узкомъ* растворѣ рта.

---

[1]) См. Потебня Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 91.

§ 16. Перехожу къ разсмотрѣнію дѣйствія *органовъ произношенія* при выговариваніи разныхъ звуковъ.

Прежде всего разсмотримъ дѣйствіе *губъ*.

При произнесеніи звуковъ **б**, **п** и **м** губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ.

При произнесеніи звуковъ **в** и **ф** дѣйствіе происходитъ не между обѣими губами, но нижняя губа верхней частью внутренней своей поверхности приближается къ верхнимъ зубамъ, слегка касаясь ихъ.

При произнесеніи **о** и **у** дѣйствіе происходитъ между обѣими губами; но оно отличается отъ дѣйствія губъ при произнесеніи звуковъ **б**, **п** и **м**: при произнесеніи **о** и **у** углы губъ нѣсколько приближаются одинъ къ другому, губы выдвигаются впередъ, у угловъ касаются одна другой, по серединѣ же образуютъ отверстіе, имѣющее видъ закругленно-угольчатаго и растянутаго въ стороны пятиугольника (при **у** углы губъ сближены болѣе, чѣмъ при **о**; вмѣстѣ съ тѣмъ при **у** губы болѣе выдвинуты впередъ и по краямъ на большемъ протяженіи касаются одна другой; потому отверстіе при произнесеніи **у** меньше, чѣмъ при **о**).

При произнесеніи остальныхъ звуковъ губы не работаютъ, но находятся въ спокойномъ или, какъ говорятъ, индифферентномъ (безразличномъ) положеніи, при чемъ онѣ слегка открыты, такъ что не могутъ служить преградой выдыхаемому воздуху. Большее осажденіе нижней челюсти обусловливаетъ, естественно, и большее удаленіе губъ, такъ что при звукахъ **æ** и **є** удаленіе губъ — среднее (при этомъ, для **є** губы удаляются одна отъ другой нѣсколько меньше, нежели для **æ**), а при произнесеніи **а** разстояніе между губами еще болѣе значительно.

Обращаюсь къ разсмотрѣнію дѣйствія *языка* относительно неба.

Разсмотримъ прежде всего дѣйствіе *передней* части языка, совершаемое относительно передней части неба [1]).

[1]) Относительно обозначеній: „передняя часть неба и языка“, „заднее небо и задняя часть языка“—см. Грот Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 44.

При произнесеніи звуковъ т, д и н языкъ передней своей частью прижимается, а при произнесеніи звуковъ с и з приближается къ *верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ* (звукъ ц представляетъ слитное произношеніе звуковъ т͡с). Такое дѣйствіе передней части языка мы можемъ назвать *зубнымъ*.

При произнесеніи звуковъ ш, ж и р языкъ передней своей частью дѣйствуетъ относительно неба дальше отъ верхнихъ зубовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и выше), нежели при звукахъ с и з: языкъ при произношеніи ш, ж и р дѣйствуетъ относительно той части твердаго неба, которая называется *альвеолями верхнихъ зубовъ*. Поэтому разсматриваемое дѣйствіе передней части языка мы можемъ назвать *альвеолярнымъ*.

Слѣдующій опытъ убѣдитъ насъ въ справедливости сказаннаго о произношеніи ш, ж и р. Попробуемъ постепенно перейти отъ произнесенія звука с къ звуку ш; мы замѣчаемъ при этомъ, какъ конецъ языка постепенно отодвигается болѣе кзади. Будемъ теперь прозносить звукъ ш и постепенно перейдемъ къ произношенію звука с; легко замѣтить при этомъ, что конецъ языка болѣе и болѣе приближается къ верхнимъ зубамъ. Что мы сказали о звукахъ ш и с, то же слѣдуетъ сказать и о звукахъ ж и з. При произношеніи р передняя часть языка дѣйствуетъ относительно той же части твердаго неба, какъ и при произношеніи ш и ж.

Сказанное о различіи произношенія звуковъ ш и с, ж и з можетъ имѣть *практическое примѣненіе*. Случается, что нѣкоторые, по видимому, не могутъ произносить звуковъ с и з, вмѣсто которыхъ они произносятъ ш и ж; зная же, въ чемъ состоитъ переходъ отъ звуковъ ш и ж къ звукамъ с и з, можно научить ихъ произношенію этихъ послѣднихъ звуковъ.

По впечатлѣнію или эффекту, производимому на слухъ, согласные с и з называются *свистящими*, ш и ж — *шипящими*.

Если вмѣсто „съ шапкой“ произносятъ „шшапкой“, то въ этомъ вы легко усмотрите явленіе *ассимиляціи.*

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію произношенія звука л.

При произнесеніи звука л передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ (какъ при звукахъ т, д, н), но кромѣ того бока языка нѣсколько опускаются, такъ что воздухъ проходитъ между боками языка и верхними боковыми зубами. Поэтому дѣйствіе языка при произнесеніи звука л точнѣе было бы назвать *передне-боковымъ* вмѣсто обычнаго названія „боковое“.

При произнесеніи звука j языкъ приближается къ небу *средней* своей частью. При произнесеніи звука і приближеніе средней части языка къ небу менѣе значительно, чѣмъ при j; оно еще менѣе значительно для ɛ и еще менѣе—для æ. Бо́льшая удаленность средней части языка отъ неба при произнесеніи æ и ɛ, кажется, находится въ связи съ бо́льшимъ осажденіемъ нижней челюсти.

Намъ остается разсмотрѣть дѣйствіе *задней* части языка относительно задняго неба.

При произнесеніи звуковъ о и у происходитъ приближеніе задней части языка къ небу, при чемъ конецъ языка значительно удаляется отъ нижнихъ зубовъ; при о приближеніе задней части языка къ небу менѣе значительно, чѣмъ при у, что̀ (такъ же, какъ и большее губное отверстіе при о) соотвѣтствуетъ бо́льшему осажденію нижней челюсти при произнесеніи о.

При произнесеніи звука ы тоже приближается къ небу задняя часть языка, но болѣе впереди въ сравненіи съ звуками о и у, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ языка меньше удаленъ отъ нижнихъ зубовъ. Дѣйствіе задней части языка при о и у мы можемъ назвать *болѣе глубокимъ*, а при ы — *менѣе глубокимъ*. Если въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ приближеніе задней части языка къ небу для ы, это приближеніе будетъ большее, то получаются звуки γ (звонкій) и х (глухой); если же въ этомъ мѣстѣ происходитъ прижатіе задней части языка къ небу,

то могутъ быть произнесены звуки **г** и **к**. При менѣе глубокомъ дѣйствіи задней части языка губы находятся въ индифферентномъ положеніи, полуоткрыты.

Что касается остальныхъ звуковъ (**п**, **б**, **м**, **в**, **ф**), то при произношеніи ихъ языкъ находится въ индифферентномъ положеніи.

(5) . . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуютъ губы, языкъ же находится въ индифферентномъ положеніи:*

α) звуки, при произнесеніи которыхъ губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ [1]);

β) звуки, при произнесеніи которыхъ нижняя губа дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ [2]).

б) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуетъ языкъ, губы же находятся въ индифферентномъ положеніи,* — „язычно-небные или язычные“:

α) *передніе* { 1. *зубные* [3]) 2. *альвеолярные* [4])

β) *передне-боковые* или *боковые* [5])

γ) *средніе* [6])

δ) *задніе, менѣе глубокіе* [7]).

в) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуютъ губы и задняя часть языка*: углы губъ нѣсколько приближаются одинъ къ другому, губы выдвигаются впередъ, у угловъ касаются од-

---

[1]) **п**, **б**, **м**; [2]) **ф**, **в**; [3]) **т**, **д**, **н**, **с**, **з**, **ц**; [4]) **ш**, **ж**, **р**; [5]) **л**; [6]) j, i, ɛ, æ; [7]) **ы**, **х**, γ, **к**, **г** (согласные **х**, γ, **к**, **г** обыкновенно называютъ *задне-язычными*; а нѣкоторые называютъ ихъ *гортанными*, смѣшивая такимъ образомъ дѣйствіе задней части языка съ дѣйствіемъ гортани).

на другой, по серединѣ же образуютъ отверстіе; вмѣстѣ съ этимъ происходитъ болѣе глубокое дѣйствіе задней части языка [8]);

г) звуки, при произнесеніи которыхъ *и губы, и языкъ находятся въ индифферентномъ положеніи* [9]).

§ 17. Перехожу къ раздѣленію звуковъ на *твердые* и *мягкіе* [1]). Въ правописаніи твердость согласнаго въ концѣ слова обозначается буквою *ъ*, а мягкость буквою *ь*; въ ученыхъ изслѣдованіяхъ твердый согласный обозначается просто буквою этого согласнаго, мягкость же согласнаго обозначается знакомъ ', напр. м (твердое **м**, **мъ**), м' (мягкое **м**, **мь**).

Въ чемъ же состоитъ различіе произношенія твердыхъ и мягкихъ согласныкъ? Для рѣшенія этого вопроса мы сдѣлаемъ нѣсколько опытовъ.

Будемъ произносить м (твердое **м**) и перейдемъ постепенно къ произнесенію м' (мягкаго **м**). Мы замѣчаемъ при этомъ, что при произнесеніи **м** языкъ находится въ спокойномъ положеніи, не совершаетъ никакого движенія, при постепенномъ же переходѣ къ **м'** онъ постепенно приближается къ небу своей средней частью. Наоборотъ, при переходѣ отъ произношенія м' къ произношенію **м**, можно замѣтить, что языкъ вначалѣ приближенъ къ небу своей средней частью, а затѣмъ постепенно опускается и переходитъ въ спокойное положеніе.

Мы разсмотрѣли твердое и мягкое произношеніе губнаго согласнаго; теперь разсмотримъ такое же произношеніе согласныхъ язычно-небныхъ.

Будемъ произносить н (твердое **н**) и постепенно пе-

---

[8]) о, у; [9]) а.

[1]) Въ нѣкоторыхъ грамматическихъ сочиненіяхъ встрѣчаются названія: *дебелые* и *тонкіе*.

рейдемъ къ произнесенію н' (мягкое н). При произнесеніи н передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ; съ переходомъ же къ н' прижимается къ небу болѣе средняя часть языка, между тѣмъ какъ болѣе передняя часть опускается отъ верхнихъ зубовъ и прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ. Пусть теперь читатель самъ попропуетъ наблюсти обратный переходъ отъ произношенія н' къ произношенію н.

Ср. также произношеніе звуковъ с || с'.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію твердаго и мягкаго произношенія согласныхъ язычно-небныхъ заднихъ, напр. х || х'. Для произнесенія х происходитъ менѣе глубокое приближеніе къ небу задней части языка, при чемъ конецъ языка удаленъ отъ нижнихъ зубовъ; при постепенномъ же переходѣ къ х' приближается къ небу соотвѣтственно болѣе средняя часть языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ языка приближается къ нижнимъ зубамъ. Если же мы отъ произнесенія х' будемъ переходить снова къ х, то замѣтимъ, что приближеніе средней части языка къ небу постепенно смѣняется приближеніемъ къ небу болѣе задней части языка, при чемъ конецъ языка удаляется отъ нижнихъ зубовъ.

Если мы сравнимъ произношеніе, напр., согласнаго с съ произношеніемъ с' и ф', то легко замѣтимъ, что звуки с и с' ближе между собою, нежели с и ф'. Въ самомъ дѣлѣ, согласные с и с' оба язычно-небные, между тѣмъ какъ ф' — согласный губной. Сравнимъ произношеніе с съ произношеніемъ с' и х': правда, всѣ три звука язычно-небные; но изъ нихъ с и с' — передніе, а х' — задній; значитъ, къ твердому с ближе с', нежели х'. Да вообще, изъ всѣхъ мягкихъ согласныхъ согласный с' является самымъ близкимъ къ с; это мы выражаемъ слѣдующимъ образомъ: твердому согласному с *соотвѣтствуетъ* мягкій с'.

И такъ, согласные представляютъ *пары* по твердости и мягкости: п || п', б || б', м || м', ф || ф', в || в', т || т', д || д', н || н', с || с', з || з', р || р', л || л', к || к', г || г', х || х', γ || γ'.

Нѣкоторые согласные являются *непарными* по твердости и мягкости; они произносятся или только твердо или только мягко. Такъ, согласные **ш**, **ж** и **ц** произносятся только твердо; согласные **ч'** и **j** произносятся только мягко.

Согласно съ правописаніемъ мы напишемъ „свѣтъ“, фонетически же — с'в'ѣт. Въ этомъ словѣ подъ вліяніемъ мягкаго **в'** и предшествующій согласный **с** сталъ произноситься тоже мягко (ассимиляція по мягкости).

(6) . . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуютъ губы и средняя часть языка:*

α) звуки, при произнесеніи которыхъ прижимаются губы одна къ другой по всей своей длинѣ одновременно съ приближеніемъ къ небу средней части языка [1]);

β) звуки, при произнесеніи которыхъ нижняя губа дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ одновременно съ приближеніемъ къ небу средней части языка [2]).

б) звуки, при произнесеніи которыхъ происходитъ *приближеніе къ небу болѣе или менѣе средней части языка, губы же находятся въ индифферентномъ положеніи:*

α) звуки, при произнесеніи которыхъ языкъ прижимается или приближается къ небу средне-передней частью, самая же передняя часть языка опускается отъ верхнихъ зубовъ и прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ [3]);

β) звуки, при произнесеніи которыхъ одновременно съ прижатіемъ къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ передней части языка и приближеніемъ къ небу средней части нѣсколько опускаются края языка [4]);

---

[1]) **п'**, **б'**, **м'**; [2]) **ф'**, **в'**; [3]) **т'**, **д'**, **н'**, **с'**, **з'** [4]) **л'**.

γ) звуки, при произнесеніи которыхъ языкъ прижимается или приближается къ небу своей средне-задней частью, конецъ же языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ [5]).

Изъ изложеннаго видно, что „мягкость“ звуковъ обусловливается приближеніемъ къ небу средней части языка. Поэтому къ мягкимъ должно отнести также звуки язычно-небные средніе (т. е. j, i, є, æ).

§ 18. Сравнимъ произношеніе звуковъ т и с. Для произнесенія звука т передняя часть языка *прижимается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, а для произнесенія звука с только *приближается* къ нимъ. При произнесеніи звука т происходитъ, такъ сказать, взрывъ воздуха, напиравшаго на сжатіе между языкомъ и небомъ; при произнесеніи же звука с воздухъ выдувается (продувается) черезъ съуженіе между языкомъ и небомъ. Отсюда, такіе согласные, какъ т, называются *взрывными*, а такіе, какъ с, — *придувными*. Изъ сказаннаго можно усмотрѣть, что различіе согласныхъ т и с сводится къ различному способу произношенія (прижатіе, или же только приближеніе органа рѣчи).

На произношеніе звуковъ т и с мы можемъ взглянуть съ другой точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія *времени*. Звукъ т слышится лишь въ моментъ взрыва, а звукъ с все время, пока черезъ съуженіе выдувается воздухъ. Поэтому взрывные согласные называются также *мгновенными*, а придувные — *длительными*.

Если мы станемъ сравнивать произношеніе звука т съ произношеніемъ звуковъ с и х, то легко усмотримъ, что къ согласному т согласный с ближе, нежели х: согласные т и с оба — язычно-небные передніе, а х — язычно-небный задній. Если бы мы стали сравнивать съ звукомъ т не только придувные с и х, но и всѣ другіе при-

---

[5]) к', г', х', γ'.

дувные, то легко замѣтили бы, что изъ всѣхъ придувныхъ согласныхъ придувной с — самый близкій къ взрывному т. Мы можемъ сказать, что взрывному (мгновенному) согласному т *соотвѣтствуетъ* придувной (длительный) с. Подобнымъ же образомъ, взрывному д соотвѣтствуетъ придувной з, взрывному к—придувной х, взрывному г—придувной γ. Кромѣ указанныхъ, къ разряду придувныхъ согласныхъ принадлежатъ также: ф, в; ш, ж; j.

Разсмотримъ слѣдующее явленіе: пишутъ согласно съ правописаніемъ—„кто", а произносятъ—„хто". Согласные к и т оба взрывные; взрывному к соотвѣтствуетъ придувной х. Значитъ, передъ взрывнымъ согласнымъ т произносятъ вмѣсто взрывнаго к соотвѣтствующій придувной. Вмѣсто взрывнаго + взрывной произносятъ придувной + взрывной. Такое явленіе называютъ *расподобленіемъ* или *диссимиляціей*.

Другіе примѣры: коγда вмѣсто когда, што вм. что, мести вм. метти, вести вм. ведти.

При произнесеніи звука р мы замѣчаемъ дрожаніе передней части языка; звукъ этотъ называютъ *дрожащимъ*.

Подобное дрожаніе можетъ производиться также задней частью языка (картавое р) и на губахъ (звукъ, которымъ останавливаютъ лошадей).

И такъ, по *способу произношенія* согласные звуки раздѣляются на взрывные, придувные и дрожащіе.

Будемъ теперь производить опыты надъ усиленіемъ произношенія гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Эти опыты помогутъ намъ раскрыть существенное различіе между тою и другою категоріею звуковъ.

Для произнесенія согласнаго с передняя часть языка приближается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

При болѣе сильномъ произношеніи нашего звука мы замѣчаемъ, что выдыханіе становится сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближеніе передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ—болѣе энергичнымъ, такъ же какъ и приближеніе нижней челюсти къ верхней.

Для произнесенія согласнаго т языкъ переднею частью прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

Будемъ произносить т, надувая воздухомъ полость рта съ каждымъ разомъ болѣе сильно. Сопротивленіе языка напирающему воздуху становится также болѣе сильнымъ, языкъ съ большею силою прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ; нижняя челюсть энергичнѣе приближается къ верхней.

И такъ, при усиленіи произношенія согласныхъ звуковъ приближеніе или прижатіе органа произношенія становится болѣе энергичнымъ, равно какъ и приближеніе нижней челюсти къ верхней (вообще съуженность увеличивается).

Мы уже знаемъ положеніе органовъ произношенія при произнесеніи гласнаго о.

При усиленіи произношенія этого звука растворъ рта становится шире (другими словами—энергичнѣе осаждается нижняя челюсть), а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается степень приближенія органовъ произношенія (вообще, при усиленіи произношенія гласныхъ увеличивается открытость).

И такъ, желая охарактеризовать согласные и гласные звуки, мы можемъ назвать первые — *съуженными*, а вторые—*открытыми*.

Указанное мною анатомо-физіологическое различіе между гласными и согласными подтверждается исторіею звуковыхъ измѣненій (ср. со́н, д'е́н' || нѣм. Mutter).

Открытые звуки, по степени приближенія органовъ произношенія, раздѣляются на *широкіе* (а), *средніе* (æ, е, о) и *узкіе* (і, у, ы). Степень приближенности органовъ произношенія, какъ мы видѣли (§ 16), находится въ связи со степенью ширины раствора рта.

(7) . . . . . а) *открытые* { *α. широкіе* / *β. средніе* / *γ. узкіе*

АНАТОМО-ФИЗІОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Уложеніе гортани		Положеніе мягкаго неба		Степень сеазженія нижней челюсти (ширина раствора рта)	Положеніе губъ				Положеніе языка										ПРИМѢЧАНІЯ
Голосовая щель расширена	Голосовая щель сужена для звучанія	Мягкое небо приподнято	Мягкое небо опущено		Губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ	Нижняя губа приближается къ верхнимъ зубамъ.	Углы губъ приближаются одинъ къ другому, губы выдвигаются впередъ, но не касаются одна другой, но серединѣ образуетъ съуженіе	Губы находятся въ индифферентномъ положеніи	Передняя часть языка дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ и ихъ десенъ	Передняя часть языка дѣйствуетъ относительно альвеолъ верхнихъ зубовъ	Бока языка нѣсколько опущены	Средне - передняя часть языка дѣйствуетъ относительно неба (конецъ языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ).	Средняя часть языка приближается къ небу (а конецъ языка — къ нижнимъ зубамъ).	Средне-задняя часть языка дѣйствуетъ относительно неба (конецъ языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ).	Мягко губное дѣйствіе задней части языка (конецъ языка удаленъ отъ нижнихъ зубовъ).	Болѣе глубокое дѣйствіе задней части языка	Языкъ находится въ индифферентномъ положеніи	
	а	+		ш.				+										+	Въ первыхъ двухъ вертикальныхъ столбцахъ съ лѣвой стороны этой таблицы помѣщенъ перечень звуковъ русскаго языка, при чемъ въ первомъ столбцѣ указаны звуки, при произнесеніи которыхъ голосовая щель расширена (т. е. глухіе), а во второмъ — звуки, при произнесеніи которыхъ голосовая щель съужена для звучанія (т. е. звонкіе). Въ верху таблицы имѣется перечень работъ, происходящихъ при произношеніи. Если при произнесеніи какого - нибудь звука совершается извѣстная работа, то въ соотвѣтствующей клѣткѣ помѣщено ея обозначеніе, если же не совершается, то клѣтка пустая. Знаки $>$, $\gtrdot$, $\frown$ служатъ для обозначенія произношенія съуженныхъ звуковъ, при чемъ первый знакъ обозначаетъ произношеніе взрывное, второй — придувное, третій — дрожащее. Знакъ $<$ обозначаетъ открытое произношеніе, а такъ какъ открытость можетъ быть широкая, средняя и узкая, то для обозначенія этого употреблены сокращенія: ш., с., у. Въ другихъ случаяхъ работы отмѣчены знакомъ +, который, кромѣ того, обозначаетъ индифферентное положеніе губъ или языка.
	о	+		с.			$<$ с.										$<$ с.		
	у	+		у.			$<$ у.										$<$ у.		
	æ	+		с.				+					$<$ с.						
	е	+		с. (нѣсколько уже, чѣмъ при æ)				+					$<$ с. (нѣсколько ближе, чѣмъ при æ)						
	і	+		у.				+					$<$ у.						
	ы	+		у.				+							$<$ у.				
ф	в	+		у.		$>$												+	
ф'	в'	+		у.		$>$							+						
п	б	+		у.	$>$													+	
п'	б'	+		у.	$>$								+						
	м		+	у.	$>$													+	
	м'		+	у.	$>$								+						
с	з	+		у.				+	$>$										
с'	з'	+		у.				+				$>$							
т	д	+		у.				+	$>$										
т'	д'	+		у.				+				$>$							
	н		+	у.	_			+	$>$										
	н'		+	у.				+				$>$							
ц		+		у.				+	$>$ (слитное $\widehat{\text{тс}}$)										
	л	+		у.				+	$>$		+								
	л'	+		у.				+	$>$		+		+						
ш	ж	+		у.				+		$>$									
	р	+		у.				+		$\frown$									
	р'	+		у.				+	$\frown$				+						
ч'		+		у.				+				$>$ (слитное $\widehat{\text{тш}}$)							
	j	+		у.				+					$>$						
х	γ	+		у.				+								$>$			
х'	γ'	+		у.				+						$>$					
к	г	+		у.				+								$>$			
к'	г'	+		у.				+						$>$					

а) *съуженные* { *α. взрывные*, *β. придувные*, *γ. дрожащіе.*

§ 19. Физіологія звуковъ русскаго языка представляетъ широкое поприще для болѣе тонкихъ наблюденій надъ произношеніемъ. Въ настоящее же время нѣкоторые даже элементарные вопросы по физіологіи русскаго произношенія не разрѣшены еще окончательно. Напр.:

1) Существуютъ ли въ русскомъ языкѣ двоегласные и троегласные звуки?

Ломоносовъ учитъ слѣдующимъ образомъ. Изъ гласныхъ звуковъ составляются *двоегласные* и *троегласные.* Двоегласные онъ раздѣляетъ на *явственные* и *потаенные.* Явственные образуются изъ двухъ гласныхъ звуковъ, изъ которыхъ послѣдній есть всегда краткое **и**, и изображаются дѣйствительно двумя начертаніями, напр.: р*ай*, *людей*, строен*ій*, поко*й*, лику*й*, святы*й*, имѣ*й*, исполня*й*, плю*й*. Потаенные двугласные образуются изъ двухъ гласныхъ звуковъ, изъ которыхъ впереди слышно краткое **и**, сливающееся со слѣдующимъ гласнымъ звукомъ, который полнымъ выговоромъ произносится; изображаются же они не двумя начертаніями, но однимъ, почему и могутъ быть названы потаенными; напр.: *е*динъ, *я*вно, *ю*ность. При этомъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что буквы *е*, *я*, *ю* только тогда обозначаютъ двоегласные звуки, когда не стоитъ передъ ними начертаніе согласнаго звука; когда же имѣютъ передъ собою начертаніе согласнаго звука, тогда обозначаютъ чистые гласные звуки, напр.: сер*д*це, лю*б*лю, зем*л*я. Троегласные звуки образуются изъ двоегласныхъ, за которыми слѣдуетъ краткое **и**, напр. мое*й*, вою*й*, присво*ял* [1]).

---

[1]) См. Россійская грамматика Михайла Ломоносова §§ 91—93 (Сочиненія Ломоносова т. III. Изданіе Александра Смирдина (1847) стр. 285—286).

Гротъ учитъ согласно съ Ломоносовымъ. Двоегласный звукъ Гротъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: двоегласнымъ звукомъ или дифтонгомъ называется соединеніе двухъ гласныхъ, непосредственно одинъ за другимъ произносимыхъ такимъ образомъ, что они вмѣстѣ составляютъ одинъ только слогъ, при чемъ одинъ изъ гласныхъ, съ удареніемъ, есть главный, а другой, произносимый быстрѣе,—второстепенный. Смотря по мѣсту главнаго звука, дифтонги раздѣляются на *восходящіе* (йа, йэ, йо, йу) и *нисходящіе* (ай, эй, ой и проч.). Восходящій дифтонгъ можетъ соединиться съ нисходящимъ, и тогда образуется *троегласный* звукъ или трифтонгъ; таковы сочетанія: йэй, йай, йой, йуй. [1])

Бетлингъ принимаетъ двугласные звуки только въ такихъ условіяхъ, какъ: абычаі, шеіка, двоіка, дуі. Здѣсь двугласные звуки представляютъ сложеніе а, е, о, у съ гласнымъ звукомъ і. Въ такихъ условіяхъ, какъ — абычаја, шеја, двојæ, дујy, т. е. передъ слѣдующимъ гласнымъ звукомъ, имѣется согласный j:

абычаі || абычаја
шеіка || шеја
двоіка || двојæ
дуі || дујy [1]).

2) Есть ли й (j) согласный звукъ, или же гласный? Вотъ что говоритъ Гротъ по этому вопросу: „что касается до натуры звука й (jot), то большинство филологовъ причисляетъ его къ разряду согласныхъ, но, по моему убѣжденію, ошибочно: й есть не что иное, какъ и, такъ быстро произнесенный, что онъ уже не составляетъ особеннаго слога, а входитъ въ составъ того, который об-

---

[1]) Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 28, 28.

[2]) Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ (Уч. Зап. Имп. Ак. Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ (1852) стр. 66—71).

разуется другою гласной, будетъ ли она впереди, или послѣ **и**. Такимъ образомъ **й** есть явно — укороченный **и**, звукъ, который долженъ быть признанъ за *небный полугласный*, точно такъ, какъ у Англичанъ w есть *губной полугласный* звукъ“ [1]). Легко видѣть, что воззрѣніе Грота на природу звука **й** находится въ связи съ его ученіемъ о дифтонгахъ и трифтонгахъ въ русскомъ языкѣ.

4) Различается ли произношеніе γ’ и j въ русскомъ языкѣ? Ср. о бо́γ’æ || о бо́jæ.

4) Дѣйствительно ли: „буква *и* только въ мѣстоименіяхъ *имъ*, *ихъ*, *ими*, и послѣ *ь*, напр. *чьи*, *статьи*, произносится двоегласно: *йимъ*, *йихъ*, *йими*, *статьйи*; во всѣхъ другихъ случаяхъ чисто“ [2])?

§ 20. Когда мы произносимъ *отдѣльно* какой-нибудь звукъ, то соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата изъ спокойнаго или индифферентнаго положенія переходятъ въ положеніе нужное для произношенія этого звука (*экскурсируютъ* или выходятъ на работу), совершивши же требующееся движеніе, возвращаются въ индифферентное положеніе (*рекурсируютъ* или, возвращаются съ работы).

Если мы знаемъ, какъ звуки произносятся въ отдѣльности, это еще не значитъ, что мы знаемъ, какъ произносятся звуки въ *сочетаніяхъ*. Въ физіологіи звуковъ сначала разсматриваются звуки въ отдѣльности (die Einzellaute), а затѣмъ слѣдуетъ ученіе о сочетаніи звуковъ (Combinationslehre).

Разсмотримъ сначала произношеніе такихъ сочетаній, которыя состоятъ изъ двухъ *одинаковыхъ* звуковъ.

---

[1]) **Спорные вопросы русскаго правописанія** (1876)[2] стр. 29.

[2]) **Востоковъ Русская грамматика, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная**, (1850)[10] § 161 пунктъ 1.

Возьмемъ для примѣра произношеніе сочетанія т+т въ словѣ „оттуда".

Мы знаемъ, что при произнесеніи каждаго звука происходитъ не одна работа, а цѣлая группа работъ; при произношеніи участвуютъ:

1) *дыхательный аппаратъ;*
2) *гортань;*
3) *мягкое небо;*
4) *нижняя челюсть;*
5) *органы произношенія.*

Для слѣдующаго т нужны тѣ же самыя работы, какія требуются для произнесенія предшествующаго т. Соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата, принявъ положеніе, нужное для произнесенія перваго т, не возвращаются затѣмъ въ индифферентное положеніе, но сохраняютъ принятое ими уложеніе не потревоженнымъ для произнесенія слѣдующаго т. Легко, напримѣръ, замѣтить, что при первомъ т не происходитъ возвращенія языка въ индифферентное положеніе, но уложеніе языка продолжается не потревоженнымъ для слѣдующаго т (такое произношеніе называютъ *долгимъ*).

Между тѣмъ въ общеупотребительномъ письмѣ такая связность произношенія не обозначается; если не имѣть въ виду этой оговорки, то письмо можетъ ввести въ заблужденіе: можно привыкнуть къ мысли, что звуки, образуя извѣстное сочетаніе, совершенно такъ же произносятся, какъ въ отдѣльности. Для обозначенія связности произношенія двухъ одинаковыхъ звуковъ можно воспользоваться музыкальнымъ знакомъ ⁀, показывающимъ, что слѣдующая нота, одинаковая съ предшествующею, не берется отдѣльно, а является только продолженіемъ (сохраненіемъ) предшествующей ноты; напр. от⁀туда [1]).

---

[1]) О долгихъ согласныхъ Гротъ замѣчаетъ, что въ такихъ случаяхъ, какъ *труппа, масса, ванна*, раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву (Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 249).

Мы разсмотрѣли произношеніе сочетанія т͡т въ словѣ „оттуда“ съ точки зрѣнія *анатомо-физіологической*; взглянемъ на произношеніе разсматриваемаго сочетанія со стороны *слуховыхъ ощущеній*.

При первомъ т не происходитъ возвращенія языка въ индифферентное положеніе, а потому не происходитъ и взрыва, а слѣдовательно и звука. Взрывъ и звукъ происходятъ при второмъ т. Чувствомъ слуха мы замѣчаемъ, что звукъ долгаго или двойнаго т сильнѣе, нежели звукъ простаго т. Какъ объяснить себѣ бо́льшую силу звука при произнесеніи долгаго т? Мы знаемъ, что для произнесенія т передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. Полость рта надувается воздухомъ, который становится по мѣрѣ надуванія болѣе и болѣе плотнымъ. Съ увеличеніемъ напора воздуха усиливается соотвѣтственно и прижатіе языка, что̀ мы замѣчаемъ посредствомъ мускульнаго чувства въ послѣднемъ. Взрывъ производится тѣмъ, что напряженіе языка начинаетъ разслабляться, вслѣдствіе чего воздухъ тотчасъ же вырывается и происходитъ звукъ т. Очевидно, что чѣмъ продолжительнѣе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, прижатіе органа, тѣмъ сильнѣе должны быть взрывъ и звукъ.

Пусть читатель разсмотритъ также произношеніе п͡п, напр. въ словѣ „группа“.

Мнѣ кажется, что долгій или сильный взрывной согласный можетъ быть произнесенъ и въ началѣ слова, напр. к͡кому (обыкновенно же произносятъ хкому, т. е. „къ кому“).

Наблюдая долгое произношеніе какого-нибудь придувнаго согласнаго, напр. в͡в (положимъ, въ словѣ вво́ду, т. е. „въ воду“), мы опять замѣчаемъ, что звукъ является долгимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ.

Попробуемъ теперь наблюсти произношеніе сочетанія изъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ звуковъ, напр. а+а въ выраженіи слова „а Анна“. Второе а произносится силь-

(1) (2)

нѣе (при болѣе сильномъ выдыханіи воздуха) и при болѣе широкомъ растворѣ рта, нежели первое. Такимъ образомъ, работы перваго **а** продолжаются и на второе, но только съ указаннымъ измѣненіемъ силы или напряженности, зависящимъ отъ ударенія. Хотя оба **а** и произносятся связно, все-таки ухо слушающаго замѣчаетъ переходъ къ болѣе сильному произношенію втораго **а**. При произнесеніи сочетаній изъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ (слѣдовательно—открытыхъ) звуковъ не происходитъ такого усиленія звука, какъ при произнесеніи сочетаній изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ звуковъ. Въ послѣднемъ случаѣ усиленіе звука зависитъ отъ природы согласныхъ, какъ звуковъ съуженныхъ.

И такъ, при соприкосновеніи двухъ одинаковыхъ звуковъ (все равно—гласныхъ, или согласныхъ) работы предыдущаго звука продолжаются (сохраняются) для слѣдующаго. Если работы предыдущаго звука и послѣдующаго не одинаковы по силѣ, то при продолженіи работъ происходитъ соотвѣтствующее измѣненіе ихъ напряженности.

Обратимся теперь къ изслѣдованію произношенія сочетаній, состоящихъ изъ такихъ двухъ звуковъ, которые *не по всѣмъ работамъ одинаковы.*

Разсмотримъ произношеніе сочетанія **мб**, напр. въ словѣ „дамба". Звуки **м** и **б** имѣютъ всѣ работы сходныя, кромѣ *одной*, именно—кромѣ дѣйствія мягкаго неба.

Движенія, общія для перваго и втораго звука, совершаются только для перваго, для втораго же звука не повторяются, но сохраняются отъ перваго. Работа разная для перваго и втораго звука, совершается особо для того и другаго: для произнесенія **м** мягкое небо опущено, а затѣмъ для произнесенія слѣдующаго звука **б** оно приподнимается и прижимается къ задней стѣнкѣ глотки.

Примѣръ, аналогичный разсмотрѣнному нами, представляетъ сочетаніе **нд**, напр. въ словѣ „Анды“.

Въ сочетаніи **мп**, напр. въ словѣ „лампа“, работы соприкасающихся звуковъ **м** и **п**—сходны, кромѣ *двухъ* работъ: гортани и мягкаго неба. Сходныя работы продолжаются отъ предыдущаго звука и на слѣдующій; несходныя же работы, съ переходомъ къ произнесенію послѣдующаго звука, соотвѣтствующимъ образомъ мѣняются.

Аналогію сочетанію **мп** представляетъ произношеніе сочетанія **нт**, напр. въ словѣ „лента“.

Разсмотримъ произношеніе сочетанія **у**+**а**, напр. въ выраженіи „у Анны“. Для произнесенія **у** происходитъ извѣстное дѣйствіе губъ и задней части языка. Для **а** же вовсе не требуется дѣйствія этихъ частей органа рѣчи; поэтому, съ переходомъ къ произнесенію **а**, онѣ приходятъ въ индифферентное положеніе.

Перехожу къ изслѣдованію произношенія сочетаній, состоящихъ изъ согласнаго съ гласнымъ и изъ гласнаго съ согласнымъ (С+Г и Г+С; С=согласный, Г=гласный).

Разсмотримъ произношеніе **о** въ сочетаніи съ предшествующимъ какимъ-нибудь согласнымъ, напр. **т**—**то**.

Согласные звуки произносятся при индифферентномъ растворѣ рта. Для произнесенія согласнаго **т** языкъ, при индифферентномъ растворѣ рта, переднею своею частью прижимается къ верхнимъ зубамъ. Когда произошелъ взрывъ, языкъ переходитъ не въ индифферентное положеніе, а въ положеніе, свойственное гласному **о**, т. е. задняя часть языка нѣсколько приближается къ небу; въ то же время губы принимаютъ нѣкоторое съуженіе, а нижняя челюсть нѣсколько опускается, такъ какъ нашъ гласный произносится при среднемъ растворѣ рта. И здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ не раздѣльность въ произношеніи, но слитіе рекурсіи предыдущаго звука съ экскурсіей слѣдующаго.

И такъ, при произнесеніи сочетанія **то** уложеніе для гласнаго **о** начинается не отъ индифферентнаго уложенія,

что̀ бываетъ при отдѣльномъ произношеніи гласнаго, а отъ уложенія согласнаго, предшествующаго нашему гласному. Слѣдовательно, гласный о, произнесенный отдѣльно и съ предшествующимъ согласнымъ, — неодинаковъ, именно по своему началу или экскурсіи.

Если мы будемъ разсматривать произношеніе сочетанія

ко,

то легко замѣтимъ, что уложеніе для гласнаго о начинается отъ уложенія, свойственнаго согласному **к**. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ гласный по началу другой, чѣмъ въ двухъ предшествующихъ случаяхъ.

и т. д. [1]).

А между тѣмъ по общепринятой орѳографіи нашъ гласный во всѣхъ этихъ случаяхъ обозначается однимъ и тѣмъ же начертаніемъ — о. Отсюда видно, что, желая изслѣдовать живую рѣчь, мы должны изучать ее не по правописанію, а наблюдая произношеніе.

Сравнимъ произношеніе сочетаній звуковъ

то || т'о.

Въ первомъ случаѣ экскурсія для гласнаго о начинается отъ уложенія твердаго согласнаго, а во второмъ — отъ уложенія мягкаго согласнаго.

При произнесеніи сочетанія

б'о

гласный по началу другой, нежели въ сочетаніи т'о, такъ какъ въ одномъ случаѣ экскурсія гласнаго о начинается отъ уложенія **т'**, а въ другомъ — отъ уложенія **б'**.

И такъ, гласные различаются по своему началу послѣ различныхъ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ.

---

[1]) При этомъ можно замѣтить, что согласные звонкіе и соотвѣтствующіе глухіе сходны по уложенію полостей, лежащихъ надъ гортанью. Отсюда происходитъ и соотвѣтствующее сходство экскурсіи гласнаго послѣ согласнаго звонкаго и парнаго ему глухаго.

Даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ эта разница въ гласныхъ не обозначается. Ср.:

орѳографически:		фонетически:
то	=	тo
ко	=	кo
ё	=	jo
тё	=	т'o
бё	=	б'o

. . . . . .

Хотя написанія, помѣщенныя въ правомъ столбцѣ, и зовутся фонетическими, однако они страдаютъ неточностью: они не выражаютъ разницы въ началѣ гласнаго, не выражаютъ тѣсной связи въ произношеніи сочетанія С+Г, состоящей въ томъ, что согласный произносится въ началѣ гласнаго или, другими словами, рекурсія согласнаго служитъ экскурсіей для слѣдующаго гласнаго.

Если мы не будемъ имѣть въ виду сдѣланной оговорки, то фонетическое письмо (научная транскрипція), можетъ ввести насъ въ заблужденіе: мы можемъ привыкнуть къ мысли, что гласный нисколько не различается, послѣ какого бы согласнаго онъ ни произносился.

Теперь читатель, я увѣренъ, вполнѣ убѣдился въ необходимости строго различать произношеніе и обозначеніе, которыя многими такъ часто отожествляются, смѣшиваются.

Сказанное еще не исчерпываетъ разнообразія гласныхъ.

Если за гласнымъ не слѣдуетъ никакого звука, то работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго возвращаются въ свое спокойное положеніе.

Но вѣдь за гласнымъ могутъ слѣдовать разные согласные. Въ этихъ случаяхъ гласный долженъ быть не одинаковъ по концу.

Глава III.

О русскомъ правописаніи.

§ 21. Мы переходимъ къ разсмотрѣнію *русскаго правописанія* или (употребляя совершенно равнозначущее иностранное слово) русской орѳографіи, — къ предмету, занимающему весьма видное мѣсто въ дѣлѣ школьнаго обученія. При своемъ изслѣдованіи мы будемъ держаться слѣдующаго способа: будемъ брать орѳографическія написанія, внимательно ихъ обсуждать и затѣмъ распредѣлять въ группы (классифицировать).

§ 22. Допустимъ, что, разсматривая какой-нибудь отрывокъ, написанный правильно, орѳографически, мы встрѣтили слово *сяду*.

Разсмотримъ въ этомъ словѣ написаніе *ся*.

Произнесемъ это написаніе и запомнимъ получше произношеніе.

Теперь попробуемъ произнести сочетаніе звуковъ, состоящее изъ мягкаго согласнаго с' и гласнаго а (с'+а).

Мы замѣчаемъ, что произношеніе сочетанія звуковъ с'а одинаково съ произношеніемъ разсматриваемаго нами орѳографическаго написанія.

Слѣдовательно, орѳографическое написаніе *ся* обозначаетъ сочетаніе звуковъ—мягкаго с' и гласнаго а:

ся=с'а.

Такъ какъ оба написанія—*ся* и с'а—выражаютъ произношеніе, то мы можемъ ихъ назвать *фонетическими*.

Но какая же разница между написаніями *ся* и с'а?

Предположимъ, что, желая написать *ся*, мы написали пока только букву *с*, т. е. букву согласнаго звука. Можно ли по одной этой буквѣ рѣшить, какой слѣдуетъ произнести согласный — твердый, или мягкій? Нѣтъ, нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, если мы напишемъ за буквой *с* букву *а*, то тогда согласный звукъ слѣдуетъ произнести твердо; если же за буквой *с* напишемъ букву *я*, то согласный въ такомъ случаѣ слѣдуетъ произнести мягко. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что въ орѳографическихъ написаніяхъ *ся* и *са* буква *с* обозначаетъ согласный звукъ не сполна, именно—не обозначаетъ его твердости или же мягкости; буквы же *а* и *я* обозначаютъ болѣе одного звука, а именно, буква *а* обозначаетъ гласный звукъ а, да еще показываетъ, что предъидущій согласный слѣдуетъ произносить твердо, буква *я* обозначаетъ тоже гласный звукъ а, да еще мягкость предъидущаго согласнаго. И такъ: хотя орѳографическія написанія *ся* и *са* и выражаютъ произношеніе, но въ нихъ *буквы* порознь *не соотвѣтствуютъ звукамъ, не параллельны звукамъ*.

Разсмотримъ теперь написаніе с'а. Это написаніе выражаетъ произношеніе, а кромѣ того въ немъ буквы порознь соотвѣтствуютъ звукамъ, параллельны звукамъ. Такія написанія, какъ с'а, въ общепринятомъ правописаніи не употребляются; они употребляются въ ученыхъ изслѣдованіяхъ и потому мы можемъ ихъ назвать *научно-фонетическими*. Въ научно-фонетическомъ письмѣ *отдѣльныя буквы всегда соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ звукамъ* (вообще, въ научныхъ изслѣдованіяхъ стремятся къ возможно точной передачѣ произношенія). Сдѣлаю еще одно замѣчаніе, относящееся къ научно-фонетическому письму, и тогда мы снова обратимся къ разсмотрѣнію общепринятаго правописанія. Въ научно-фонетическомъ письмѣ твердый согласный обозначается просто соотвѣтствующею буквою; поэтому сочетаніе твердаго согласнаго с съ гласнымъ а

въ научно-фонетическомъ письмѣ должно быть обозначено такъ: **са**. Мы замѣчаемъ, что это написаніе одинаково съ соотвѣтствующимъ орѳографическимъ написаніемъ *са*. Однако между этими написаніями имѣется существенная разница: въ научно-фонетическомъ написаніи **са** буквы порознь соотвѣтствуютъ звукамъ (буква **с** обозначаетъ твердый согласный **с**; буква **а** обозначаетъ гласный звукъ **а**); въ орѳографическомъ написаніи *са* буквы порознь не соотвѣтствуютъ звукамъ (буква *с* обозначаетъ согласный звукъ **с**, но не выражаетъ его твердости; буква *а* обозначаетъ гласный **а**, да еще твердость предъидущаго согласнаго). Иначе: если мы написали букву **с** въ научно-фонетическомъ письмѣ, то она обозначаетъ твердый согласный **с**; если мы написали ту же букву въ орѳографическомъ письмѣ, то она обозначаетъ согласный **с** не сполна, — твердость или же мягкость этого согласнаго будетъ обозначена буквою слѣдующаго гласнаго звука.

Будемъ продолжать изслѣдованіе русскаго правописанія. Мы разсмотрѣли написанія *са* и *ся*. Теперь читатель безъ труда усмотритъ, что въ орѳографическихъ обозначеніяхъ *со, су, сы* буква *с* выражаетъ согласный звукъ **с**, но не обозначаетъ его твердости, буквы же *о, у, ы* выражаютъ соотвѣтствующіе гласные звуки и твердость предъ идущаго согласнаго. Подобнымъ же образомъ въ орѳографическихъ написаніяхъ *се, сё, сю, си* буква *с* обозначаетъ согласный **с**, не выражая его мягкости, буквы же *е, ё, ю, и* обозначаютъ соотвѣтствующіе гласные и мягкость предшествующаго согласнаго.

Теперь я представлю въ таблицѣ примѣры подобныхъ орѳографическихъ написаній.

Орѳографическія написанія, въ которыхъ буква согласнаго звука обозначаетъ согласный, не выражая его твердости, а буква гласнаго звука обозначаетъ гласный и твердость предъидущаго согласнаго.	Соотвѣтствующія научно-фонетическія обозначенія.	Орѳографическія написанія, въ которыхъ буква согласнаго звука обозначаетъ согласный, не выражая его мягкости, а буква гласнаго звука обозначаетъ гласный и мягкость предъидущаго согласнаго.	Соотвѣтствующія научно-фонетическія обозначенія.
ва (валъ)	ва	*вя* (вялый)	в'а
во (волъ)	во	*вё* (вёлъ)	в'о
ву (плыву)	ву	*вю* (червю)	в'у
вы (вылъ)	вы	*ви* (вить)	в'і
		ве (верхъ)	в'э
		вѣ (вѣникъ)	в'э
са (саду)	са	*ся* (сяду)	с'а
со (сонъ)	со	*сё* (сёлъ)	с'о
су (судъ)	су	*сю* (сю)	с'у
сы (сынъ)	сы	*си* (синій)	с'і
		се (семь)	с'э
		сѣ (сѣлъ)	с'э

и т. д.

И такъ, мы разсматриваемъ обозначеніе въ русскомъ правописаніи звуковыхъ сочетаній, составляющихъ изъ согласнаго съ гласнымъ (С+Г). Мы уже видѣли, что для того, чтобы опредѣлить, твердо или же мягко слѣдуетъ произнести согласный, нужно написать еще букву слѣдующаго гласнаго, другими словами—нужно написать слогъ потому-то это основное свойство русскаго письма называютъ принципомъ *силлабическимъ* или *послѣднымъ*.

Вообще, относительно обозначенія сочетаній звуковъ С+Г вопросъ сводится къ способу обозначенія твердости или же мягкости согласнаго. До сихъ поръ мы брали въ

расчетъ только согласные *парные по твердости и мягкости;* теперь перейдемъ къ согласнымъ *непарнымъ* (ш, ж, ч, щ), представляющимъ особенность въ данномъ вопросѣ.

Согласные *ш* и *ж* — тверды, *ч* — согласный мягкій. Поэтому при полной послѣдовательности русскаго письма ожидались бы написанія:

ша, шу, шы
жа, жу, жы
чя, чю, чи.

Между тѣмъ по общепринятой орѳографіи пишется:

ша, шу || *ши*
жа, жу || *жи*
ча, чу || *чи* [1]).

Согласный *ц* — твердый; поэтому вполнѣ послѣдовательно пишутъ

ца, цу, цы,

напр.: птица, птицу, птицы.

Особенность представляютъ иностранныя слова, въ которыхъ послѣ *ц* пишутъ *и*, а не *ы*, напр.: принц*и*пъ, Пеcталоцц*и*, ц*и*фра [2]).

Во всѣхъ случаяхъ, которые мы доселѣ разсматривали, буквы гласныхъ звуковъ стояли послѣ буквъ согласныхъ звуковъ. Разсмотримъ буквы гласныхъ звуковъ въ другихъ положеніяхъ.

Я.

1) *Я*ма
*Я*вный
*Я*сный и т. п.

Въ приведенныхъ примѣрахъ буква *я* стоитъ въ началѣ слова и обозначаетъ два звука: j + а.

2) Подпоясываю
Сва*я*
Кра*я*
Геро*я*

---

[1]) Значитъ, написанія *ши, жи, ча, чу*—не-фонетическія.
[2]) Написаніе *ци* также—не-фонетическое.

Игра*я* и т. п.

Въ разсматриваемомъ случаѣ буква *я* стоитъ послѣ буквы гласнаго звука и обозначаетъ два звука: j+a. Это положеніе буквы *я* сходно съ предъидущимъ положеніемъ: какъ здѣсь буквою *я* начинается особый слогъ, такъ въ первомъ случаѣ эта буква тоже начинаетъ особый слогъ (именно—первый).

3) Объ*я*снить
Объ*я*вить
Предъ*я*вить и т. п.

Въ нашихъ примѣрахъ буква *я* находится послѣ буквы *ъ*, оканчивающей предлогъ, и обозначаетъ два звука: j+a. Подобно предшествующимъ случаямъ, буква *я* начинаетъ собою и здѣсь особый слогъ.

4) Бадь*я*
Судь*я*
Воробь*я*
Лись*я*
Пь*я*ница и т. п.

Въ приведенныхъ орѳографическихъ написаніяхъ буква *я* имѣется послѣ буквы *ь* и выражаетъ сочетаніе двухъ звуковъ: j+a. Здѣсь, какъ и въ трехъ прежнихъ случаяхъ, съ буквы *я* начинается особый слогъ; только слово „пьяница“ представляетъ уклоненіе вслѣдствіе того, что *нь*, не имѣя передъ собою гласнаго звука, по необходимости примыкаетъ къ одному слогу съ *я*.

И такъ: если буква *я* стоитъ въ началѣ слова или послѣ буквы гласнаго звука, или же послѣ *ъ* или *ь*, то въ этихъ случаяхъ обозначаетъ два звука: j+a; если же стоитъ послѣ буквы согласнаго звука, то обозначаетъ гласный **а** и мягкость предшествующаго согласнаго.

Подобно буквѣ *я*, буквы *ю*, *и*, *е*, *ѣ* въ тѣхъ же четырехъ положеніяхъ тоже обозначаютъ сочетаніе двухъ звуковъ.

Ю.

1) *Ю*ла
*Ю*гъ

*Ю*ность и т. п.

2) По*ю*лить
Чита*ю*
Сва*ю*
Кра*ю*
Геро*ю* и т. п.

3) Кажется, нѣтъ примѣровъ (*подъ*ю*лить).

4) Бадь*ю*
Судь*ю*
Воробь*ю*
Лись*ю*
Л*ью*
П*ью* и т. п.

Въ указанныхъ четырехъ положеніяхъ буква *ю* обозначаетъ сочетаніе звуковъ: j+y; послѣ буквы согласнаго звука она обозначаетъ гласный у или мягкость предъидущаго согласнаго.

И.

1) *И*ду
*И*мя
*И*мъ и т. п.

2) По*и*мка
Сва*и*
Геро*и* и т. п.

3) Предъ*и*дущій (|| Предыдущій). Этотъ случай представляетъ особенность въ произношеніи буквы *и*: она произносится здѣсь какъ ы; въ другихъ примѣрахъ и пишется только *ы*, напр. раз*ы*грать.

4) Бадь*и*
Судь*и*
Воробь*и*
Лись*и* и т. п.

Во всѣхъ положеніяхъ, за исключеніемъ третьяго, буква *и* произносится какъ ji (j+i) [1]. Послѣ буквы согласъ-

---

[1]) Что въ этихъ случаяхъ произносится передъ i согласный j, въ этомъ я убѣждаюсь, сравнивая русское произноше-

наго звука буква *и* обозначаетъ гласный і, предъидущій же согласный, если онъ—парный въ отношеніи твердости и мягкости, произносится мягко; тоже мягко произносится непарный согласный Ч'; согласные Ш и Ж въ русскомъ языкѣ произносятся только твердо, и послѣ нихъ буква *и* произносится какъ Ы, напр. крыш*и*, луж*и*.

Е.

1) *Е*сть
   *Е*ль
   *Е*му
   *Е*сли
   *Е*жели и т. п.
2) Поединокъ
   Моей
   Моему
   Строеніе
   Чтеніе и т. п.
3) Объединеніе
   Разъединеніе и т. п.
4) Гулянье
   Писанье
   Маранье.

Въ приведенныхъ четырехъ положеніяхъ буква *е* выражаетъ сочетаніе звуковъ: j+э. Если же буквѣ *е* предшествуетъ буква согласнаго звука, и притомъ парнаго относительно твердости и мягкости, то произносится гласный звукъ э, а предъидущій согласный выговаривается мягко, за исключеніемъ непарныхъ Ш, Ж и Ц, которые въ рус-

---

ніе съ татарскимъ и нѣмецкимъ. Такъ, напр., въ татарскомъ словѣ ішік (дверь), или въ нѣмецкомъ словѣ ihm (ему), ясно, что передъ начальнымъ і нѣтъ j. Это произношеніе, мнѣ кажется, различается отъ русскаго начальнаго і въ слѣдующемъ: въ русскомъ языкѣ этотъ гласный начинается не такъ рѣзко, не такъ отрывисто, какъ въ татарскомъ или нѣмецкомъ, и это, думаю, зависитъ отъ того, что въ русскомъ начальному і предшествуетъ болѣе или менѣе слабое j.

скомъ языкѣ произносятся только твердо (наше, ваше, зеркальце) непарный же ч произносится только мягко (старче).

Е (=*ё*).

1) *Е*лка
2) Чаекъ
3) Съемка
4) Льемъ.

Здѣсь буква *е* тоже выражаетъ сочетаніе двухъ звуковъ, съ тою разницею, что гласный произносится не э, а о (j+о). Можно замѣтить, что буква *е* произносится какъ о при ударенiи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ; ср. произношеніе словъ: *е*лка || *е*ль. Если же передъ буквой *е* стоитъ буква согласнаго парнаго по твердости и мягкости или буква *ч*, то произносится гласный о, предъидущій же согласный выговаривается мягко, согласные же ш и ж произносятся твердо (*ш*елъ, *ж*егъ).

Ѣ.

1) *Ѣ*сть
   *Ѣ*мъ
   *Ѣ*да
   *Ѣ*хать
   *Ѣ*зда.
2) По*ѣ*сть и т. п.
3) Съ*ѣ*сть и т. п.
4) О гуля*нѣ* и т. п.

И такъ, буква *ѣ* въ разсматриваемыхъ четырехъ положеніяхъ произносится какъ jэ (j+э). Если же буквѣ *ѣ* предшествуетъ буква парнаго по твердости и мягкости согласнаго или *ч*, то буква *ѣ* произносится какъ э, а предъидущій согласный выговаривается мягко; согласные ш, ж и ц произносятся твердо (но*шѣ*, ко*жѣ*, *цѣ*на, пти*цѣ*).

Намъ остается еще разсмотрѣть буквы *а*, *о*, *у*. Мы уже ихъ разсматривали въ томъ положеніи, когда имъ предшествуетъ буква согласнаго звука. Теперь мы должны разсмотрѣть эти буквы въ другихъ положеніяхъ.

Когда буквы *а*, *о*, *у* стоятъ въ началѣ слова, или

послѣ буквы гласнаго звука, то онѣ обозначаютъ соотвѣтствующіе гласные звуки:

	А	*О*	*У*
1.	*А*вось	*О*ба	*У*хо
	*А*дъ	*О*зеро	*У*даръ
	*А*лѣть	*О*сь	*У*дарять
2.	По*а*хать	На*о*бумъ	По*у*жинать
	По*а*лѣть	По*о*даль	На*у*дить.

Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ случай полнаго соотвѣтствія между письмомъ и произношеніемъ: буква—одна и обозначаетъ одинъ звукъ.

И такъ, въ русской орѳографіи мы встрѣчаемъ написанія фонетическія, въ которыхъ буквы или соотвѣтствуютъ звукамъ (напр. *у*ра), или же не соотвѣтствуютъ (напр. *с*ело).

§ 23. Продолжая разсматривать написанный орѳографически отрывокъ, предположимъ мы встрѣтили слово

годъ.

Не пишутъ ли въ этомъ словѣ въ концѣ *дъ* фонетически, т. е. согласно съ произношеніемъ?

Нѣтъ, потому что въ концѣ разсматриваемаго нами слова произносится не Д' а соотвѣтствующій глухой согласный Т.

Слѣдовательно, написаніе *дъ* слова „годъ“ не принадлежитъ къ разсмотрѣнной нами группѣ „фонетическихъ“ написаній.

Въ словѣ „годъ“ пишутъ букву *д* потому, что въ родственныхъ словахъ произносится Д (а не Т) *передъ слѣдующимъ гласнымъ*. Такъ, въ склоненіи нашего слова во всѣхъ падежныхъ формахъ ед. и мн., кромѣ И. и В. ед., произносится Д, напр.

года
году и пр.;

а также и въ менѣе близкихъ родственныхъ словахъ, напр.

годовой.

Если въ такихъ словахъ, какъ „года“, „году“, пишется (фонетически) буква *д*, то и въ родственномъ словѣ „годъ“ пишутъ ту же букву.

Другія однородныя написанія: раб*ъ*, боб*ъ*, лоб*ъ* и т. п. (ср. выше § 13).

Разсматриваемую нами группу написаній можно охарактеризовать такимъ образомъ: *написанія по аналогіи (по сходству) съ родственными словами.*

Предположимъ теперь, что намъ, требуется передать орѳографически произношеніе

плот.

Но такъ произносятся два различныя слова; одно изъ нихъ склоняется: плота, плоту и т. д., другое же: плода, плоду и т. д.

Значитъ, первое изъ этихъ словъ по орѳографіи должно быть написано: плот*ъ*, а второе: плод*ъ*.

Подобнымъ образомъ произношеніе „рот“ орѳографически передается: рот*ъ* resp. [1]) род*ъ*.

Согласные непарные (относительно звонкости и глухости) выражаются орѳографически въ концѣ слова всегда одною и тою же соотвѣтствующею буквою, напр.: ткач*ъ*, рѣч*ь*, дѣлец*ъ*, край, дар*ъ*, дал*ъ*, дам*ъ*, дан*ъ*.

Такъ какъ мы изслѣдуемъ „написанія по аналогіи съ *родственными* словами“, то мы должны себѣ уяснить, что̀ называютъ „родственными словами“.

Слова, имѣя значеніе какъ цѣлыя, вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаются на части, тоже имѣющія значеніе,—на части знаменательныя или морфологическія.

Такъ, напр., слово

набрасывалъ

имѣетъ извѣстное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ разлагается на слѣдующія морфологическія части:

брас—главная, к о р е н ь, выражаетъ извѣстное дѣйствіе; остальныя части — придаточныя, опредѣляющія значеніе корня:

---

[1]) resp.=respective (смотря по обстоятельствамъ).

на—префиксъ, показываетъ, что дѣйствіе, выражаемое корнемъ, направляется на поверхность чего-нибудь;

ыв—суффиксъ, указываетъ на повторяемость дѣйствія;

алъ—окончаніе прош. вр., ед. ч., м. р.

Слова, имѣющія общій корень, называются *родственными по корню*; слова, имѣющія общій префиксъ, называются родственными *по префиксу*; далѣе, слова могутъ быть родственны *по суффиксу, по окончанію.*

Для наглядности родство словъ можетъ быть представлено табеллярно слѣдующимъ образомъ:

а) Родство по корню:

человѣк—а
|
человѣк—у
|
человѣк—омъ

б) Родство по префиксу:

вы—даю
|
вы—носи
|
вы—водили

в) Родство по суффиксу:

стол—*ик*—а
|
стул—*ик*—у
|
вал—*ик*—омъ

г) Родство по окончанію:

бог—*а*
|
человѣк—*а*
|
дух—*а*.

Не проявляется ли вліяніе аналогіи въ правописаніи относительно префиксовъ?

Примѣромъ такого дѣйствія аналогіи можетъ служить орѳографическая передача произношенія „здáт'“.

Хотя въ этомъ словѣ въ началѣ произносится з, но слѣдуетъ написать *с*, такъ какъ нашъ префиксъ звучитъ какъ с, когда слѣдующее слово начинается съ гласнаго звука (напр. „съузить“):

*сдать.

Другіе подобные примѣры написаній по аналогіи въ префиксахъ и предлогахъ:

сбыть
сдѣлать и т. п.
съ домъ
съ дубомъ и т. п.

Указавши нѣкоторые случаи аналогическаго написанія *согласныхъ*, перехожу къ такому же написанію *неударенныхъ гласныхъ* звуковъ.

Мы произносимъ:

гӑда́, гъдӑво́j [1]),

а пишемъ по орѳографіи послѣ *г* букву *о*. Это опять по аналогіи къ родственнымъ словамъ: при удареніи въ нашемъ корнѣ произносится гласный о́ (напр. го́т), обозначаемый въ правописаніи черезъ *о* (годъ); та же буква пишется и для обозначенія соотвѣтствующихъ неударенныхъ гласныхъ.

Мы разсмотрѣли обозначеніе по аналогіи неударяемыхъ гласныхъ въ *корнѣ*; укажемъ теперь подобныя же написанія въ другихъ морфологическихъ частяхъ:

Въ *префиксѣ*:
произносятъ „пъд'н'imáт'“, а пишутъ „поднимать“ по аналогіи къ такимъ случаямъ, какъ „поднялъ“, гдѣ соотвѣтствующій гласный произносится съ удареніемъ.

Въ *суффиксѣ*:
произносятъ „пр'iláвък“, а пишутъ „прилавокъ“ по аналогіи къ „станокъ“ и т. п.

---

[1]) Знакъ ӑ означаетъ звукъ между а и о, другими словами — а съ оттѣнкомъ о.

ъ — знакъ краткаго, слабаго ы.

Въ *окончаніи*:
произносятъ „спóрѢф“, а пишутъ „споровъ“ по аналогіи къ „домовъ“ и т. п.

И такъ, разбирая русское правописаніе, мы разсмотрѣли двѣ группы написаній: 1) написанія фонетическія, 2) написанія по аналогіи къ родственнымъ словамъ. Значитъ, для правописанія имѣетъ важность не только фонетическая сторона рѣчи, но также и морфологическая. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ столкновеніе этихъ двухъ принциповъ правописанія — фонетическаго и морфологическаго. Къ разсмотрѣнію этихъ именно случаевъ мы теперь и обратимся.

Какъ написать орѳографически слово „вѣстóк“?

Если придерживаться принципа морфологическаго, то слѣдовало бы написать букву *з*, такъ какъ въ родственныхъ словахъ, имѣющихъ одинаковый префиксъ, передъ слѣдующимъ гласнымъ произносится з, напр. въ словѣ „взалкать“.

Но слово „востокъ“ уже не чувствуется состоящимъ изъ *воз* и *токъ*, но чувствуется простымъ словомъ, не принадлежащимъ къ семьѣ словъ „взалкать“ и т. п. Это обособленіе нашего слова отъ семьи родственныхъ словъ препятствуетъ написанію по аналогіи и даетъ перевѣсъ фонетическому письму. Значитъ, въ нашемъ словѣ пишется буква *с* согласно съ произношеніемъ (фонетически): „востокъ“.

Подобнымъ же образомъ беретъ перевѣсъ фонетическое письмо надъ письмомъ по аналогіи при написаніи двухъ другихъ префиксовъ, не встрѣчающихся отдѣльно (какъ предлоги), именно — *раз* и *низ*: распятіе, нисходить.

Тоже фонетическое письмо одержало верхъ надъ письмомъ по аналогіи при написаніи префикса *из* (употребляющагося и въ видѣ предлога), оканчивающагося такимъ же звукомъ, какъ и три предъидущихъ префикса [1]).

---

[1]) Разсмотрѣнныя нами написанія въ учебникахъ излага-

Мнѣ осталось еще сказать о правописаніи буквъ *ъ* и *ь* послѣ буквъ шипящихъ звуковъ.

Въ такихъ словахъ, какъ: рожь, ночь, мышь, немощь, въ окончаніи пишется буква *ь* аналогично съ такими словами того же склоненія, какъ „дверь“.

Въ другихъ склоненіяхъ послѣ буквъ шипящихъ звуковъ въ окончаніи пишется буква *ъ* аналогично съ твердымъ склоненіемъ:

а) Въ окончаніи И. ед. именъ существительныхъ и простыхъ прилагательныхъ муж.: мужъ, мячъ, Ивановичъ, карандашъ, товарищъ, горячъ.

б) Въ Р. мн. существительныхъ женск. и ср.: кожъ, тучъ, тысячъ, душъ, жилищъ.

Въ повелительномъ наклоненіи послѣ буквъ шипящихъ звуковъ пишется *ь* аналогично съ случаями, въ которыхъ имѣются согласные не-шипящіе: плачь, рѣжь, потѣшь, плачьте, рѣжьте, потѣшьте (ср. двинь, двиньте).

Въ неопредѣленномъ наклоненіи послѣ *ч* пишется буква *ь*: мочь, лечь, аналогично съ такими случаями, какъ: читать, класть и т. п.

ются такъ:

„Приставки *раз, воз, из, низ* измѣняютъ *з* въ *с* передъ *п, т, к, х*: ра*с*пятіе, во*с*токъ, и*с*кусный, ни*сх*одить“.

(Поливановъ Краткій учебн. рус. грам. 1882[8] § 71).

§ 24. Въ одномъ изъ предъидущихъ параграфовъ (§ 22), разсматривая основное свойство русскаго письма— выражать твердость и мягкость согласнаго звука начертаніемъ слѣдующаго гласнаго, мы указали нѣкоторыя исключенія, между прочимъ — написанія *ши, жи* (произносятъ же **ШЫ**, **ЖЫ**), напр., въ словахъ:

орѳографически	научно-фонетически
пи*ши*	п'і**ШЫ**
ко*жи*	ко́**ЖЫ**

Какъ объяснить себѣ эту непослѣдовательность въ русскомъ письмѣ?

Начну свое объясненіе нѣсколько издалека.

Въ старо-славянскомъ языкѣ не только **ѵ**, но и другіе шипящіе, т. е. **ш** и **ж**, были согласными мягкими; такъ, напр., слово **мѫжь** (мужъ) въ старо-славянскомъ принадлежитъ къ мягкому склоненію. Будучи мягкими, согласные **ш** и **ж**, такъ же какъ и **ѵ**, сочетались съ гласнымъ **и**, а не **ы**, почему и встрѣчаемъ въ старо-славянскомъ написаніе **ши**, **жи**, **ѵи**.

Отъ старо-славянскаго языка обратимся къ русскому. Есть основаніе думать, что въ древне-русскомъ языкѣ согласные **ш** и **ж** произносились мягко, подобно тому какъ произносились они мягко въ языкѣ старо-славянскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя такія слова, какъ „мужъ“ теперь принадлежатъ къ твердому склоненію, однако они сохранили нѣкоторыя особенности мягкаго склоненія; такъ, въ Род. мн. „мужей“ мы видимъ окончаніе мягкаго, а не тверда-

го склоненія. Значитъ, въ древне-русскомъ языкѣ произносили **ш'і**, **ж'і**, а потому и писали *ши*, *жи*.

Если же теперь согласные **ш** и **ж** произносятся твердо, то это значитъ, что произношеніе ихъ съ теченіемъ времени постепенно изъ мягкаго перешло въ твердое, другими словами—согласные **ш** и **ж** отвердѣли, почему и сочетаются теперь уже съ гласнымъ **ы**, а не **і**. Что же касается до письма, то оно сохранилось прежнее.

Данное мною объясненіе написаній *ши*, *жи* графически можно представить такъ:

правоп.	научно-фонет.	правоп.	научно-фонет.
ши =	**ш'і**	*жи* =	**ж'і**
⋮	⇓	⋮	⇓
ши	**шы**	*жи*	**жы** [1]

И такъ, написанія *ши, жи обозначаютъ не теперешнее, а прежнее произношеніе*, и потому мы можемъ назвать ихъ *историческими*; прежде же они обозначали произношеніе,—слѣдовательно были фонетическими.

Сдѣлаемъ теперь къ нашему объясненію нѣкоторыя дополнительныя примѣчанія.

Въ объясненіе наше привходитъ слѣдующая идея: произношеніе нѣкоторыхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній съ теченіемъ времени измѣняется. Отчего же, спроситъ читатель, мы не замѣчаемъ, какъ измѣняется наше собственное произношеніе?

Постепенное измѣненіе произношенія совершается чрезвычайно медленно. Потому-то мы и не замѣчаемъ измѣненія нашего собственнаго произношенія. Для иллюстраціи чрезвычайной медленности въ измѣненіи нашего произношенія представлю слѣдующее сравненіе. Вообразите себѣ, играющаго на скрипкѣ; предположите, что онъ передвигаетъ палецъ съ одного мѣста струны на другое, но не

---

[1]) Въ этомъ графическомъ представленіи рядъ точекъ обозначаетъ „сохраняется“, а знакъ ⇒ выражаетъ „измѣняется (въ направленіи стрѣлки)“.

вдругъ, даже не въ теченіе часа, а впродолженіе дней, недѣль, или даже болѣе; ясно, что при такихъ условіяхъ вы не замѣтите измѣненія въ звукѣ; — подобнымъ же образомъ мы не замѣчаемъ медленныхъ измѣненій, совершающихся въ нашемъ произношеніи.

Другая мысль, которая привходитъ въ наше объясненіе, — та, что измѣненія въ правописаніи происходятъ не одновременно съ измѣненіемъ произношенія, а такъ сказать — отстаютъ. Произношеніе извѣстнаго слова измѣнилось, а между тѣмъ это слово продолжаютъ писать попрежнему. Оно и понятно: извѣстное поколѣніе, обучая правописанію послѣдующее, естественно—учитъ его писать такъ, какъ само пишетъ, и — такъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ проявленіе силы традиціи (преданія), силы привычки. Неравномѣрность и несоотвѣтствіе между измѣненіемъ произношенія и письма особенно замѣтны въ англійскомъ и французскомъ языкѣ.

Къ сказанному прибавлю, что для доказательства того, что то или другое написаніе — историческое (т. е. что оно выражаетъ не теперешнее, а прежнее произношеніе), нельзя ограничиваться одними логическими соображеніями, но необходимо каждый такой вопросъ прослѣдить по памятникамъ. Значитъ, изученіе правописанія тѣсно связано съ изученіемъ исторіи языка.

Собственно говоря, все правописаніе, по скольку оно унаслѣдовано отъ предъидущаго поколѣнія, есть историческое, *въ широкомъ смыслѣ* этого слова.

§ 25. Въ предъидущихъ параграфахъ мы разсмотрѣли три элемента въ русскомъ правописаніи: элементъ фонетическій, написанія по аналогіи и элементъ историческій (въ узкомъ смыслѣ слова). Теперь обратимся къ разсмотрѣнію *вліянія на русскую орѳографію старо-славянской resp. церковно-славянской письменности.*

Какъ объяснить себѣ двоякое написаніе:

житъе || *житіе*?

Языку старо-славянскому и церковно-славянскому свойственна только вторая форма: **житиѥ**, *жит*ïѥ. Написаніе „*жит*ïе“ заимствовано изъ церковно-славянской письменности; разсматриваемое слово, написанное такимъ образомъ, имѣетъ значеніе церковнаго характера (напр. житіе святаго) и произносится по церковно-славянски (житіе, а не житьё). Написаніе „*житъе*“ — чисто русское, такъ какъ выражаетъ русское произношеніе. Аналогію разсмотрѣннымъ написаніямъ представляютъ такія начертанія, какъ *Марья* || *Марія* и т. п.

Какъ объяснить, что въ такихъ случаяхъ, какъ

*Мар*ѣ || *Мар*ïи,

послѣ ъ пишется *ъ*, а послѣ *і* — *и*. Въ старо-славянскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ склоненіе различается твердое и мягкое. Если въ твердомъ склоненіи окончаніемъ падежа является **ѣ**, то въ соотвѣтствующемъ мягкомъ склоненіи окончаніемъ того же падежа является **и**, напр. **рыкѣ** || **вол'и**; слово „Марія“ принадлежитъ къ мягкому склоненію, а потому въ этомъ словѣ Дат. и Предл. ед. долженъ оканчиваться на **и**. Въ русскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ въ мягкомъ склоненіи имѣется такое же окончаніе, какъ и въ твердомъ, т. е. *ъ*. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что написаніе „*Мар*ѣ“—чисто русское, а написаніе „*Мар*ïи“ вошло въ русскую орѳографію изъ церковно-славянской письменности.

Пишутъ

*т*ого
*добр*аго
. . . . ,

а произносятъ въ такихъ случаяхъ согласный В, а не Г. Такія написанія объяснимы также вліяніемъ церковно-славянской письменности.

Написанія

*высок*ій
*упруг*ій
*тих*ій и т. п.

не соотвѣтствуютъ произношенію (произносятъ: „высóкыj“

и т. д.) и, можно думать, перешли въ русскую орѳографію изъ церковно-славянской письменности.

§ 26. Въ русской орѳографіи встрѣчаемъ *иностранный элементъ*.

Примѣромъ можетъ служить написаніе *и* послѣ *ц* въ словахъ иностранныхъ, напр.: принц*и*пъ, Песталоцц*и*, ц*и*фра (см. § 22) [1]).

§ 27. *Ученый элементъ въ правописаніи.* Въ то время, когда грамматическое знаніе еще не было развито, въ правописаніе вошелъ и утвердился цѣлый рядъ ошибочныхъ написаній. Теперь, при развитіи грамматическаго знанія, хотя и сознается ошибочность этихъ начертаній, но они не исправляются, вслѣдствіе всеобщей употребительности [2]). Но есть случаи, въ которыхъ правописаніе колеблется, вотъ въ этихъ-то случаяхъ и стараются разрѣшить сомнѣніе *научнымъ* путемъ. Самое полное изслѣдованіе русскаго правописанія представляетъ слѣдующій въ высокой степени цѣнный трудъ:

> Гротъ, Я. К., академикъ. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Второе, значительно пополненное изданіе съ подробнымъ указателемъ всѣхъ сомнительныхъ случаевъ. СПб. 1876.

Въ этомъ разысканіи особенную важность представляетъ въ разсматриваемомъ отношеніи отдѣлъ пятый: „Критическій обзоръ современнаго правописанія“ (стр. 245—372). Впрочемъ не во всемъ можно согласиться съ авторомъ это-

---

[1]) См. Гротъ Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 305.

[2]) Напр.: калачъ вм. колачъ (ср. **коло**), заря вм. зоря (ср. зорька); мачиха вм. мачеха (ср. **маштеха**), свирѣпый вм. сверѣпый (**сверѣпыи**) и др.

го изслѣдованія; напр., въ вопросѣ: какъ писать — *идти* или *итти*? Буслаевъ указываетъ и то, и другое написаніе, не высказываясь въ пользу котораго-нибудь изъ нихъ [1]). Гротъ отдаетъ предпочтеніе написанію „*итти*“, принимая, что безпредложная форма, по своей краткости, подала поводъ къ удвоенію согласной, очень обыкновенному въ нѣмецкомъ языкѣ [2]). Но вѣдь изъ того, что въ *нѣмецкомъ* языкѣ встрѣчается довольно обычное явленіе удвоенія согласнаго звука, еще не слѣдуетъ, что въ *русскомъ* языкѣ въ разсматриваемомъ словѣ двойное т возникло путемъ удвоенія, тѣмъ болѣе, что русскому языку не свойственно удвоеніе согласнаго, какое имѣется въ нѣмецкомъ языкѣ. Естественнѣе видѣть въ данномъ случаѣ вліяніе формы настоящаго времени — „иду“, а потому и слѣдуетъ писать „*идти*“, аналогично съ такими случаями, какъ:

везу : *везти*
грызу : *грызть*
ползу : *ползти*
лѣзу : *лѣзть*.

Въ настоящей главѣ я не имѣю въ виду подвергнуть пересмотру отдѣльные случаи спорныхъ написаній; я желаю только уяснить въ общемъ составъ русскаго правописанія.

§ 28. Мнѣ остается указать случаи, въ которыхъ слова, одинаковыя по звукамъ, но различающіяся по значенію, различаются и въ письмѣ помощію надстрочныхъ значковъ и т. п.; напр. *чтѡ*, мѣстоименіе, отличается знакомъ ударенія отъ *что*, союза, который пишется безъ всякаго значка; *мі́ръ* — въ значеніи „вселенная“, *мИ́ръ* — въ значеніи „согласіе“ [3]).

---

[1]) Учебникъ русской грамматики (1878)[5] § 34.

[2]) Спорные вопросы (1876)[2] стр. 256—258.

[3]) Въ древней письменности слово **миръ** писалось одинаково въ обоихъ значеніяхъ (Буслаевъ Ѳ. Историческая грамматика русскаго языка. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Этимологія (1875) § 15 стр. 15).

§ 29. Ознакомившись съ элементами русскаго правописанія, перейдемъ къ изслѣдованію частнаго вопроса русской орѳографіи, имѣющаго большую важность въ дѣлѣ школьнаго обученія,—

Правописаніе буквъ ѣ *и* е.

Вопросъ этотъ я надѣюсь представить въ болѣе упрощенномъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ проходится въ школѣ; изложеніе свое постараюсь вести какъ можно строже въ методическомъ отношеніи и прошу читателя внимательно слѣдить за развитіемъ мысли.

Остановимъ свое вниманіе на орѳографическихъ написаніяхъ

сѣку || *пеку*.

Въ нихъ буква *ѣ* и *е* произносятся одинаково, какъ æ (широкое э). Однако на этомъ не можетъ остановиться наше изслѣдованіе; мы должны разсматривать вопросъ со всѣхъ сторонъ. Такъ, мы замѣчаемъ, что въ нашихъ словахъ гласному æ предшествуетъ мягкій согласный (въ одномъ словѣ — с', а въ другомъ — п'), самый гласный произносится безъ ударенія, а за нимъ слѣдуетъ твердый согласный (въ обоихъ словахъ — к). Значитъ, наши слова научно-фонетически мы должны написать слѣдующимъ образомъ:

с'æкý || п'æкý.

Вслѣдствіе указаннаго сходства въ произношеніи этихъ словъ, мы не можемъ на основаніи произношенія рѣшить, въ которомъ изъ нихъ слѣдуетъ писать *е* и въ которомъ—*ѣ*. Невольно возникаетъ еще одинъ вопросъ: не различается ли произношеніе буквъ *ѣ* и *е* въ разсматриваемомъ положеніи [1]) при иныхъ согласныхъ? Если мы будемъ подбирать соотвѣтствующіе примѣры, то окажется, что и при другихъ согласныхъ въ разсматриваемомъ положеніи произношеніе нашихъ буквъ не различается; ср.:

бѣгу || *бреду* (б'æгý || бр'æдý) и т. п.

---

[1]) въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному.

Перенесемся теперь своимъ вниманіемъ къ орѳографическимъ написаніямъ:

сѣкги || *пѳкги*.

Въ обоихъ словахъ произносится гласный ѳ (узкое э) безъ ударенія, предшествуетъ этому гласному мягкій согласный (въ первомъ словѣ—с', во второмъ—п'), слѣдуетъ за гласнымъ тоже мягкій согласный (въ томъ и другомъ словѣ—к'), такъ что произношеніе нашихъ словъ научно-фонетически должно быть выражено такъ:

с'ѳк'і || п'ѳк'і.

И такъ, въ разсматриваемъ случаѣ буквы *ъ* и *е* произносятся одинаково [1]). Данный случай отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ за гласнымъ Э слѣдуетъ мягкій согласный, отъ чего зависитъ узкое произношеніе гласнаго Э, тогда какъ въ предъидущемъ случаѣ за гласнымъ Э слѣдуетъ согласный твердый, обусловливающій широкое произношеніе гласнаго Э. Обобщая оба разсмотрѣнные нами случая, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: если въ слогѣ, стоящемъ непосредственно передъ ударенным, произносится гласный звукъ Э (Э широкое — передъ твердымъ согласнымъ, Э узкое — передъ мягкимъ), то на основаніи произношенія нельзя рѣшить, писать ли въ этомъ случаѣ букву *ъ*, или же *е* [2]).

Для краткости я не буду сравнивать произношеніе буквъ *ъ* и *е* въ другихъ неударяемыхъ положеніяхъ, а перейду къ произношенію этихъ буквъ въ слогахъ ударяемыхъ.

---

[1]) То же замѣчается и при иныхъ согласныхъ; ср.:
бѣги || *бреди* (б'ѳг'і || бр'ѳд'і) и т. п.

[2]) Нужно ли обращать вниманіе на предъидущій согласный? Нужно; это покажетъ нижеслѣдующее. Внутри слова послѣ буквъ шипящихъ звуковъ *ъ* не встрѣчается; это явленіе уясняется фонетикою: гласный звукъ, соотвѣтствующій буквѣ *ъ*, внутри слова послѣ шипящихъ во всѣхъ словахъ измѣнился въ а. Слѣдовательно, иногда предъидущій согласный можетъ служить основаніемъ для рѣшенія вопроса, можно ли написать въ данномъ случаѣ букву *ъ*.

Разсмотримъ написанія

сѣчь || *печь*.

Въ нихъ буквы *ѣ* и *е* произносятся одинаково, какъ *э́* (узкое э съ удареніемъ). За этимъ гласнымъ звукомъ въ обоихъ словахъ слѣдуетъ мягкій согласный (**ч'**). Если мы будемъ подбирать другіе однородные случаи, напр. *лѣзъ* || *весь* и т. п., то придемъ къ заключенію: если въ словѣ произносится гласный звукъ э съ удареніемъ и за нимъ слѣдуетъ мягкій согласный (другими словами — если въ словѣ произносится *э́*), то произношеніе не можетъ служить критеріемъ того, писать ли въ этомъ случаѣ букву *е*, или же *ѣ*.

Намъ остается разсмотрѣть случаи, когда за ударенным гласнымъ звукомъ, обозначаемымъ въ правописаніи черезъ *ѣ*, или же черезъ *е*, слѣдуетъ твердый согласный. Въ примѣръ возьмемъ слова, родственныя съ тѣми, которыя мы разсматривали въ предъидущихъ случаяхъ,—

сѣкъ || *пекъ*.

Въ этихъ словахъ буквы *ѣ* и *е* различаются по произношенію:

с'э́къ=п'о́к.

Въ первомъ словѣ произносится гласный звукъ э съ удареніемъ (**э́**), ему предшествуетъ мягкій согласный (именно — **с'**), а слѣдуетъ — твердый (именно — **к**); во второмъ словѣ произносится гласный **о** съ удареніемъ, предшествующій согласный выговаривается мягко (**п'**), а послѣдующій — твердо (**к**). Въ правописаніи въ первомъ словѣ пишется буква *ѣ*, а во второмъ — *е*. Теперь въ нашемъ умѣ естественно является мысль, — не всегда ли бываетъ такъ, что, *когда произносится гласный звукъ* э *съ удареніемъ и ему предшествуетъ мягкій согласный, а за нимъ слѣдуетъ твердый, то по орѳографіи пишется буква ѣ, если же при означенныхъ условіяхъ произносится гласный звукъ* о *съ удареніемъ, то пишется буква е*. Чтобы убѣдиться въ томъ, вѣрна ли возникшая въ нашемъ умѣ догадка, мы подбираемъ и разсматриваемъ другіе однородные примѣры,—

м'а́л (*мѣлъ*) || м'о́л (*мелъ*)
с'а́л (*сѣлъ*) || с'о́л (*селъ*) и т. п.

Догадка наша оправдалась и другими однородными примѣрами. Выводъ, къ которому мы пришли, можемъ выразить такою формулой:

С'а́(ъ)С' || С'о́(е)С' [1]).

Въ той формулѣ С' = согласный мягкій, С' = согласный твердый, буква же, поставленная въ скобкахъ, выражаетъ орѳографическое обозначеніе. И такъ мы опредѣлили тѣ условія, въ которыхъ различается произношеніе буквъ *ъ* и *е*, напр. *сѣкъ* || *некъ*. Мы припоминаемъ, что въ предшествовавшихъ случаяхъ, въ которыхъ произношеніе не давало основанія для правописанія *ъ* и *е*, мы имѣемъ слова, родственныя данной парѣ словъ:

сѣку || *неку*
сѣки || *неки*
сѣчь || *нечь*,

при чемъ какъ въ словѣ *сѣкъ* пишется буква *ъ*, такъ та же буква пишется и въ родственныхъ словахъ — *сѣку*, *сѣки*, *сѣчь*, и какъ, съ другой стороны, пишется буква *е* въ словѣ *некъ*, та же буква пишется и въ родственныхъ словахъ (*неку*, *неки*, *нечь*). Это обстоятельство даетъ намъ основаніе для правописанія буквъ *ъ* и *е* и въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ не можемъ заключать о правописаніи этихъ буквъ по произношенію. Для иллюстраціи сказаннаго разсмотрю нѣсколько примѣровъ.

Предположимъ, что читатель не имѣетъ навыка въ правописаніи буквъ *ъ* и *е*. Ему произносятъ слово

в'єд'і

и спрашиваютъ, что писать въ этомъ словѣ — *ъ*, или *е*. Легко видѣть, что по произношенію даннаго слова нельзя рѣшить вопроса, потому что гласный э произносится безъ

---

[1]) Если же передъ о произносится твердый согласный, то въ орѳографіи пишется буква *о*, напр. *волъ* и т. п., кромѣ такихъ случаевъ, какъ *шелъ*, *желъ*.

ударенія и далѣе слѣдуетъ мягкій согласный. Возьмемъ родственное слово, напр.

в'æду́.

Правда, въ этомъ словѣ за гласнымъ э слѣдуетъ твердый согласный, но нашъ гласный произносится безъ ударенія; слѣдовательно, и въ этомъ словѣ произношеніе не можетъ намъ подсказать, что писать — *ъ*, или *е*. Попробуемъ подобрать такое слово, въ которомъ всѣ условія, необходимыя для рѣшенія вопроса, были бы на лицо, напр.

в'о́л.

Въ этомъ словѣ произносится гласный звукъ о съ ударе-ніемъ, ему предшествуетъ мягкій согласный, а слѣдуетъ твердый. Значитъ, наше слово подходитъ подъ формулу

С'о́(*е*)С',

и въ немъ слѣдуетъ писать букву *е* —

вѳлъ,

а слѣдовательно и въ родственныхъ словахъ —

вѳду

вѳди.

Другой примѣръ. Намъ произносятъ слово

л'ægла́

и спрашиваютъ, что писать въ этомъ словѣ — *ъ* или *е*. Правда, въ этомъ словѣ за гласнымъ э слѣдуетъ твердый согласный, но самый гласный э произносится безъ ударенія, а потому мы должны сказать, что по произношенію этого слова мы не можемъ рѣшить вопроса. По слову

л'о́к

рѣшаемъ, что въ немъ, а слѣдовательно, и въ остальныхъ родственныхъ словахъ должна писаться буква *е*:

лѳгъ

лѳгла.

Третій примѣръ. Какъ писать:

лекарство или лъкарство?

По произношенію этого слова нельзя рѣшить вопроса, потому что въ данномъ словѣ произносится гласный звукъ э безъ ударенія. Произношеніе

л'ǽкър',

подходящее подъ формулу

С'æ(ъ)С',

доказываетъ, что въ корнѣ данной семьи словъ должно писать букву *ъ*:

лѣкарь
лѣкарство
лѣчить и др. [1]).

Правда, при обученіи правописанію многое достигается привычкой, но преподаватель долженъ вести съ учениками и методическія упражненія по правописанію. Такъ, по изслѣдуемому нами вопросу такія упражненія могли бы быть поставлены слѣдующимъ образомъ. Прежде всего учитель выясняетъ ученикамъ на такихъ примѣрахъ, какъ *сѣлъ* и *селъ*, *мѣлъ* и *мелъ*, правило правописанія буквъ *ъ* и *е*. Затѣмъ могутъ слѣдовать упражненія, подобныя вышеприведеннымъ:

веди—веду—велъ
легла—легъ
лѣкарство—лѣкарь.

При этомъ учитель долженъ довести учащихся до умѣнія различать твердые и мягкіе согласные и подъискивать родственныя слова. Можно даже заставлять учащихся написать слово сначала научно-фонетически (обращая при этомъ вниманіе только на твердость и мягкость согласныхъ), а затѣмъ орѳографически, напр.

н'эв'эста=невѣста.

Въ граматикахъ исчисляются коренныя слова, въ которыхъ принято употреблять букву *ъ*. Обыкновенно задаютъ вызубрить эти слова. Однако это далеко не достигаетъ цѣли. По моему мнѣнію, слѣдуетъ писать эти слова съ учениками въ классѣ [2]). Сначала дается слово, по произношенію котораго нельзя рѣшить, что̀ написать — *ъ*, или *е*, а за-

---

[1]) О правописаніи той семьи словъ см.:
Буслаевъ Историч. грам. (1875)[4] § 43 стр. 88 примѣч.
Гротъ Спорные вопросы (1876)[2] стр. 436.

[2]) О томъ, какъ вести подобныя занятія, ср. мою ста-

тѣмъ подбирается учениками такое родственное слово, которое дало бы возможность рѣшить вопросъ. Бо́льшая часть словъ, въ корнѣ которыхъ пишется буква *ѣ* и которыя перечисляются въ грамматикахъ, поддаются указанному мною способу прохожденія. Можно возразить, что ученики мало по малу перестанутъ обдумывать, а будутъ на-угадъ отвѣчать, что въ заданномъ словѣ надо писать *ѣ*. Но вѣдь ничто не мѣшаетъ преподавателю перемежать слова, въ корнѣ которыхъ пишется буква *ѣ*, съ такими, въ корнѣ которыхъ нужно писать *е*. Въ концѣ урока можно заставлять учениковъ сказать на память тѣ слова „на букву *ѣ*“, которыя пройдены на этомъ урокѣ; къ слѣдующему уроку слова эти должны быть выучены наизусть.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ въ первомъ столбцѣ я пишу фонетически слова, произношеніе которыхъ не можетъ рѣшать правописанія *ѣ*; въ слѣдующемъ столбцѣ пишу тоже научно-фонетически родственныя слова, по произношенію которыхъ можно судить о правописаніи нашей буквы; въ третьемъ столбцѣ помѣщаются орѳографическія написанія этихъ послѣднихъ словъ, а по аналогіи съ ними пишутся слова перваго столбца, орѳографическія написанія которыхъ я помѣщаю въ послѣдующемъ столбцѣ.

б'эжа́т'	б'э́гат'	бѣгать	бѣжать
б'эда́	поб'э́да	побѣда	бѣда
б'эл'і́т'	б'э́лый	бѣлый	бѣлить
б'эс'і́т'	б'э́с	бѣсъ	бѣсить
	п'э́гаја	пѣгая	
п'э́н'іт'	п'э́на	пѣна	пѣнить
с'п'э́т'	ус'п'э́х	успѣхъ	спѣть
п'э́т'	п'э́л	пѣлъ	пѣть

тью „О преподаваніи русскаго языка въ Казанской Татарской Учительской Школѣ“ Рус. Фил. Вѣстн. 1884 N 1 стр. 29—30 (въ педагогич. отдѣлѣ).

с'в'э́д'эн'ijэ в'э́д'і	в'э́дат'	вѣдать	свѣдѣніе вѣди (назв. буквы)
в'э́к'і	в'э́ко	вѣко	вѣки
в'экам'і	в'э́к	вѣкъ	вѣками
в'э́р'іт'	в'э́ра	вѣра	вѣрить
в'эсы́ в'э́с'іт'	в'э́с	вѣсъ	вѣсы вѣсить
в'э́т'ф'	в'э́тка	вѣтка	вѣтвь
в'э́jат'	в'э́тр	вѣтръ	вѣять
отв'э́т'іт'	отв'э́т	отвѣтъ	отвѣтить
н'эв'э́с'т'э	н'эв'э́ста	невѣста	невѣстѣ
с'в'эт'і́	с'в'э́т	свѣтъ	свѣти
цв'эток	цв'э́т	цвѣтъ	цвѣтокъ
ч'элов'э́ч'эство	ч'элов'э́к	человѣкъ	человѣчество
м'эл'і́т'	м'э́л	мѣлъ	мѣлить
м'эн'а́т'	м'э́на	мѣна	мѣнять
м'э́р'іл	м'э́ра	мѣра	мѣрить
м'эста́	м'э́сто	мѣсто	мѣста̀
м'эша́т'	пом'э́ха	помѣха	мѣшать
м'эшо́к	м'э́х	мѣхъ	мѣшокъ
м'э́т'іт'	м'э́та	мѣта	мѣтить
с'мэjу́с'	с'м'э́х	смѣхъ	смѣюсь
д'эві́ца	д'э́ва	дѣва	дѣвица
д'э́д'ін'ка	д'э́т	дѣдъ	дѣдинька
д'эла́	д'э́ло	дѣло	дѣла̀
д'эл'і́т'	разд'э́л	раздѣлъ	дѣлить
од'э́т'	од'э́л	одѣлъ	одѣть
д'э́т'і	д'э́тушк'і	дѣтушки	дѣти
т'эла́	т'э́ло	тѣло	тѣла̀
т'э́н'	отт'э́нок	оттѣнокъ	тѣнь
ф т'э́ст'э	т'э́сто	тѣсто	въ тѣстѣ
ут'эша́т'	ут'э́ха	утѣха	утѣшать

з'эва́т'	з'э́ф	зѣвъ („полость зѣва“)	зѣвать
з'эн'іца	з'э́нк'і	зѣнки	зѣница
л'эв'э́jэ	л'э́выj	лѣвый	лѣвѣе
л'э́с'	л'э́зу	лѣзу	лѣзь
л'эч'іт'	л'э́кар'	лѣкарь	лѣчить
л'э́н'	л'э́нос'т'	лѣность	лѣнь
л'эп'іт'	л'э́пка	лѣпка	лѣпить
л'эса́	л'э́сы	лѣсы	лѣса
л'эсно́j	л'э́с	лѣсъ	лѣсной
л'эта́	л'э́то	лѣто	лѣта
жэл'э́з'істыj	жэл'э́зо	желѣзо	желѣзистый
кал'э́к'і	кал'э́ка	калѣка	калѣки
кл'э́т'	кл'э́тка	клѣтка	клѣть
кол'э́н'і	кол'э́но	колѣно	колѣни
мл'э́т'	мл'э́л	млѣлъ	млѣть
о гл'э́б'э	гл'э́п	Глѣбъ	о Глѣбѣ
пл'эн'іт'	пл'э́н	плѣнъ	плѣнить
пол'э́н'іца	пол'э́но	полѣно	полѣница
с'л'эд'іт'	с'л'э́т	слѣдъ	слѣдить
с'л'эпоj	с'л'э́пнут'	слѣпнуть	слѣпой
т'эл'э́г'і	т'эл'э́га	телѣга	телѣги
хл'э́б'эц	хл'э́п	хлѣбъ	хлѣбецъ
хл'эвушо́к	хл'э́ф	хлѣвъ	хлѣвушокъ
н'э́ч'то	н'э́кто	нѣкто	нѣчто
н'э́г'э	н'э́га	нѣга	нѣгѣ
н'э́м'эц	н'э́м	нѣмъ	Нѣмецъ
гн'эв'іт'	гн'э́ф	гнѣвъ	гнѣвить
гн'эдо́j	гн'э́т	гнѣдъ	гнѣдой
д'н'эпра́	д'н'э́пр	Днѣпръ	Днѣпра
д'н'эстра́	д'н'э́стр	Днѣстръ	Днѣстра
п'эч'эн'э́г'і	п'эч'эн'э́к	Печенѣгъ	Печенѣги
ф с'н'эгу́	с'нэ́к	снѣгъ	въ снѣгу

р'эт ч'а́йшыj	р'э́ткыj	рѣдкій	рѣдчайшій
выр'эза́т'	р'э́зат'	рѣзать	вырѣзать
р'э́п'іца	р'э́па	рѣпа	рѣпица
р'эшы́т'	прор'э́ха	прорѣха	рѣшить
гр'эх'і́	гр'э́х	грѣхъ	грѣхи
укр'эпл'а́т'	кр'э́пкыj	крѣпкій	укрѣплять
ор'э́х'і	ор'э́х	орѣхъ	орѣхи
пр'э́т'	пр'э́л	прѣлъ	прѣть
с'в'ір'э́п'эjэ	с'в'ір'э́шыj	свирѣпый	свирѣпѣе
стр'эла́	стр'э́лы	стрѣлы	стрѣла
о хр'э́н'э	хр'э́н	хрѣнъ	о хрѣнѣ
цэлова́т'	цэ́лыj	цѣлый	цѣловать
цэ́л'	пр'іцэ́л	прицѣлъ	цѣль
цэна́	цэ́ны	цѣна	цѣны
цэ́п'	цэ́пкыj	цѣпкій	цѣпь
jэзда́	jэ́ду	ѣду	ѣзда
jэда́	jэ́м	ѣда	ѣмъ

Возьмемъ слово „б'эрý“; по нему нельзя узнать, слѣдуетъ ли писать букву *ъ* или *е*; а также не находимъ и родственныхъ словъ, въ которыхъ бы за нашимъ гласнымъ слѣдовалъ твердый согласный. Мы замѣчаемъ, что въ нѣкоторыхъ родственныхъ словахъ вовсе нѣтъ гласнаго между б и р (напр. брать). Въ орѳографіи въ разсматриваемомъ словѣ пишется буква *е* (беру). Это обстоятельство подсказываетъ мысль, что не всегда ли въ орѳографіи пишется буква *е*, когда гласный звукъ э чередуется съ нулемъ. Другіе примѣры подтверждаютъ нашу догадку: дéру (драть), пéнь (пня), дéнь (дня) и т. п.

Такимъ образомъ мы доходимъ до обобщенія: *когда въ словѣ произносится гласный звукъ э, а въ нѣкоторыхъ родственныхъ словахъ въ этомъ мѣстѣ не произносится никакого гласнаго, то въ такомъ словѣ пишется буква е.* Теперь это правило можно уже примѣнять къ частнымъ случаямъ.

Нѣкоторыя слова однако не подходятъ ни подъ это правило, ни подъ предъидущее, напр. лелѣять, плѣсень, мѣсяцъ, змѣя, пѣнязь, рѣчь, рѣять, сѣверъ, тѣять, цѣдить; въ этихъ случаяхъ нужно воспользоваться историческимъ принципомъ правописанія, т. е. писать эти слова такъ, какъ раньніе ихъ писали.

Въ словѣ „ветхій“ - на основаніи перваго правила о правописаніи буквъ *ъ* и *е* слѣдовало бы написать *ъ*, а между тѣмъ пишется *е*, потому что это произношеніе заимствовано изъ церковно-славянскаго, гдѣ *е* никогда не произносится какъ *о*. Въ чисто русскомъ произношеніи было бы *о*, какъ въ словѣ в'óтош, которое показываетъ, что надо писать букву *е*. Впрочемъ особенности по разсматриваемому вопросу будутъ подробно разобраны при изложеніи фонетики русскаго языка.

Глава IV.

Введеніе въ этимологію.

§ 30. Наша рѣчь представляетъ сторону *звуковую* и сторону *значенія*.

Разсмотримъ сначала звуковую сторону рѣчи.

Когда мы произносимъ какой-нибудь *звукъ*, то при этомъ происходитъ *сокращеніе мышечныхъ группъ* органа рѣчи, требующихся для произнесенія этого звука (такъ, для произнесенія звука *а* должны сократиться: группа выдыхательныхъ мышцъ, чтобы послать достаточно сильный токъ воздуха, мышцы гортани, сближающія и натягивающія голосовыя связки, мышцы мягкаго неба, приближающія его къ задней стѣнкѣ глотки, и мышцы, осаждающія нижнюю челюсть). Эта совокупность мышечныхъ сокращеній происходитъ *подъ вліяніемъ импульсовъ*, идущихъ изъ соотвѣтствующихъ группъ нервныхъ элементовъ головнаго мозга или, другими словами, *вслѣдствіе возбужденія* нервовъ, начинающихся въ головномъ мозгу и оканчивающихся въ этихъ мышцахъ. Работа (движенія) органовъ произношенія сопровождается *мышечнымъ чувствомъ* или, какъ его называетъ Штейнталь, *чувствомъ движенія* (bewegungsgefühl). Чтобы составить себѣ нагляднѣе представленіе о мускульномъ (мышечномъ) чувствѣ, попробуйте произнести какой-нибудь непривычный для васъ звукъ, напр. произнесите *к* глубже, нежели вы обыкновенно произносите. Вы замѣчаете особое ощущеніе въ задней части языка, именно—напряженность въ ней. Ощущеніе это мы получаемъ собственно (черезъ посредство нервовъ) въ головномъ мозгу, но оно локализируется, переносится на мѣсто, послужившее источникомъ или причиною этого ощущенія. Такимъ образомъ произношеніе звука представля-

етъ *ассоціацію* (сочетаніе) *импульсовъ*, идущихъ изъ соотвѣтствующихъ группъ нервныхъ элементовъ головнаго мозга, вызывающую сокращеніе соотвѣтствующихъ мышечныхъ группъ органа рѣчи, которое въ свою очередь возбуждаетъ въ головномъ мозгу соотвѣтствующую *ассоціацію мышечныхъ ощущеній*.

Движеніями органа рѣчи приводится въ колебаніе воздухъ; колебанія воздуха возбуждаютъ слуховой нервъ, и мы получаемъ ассоціацію *слуховыхъ ощущеній* отъ нашего собственнаго произношенія. Это слуховая ассоціація вступаетъ въ связь съ ощущеніемъ мышечнымъ, полученнымъ отъ того же произношенія.

Когда мы произносимъ *слово*, изъ головнаго мозга идетъ *рядъ* импульсовъ, подъ вліяніемъ котораго происходитъ *послѣдовательное* сокращеніе соотвѣтствующихъ мышечныхъ группъ, сопровождающееся *рядомъ* мышечныхъ ощущеній, съ которымъ ассоціируется *рядъ* слуховыхъ ощущеній.

Къ сказанному нужно еще прибавить, что описанный звуковой рядъ связанъ (ассоціированъ) въ нашемъ умѣ съ соотвѣтствующимъ представленіемъ или идеей *(значеніемъ)*. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ говорятъ слово на языкѣ совершенно для насъ непзвѣстномъ, то мы не можемъ понять этого стова, такъ какъ оно является въ такомъ случаѣ для нашего ума только рядомъ звуковъ, безъ значенія.

§ 31. Если мы будемъ повторять произношеніе одного и того же *звука*, напр. *а*, то можно замѣтить, что произношеніе не будетъ совершенно одно и то же, будутъ получаться *разновидности* одного и того же звука, зависящія отъ различія напряженія и скорости произношенія. Звуки, образуя *слово*, располагаются въ слоги, изъ которыхъ одинъ произносится съ удареніемъ, т. е. съ наибольшимъ напряженіемъ и длительностью, другіе же группируются около него, имѣя напряженность и длительность соотвѣтственно положенію своему относительно слога уда-

реннаго. Хотя напряженность и длительность слоговъ въ словѣ группируется опредѣленнымъ образомъ, однако *видоизмѣняется* при отдѣльныхъ произношеніяхъ, не говоря уже о вліяніи въ этомъ отношеніи перемѣны мѣста слова въ предложеніи. Даже если будемъ повторять одно и то же *предложеніе,* то и тогда будутъ происходить *колебанія* въ напряженности и длительности въ словахъ этого предложенія, не говоря уже объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ томъ случаѣ, когда предложеніе, состоящее изъ однихъ и тѣхъ же словъ, совершенно одинаково расположенныхъ, произносится подъ вліяніемъ различныхъ аффектовъ. Описанныя разновидности произношенія на письмѣ не передаются, а потому для надлежащаго представленія звуковой стороны рѣчи мы должны отрѣшиться отъ общепринятаго правописанія и имѣть въ виду живое, конкретное произношеніе.

§ 32. Разсмотримъ *виды ассоціацій*, входящіе въ образованіе слова.

Мы видѣли, что произношеніе каждаго *звука* рѣчи представляетъ ассоціацію импульсовъ, сопровождающуюся ассоціаціею мышечныхъ ощущеній, и соотвѣтствующую ассоціацію слуховыхъ ощущеній. Каждая изъ этихъ ассоціацій есть ассоціація *по смежности,* и притомъ *одновременная.*

Связь между импульсами для произношенія и соотвѣтствующими мышечными ощущеніями носитъ характеръ *необходимости:* мышечныя ощущенія являются необходимыми спутниками движеній органовъ произношенія. Paul, разсматривая факторы, дѣйствующіе при произношеніи звуковыхъ комплексовъ, указываетъ, между прочимъ, на чувство движенія, какъ на

> „рядъ ощущеній, которыми *необходимымъ образомъ* сопровождаются движенія органовъ произношенія“ [1]).

[1]) Principien der sprachgeschichte (1880) стр. 40.

О связи между мышечными ощущеніями и слуховыми Paul говоритъ:

> „*Чувство движенія и слуховое ощущеніе* не стоятъ во внутренней связи другъ съ другомъ. Но они вступаютъ во *внѣшнюю ассоціацію*, когда говорящій слышитъ свое собственное произношеніе. Чрезъ одно слышаніе другихъ чувство движенія не дается, а вмѣстѣ съ тѣмъ не дается и возможность репродуцировать услышанный звуковой комплексъ, такъ какъ для того, чтобы быть въ состояніи произнести непривычный звукъ, требуется предварительное пробованіе, упражненіе“ [1]).

Такъ какъ *слово* представляетъ рядъ звуковъ, то, стало быть, въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто ассоціація *по смежности* и притомъ въ смыслѣ *послѣдовательности*.

Наконецъ, звуковой рядъ слова ассоціируется *по смежности* со своимъ значеніемъ. Значеніе же, какъ увидимъ ниже, не есть нѣчто простое, но тоже — сложное, тоже — аггрегатъ ассоціацій.

Предложеніе — еще болѣе сложный аггрегатъ ассоціацій, нежели слово.

§ 33. Попробуемъ теперь выразить въ *формулахъ* то, что мы узнали о словѣ.

При произнесеніи отдѣльнаго звука имѣемъ слѣдующіе элементы:

1) одновременная ассоціація нервныхъ импульсовъ изъ головнаго мозга, назовемъ:

$$\varphi^1\ \varphi^2\ \varphi^3 \ldots .$$

2) Вызываемая этими импульсами группа мышечныхъ сокращеній—

$$M^1\ M^2\ M^3 \ldots .$$

---

[1]) Ib. стр. 40—41.

3) ассоціація одновременности изъ соотвѣтствующихъ мышечныхъ ощущеній—

$$\chi^1\ \chi^2\ \chi^3 \ldots .$$

4) ассоціація одновременности изъ слуховыхъ ощущеній—

$$\vartheta^1\ \vartheta^2\ \vartheta^3 \ldots .$$

Пусть φ будетъ обобщеніемъ первой ассоціаціи, χ — третьей, ϑ—четвертой, т. е.

$$\varphi^1\ \varphi^2\ \varphi^3 \ldots = \varphi$$
$$\chi^1\ \chi^1\ \chi^3 \ldots = \chi$$
$$\vartheta^1\ \vartheta^2\ \vartheta^3 \ldots = \vartheta,$$

группу же $M^1\ M^2\ M^3 \ldots .$ обозначимъ посредствомъ M.

И такъ, въ образованіи звука привходятъ элементы:

$$\varphi,\ M,\ \chi,\ \vartheta.$$

Припомнимъ, что произношеніе каждаго звука представляетъ разновидности или колебанія, что̀ мы можемъ выразить относительно этихъ элементовъ слѣдующимъ образомъ:

$$\varphi^m,\ M^m,\ \chi^m,\ \vartheta^m,$$

при чемъ экспонентъ m=mutabile (колеблющееся).

Въ разсматриваемыхъ элементахъ слѣдуетъ различать тѣ, которые принадлежатъ къ сферѣ нервной дѣятельности, т. е.

$$\varphi^m,\ \chi^m,\ \vartheta^m,$$

отъ мышечныхъ работъ, т. е.

$$M^m.$$

Обращаясь къ первымъ тремъ элементамъ, припомнимъ, что связь между φ и χ имѣетъ характеръ необходимости. Наши символическія обозначенія упростятся, если мы пропустимъ элементъ χ^m, считая его необходимымъ спутникомъ для φ^m. Такимъ образомъ мы имѣемъ теперь элементы (въ сферѣ нервной)

$$\varphi^m,\ \vartheta^m.$$

Элементъ φ^m указываетъ на нервную дѣятельность двигательную (моторную), а ϑ^m—на нервную дѣятельность ощущающую (сенсорную), именно на слуховое ощущеніе.

Такъ какъ и φ^m, и ϑ^m обозначаютъ звукъ, но съ тою

разницей, что первое обозначеніе выражаетъ произношеніе, а второе — слышаніе, то стало быть подъ эти обозначенія мы можемъ подставлять любые звуковые символы, при чемъ для обозначенія произношенія возьмемъ буквы латинскія, а для обозначенія слышанія—буквы готическія, т. е.

$$\varphi^{m} = a,\ b,\ c,\ d \ldots.$$
$$\vartheta^{m} = \mathfrak{a},\ \mathfrak{b},\ \mathfrak{c},\ \mathfrak{d} \ldots.$$

Значитъ, звуковая сторона слова можетъ быть выражена такъ:

$$abcdef + \mathfrak{a}\mathfrak{b}\mathfrak{c}\mathfrak{d}\mathfrak{e}\mathfrak{f},$$

при чемъ показываетъ связь (ассоціацію) по смежности.

Если рядъ произносимыхъ звуковъ мы обобщимъ посредствомъ S (т. е. sonus = звукъ), а рядъ слышимыхъ звуковъ—посредствомъ $\mathfrak{S}$, то формула будетъ:

$$S + \mathfrak{S}.$$

Обозначивъ сторону значенія посредствомъ Σ (σημαίνω = означаю), мы можемъ представить полную картину слова слѣдующимъ образомъ:

$$\left.\begin{matrix} S \\ + \\ \mathfrak{S} \end{matrix}\right\} + \Sigma.$$

§ 34. Сказанное еще далеко не полно рисуетъ картину слова. Съ отдѣльными звуками слова не связывается никакого значенія; но звуковой рядъ слова можетъ представлять части со значеніемъ *(части слова знаменательныя или морфологическія):* корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе, основу, напр.:

вы + хож + у стол + ик + омъ
преф. кор. ок. кор. суф. ок.
основа ос.

хож + у стол + омъ
кор. (ос.) ок. кор. (ос.) ок.

Такимъ образомъ данная нами *формула слова* можетъ быть дополнена слѣдующимъ образомъ:

$$\begin{matrix} S \\ + \times \\ \mathfrak{S} \times \end{matrix} \Sigma \qquad ^{1})$$

$$\overbrace{\underbrace{\text{Пр.} + \text{К.} + \text{Сф.}}_{\text{Ос.}} + \text{Ок.}}$$

Примѣчаніе. Изслѣдователю языка нужно всегда помнить, что онъ долженъ стремиться къ изученію рѣчи въ ея *дѣйствительности*, и съ этой точки онъ долженъ подвергать строгой критикѣ всякое грамматическое ученіе, внимательно разсматривая, не слѣдуетъ ли отнести это ученіе, такъ сказать, къ лингвистической *миѳологіи*. Въ грамматикахъ принято дѣленіе словъ на морфологическія части, но мы должны изслѣдовать, дѣйствительно ли въ живомъ языкѣ слова разлагаются на такъ называемыя морфологическія части, или же части эти — только вымыселъ грамматиковъ.

Морфологическія части словъ не суть фикціи, но дѣйствительныя части словъ. Въ самомъ дѣлѣ:

1) *заимствованныя слова* часто приноравливаются къ морфологическимъ частямъ, свойственнымъ языку заимствующему (ср. произношеніе н е - б е л ь вм. мебель и т. п.; здѣсь имѣю въ виду простонародное заимствованіе словъ). Тоже *вновь создающіяся слова* являются съ морфологическими частями, имѣ-

---

[1]) Попробуемъ представить формулу отдѣльной морфологической части. Пусть имѣемъ какое-нибудь слово:

$$\overbrace{\underbrace{ab + cd + ef}_{\text{преф. кор. суф.}} + gh.}^{\text{основа}} \quad \text{ок.}$$

Морфологическая часть слова есть часть звуковъ слова, произносимая или слышимая, связанная со значеніемъ. Такъ какъ звуковыя сочетанія произносимыя мы можемъ обозначить посредствомъ S, слышимыя — посредствомъ $\mathfrak{S}$, значеніе же—посредствомъ Σ, то намъ остается только для отличенія морфологическихъ частей одной отъ другой прибавить къ этимъ обозначеніямъ показатели: *r* (т. е. radix корень), *p* (praefixum префиксъ), *s* (suffixum суффиксъ), th (thema основа), f (flexio окончаніе). Напр.:

формула *префикса:* $\begin{matrix} S^p \\ + \times \\ \mathfrak{S}^p \times \end{matrix} \Sigma^p$ формула *корня:* $\begin{matrix} S^r \\ + \times \\ \mathfrak{S}^r \times \end{matrix} \Sigma^r$ и т. д.

ющимися въ языкѣ (ср. переконьячить, т. е. налить, напр. въ чай, слишкомъ много коньяку). Эта подвижность, это появленіе раньше не употреблявшихся соединеній морфологическихъ частей, доказываетъ дѣйствительное существованіе ихъ въ языкѣ;

2) слова, употреблявшіяся прежде съ однѣми морфологическими частями, принимаютъ иногда *по аналогіи* другія вмѣсто нихъ (ср., напр., произношеніе держутъ вм. держатъ);

3) встрѣчаются *описки*, а также ошибки въ произношеніи или *обмолвки*, представляющія подстановку одной морфологической части вмѣсто другой (описка: впечатлѣніями сходными (вм. сходнаго) звука; обмолвка: занятій вашихъ этихъ (вм. этимъ) предметомъ);

4) морфологическія части, вообще являющіяся *только соединенными*, получаютъ иногда самостоятельное существованіе, выдѣляясь въ слова. Такъ вичъ, напр. въ поговоркѣ: „наши *вичи* ѣдятъ одни калачи“. Ср. также выраженіе: „говорить за и противъ“.

Всматриваясь въ приведенныя доказательства, можно замѣтить въ нихъ общую черту: дѣйствительное существованіе въ языкѣ морфологическихъ частей доказывается появленіемъ этихъ частей въ *новыхъ условіяхъ;* при этомъ обнаруживается и то, что̀ именно чувствуется извѣстною морфологическою частью.

Говоря о морфологическихъ частяхъ слова, нужно упомянуть объ употребленіи *предлоговъ въ соединеніи съ падежными формами.*

> „Предлоги, сочетающіеся съ косвенными падежами, составляютъ почти такую же неразрывную часть этихъ падежей, какъ, напримѣръ, флексійныя окончанія“ [1]).

Что сочетанія предлоговъ съ падежными формами чувствуются какъ цѣльныя слова, — это доказываютъ, между прочимъ, написанія малограмотныхъ, напр. *просалдачину, надругойжа, навагша* (на ваше) . . . [2]).

---

[1]) Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки, выпускъ I, 1877 (отдѣльн. отт. изъ Филолог. Запис.) стр. 31.

[2]) Во французскомъ языкѣ падежныя окончанія утратй-

§ 35. Разсматривая звуковую сторону морфологическихъ частей, нужно представлять себѣ произношеніе ихъ возможно ближе къ дѣйствительности и не смѣшивать произношеніе съ правописаніемъ, такъ какъ въ послѣднемъ нѣкоторыя особенности произношенія не обозначаются.

Обративъ вниманіе на звуковую сторону морфологическихъ частей, мы находимъ *фонетическія разновидности* морфологическихъ частей при одномъ и томъ же значеніи. Напр.:

1. Разновидности *корня* (resp. *основы*):
   го́да̃ (го́да) || *га̊да́* (года̀).
2. Разновидности *префикса:*
   за́дъл (задалъ) || *зъдана́* (задана).
3. Разновидности *суффикса:*
   зва̂н*а́р*' (звонарь) || п'*а́кър*' (пекарь).
4. Разновидности *окончанія:*
   рук*а́м* (рукамъ) || па́лк*ъм* (палкамъ).

Обозначивъ посредствомъ Σ значеніе и присоединивъ показатель x для обозначенія вообще любой морфологической части слова, мы можемъ фонетическія разновидности морфологической части изобразить слѣдующею *формулою:*

$$\Sigma^x = S_1^x(\mathfrak{S}_1^x) \times S_2^x(\mathfrak{S}_2^x) + S_3^x(\mathfrak{S}_3^x)$$

§ 36. Профессоръ Потебня, выясняя, что̀ такое слово, говоритъ:

> „Слово верста, по видимому, многознаменательно; но таково оно лишь въ томъ видѣ, въ какомъ является въ словарѣ. Между тѣмъ дѣйствительная жизнь его и всякаго слова совершается въ рѣчи. Говоря „пять верстъ“, я разумѣю подъ „верстъ“ не рядъ, не возрастъ и пр., а только мѣ-

---

лись и остались только предлоги въ роли окончаній, напр. la table (столъ): de la table, à la table.

ру разстоянія. Слово въ рѣчи каждый разъ соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е. каждый разъ, какъ произносится, или понимается, имѣетъ не болѣе одного значенія.... Въ дѣйствительности не только в е р с т а = 500 саженей, есть слово отдѣльное и отличное отъ в е р с т а = возрастъ, верста=пара, но и въ одномъ изъ этихъ значеній есть иное слово, чѣмъ в е р с т ы, в е р с тѣ и т. д. въ томъ же лексическомъ значеніи“ [1]).

Вообще, разсматривая семазіологическую сторону (т. е. сторону значенія) морфологическихъ частей, мы замѣчаемъ *семазіологическія разновидности* морфологическихъ частей при одномъ и томъ же звуковомъ составѣ. Напр.:

1. Разновидности *корня* (resp. *основы*):
   верста (мѣра разст.) || *верста* (возрастъ).
2. Разновидности *префикса*:
   *под*бѣжать || *под*смѣяться.
3. Разновидности *суффикса*:
   дѣл*ецъ* || лар*ецъ*.
4. Разновидности *окончанія*:
   стол*а* (ножка стола) || стол*а* (лишиться стола).

Общая *формула*:

$$M_{-x} \times \begin{matrix} S^x(\mathfrak{C}^x) \\ + \\ \Sigma_2^x \end{matrix} \times \Sigma_{+x}^{\circ}$$

§ 37. Разсматривая слово, мы говорили только объ ассоціаціяхъ *по смежности*. Но вѣдь намъ приходится одни и тѣ же слова произносить и слышать не по одному только разу. Благодаря *повторенію*, происходитъ ассоціація *по сходству* или *по сродству*. Такимъ образомъ сходство подразумѣвается смежностью, когда связь по смежности закрѣпляется чрезъ повтореніе. Но кромѣ ассоціа-

---

[1]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. Введеніе. (1874) стр. 4—5.

ціи въ силу *полнаго* сходства или тожества можетъ быть ассоціація *частнаго* сходства, или сходства въ различіи. Такъ, напр., при произнесеніи или же слышаніи родственныхъ словъ (напр. *выношу*, *выходи* и т. п.) происходитъ ассоціація по сходству общей морфологической части.

Отдѣльныя ассоціаціи по смежности и сходству, соединяясь между собою, образуютъ *сложныя ассоціаціи*. Такимъ путемъ образуются въ умѣ *морфологическія системы* (склоненія, спряженія, словопроизводство и т. д.). При образованіи морфологическихъ системъ, въ нашемъ умѣ образуются ассоціаціи *отношеній* между родственными формами этихъ системъ, ассоціаціи *звуковыхъ соотвѣтствій* въ этихъ формахъ. Такъ, напр., образованія н'эсý || н'эс'óш, в'эдý || в'эд'óш, п'экý || п'эч'óш и т. д. находятся другъ къ другу, между прочимъ, въ слѣдующемъ *отношеніи:* въ одномъ случаѣ имѣется окончаніе -óш съ предъидущимъ мягкимъ *с*, мягкимъ *д*, мягкимъ *ч* . . . , въ другомъ же случаѣ — окончаніе -ý, уложеніе котораго начинается отъ уложенія твердаго *с*, твердаго *д*, твердаго *к* . . . Такимъ образомъ въ умѣ возникаетъ ассоціація такихъ *соотвѣтствій звуковъ*, какъ с || с', д || д', ч || ч' и пр., которыя свойственны даннымъ образованіямъ.

Слова по сходству морфологическихъ системъ группируются въ *части рѣчи*. Но при этомъ играетъ роль не одна формальная сторона, но и сторона значенія; ср. напр. слово „богатый“: по формѣ и флексіи оно — прилагательное, тогда какъ по значенію можетъ быть и существительнымъ.

Кромѣ указанныхъ нами происходитъ въ рѣчи множество другихъ ассоціацій по сходству, напр. порядка словъ въ предложеніи, отношеній словъ (конструкцій), звуковыхъ оттѣнковъ [1]) и пр. [2]).

---

[1]) Предположимъ, мы слышимъ слово „да“, произнесенное съ угрозой, а затѣмъ какое-нибудь другое слово (напр. нѣтъ“), произнесенное съ тѣмъ же оттѣнкомъ. Не смотря на то, что эти слова по звукамъ и значенію различны, но они

Сказанное слѣдуетъ относить ко всевозможнымъ нашимъ воспріятіямъ. При всякомъ новомъ воспріятіи, совпадающемъ тѣми или другими элементами съ прежними воспріятіями, происходитъ ассоціація по сходству однородныхъ элементовъ. Вообще, психическія явленія рѣчи слѣдуетъ разсматривать въ связи съ другими отправленіями ума; чрезъ это получается бо́льшая широта взгляда. Мы дошли такимъ образомъ до идеи объ *однородности* мысли.

Благодаря свойству ума къ сочетанію по сходству, умственный матеріалъ не является въ видѣ хаоса, но располагается въ группы, другими словами – *классифицируется*.

---

§ 38. Я представилъ въ общихъ чертахъ картину слова. Но вѣдь мы лишь постепенно научаемся говорить. Рѣчь каждаго *индивидуума* имѣетъ исторію своего образованія. Для правильнаго пониманія явленій рѣчи необходимо изученіе *постепеннаго пріобрѣтенія рѣчи, начиная съ дѣтства.*

На первыхъ порахъ ребенокъ издаетъ крики или подъ вліяніемъ какихъ-нибудь болѣзненныхъ ощущеній, или вслѣдствіе наплыва энергіи при бодромъ состояніи организма; движенія органовъ произношенія при этихъ крикахъ подобны движеніямъ другихъ органовъ, напр. ногъ, рукъ, происходящимъ подъ вліяніемъ тѣхъ же состояній организма ребенка. Благодаря *памяти,* движенія органовъ произношенія не пропадаютъ безслѣдно: сопутствующія

сходны по оттѣнку угрозы, относительно котораго и происходитъ ассоціація сходства.

[2]) Нѣкто шелъ въ *Кошачій переулокъ* и на вопросъ мой — куда онъ идетъ — отвѣтилъ: въ *Собачій переулокъ* (тоже существующій). Когда я замѣтилъ ему эту ошибку, онъ сказалъ, что то и дѣло путаетъ эти названія. Легко видѣть, что путаетъ онъ эти именно названія переулковъ благодаря тому, что въ томъ и другомъ названіи имѣется названіе животнаго.

имъ мышечныя ощущенія мало по малу запоминаются въ ассоціаціи съ соотвѣтствующими звуками отъ собственнаго произношенія. Указанныя работы органовъ произношенія служатъ *подготовкой* къ настоящему произношенію, и вотъ какимъ образомъ.

Слыша произношеніе другихъ, ребенокъ стремится подражать этому произношенію [1]). Слухъ даетъ ему типъ того, что должно быть выполнено, и вотъ, благодаря предшествовавшему опыту, ребенокъ производитъ рядъ *попытокъ*, пока не будетъ достигнуто полное соотвѣтствіе съ типомъ. Ребенокъ тогда испытываетъ *удовольствіе*, которое способствуетъ удержанію въ памяти сдѣланнаго пріобрѣтенія [2]).

Ребенокъ не сразу выучивается совершенному произношенію звуковъ. Одни звуки въ словахъ онъ научается произносить раньше, другіе—позже. Было бы важно производить наблюденія надъ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ произношенія ребенкомъ [3]). Такія наблюденія, въ виду большей прочности выводовъ, должны быть произведены надъ многими индивидуумами, принадлежащими къ данному языку. Если бы подобныя наблюденія были произведены надъ дѣтьми въ области разныхъ языковъ, то это былъ бы важный вкладъ въ сравнительную физіологію звуковъ.

Слова ребенокъ усваиваетъ не просто какъ звуковые

---

[1]) Кому нерѣдко доводилось находиться возлѣ дѣтей, тотъ безъ сомнѣнія замѣтилъ въ нихъ большую *подражательность*: подмѣтивъ ляганіе лошади, ребенокъ и самъ продѣлываетъ это движеніе; его вниманіе привлекли ваши жесты, и вотъ ребенокъ машетъ подобнымъ же образомъ своими руками и т. п.

[2]) На изображенный путь первоначальнаго хода образованія произношенія нужно смотрѣть не столько какъ на достовѣрный, сколько какъ на предполагаемый, въ дѣйствительности же здѣсь многіе вопросы не изслѣдованы и темны.

[3]) Здѣсь я долженъ указать на прекрасное изслѣдованіе А. И. Александрова Дѣтская рѣчь въ Р. Ф. В. 1883 N 3 стр. 86—120 (имѣется и въ отд. отт.).

ряды, но въ ассоціаціи съ соотвѣтствующимъ *значеніемъ*. Когда ребенокъ учится говорить, то ему показываютъ тотъ или другой предметъ и при этомъ называютъ его. Ребенокъ получаетъ отъ предмета рядъ разнообразныхъ *ощущеній*—зрительныхъ (цвѣтъ предмета, его фигура и пр.), осязательныхъ и т. д. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ дальнѣйшаго опыта, къ этимъ ощущеніямъ присоединяются новыя. На основаніи ощущеній въ умѣ ребенка образуется *представленіе* предмета. Но въ умѣ ребенка образуются представленія и отъ другихъ такихъ же предметовъ и такъ же называющихся. Изъ качествъ общихъ всѣмъ этимъ представленіямъ въ умѣ вырабатывается общее *понятіе*. Понятія тоже развиваются. Изъ представленій и понятій образуется и развивается знаніе. Такимъ образомъ, наши представленія и понятія, обозначаемыя тѣми или другими словами, измѣнчивы: мы получаемъ новыя ощущенія, въ нашемъ умѣ происходятъ новыя ассоціаціи между представленіями, представленія и понятія то являются болѣе ясными, то становятся смутнѣе и т. п. (Σ_m). Легко понять, что представленія и понятія, называемыя разными лицами одинаковыми словами, не тожественны, что у дѣтей слова обозначаютъ не то, что тѣ же слова обозначаютъ у взрослыхъ. Благодаря повторенію, представленія и понятія тѣснѣе связываются со своими названіями, образуя крѣпко связанное цѣлое.

Попробуемъ теперь объяснить, какимъ путемъ въ умѣ ребенка образуются *морфологическія части словъ*.

Предположимъ, ребенокъ слышитъ какую-нибудь форму. Онъ воспринимаетъ при этомъ рядъ слуховыхъ ощущеній въ связи съ нѣкоторымъ значеніемъ. Когда онъ слышитъ ту же форму другаго слова, онъ опять воспринимаетъ рядъ слуховыхъ ощущеній въ связи съ значеніемъ. Этотъ новый рядъ слуховыхъ ощущеній и его значеніе, благодаря нѣкоторому сходству, связываются съ предъидущимъ звуковымъ рядомъ и его значеніемъ. Слыша ту же форму новаго слова, онъ опять воспринимаетъ ассоціацію слуховыхъ ощущеній по смежности въ связи съ значеніемъ.

Сходные элементы этого и прежнихъ воспріятій ассоціируются между собою по сходству, и т. д. Благодаря повторенію, сходная звуковая часть и соотвѣтствующая идея значенія постепенно усиливаются и, такъ сказать, выдвигаются, и между ними возникаетъ и устанавливается связь по смежности [1]).

Изобразимъ графически описанный нами процессъ (посредствомъ A обозначимъ сходную звуковую часть нашихъ формъ, соединяющуюся съ несходными частями B, C, D; пусть α обозначаетъ сходную идею значенія, соединяющуюся съ несходными β, γ, δ; знакъ $=$ выражаетъ ассоціацію сходства):

$$\begin{matrix} A & +B \\ \| & \\ A & +C \\ \| & \\ A & +D \end{matrix} \quad + \quad \begin{matrix} \alpha & +\beta \\ \| & \\ \alpha & +\gamma \\ \| & \\ \alpha & +\delta \end{matrix}$$

Слѣдуетъ замѣтить, что рядомъ съ усвоеніемъ слышимаго происходитъ у ребенка *творческая дѣятельность*,—ребенокъ самъ создаетъ, на основаніи пріобрѣтеннаго, новыя образованія. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно думать, чтобы ребенокъ, учась говорить, запоминалъ отъ каждаго отдѣльнаго слова всѣ формы. Дѣло происходитъ иначе. Положимъ, ребенокъ усвоилъ уже много формъ, напр. н'эсу́ || н'эс'о́ш, б'эру́ || б'эр'о́ш, ра̊сы́ || ра̊с'э́, ва̊ды́ || ва̊д'э́ и мн. др.; но вотъ онъ узналъ слово в'эд'о́ш и можетъ уже самъ, когда понадобится, образовать форму в'эду́, хотя раньше этой именно формы разсматриваемаго слова онъ не слышалъ. Какъ же онъ образовалъ ее? Чтобы быть въ состояніи создать ее, ребенокъ долженъ привыкнуть къ такимъ соотвѣтствіямъ звуковъ, какъ $c \| c'$, $p \| p'$, $\partial \| \partial'$ и т. п., которыя свойственны извѣстнымъ формамъ; онъ долженъ привыкнуть соединять эти согласные звуки съ разными гласными — *су*, *с'о* . . . ; въ его умѣ слова должны уже разлагаться на морфологическія части и образовывать морфологическія системы. Допустимъ, что ребенокъ уже овладѣлъ всѣмъ этимъ. Ему требуется образовать извѣстную

[1]) Напр. *выгдаю*, *вынеси*, *вывводили* и т. д.

форму отъ слова, которое онъ узналъ въ другой формѣ. Нужно замѣтить, что воспринятая имъ форма в'эд'о́ш въ его умѣ имѣется не особнякомъ, но вступила *по сходству* въ соотвѣтствующую морфологическую систему (н'эсу́ || н'эс'о́ш, б'эру́ || б'эр'о́ш . . .); а такъ какъ ребенокъ привыкъ къ *отношенію* между формами образующими эту систему (т. е. что въ одномъ случаѣ — въ формѣ перваго лица един. ч. — имѣется окончаніе -у́, уложеніе котораго начинается отъ уложенія твердаго *с*, твердаго *р* . . . , въ другомъ же случаѣ — во второмъ лицѣ ед. ч. — имѣется окончаніе -о́ш съ предъидущимъ мягкимъ *с*, мягкимъ *р*...), то онъ и создаетъ, въ случаѣ надобности, изъ данныхъ элементовъ по данному отношенію новую комбинацію — в'эду́. Подобнымъ же образомъ, если ребенокъ усвоилъ, напр., такія отношенія, какъ ры́ба̄ || рыпъ . . . и если онъ затѣмъ въ первый разъ узналъ, положимъ, слово „зано́за̄“ и ему понадобилось употребить это слово въ формѣ Р. мн., то онъ создаетъ форму „занос“, благодаря тому, что это слово въ его умѣ вступило въ систему ассоціацій ры́ба̄ || ры́п . . . , а также благодаря тому, что онъ привыкъ къ такимъ звуковымъ соотвѣтствіямъ, какъ *-ба* || *-п*, *-за* || *-с*...

Понятно, что между подобными новообразованіями ребенка будутъ и ошибочныя.

Мало по малу, путемъ упражненія, дитя привыкаетъ къ рѣчи настолько, что она получаетъ характеръ *автоматичности*. Въ самомъ дѣлѣ, сначала вниманіе ребенка должно было останавливаться даже на отдѣльныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ, впослѣдствіи же онъ доходитъ до того, что достаточно появиться въ его умѣ мысли, какъ она будто сама собою выражается словами, при чемъ то, что раньше требовало *вниманія*, теперь совершается *безсознательно*. Такимъ образомъ у насъ вырабатывается какъ бы *механизмъ* рѣчи. Вотъ какъ Гёте изображаетъ механизмъ мышленія (что̀ можно примѣнить и къ механизму рѣчи):

Zwar ist's mit der Gedanken-Fabrik,
Wie mit einem Weber Meisterstück,
Wo ein Tritt tausend Fäden regt,

Die Schifflein herüber hinüber schiessen,
Die Fäden ungesehen fliessen [1]).

Теперь мы легко уяснимъ себѣ разницу между „*чутьемъ* въ рѣчи“ (Sprachgefühl) и „*знаніемъ* языка“ (Sprachkenntniss). Представимъ себѣ человѣка, который изучилъ до тонкостей синтаксическія правила, щедро предлагаемыя учебниками: онъ на-перечетъ знаетъ, съ какими падежами соединяется каждый предлогъ; онъ изучилъ все разнообразіе оттѣнковъ, какое можетъ имѣть та или другая падежная форма; онъ усвоилъ всѣ тонкости согласованія, всѣ оттѣнки, какіе имѣютъ придаточныя предложенія, начинающіяся тѣми или другими союзами и мн. др. Но, увы! Сплошь и рядомъ встрѣчается, что такіе завзятые грамматисты говорятъ и пишутъ крайне нескладно. Въ этомъ случаѣ есть „Sprachkenntniss“, но нѣтъ „Sprachgefühl“. Представимъ себѣ теперь человѣка, который совершенно не посвященъ даже въ элементарныя правила синтаксиса; но онъ внимательно и съ увлеченіемъ читалъ лучшихъ писателей. Что же отсюда произошло? Читаемое вызывало въ его умѣ соотвѣтствующія мысли, которыя такимъ образомъ ассоціировались съ изящными словесными выраженіями. Читатель скажетъ, что эти выраженія забываются. Да; но вѣдь остается привычка къ тѣмъ или другимъ изящнымъ оборотамъ, нѣкоторыя выраженія запоминаются, – вообще пріобрѣтается богатый запасъ способовъ хорошо выражаться. И дѣйствительно, когда такому индивидууму придется излагать свои мысли, то для нихъ онъ будетъ создавать изъ богатаго и изящнаго матеріала, путемъ творческой ассоціаціи, прекрасную словесную форму. Въ этомъ случаѣ нѣтъ „Sprachkenntniss“, но есть „Sprachgefühl“.

---

[1]) Фабрику мысли можно сравнить съ тканьемъ, гдѣ одинъ ударъ ногой приводитъ въ движеніе тысячи нитей, гдѣ челнокъ летаетъ впередъ и назадъ, а нити незримо сплетаются и образуютъ узоръ (Изъ разговора Мефистофеля со студентомъ въ „Фаустѣ“).

§ 39. Если мы сравнимъ теперешнюю русскую рѣчь съ тою, какою она была, положимъ, лѣтъ тысячу тому назадъ, то замѣтимъ, что рѣчь въ теченіи этого времени измѣнилась. Измѣнилась звуковая сторона словъ, ихъ значеніе и т. д.

Обратимся къ измѣненію *звуковой* стороны словъ въ ходѣ времени; но такъ какъ этотъ вопросъ составитъ предметъ обстоятельнаго изслѣдованія послѣдующихъ главъ, то здѣсь я ограничусь разсмотрѣніемъ лишь одного примѣра.

Разсмотримъ возникновеніе фонетической разновидности корня и вмѣстѣ основы въ такихъ словахъ, какъ

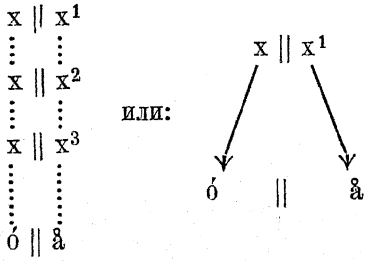
го́да̄ || *га̊да̀*.

Нужно сказать, что, замѣтивши извѣстное чередованіе, мы склонны видѣть въ немъ *актъ превращенія* одного звука въ другой. Ошибочно было бы думать, что въ моментъ рѣчи происходитъ превращеніе *о́* въ *а̊*; чередованіе *о́* || *а̊* постепенно образовалось въ ходѣ времени. Въ самомъ началѣ разница между ударнымъ гласнымъ и соотвѣтствовавшимъ ему неударнымъ была наименьшая, минимальная. До того времени, какъ разсматриваемый гласный явился въ разныхъ условіяхъ (въ ударяемой или же неударяемой части слова), онъ былъ однороденъ; съ возникновеніемъ же указаннаго различія условій онъ пересталъ быть однороднымъ, такъ что возникло нѣкоторое звуковое соотвѣтствіе, которое обозначимъ посредствомъ $x \parallel x^1$ [1]). Допустимъ (произвольно, для простоты), что первоначальный ударенный гласный въ теченіи времени болѣе или менѣе сохранялся; поэтому и для послѣдующаго времени мы будемъ его обозначать посредствомъ x. Соотвѣтствующій же первоначальный неударенный гласный постепенно подвигался впередъ по пути своего измѣненія; соотвѣтствен-

---

[1]) Такое обозначеніе я взялъ потому, что мы лишены возможности заглянуть въ тотъ моментъ прошлаго, когда зародилось это соотвѣтствіе, а слѣдовательно и не можемъ непосредственно, безъ спеціальныхъ изслѣдованій, опредѣлить его.

но съ этимъ измѣнялось и отношеніе между нимъ и ударенным. Если рядъ стадій въ движеніи нашего неударенаго гласнаго мы обозначимъ посредствомъ x^1, x^2, x^3.....å, то измѣненіе отношенія между нимъ и соотвѣтствующимъ ударенным графически можно представить слѣдующимъ образомъ:



Каждая послѣдующая ступень въ измѣненіи неударенаго гласнаго есть развитіе непосредственно предшествующей, но никакъ не является превращеніемъ соотвѣтствующаго ударенаго гласнаго [1]). Разсматриваемый ударенный гласный не превращается въ неударенный, но существуетъ рядомъ съ неударенным.

Подобныя соотвѣтствія звуковъ не суть «икціи, но они дѣйствительно существуютъ въ умѣ говорящихъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что я привыкъ къ такимъ соотвѣтствіямъ, какъ го́дӑ || га̊да́, и что я въ первый разъ слышу слово до́мӑ, въ которомъ имѣется ударенный гласный *о́*, но я ни разу не слышалъ родственной формы да̊ма́, въ которой имѣется соотвѣтствующій неударенный гласный. Я самъ создаю это слово, и что же? Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, я произношу å, очевидно, потому, что я *привыкъ*

---

[1]) Иначе мы приходимъ къ нѣкоторымъ затрудненіямъ: 1) ударенное *о́* почему-то теперь превращается иначе, чѣмъ раньше, а кромѣ того—различно въ разныхъ говорахъ; 2) подобное же превращеніе въ устахъ говорящаго русскаго претерпѣваютъ при заимствованіи и звуки иностранныхъ языковъ; 3) слѣдуетъ допустить обоюдное превращеніе: *о́* можетъ превращаться въ å и наоборотъ, ибо приходится производить отъ словъ, въ которыхъ имѣется неударенный гласный å, такія новыя слова, въ которыхъ долженъ явиться гласный ударенный.

къ этому звуковому соотвѣтствію. Подобнаго созданія слóва не могло бы произойти, если бы въ умѣ не образовалась ассоціація даннаго соотвѣтствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы органъ рѣчи не пріучился къ произнесенію звуковъ, образующихъ это соотвѣтствіе. Иностранныя слова необходимо заимствуются сообразно звукамъ и соотвѣтствіямъ звуковъ, свойственнымъ языку заимствующему (разумѣю простонародное заимствованіе словъ).

§ 40. Въ словахъ можетъ измѣняться не только звуковая сторона, но и *значеніе*. Примѣръ:

По тебѣ (по нивѣ) отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,

Представленіе движенія волнъ, въ силу нѣкотораго *сходства*, можетъ отожествиться въ умѣ съ представленіемъ движенія, напр., людей; а это послѣднее представленіе связано по *смежности* съ названіемъ „ходить“. Значитъ, когда создавалось въ языкѣ выраженіе „волны ходятъ“, то тутъ проявилось дѣйствіе двойной ассоціаціи— сходства и смежности.

Подобный процессъ можетъ происходить и съ придаточными морфологическими частями; ср. подсмѣяться, подслужиться и т. п.

§ 41. Разсматривая, положимъ, слово „столикъ“, мы замѣчаемъ, что это названіе, въ своей цѣлости, ассоціируется съ представленіемъ нѣкотораго предмета, а кромѣ того разлагается на морфологическія части, тоже имѣющія значенія. Въ данномъ случаѣ цѣлостное значеніе слова согласно съ значеніемъ морфологическихъ частей. Теперь представимъ себѣ слово, цѣлостное значеніе котораго измѣнилось, такъ что стало не согласно съ значеніемъ морфологическихъ частей (напр. „забыть“). А такъ какъ въ живой рѣчи играетъ преимущественную роль первое (т. е. цѣльное) значеніе, то, благодаря употребленію нашего сло-

ва въ рѣчи, болѣе и болѣе укрѣпляется ассоціація даннаго слова съ первымъ значеніемъ; значеніе же, связанное съ морфологическими частями слова, не соотвѣтствуя цѣлостному значенію, не вызывается. Разсмотрѣнное нами явленіе можетъ быть охарактеризовано какъ *потеря чутья морфологическаго состава словъ и превращеніе словъ въ простые символы или знаки представленій*, короче—*опрóщеніе словъ*.

1) Примѣры опрощенія *между корнемъ и префиксомъ:* подвигъ, воздухъ, забыть, намѣреніе, приличный, отличный, понурить, обязанность, понимать, востокъ, подушка, завтра и т. п.

Здѣсь такимъ образомъ мы видимъ возникновеніе въ языкѣ *новыхъ корней* на почвѣ прежнихъ префикса и корня: подвиг, воздух, поним, завтр и т. п.

Къ слову, въ которомъ произошло опрощеніе между префиксомъ и корнемъ, затѣмъ можетъ присоединиться новый префиксъ, напр.: обезпечить, возненавидѣть, произойти, произнести, преуспѣвать и т. п., а сочетаніе двухъ префиксовъ можетъ обособиться въ одинъ и дать такимъ образомъ начало *новому префиксу* въ языкѣ.

2) Примѣры опрощенія *между корнемъ и суффиксомъ:* кольцо (первоначально уменьшительное отъ слова „коло"—кругъ, колесо), палецъ, голикъ, палка и т. п.

Здѣсь мы видимъ возникновеніе *новыхъ корней* на почвѣ прежнихъ корня и суффикса: кольц, палк и т. п.

Слово, въ которомъ произошло опрощеніе между корнемъ и суффиксомъ, можетъ затѣмъ расширяться чрезъ присоединеніе новаго суффикса. Такъ, уменьшительныя имена, переставъ быть уменьшительными, могутъ образовать затѣмъ новыя уменьшительныя имена, напр. подушечка, колечко, пальчикъ, голичекъ, палочка и т. п. А это ведетъ къ возникновенію въ языкѣ *новыхъ суффиксовъ:* такія слова, какъ „подушечка", образуютъ одну группу уже по сходству суффикса *-ечка*, такія какъ „голичекъ"—по суффиксу *-ичекъ* и т. п. Такое наращеніе суффиксовъ можетъ идти еще далѣе. Новые суффиксы, образовавшіеся

въ извѣстныхъ случаяхъ, затѣмъ могутъ получить *болѣе широкое распространеніе*, употребляясь для образованія словъ независимо отъ первоначальныхъ условій своего возникновенія.

3) Примѣры опрощенія *между корнемъ и окончаніемъ:* хотя, пусть, небось, вѣдь, молъ, чуть, чать и т. п.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ возникновеніемъ *частицъ*. Послѣднія могутъ лечь въ основу дальнѣйшихъ образованій, напр.: нынѣ<нынѣшній [1]), потомъ<потомство и т. п.

Опрощеніе мы можемъ наблюдать не только на отдѣльныхъ словахъ, но также и на соединеніяхъ слова, слѣдовательно — въ области синтаксиса, напр.: такъ что, потому что и т. п. Эти выраженія теперь являются уже простыми словами, съ однимъ удареніемъ, и въ правописаніи запятая ставится не внутри этихъ выраженій, но передъ ними.

Наше разсмотрѣніе опрощенія приводитъ насъ къ идеѣ, что недостаточно разсматривать морфологическій составъ словъ, какъ онъ чувствуется въ *современномъ* языкѣ, но нужно изслѣдовать морфологическіе элементы словъ также съ точки зрѣнія *исторической*.

---

§ 42. Разсматривая явленія ассоціацій, нужно обращать вниманіе на двѣ стороны, представляемыя ассоціаціями: 1) *состояніе связанности* идей, когда между ними образовалась связь или ассоціація (это, такъ сказать,— сторона статическая), 2) *вызываніе* въ силу этой связанности, когда появленіе въ умѣ одной идеи вызываетъ связанную съ нею другую (сторона динамическая). Когда мы разбирали ассоціативный составъ слова, то терминъ „ассоціація“ мы употребляли въ первомъ смыслѣ. Теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію *вызываній по ассоціаціи,*

---

[1]) Знакомъ < я пользуюсь для обозначенія словопроизводства: отъ слова, стоящаго передъ знакомъ, произведено слово, поставленное за знакомъ.

происходящихъ въ этомъ сложномъ аггрегатѣ, при чемъ свое разсмотрѣніе начнемъ съ простѣйшихъ элементовъ этого аггрегата, переходя затѣмъ къ болѣе сложнымъ; вызываніе же можетъ быть не только *правильное,* а иногда и *ошибочное.*

§ 43. Мы уже знаемъ, что въ *звукѣ* слѣдуетъ различать двѣ стороны: а) произнесеніе, б) слышаніе.

Съ точки зрѣнія *произнесенія* звукъ есть одновременная ассоціація по смежности двигательныхъ импульсовъ.

Было уже выяснено выше, что къ двигательнымъ одновременнымъ ассоціаціямъ каждаго звука мы привыкаемъ лишь постепенно, благодаря упражненію; но въ концѣ концовъ каждая такая ассоціація образуетъ прочное сложное цѣлое и легко вызывается.

Попробуемъ объяснить измѣненіе *е* (= ст.-сл. **є, ь**) въ *о* при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ, напр.:

в'о́л (**велъ**)
л'о́т (**льдъ**).

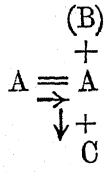
При произнесеніи гласнаго *е* средняя часть языка, при среднемъ растворѣ рта, приближена къ небу. Подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго это уложеніе языка при произнесеніи ударенаго *е* постепенно болѣе и болѣе переходило въ область гласнаго *о.* При произнесеніи же *о* уложеніе языка, свойственное этому гласному, всегда соединено съ одновременнымъ съуженіемъ губъ, а потому переходъ уложенія языка въ область гласнаго *о* вызывалъ соотвѣтствующее съуженіе губъ, и такимъ образомъ гласный *е́* измѣнился въ концѣ концовъ въ *о́.*

Хотя съ точки зрѣнія *слышанія* звукъ и является простою слуховою идеею, однако же идея эта слагается изъ одновременной ассоціаціи простѣйшихъ слуховыхъ ощущеній.

Попробуемъ уяснить себѣ нѣкоторыя явленія *ослышекъ.*

Возьмемъ для примѣра такой случай: вмѣсто франц. слова a*mi* послышалось русск. ân'i. Слуховыя ощущенія отъ звуковъ *м* (m) и *н* (n) кромѣ различія имѣютъ и сходство, между прочимъ — носовой оттѣнокъ. Обозначимъ сходную часть нашихъ звуковъ посредствомъ A, прочія же качества (несходныя) звука *м*—черезъ B, звука *н*—черезъ C. Такимъ образомъ въ цѣломъ слуховое ощущеніе одного звука выразится черезъ A + B, а другаго — черезъ A + C. У насъ есть привычка къ тому и другому слуховому комплексу. Представимъ себѣ, что, когда произносилось слово „ami", мы слушали не совсѣмъ внимательно, или же слово это было произнесено слишкомъ тихо, такъ что мы точно его не разслышали; предположимъ, что отъ звука *м* (m) намъ преимущественно послышался носовой оттѣнокъ, т. е. A; а такъ какъ мы привыкли его воспринимать въ ассоціаціи съ B или же C, то намъ можетъ послышаться либо тотъ, либо другой комплексъ. Въ данномъ случаѣ послышалось A + C, т. е. A вызвало C [1]).

Процессъ, который мы разсматриваемъ, можно графически представить слѣдующимъ образомъ:



Направленіе стрѣлки показываетъ ходъ вызыванія идей въ силу ассоціаціи сходства (=) или смежности (+).

§ 44. *Слово* есть послѣдовательное сочетаніе по смежности звуковъ произносимыхъ или же слышимыхъ.

---

[1]) Здѣсь нужно указать на возможное вліяніе значенія; звуки находятся въ словѣ, которое представляетъ кромѣ звуковой стороны также сторону значенія.

Когда мы *произносимъ* какое-нибудь слово, то при этомъ каждый предъидущій звукъ этого слова вызываетъ послѣдующій, что̀ мы можемъ представить въ слѣдующей формулѣ:

$$a \rightarrow + b \rightarrow + c \rightarrow + d \rightarrow + e \rightarrow + f.$$

Но вслѣдствіе привычки къ произнесенію словъ, звуковые ряды которыхъ объединяются значеніемъ, этотъ процессъ послѣдовательнаго вызыванія звуковъ нами не замѣчается, совершаясь автоматически.

Обратимся къ слову, какъ *слышимому* ряду звуковъ. Предположимъ, мы привыкли къ ряду

$$a + b + c + d + e + f,$$

но мы не дослышали, напр., двухъ послѣднихъ звуковъ. Въ силу привычки къ данному ряду звуковъ вызовутся и идеи двухъ послѣднихъ звуковъ.

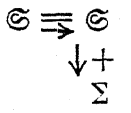
§ 45. Но вѣдь слово есть рядъ произносимыхъ или слышимыхъ звуковъ, связанный со *значеніемъ*.

Обратимся сначала къ *произнесенію* словъ. Положимъ, мы воспринимаемъ какое-нибудь представленіе (Σ). Оно ассоціируется по сходству съ однородными прежними представленіями (Σ), а такъ какъ послѣднія ассоціированы по смежности со своимъ названіемъ (S), то, въ случаѣ надобности, вызывается и послѣднее; все это мы можемъ графически представить слѣдующимъ образомъ:

$$\Sigma \rightleftharpoons \Sigma$$
$$\downarrow +$$
$$S$$

(Сюда же относится и то, что было говорено въ § 40).

Перейдемъ теперь къ *слышимымъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ *понимаемымъ* словамъ. Допустимъ, что мы слышимъ какое-нибудь слово (Ⓢ); воспринятый нами рядъ звуковъ этого слова ассоціируется, въ силу сходства, съ такимъ же прежде слышаннымъ рядомъ, а послѣдній связанъ со значеніемъ, которое и вызывается:



§ 46. Слово, служа символомъ представленія или понятія, разлагается на *морфологическія части*. Разсмотримъ по морфологическимъ частямъ изслѣдуемый нами процессъ вызыванія. Я уже говорилъ о *правильномъ* создаваніи формъ (см. § 38—„веду“, „занозъ“). Здѣсь я обращу вниманіе на случаи *ошибочнаго* вызыванія при создаваніи формъ и при томъ такіе, которые, вслѣдствіе своей приспособленности къ языку, распространились и утвердились въ тѣхъ или другихъ народныхъ говорахъ, а нѣкоторые даже вошли и въ литературный языкъ.

1) Въ *окончаніи*.

Для такого слова, какъ „карта“, Р. мн. въ литературномъ языкѣ — „картъ“, въ нѣкоторыхъ же народныхъ говорахъ имѣется форма „ка́ртыф“. Какимъ образомъ она возникла? Въ нѣкоторыхъ словахъ мужескаго рода Р. мн. оканчивается на *-ыф*, при чемъ удареніемъ сопровождается основа. Въ этихъ случаяхъ съ звуковымъ комплексомъ *-ыф* ассоціировался оттѣнокъ Род. падежа мн. ч. Отсюда, *если въ умѣ говорящаго явится оттѣнокъ Р. мн., то оттѣнокъ этотъ, въ силу ассоціаціи, можетъ вызвать произношеніе даннаго слова съ окончаніемъ -ыф*. Такимъ путемъ и возникло произношеніе „ка́ртыф“.

Остановимся теперь на слѣдующемъ вопросѣ. Вѣдь слово „карта“ женскаго рода, относится къ другой системѣ склоненія, нежели слова мужескаго рода хотя и сходныя по ударенію въ склоненіи (напр. споръ, заборъ, народъ, огородъ и т. п.), и для Р. мн. имѣетъ особый падежный признакъ (слово оканчивается послѣднимъ согласнымъ основы — „картъ“); а между тѣмъ *является окончаніе, свойственное другой системѣ*. Однако разсматриваемыя нами системы склоненія въ нѣкоторыхъ падежахъ, такъ сказать, заходятъ одна въ другую. Сравните Предл.

ед., Им. мн., а также Д. Тв. и Предл. мн; эти падежи образуются совершенно сходно въ той и другой системѣ. Это сходство и дѣлаетъ возможнымъ поступленіе слова вмѣсто одной системы въ другую. Такимъ образомъ, *если одна система склоненія, спряженія и т. п. является сходной въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ другой системой, то возможно, что это сходство распространится и на другіе случаи.* Ясно, что если нѣтъ никакого сходства, а только различіе, то переходъ изъ одной системы въ другую невозможенъ.

Примѣняя общеупотребительное выраженіе къ разсмотрѣнному нами случаю, мы можемъ сказать, что такія формы, какъ *ка́ртыф*, возникли „по аналогіи“ къ такимъ, какъ *спо́рыф*. Впрочемъ психическіе процессы рѣчи въ современной лингвистической литературѣ встрѣчаются подъ весьма разнообразными названіями, подъ-часъ крайне мудреными. Между тѣмъ дѣло не въ названіяхъ, а въ глубокомъ изслѣдованіи явленій. Къ сколькимъ еще вопросамъ могло бы насъ повести болѣе глубокое разсмотрѣніе образованія *ка́ртыф!* Напр., почему система склоненія *споръ* и т. п. распространилась въ Род. мн. на систему склоненія такихъ словъ, какъ *карта*, а не обратно? Въ отвѣтъ на подобный вопросъ говорятъ, что въ такихъ случаяхъ играютъ роль слѣдующіе *факторы:* большее *обиліе* словъ, принадлежащихъ къ данной системѣ, бо́льшая *частота* ихъ употребленія, бо́льшая *выразительность* данной морфологической части, болѣе *обычное сочетаніе звуковъ*, образующихъ эту часть. Но все это пока область предположеній, возможности. То или другое участіе этихъ факторовъ можетъ быть *доказано* лишь путемъ тщательныхъ изслѣдованій, произведенныхъ по строгому методу. Можно ожидать, что старательныя изслѣдованія, исчерпывающія предметъ, произведенныя надъ образованіями по аналогіи при пріобрѣтеніи рѣчи дѣтьми, надъ разнообразнымъ распредѣленіемъ аналогическихъ образованій по говорамъ и надъ историческою послѣдовательностью ихъ возникнове-

нія, какъ таковая отражается въ памятникахъ, освѣтятъ этотъ и имъ подобные вопросы.

2) Въ *суффиксѣ.*

Произносятъ „огон'о́ч'эк", хотя бы слѣдовало ожидать „огон'э́чэк", такъ какъ *э* не могло измѣниться въ *о* передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ. Другое дѣло въ производящемъ имени „огон'о́к", гдѣ *е* должно было измѣниться въ *о* при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Вслѣдствіе этого измѣненія слово „огон'о́к" совпало по суффиксу съ такими словами, какъ „кусо́к", и подобно имъ образовало уменьшительное „огон'о́ч'эк", т. е. съ гласнымъ *о* въ суффиксѣ. Другіе примѣры: „кул'о́ч'эк", „вал'о́ч'эк" и т. п.

3) Въ *префиксѣ:*

Префиксы *воз, из, раз* не имѣли въ концѣ **ъ**, какъ заставляетъ думать разсмотрѣніе языка старо-славянскаго и сравненіе съ литовскимъ, а потому и нельзя для нихъ ожидать формы *взо, изо, разо.* Если же наши префиксы встрѣчаются въ этой послѣдней формѣ, то это можно думать, произошло по аналогіи съ другими префиксами, имѣвшими въ концѣ **ъ**, напр. *над* (**надъ**) и т. п.

4) Въ *корнѣ* resp. *основѣ.*

Вмѣсто „п'эч'о́т" можно слышать произношеніе „п'эж'о́т". Эта послѣдняя форма возникла по аналогіи къ родственному спряженію не на задне-язычный согласный, напр. н'эсу́. Какъ для н'эсу́ — н'эс'о́т, такъ и для п'эжу́ образуется форма п'эж'о́т, т. е. съ соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ.

Въ старо-славянскомъ языкѣ такого аналогическаго образованія не было, да и не могло быть. Въ самомъ дѣлѣ, *для возникновенія по аналогіи какой бы то ни было формы необходимо, чтобы элементы существовали въ языкѣ.* Между тѣмъ старо-славянскому языку было совершенно чуждо сочетаніе **ке.** Это обстоятельство и дѣлало невозможнымъ появленіе такой формы, какъ **пекеть.** Чтобы вполнѣ понять сказанное, пусть читатель помнитъ,

что мы только постепенно, путемъ долгихъ упражненій, научаемся совершенному произношенію звуковъ роднаго языка. Какъ же могли люди, говорившіе старо-славянскимъ языкомъ, вдругъ безъ такихъ упражненій произнести звукъ, совершенно чуждый ихъ языку? Но вотъ въ русскомъ языкѣ возникаетъ мягкое произношеніе *к'* благодаря тому, что сочетаніе *кы* измѣнилось постепенно въ *к'і*. Теперь уже стало возможно появленіе такихъ формъ, какъ „п'э-к'о́т".

§ 47. Обратимся теперь къ словамъ *слышимымъ и понимаемымъ* и разсмотримъ явленіе, которое нѣмецкіе ученые назвали народной этимологіей (Volks-etymologie).

Случается слышать произношеніе „небель" вм. „мебель".

Въ словѣ „мебель" содержится комплексъ звуковъ, совпадающій со звуками русскихъ словъ: *бѣлъ, бѣлить* и т. п. Благодаря этому совпаденію, слово „мебель" будучи услышано, можетъ ассоціироваться со словами „бѣль", „бѣлить" и т. п. общею съ ними частью — *белъ*.

Передъ частью *-белъ* въ словѣ *мебелъ* имѣется часть *ме-*, для которой въ русскомъ языкѣ нѣтъ тожественной по звукамъ знаменательной части. Знаменательная часть *не-*, хотя не тожественна, но сходна по звукамъ [1]). Поэтому она легко можетъ послышаться передъ *-белъ*, отчего и возникаетъ слово

небелъ.

И такъ, *слова заимствуются не только сообразно звукамъ и сочетаніямъ звуковъ, свойственнымъ тому*

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, звуки *н'* и *м'* различаются между собою тѣмъ, что одинъ — передне-язычный, другой же — губной; но ихъ сближаетъ то, что оба они — носовые, мягкіе, а кромѣ того, за тѣмъ и другимъ слѣдуетъ узкое *е́*; вотъ при какихъ условіяхъ вм. знаменательнаго комплекса м'е- могъ послышаться знаменательный комплексъ н'е-.

языку, въ который они заимствуются, но также и сообразно съ морфологическими частями, имѣющимися въ языкѣ заимствующемъ.

Процессъ этотъ совершается также относительно нѣкоторыхъ природныхъ словъ языка. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя природныя слова въ чутьѣ народа мало по малу становятся безродными. Слова же безродныя, будучи услышаны, могутъ восприняться не точно, въ формѣ иныхъ морфологическихъ частей, существующихъ въ языкѣ, и по звукамъ, и по смыслу (если возможно), близко подходящихъ къ этимъ словамъ. *Стремленіе осмыслить непонятное слово зиждется на привычкѣ къ знаменательности словъ.*

ФОНЕТИКА.

Глава V.

Предварительныя замѣчанія и научно-фонетическое письмо.

§ 48. Грамматику обыкновенно раздѣляютъ на *этимологію* и *синтаксисъ*. Этимологія занимается изученіемъ словъ въ отдѣльности, не въ предложеніи; въ синтаксисѣ же изслѣдуются сочетанія словъ въ предложеніи и соединеніе предложеній. [1]) Обѣ эти части тѣсно связаны между собою. Первая часть распадается на два отдѣла — *фонетику* или ученіе о звукахъ въ словахъ и *морфологію* или ученіе о формахъ словъ, объ образованіи словъ изъ знаменательныхъ частей, о производствѣ словъ однихъ отъ другихъ. Звуки изучаются не только въ *фонетикѣ*, но также въ *физіологіи рѣчи*. Разница между фонетикою и физіологіею звуковъ заключается въ слѣдующемъ. Физіологія звуковъ изслѣдуетъ, пользуясь методами физіологіи, возможно точнымъ образомъ, какъ произносятся въ данномъ языкѣ отдѣльные звуки и звуковыя сочетанія, не разсматривая, въ какихъ морфологическихъ категоріяхъ встрѣчаются тѣ или другіе звуки и ихъ сочетанія, между тѣмъ

---

[1]) Востоковъ принялъ слѣдующее раздѣленіе грамматики: I. Словопроизведеніе (Этимологія); II. Словосочиненіе (Синтаксисъ); III. Правописаніе (Орѳографія); IV. Слогоудареніе (Просодія). См. его Рус. Грам. § 2.

какъ фонетика изслѣдуетъ звуковыя явленія всегда въ связи съ морфологическими группами, въ которыхъ они имѣютъ мѣсто. Физіологія звуковъ служитъ введеніемъ въ фонетику.

Такъ какъ звуки рѣчи распадаются на гласные и согласные, то соотвѣтственно этому и фонетика можетъ быть подраздѣлена на два отдѣла: а) *Вокализмъ* (явленія въ области гласныхъ звуковъ) и б) *Консонантизмъ* (явленія въ области согласныхъ звуковъ). Оба отдѣла часто трудно разграничить вслѣдствіе того, что явленія гласныхъ и согласныхъ звуковъ могутъ находиться въ тѣсной связи одни съ другими. Къ какому бы изъ этихъ двухъ отдѣловъ явленіе ни принадлежало, мы будемъ изучать его слѣдующимъ образомъ. Прежде всего мы разсмотримъ его въ *живомъ литературномъ языкѣ* или, другими словами, въ *общерусскомъ* произношеніи, а затѣмъ — въ современныхъ *народныхъ говорахъ* русскаго языка. Такъ какъ разные говоры могутъ представлять разныя фазы или стадіи въ развитіи даннаго явленія, то уже это можетъ доставить нѣкоторыя данныя для опредѣленія хода или направленія въ звуковомъ измѣненіи. Впрочемъ надо оговориться: въ разныхъ говорахъ не всѣ звуковыя измѣненія совершаются въ одномъ и томъ же направленіи; нѣкоторыя имѣютъ разное направленіе. Такъ какъ современное *правописаніе* въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначаетъ не теперешнее, а прежнее произношеніе, то въ такихъ случаяхъ оно можетъ также служить указаніемъ на совершившіяся звуковыя измѣненія. Для болѣе точнаго опредѣленія хода звуковыхъ измѣненій нужно обратиться къ ихъ *исторіи*, какъ она отражается въ письменныхъ памятникахъ прошлаго. Такимъ образомъ мы изслѣдуемъ явленіе, какъ оно представляется *въ настоящее время*, а затѣмъ *въ историческомъ развитіи*.

Коснусь теперь нѣкоторыхъ подробностей, относящихся къ пріемамъ изложенія. Сначала будетъ даваться возможно точное *описаніе* звуковаго соотвѣтствія или чередованія, а затѣмъ — перечень важнѣйшихъ *морфологиче-*

скихъ категорій, въ которыхъ имѣетъ мѣсто такое чередованіе, съ примѣрами для каждой группы. Послѣ этого будемъ стараться опредѣлить *условія* чередованія: въ какихъ условіяхъ является каждое изъ звеньевъ чередованія. Тутъ возникаетъ вопросъ, какъ представить себѣ *физіологически* развитіе разсматриваемаго чередованія, какъ въ общерусскомъ языкѣ, такъ и въ говорахъ. Исторія языка поможетъ выяснить *время* образованія даннаго чередованія. Тогда останется изслѣдовать *факторы,* которыми вызвано разсматриваемое явленіе.

Не всѣ явленія русскаго языка возникли на почвѣ этого языка и не всѣ они могутъ быть прослѣжены по письменнымъ его памятникамъ; нѣкоторыя зародились на почвѣ обще-славянской (основно-славянской). Это обстоятельство заставляетъ расширить область изслѣдованія сравненіемъ явленій русскаго языка съ родственными явленіями *другихъ славянскихъ языковъ* и прежде всего — *старославянскаго,* письменность котораго отражаетъ наиболѣе древнее языковое состояніе въ сравненіи съ другими славянскими письменностями. Но и этого въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ недостаточно, такъ какъ нѣкоторыя явленія современнаго намъ русскаго языка весьма древняго происхожденія — возникли на почвѣ обще-аріоевропейской; поэтому въ изслѣдованіе наше привходитъ сравненіе звуковъ русскаго языка съ звуками *другихъ аріоевропейскихъ языковъ.* Но сравненіе явленій можетъ быть и иного рода: можетъ имѣться въ виду не общность происхожденія, а одинаковость процесса, все равно, будутъ ли языки родственны или же не родственны. Чтобы различить эти два вида сравненія, первый назовемъ сравненіемъ *генетическимъ,* а второй — сравненіемъ *аналогическимъ.*

Такимъ образомъ, начавши съ явленій болѣе поздняго происхожденія, мы постепенно дойдемъ до наиболѣе древнихъ фонетическихъ явленій. *Процессъ фонетическаго развитія* представляетъ двѣ стороны: а) *развѣтвленіе* одного звука на два и болѣе (Divergenz) и б) *схожденіе*

или *совпаденіе* двухъ или болѣе звуковъ разнаго происхожденія въ одномъ (Convergenz). Обыкновенно бываетъ, что звукъ, развѣтвляясь на нѣсколько, вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ въ совпаденіе съ звуками инаго происхожденія; далѣе общій звукъ, въ которомъ совпали разные звуки, можетъ въ свою очередь подвергнуться дивергенціи и т. д. Такимъ образомъ исторія фонетическаго развитія языка представляетъ ходъ звуковыхъ развѣтвленій и схожденій. Отсюда, задача исторіи языка по отношенію къ фонетикѣ — доискаться до опредѣленія *послѣдовательности* въ возникновеніи фонетическихъ явленій, послѣдовательности въ ходѣ звуковыхъ дивергенцій и конвергенцій.

Все вышеизложенное представляетъ путь *анализа*. Въ заключеніе мы постараемся въ общемъ *синтетическомъ* очеркѣ нарисовать картину фонетическаго движенія русскаго языка, уже начавши не съ явленій позднѣйшаго происхожденія, а наоборотъ — съ явленій наиболѣе древнихъ. При этомъ я изложу свои воззрѣнія на *фонетическіе законы*, т. е. на одинъ изъ вопросовъ дня въ современной лингвистикѣ, по поводу котораго возникла уже цѣлая литература.

Замѣчу еще, что въ своемъ трудѣ я вездѣ стараюсь изслѣдованіе вести по *строгому методу;* кромѣ того, привожу *статистику*.

§ 49. Прежде чѣмъ начать изложеніе фонетики, считаю не лишнимъ представить образецъ научно-фонетическаго письма. Для этого я выбралъ начало извѣстнаго разсказа Даля „*Осъ и чека*“. Такъ какъ однихъ условныхъ знаковъ недостаточно для передачи всѣхъ оттѣнковъ рѣчи, то я помѣстилъ послѣ транскрипціи примѣчанія, относящіяся къ описанію оттѣнковъ произношенія. За ними слѣдуютъ другія примѣчанія — фонетическія, которыя, относясь къ разнымъ отдѣламъ сравнительной фонетики русскаго языка, тѣмъ самымъ какъ бы вводятъ читателя въ кругъ вопросовъ этой части грамматики. Прилагаемое на-

учно-фонетическое письмо относится къ моему собственному произношенію.

Перехожу къ объясненію особыхъ знаковъ, которые употреблены мною при транскрипціи для точной передачи произношенія.

Мягкость согласнаго обозначена знакомъ ', напр. *д* (твердое *д*), *д'* (мягкое *д*).

æ — знакъ для широкаго *е*, ɛ — знакъ для узкаго *е*.

Знакъ å означаетъ звукъ *а* съ оттѣнкомъ *о*.

ъ — знакъ для слабаго гласнаго, близкаго къ *ы*, ь — знакъ для слабаго гласнаго, близкаго къ *і*.

Звукъ і обозначенъ однимъ и тѣмъ же знакомъ *і* какъ передъ гласнымъ, такъ и передъ согласнымъ.

Слабое произношеніе гласныхъ и согласныхъ передано петитомъ, довольно сильное — обыкновеннымъ шрифтомъ, сильное — курсивомъ [1]). Слогъ, на который падаетъ логическое удареніе, отличенъ толстымъ шрифтомъ.

Паузы между словами, смотря по длительности, выражены бо́льшими или же меньшими промежутками.

ос'ічæка

jæх^{ъ}дызвош$_{чік}$ с'ɛм'он склад-
$_{ій}$ глухойдåро$_{гълj}$ пåго-
лу ров$_{н^{ъ}му}$ с'тæпномм'æс$_{ту}$
б'ædан'$_{з}^{ь}$по$_{д'}^{ь}$сухо$_{д'іт}$
анайд'от б'æда $_{р^{ъ}с}$твåр'ај
$_{в^{ъ}}$рåта такådно$_{з^{ъ}}$друг'ім
$_{иъ^{ъ}}$тɛб'åіваj'$_{ца}$ [3]) *$_{з^{ъ}}$дым'і$_{лъс'}$*
$_{у}$ізвош'$_{чька}$ос' [4]) *ад'ɛрɛв'$_{н'ідъ-}$*

Ось и чека [2]).

Ѣхалъ извощикъ Семенъ съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному, степному мѣсту. Бѣда не по лѣсу ходитъ; а найдетъ бѣда, растворяй ворота, такъ одно за другимъ на тебя и валится. Задымилась у извощика ось, а до деревни

---

[1]) *Сильное* произношеніе свойственно слогу ударенному, *довольно сильное* — слогу непосредственно предшествующему ударенному, *слабое* — прочимъ неударенным слогамъ.

[2]) Этотъ отрывокъ былъ мною писанъ научно-фонетически и прежде, года четыре тому назадъ. Между теперешней транскрипціей и прежней оказываются нѣкоторыя различія, изъ которыхъ я отмѣчу важнѣйшія. [3]) $_{н}^{ъ}$т'еб'а [4]) ...$_{чьк}^{ъ}$ос'

л'æко[5]) *как*н'іб'ілъс'ер'*д'ев*ънj *што*н'ід'æл н'æт н'і**чæм**ъ[ъ]уj*м'от клат*'т'ъ[ъ]*жо*лjа *ак*ъ[ъ]у*ж*æ**рас**зъ*г*å*р'*æдъ[ъ]с'*ос'то*[6])ĩ*з'в'*æс$_{\text{на}}$ хат'[7])**брос'**тå*т'час* зал'*јот* засы$_{\text{ил'ı}}$з'ем'*л'ој б'јот*ц[ъ]å*д'ін* как[8])*ры*ба$\widehat{\text{об}}$д'т [9]) **спра**в'ıс[ъ]*кој как с'в'ор*$_{\text{сту}}$*пр*å*јæ*х[ъ]л [10]) å**п'ат'***стој* å**п'ат'***то*$_{\text{жа}}$ нъ*j*æ*жжа*ĵ[ъ]т *зза*дi шаш*ком* друг*о*ĩ*из**вош*$_{\text{чък}}$ ар'*х'ір*$_{\text{ка}}$ пъ**пут'***і* [11]) с'е**м'он**ъгл'а**нул**$_{\text{са}}$ *а*у**тå***во ос'*зъ**пасна**$_{\text{ја}}$ [12]) *збо*$_{\text{ку}}$**пå***дв'а*з[ъ]$_{\text{на}}$

кр'æп[ъ]к *зад*'$_{\text{н'ім}}$*умом рус*$_{\text{къjчь}}$**лå***в'æк* дъ**гадал**ъс'е**м'он** наш **штå на**$_{\text{дъ}}$**бы**$_{\text{л}}$[ъ]$_{\text{бы}}$ĩ*јæмувå**з'ітссå**бој* зъ**пасну**j*уос'*

далеко. Какъ ни бился сердечный, что ни дѣлалъ—нѣтъ, ничѣмъ не уйметь; кладь тяжелая, а какъ уже разъ загорѣлась ось, то, извѣстно, хоть брось тотчасъ: зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ: справился кой-какъ—съ версту проѣхалъ, опять стой, опять то же!

Наѣзжаетъ сзади шашкомъ другой извощикъ, Архипка, по пути: Семенъ оглянулся, а у того ось запасная сбоку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человѣкъ — догадался Семенъ нашъ, что надо было бы и ему возить съ собой запасную ось.

§ 50. А. *Примѣчанія, относящіяся къ описанію произношенія.*

1) *Ось и чека.* Я затрудняюсь опредѣлить, замыкаетъ ли согласный *с'* первый (сильный) слогъ, или же имъ начинается второй (слабый) слогъ. Быть можетъ, я произношу не такъ громко, не такъ напряженно, и потому не могу различить, какъ произносится звукъ *с'*. При болѣе напряженномъ произношеніи оказывается, что согласный этотъ произносится сильно, слѣдовательно — принадлежитъ

---

[5]) ...*р'ев*'$_{\text{н'}}$[ъ]$_{\text{д}}$[ъ]*л'æко* [6]) тå [7])$_{\text{х}}$[ъ]$_{\text{т'}}$ [8]) $_{\text{кък}}$ [9]) *ры*$_{\text{б}}$$\widehat{\text{об}}$... [10]) *с'в'ор*$_{\text{сту}}$ [11]) $_{\text{па}}$°*пут'і* (вѣроятно, книжное вліяніе) [12]) $_{\text{з}}$[ъ]*пасна*$_{\text{ја}}$. — Разсматривая приложенные варіанты (разновидности) моего произношенія, можно замѣтить, что они главнымъ образомъ относятся къ различію въ опредѣленіи степени длительности слабыхъ гласныхъ.

ударенному слогу. — Что касается до гласнаго *і*, то онъ едва замѣтенъ. Произношеніе предыдущаго согласнаго *с'* нѣсколько затягивается, и только въ концѣ уже слышится весьма краткое *і*. Звукъ этого *і* своеобразенъ; своеобразность его (и вмѣстѣ малая уловимость и слабая отдѣленность отъ предъидущаго *с'*) зависитъ отъ глухаго произношенія. Здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что слабое *і* произносится глухо, находясь между глухими согласными — именно между *с'* и *ч* (уподобленіе или ассимиляція). Если произнести просто *ос' чѣжа* (ось-чека), то *с'* является болѣе отрывистымъ и малая пауза между *с'* и *ч* не наполняется шумомъ; но если случайно *с'* произнесется болѣе продолжительно, то легко можетъ послышаться предъидущее произношеніе (т. е. ось и чека). Такимъ образомъ, въ выраженіи „ось и чека“ гласный *і* образуетъ не слогъ, а — правильнѣе сказать — полуслогъ.

2) *Ѣхалъ.* Звуки ъл произносятся звонко, сохраняютъ свою звонкость, хотя и стоятъ послѣ глухаго *х;* тутъ надо обратить вниманіе на то, что за ъ слѣдуетъ liquida (л), а далѣе — гласный, начинающій слѣдующее слово. Произношеніе *л* кажется связаннымъ съ слѣдующимъ *ы*. Если бы при произношеніи записывалось посредствомъ прибора состояніе гортани (спокойное, или же дрожаніе), то, надо ожидать, линія дрожанія не прерывалась бы. При связанности произношенія звуковъ *л* и *ы*, все же замѣчается, что гласнымъ звукомъ *ы* начинается другое слово. Это можно объяснить тѣмъ, что хотя уложеніе *ы* и выходитъ отъ уложенія *л*, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинается другая напряженность, сообразная уже съ удареннымъ слогомъ этого другаго слова. Такимъ-то именно образомъ при связности нашей рѣчи все-же имѣется раздѣленность ея на отдѣльныя слова.

3) *извощикъ.* Буквою *щ* обозначается не одинъ простой звукъ, а сочетаніе звуковъ *ш+ч*, которое произносится съ различною напряженностью, первый — съ напряженностью предъидущаго слога, а второй — послѣдующаго. Это обстоятельство важно для подтвержденія того, что

щ=*шч*. Если мы сравнимъ произношеніе *шч* въ словахъ

извощикъ || пи́щи,

то замѣтимъ, что звукъ *щ* въ первомъ случаѣ тверже, а во второмъ мягче. Очевидно, что это различіе зависитъ отъ качества (твердости или же мягкости) предъидущаго гласнаго.

4) *глухой дорогой*. Здѣсь имѣется сочетаніе прилагательнаго съ существительнымъ; въ произношеніи можно замѣтить бо́льшую связность между словами, образующими это сочетаніе, нежели между этимъ сочетаніемъ и предъидущимъ словомъ: послѣ слова „съ кладью“ можетъ имѣть мѣсто даже небольшая пауза, а между словами разсматриваемаго сочетанія нѣтъ паузы, но связность.

5) *по голому*. Произношеніе *л* нѣсколько затягивается. Ожидаемый гласный звукъ *ъ* (послѣ *л*) не выдѣляется слухомъ, такъ какъ, какъ показываетъ зрѣніе, губы сжимаются для произнесенія слѣдующаго слога *му*, когда языкъ не началъ еще отниматься. Здѣсь замѣчу, что не достаточно ограничиваться слуховымъ ощущеніемъ и ощущеніемъ мышечнымъ въ такихъ тонкихъ изысканіяхъ; нужно прибѣгать еще къ помощи зрѣнія (вооружившись зеркаломъ для наблюденій надъ собою), а также провѣрять полученныя данныя изслѣдованіями надъ другими. Такіе согласные, произношеніе которыхъ затягивается на то время, которое должно принадлежать гласному, такъ что гласный этотъ особо не произносится, называются *слогообразующими*.

6) *ровному*. Здѣсь *н* не слогообразующее: гласный элементъ слышится отдѣльно послѣ *н*. Причина, кажется, лежитъ въ томъ, что предшествуетъ не гласный, а согласный; ср. предъидущее слово:

Гл̥му || Сн̥му̀.

Кромѣ того, нужно еще обратить вниманіе на то, что въ разсматриваемомъ нами словѣ послѣдній гласный, по-видимому, не такъ кратокъ, какъ предшествующій ему; т. е. формула этого слова какъ будто такова: 3, $^1/_2$, 1.

7) *не по лѣсу.* н'$_{ъ}^{ii}$ вм. ожидаемаго н'æ. Мнѣ кажется, такое слишкомъ слабое произношеніе есть слѣдствіе того, что этотъ слогъ предшествуетъ слогу имѣющему логическое удареніе. Такое ослабленіе произношенія является сообразнымъ и съ предъидущимъ словомъ, такъ какъ разсматриваемый слогъ, примыкая болѣе или менѣе, при связности рѣчи, къ предъидущему ударенному слогу, долженъ произноситься болѣе или менѣе слабо.

8) *а.* Союзъ *а* произносится съ удареніемъ, но не сильнымъ, такъ какъ логическое удареніе не падаетъ на это словечко. Подобнымъ же образомъ союзъ *но.* Союзы эти, слѣд., не энклитики. Кажется, надо допустить, что усиленіе, вызываемое логическимъ удареніемъ, ослабляетъ силу ударенныхъ слоговъ другихъ словъ того же фонетическаго цѣлаго. Это, такъ сказать,—явленіе *равновѣсія.* Если это такъ, то фонетическая фраза представляетъ аналогію съ словомъ, гдѣ усиленіе ударенаго слога вызываетъ ослабленіе неударенныхъ. Далѣе, кажется, надо допустить связь между фонетическими фразами: одна фраза по напряженности должна быть сообразной съ другой, сосѣдней.

9) *найдетъ.* Произносится *т*, а не *д.* Отъ звука *т* слышится шумъ, который показываетъ, что моментъ отнятія языка предшествуетъ моменту губнаго сжатія, значитъ есть промежутокъ между звуками *т* и *б*, какъ бы онъ малъ ни былъ.

10) *растворяй.* Звуки р^{ъ} сохраняютъ свою звонкость, хотя этотъ слогъ и замыкается глухимъ согласнымъ.

11) *на тебя.* Хотя *з* находится между *н* и *т'*, однако *н* не слогообразующее. Между тѣмъ послѣ ударенія оно было бы слогообразующимъ. Отсюда видно, что едва ли можно совершенно отожествлять подобныя слабыя положенія передъ и послѣ ударенія. Разница, кажется, заключается въ томъ, что передъ удареніемъ слабый слогъ примыкаетъ къ довольно сильному, а послѣ ударенія — къ сильному. Можетъ быть, это самое обстоятельство и вызвало въ данномъ случаѣ разницу.

12) *валится*. Согласному *л'* предшествуетъ гласный *а* ударенный и, слѣд., произносимый при широкомъ растворѣ рта. Всѣ же согласные произносятся вообще при узкомъ растворѣ рта. Какъ, спрашивается, произнесется данное сочетаніе звуковъ: растворъ рта съузится до узкаго и только тогда начнется произношеніе *л'*? Нѣтъ, произношеніе *л'* начинается раньше. Можно видѣть, какъ во время съуженія раствора рта языкъ, лежавшій при *а* на днѣ рта, своимъ концомъ приподнимается къ верхнимъ зубамъ. Переходя отъ произношенія *л'* къ *ц*, конецъ языка не отнимается; слѣдовательно, *л'* здѣсь слогообразующее. Звукъ *л'* слышится только въ первый моментъ, а тамъ до звука *ц* нѣкоторая пауза. Этотъ звукъ *л'* мнѣ кажется глухимъ; можетъ быть его въ самомъ началѣ и задѣваетъ звонкость, но она скоро прекращается, смѣняясь на глухость, а далѣе звукъ и совсѣмъ прекращается. Уложеніе языка при *ц* начинается нѣсколько иначе, чѣмъ при *т:* при *т* конецъ языка упирается въ верхніе зубы, а при *ц* нѣсколько удаленъ отъ зубовъ. Конечное *а* произносится глухо [1]).

13) *а до деревни*. Союзъ *а* произносится съ ударе-ніемъ. Положеніе слѣдующаго неударенаго слога одинаково слабое какъ относительно предъидущаго ударенаго слога, такъ и относительно таковаго же послѣдующаго. Мы уже встрѣчались съ такого рода согласіемъ условій;

---

[1]) Было бы желательно, чтобы и для другихъ современныхъ языковъ дѣлались возможно точныя физіологическія описанія произношенія. Звуки въ томъ или другомъ говорѣ постепенно измѣняются во времени; самыя же точныя физіологическія изслѣдованія произношенія, производимыя въ извѣстномъ говорѣ время отъ времени, дадутъ возможность слѣдить за постепеннымъ звуковымъ измѣненіемъ. Далѣе, звуки въ разныхъ говорахъ или въ разныхъ языкахъ могутъ произноситься или одинаково или различно и сходно или же разно измѣняться во времени; тщательныя физіологическія изслѣдованія выяснятъ сходство или же различіе произношенія звуковъ и развитія ихъ во времени въ разныхъ говорахъ и языкахъ.

ср. выше: ось *и* чека, одно *за* другимъ (ср. также—*не* по лѣсу). Языкъ не отнимается для произнесенія гласнаго, слѣд. *д* есть слогообразующее. Можно подмѣтить, что напряженіе языка, въ самомъ началѣ произнесенія согласнаго слабое, постепенно возрастаетъ, какъ показываетъ мышечное ощущеніе. Есть ли это необходимое слѣдствіе затянутости уложенія (уплотненіе напирающаго воздуха вызываетъ соотвѣтствующее усиленіе въ напряженіи работающихъ органовъ произношенія), или же въ этомъ проявляется постепенность перехода къ произнесенію слѣдующаго (довольно сильнаго) слога? Второе *д* (мягкое) произносится съ бо́льшимъ напряженіемъ въ сравненіи съ напряженіемъ слабымъ, но не могу рѣшить, каково это напряженіе въ сравненіи съ предъидущимъ *д*, когда напряженіе этого послѣдняго согласнаго уже возросло. Согласный *в* въ разсматриваемомъ словѣ я произношу различно: и твердо, и мягко. Конечный слабый гласный сохраняетъ свою звонкость. Ему предшествуетъ носовой согласный; слѣдующее слово начинается слабымъ слогомъ, но съ звонкаго согласнаго; слѣдовательно, условія довольно благопріятныя для сохраненія звонкости разсматриваемаго слабаго гласнаго.

14) *бился*. Конечное *-са* (вм. *ся*) здѣсь замѣнилось посредствомъ с̄. Замѣтимъ, что явленіе это произошло въ концѣ слова, въ слабомъ положеніи. Оно не случилось бы, если бы далѣе не слѣдовало никакого слова (то есть, въ абсолютномъ концѣ слова); здѣсь же слѣдующее слово тѣсно примыкаетъ къ разсматриваемому. Такимъ образомъ, конечный открытый слогъ слова перестаетъ быть конечнымъ, являясь какъ бы въ серединѣ слова. Это возможно потому, что данная группа словъ дѣйствительно образуетъ какъ бы одно слово, благодаря логическому ударенію. Начальный слогъ слѣдующаго слова—довольно сильный; значитъ, слабость разсматриваемаго конечнаго слога гармонируетъ какъ съ своимъ собственнымъ словомъ, такъ равно и съ послѣдующимъ. Наконецъ, отмѣтимъ еще тотъ фактъ, что слабый гласный, о которомъ идетъ рѣчь, находился между двумя одинаковыми глухими придувными (между *с* и *с'*).

15) *не уйметъ.* При *н'* слышится лишь слабый намекъ на гласный (н'^{ъ}), о чемъ заключаю изъ сравненія даннаго произношенія (т. е. не у-) просто съ н'у-. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что за слогомъ *не* слѣдуетъ гласный, а не согласный; слѣдовательно, условія наиболѣе благопріятствующія сокращенію гласнаго.

16) *тяжелая.* Случай, гдѣ въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ вм. *а* послѣ мягкаго согласнаго имѣется гласный почти *і.*

17) *какъ уже.* Ежели въ этомъ выраженіи въ словѣ „какъ" послѣдній согласный произнести сильно, тогда слѣдующее слово отдѣляется паузой. Когда же оба слова сливаются въ одно, тогда послѣдній согласный какъ будто переходитъ къ слѣдующему слогу, вслѣдствіе чего закрытый слогъ становится открытымъ (ср. заглавіе отрывка). Словечко „уже" является энклитикой и примыкаетъ къ предъидущему слову; слогъ *же* произносится довольно сильно передъ начальнымъ ударенымъ слогомъ слѣдующаго слова.

18) *хотъ.* Произносится эта частица довольно быстро, почти какъ *хт'*, при возможномъ вліяніи того, что слѣдующее слово сопровождается логическимъ удареніемъ.

19) *засыплетъ.* На слоги, кажется, надо раздѣлить такъ: за|сы|плетъ [1]). Въ послѣднемъ слогѣ *л'* произносит-

---

[1]) Ученіе о дѣленіи словъ на слоги перенесено въ русскую грамматику изъ греческихъ и латинскихъ грамматикъ. Между тѣмъ этотъ вопросъ долженъ быть изслѣдованъ вновь, безъ предвзятыхъ теорій, на почвѣ живаго русскаго произношенія. Въ такихъ случаяхъ, какъ напр. б'æрý, дѣленіе на слоги прозрачно, но во многихъ другихъ являются затрудненія, напр. по вопросу о раздѣленіи на слоги группъ согласныхъ звуковъ. Вопросъ представляется сравнительно простымъ, если ограничиться правописаніемъ, и труднымъ, если имѣть въ виду живое произношеніе; напр. въ словѣ п^{ъ}рâхóт считать ли п^{ъ} за слогъ; далѣе, какъ располагается въ слогахъ напряженность, особенно въ группахъ согласныхъ звуковъ; вопросъ о паузахъ между слогами; и т. п. Все это вопросы, еще ждущіе своего разрѣшенія.

ся глухо и, хотя является слогообразующимъ, но *кратко*. Причина краткости слогообразующаго согласнаго лежитъ въ накопленіи согласныхъ при закрытости слога.

20) *Наѣзжаетъ*. j при ѣ я поставилъ не потому, чтобы дѣйствительно такъ слышалъ, а по привычкѣ; на самомъ же дѣлѣ я не могъ въ данномъ случаѣ опредѣлить, что произносится; трудность могла обусловливаться неударенностью слога; мнѣ представлялось даже, не произносится ли только j.

21) *сзади*. Двойное *з* въ началѣ произносится такъ, что напряженіе постепенно возрастаетъ. Я не нахожу разницы между способомъ произношенія *зз* въ данномъ случаѣ и *жж* въ предъидущемъ словѣ, хотя въ послѣднемъ случаѣ двойному согласному предшествуетъ гласный, и я по традиціи одно *ж* отнесъ къ предъидущему слогу, а другое къ послѣдующему, хотя въ дѣйствительности, кажется, трудно различить, имѣется ли тутъ слогъ открытый или же закрытый.

22) Прилагательное съ существительнымъ произносятся слитно, между тѣмъ какъ предъидущія слова того же предложенія раздѣляются небольшими паузами; слова эти— обстоятельственныя при сказуемомъ (ср. начальное предложеніе отрывка). — Кажется, въ разсматриваемомъ соединеніи произносится j, оканчивающее слогъ, а далѣе слѣдуетъ постепенный переходъ къ *і*.

23) *Архипка*. Конечный слогъ *-ка* слабый. Произношеніе его колеблется: можно слышать его произнесеннымъ хотя и слабо, но съ сохраненіемъ звонкости, а также и безъ звонкости. Въ послѣднемъ случаѣ для меня составляетъ затрудненіе опредѣлить, имѣется ли тутъ шепотное произношеніе или же глухое. Я обратилъ было вниманіе на особый оттѣнокъ звука въ началѣ произнесенія этого слога, какъ будто близкій къ оттѣнку шепотнаго произношенія; однако, когда я сталъ произносить звукъ *к* въ отдѣльности, онъ какъ разъ оказался одинаковымъ съ вышеупомянутымъ оттѣнкомъ; такимъ образомъ для меня остал-

ся нерѣшеннымъ вопросъ, имѣется ли въ данномъ случаѣ шепотное, или же глухое произношеніе.

24) *по пути*. Что касается до гласнаго послѣ перваго *п*, то онъ представляетъ колебаніе. Иногда гласный даже вовсе не произносится, а имѣется только долгое (слогообразующее) *п*. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда съ большей силой произносится предъидущее слово („Архипка“), а данное выраженіе примыкаетъ къ нему. При этомъ сила выдыханія въ началѣ разсматриваемаго выраженія („по пути“) на столько мала, что ея даже не хватаетъ, когда начинается разслабленіе губъ при первомъ *п*, для того чтобы воздуху прорваться сквозь губы, почти индифферентно покоющіяся одна на другой.

25) *Семенъ оглянулся*. Я не могу рѣшить, заканчиваетъ ли *н* предъидущій слогъ, или же начинаетъ собою слѣдующій. Если бы *н* принадлежало слѣдующему слогу, то произносилось бы слабо, а между тѣмъ оно, кажется, произносится сильно. Возникаетъ въ такомъ случаѣ вопросъ, есть ли пауза между *н* и слѣдующимъ *о* (ср. примѣч. 2). Конечное *-ся* въ словѣ „оглянулся“ произносится, кажется, глухо. Здѣсь мнѣ произношеніе не кажется шепотнымъ; согласный *с* не имѣетъ того обманчиваго эффекта, какъ *н*; потому, можетъ быть, я легче и распозналъ глухое произношеніе. Впрочемъ и здѣсь могутъ быть колебанія, и разсматриваемый гласный можетъ сохранять звонкость.

26) *а у того*. Начальные два гласные звука произносятся связно, образуя какъ бы дифтонгъ, при чемъ большее напряженіе падаетъ на первый гласный.

27) *крѣпокъ*. *з* произносится глухо (ср. примѣчаніе 1).

Въ заключеніе этого параграфа я помѣщаю, въ качествѣ *варіанта* общерусскаго произношенія, транскрипцію того же отрывка (въ нѣсколько иной редакціи) и примѣчанія А. И. Александрова, сдѣланныя имъ по моей просьбѣ и любезно присланныя мнѣ.

Ós^{i} ь čæká. — Jæxъl [1]) ъzvóščьk S^{i}em^{i}ón s kládʲjŭ gluxój dorógъj [2]) po gólъmŭ [3]) [4]) róvnъmŭ s^{i}t^{i}æpnómŭ m^{i}æstŭ. Vdrúk ŭ n^{i}ævó [5]) zъdym^{i}ílъs^{i} ós^{i}; á dъ d^{i}ɛr^{i}ǽv-n^{i}ĭ [6]) dъl^{i}ækó. Kák on n^{i}i [7]) b^{i}ílsă [8]) štó n^{i}ɛ [9]) d^{i}ǽ-ll̥ [10]) — n^{i}ǽt, n̥^{i}čǽm [11]) n^{i}ujm^{i}ót; klát^{i} t^{i}ažólъjă, á kъk uš rás [12]) zъgår^{i}ǽlъs^{i} ós^{i}, tó jizv^{i}ǽsnă, xъt^{i} [13]) brós^{i} tå$^{t^{i}}$-čás [14]). Zal^{i}jót, zasýpl^{i}ъt (zasýp^{i}ъt) z^{i}æml^{i}ój, b^{i}jóčă ådʲín, kъk [15]) rýbă ób [16]) l^{i}ъt; nъkån^{i}ǽc správ^{i}ъlsă [17]) kåjkák,— s^{i}v^{i}órstu [18]) pråjǽxъl, åp^{i}át stój, åp^{i}át^{i} tóžă [19])...—

---

[1]) Sandhi: при предшествующемъ ł, ъ а не *jь. [2]) „do...“, а не „*då...“, случай уподобленія гласному „o“ слѣдующаго слога. [3]) Въ „po“ имѣемъ также случай уподобленія гласному слѣдующаго слога (Cf. § 15 моей работы: „Особенности говора села Байтерякова“ Р. Ф. В. 1884 N 4). [4]) Предлоги съ словами, къ которымъ они принадлежатъ, относительно вокализма составляютъ одно цѣлое. [5]) Cf. 4). [6]) Cf. 4). [7]) Cf. 4) Въ „n^{i}i...“ слышится ясно гласный „i“ при условіи нахожденія „i“ въ слѣдующемъ слогѣ. [8]) „s“, а не „*s^{i}“, подъ вліяніемъ предшествующаго ł. Cf. 1). [9]) „ɛ“ въ „n'ɛ“ есть также результатъ уподобленія звуку „æ“ слѣдующаго слога. [10]) при двухъ l — звукахъ въ слогѣ, слѣдующемъ за ударенным, имѣется „l̥“. Cf. „l“ въ словѣ „jǽxъl“. [11]) n̥ въ слогѣ неударенномъ, такъ какъ дальше слѣдуетъ *передне-язычный* explosiv. Cf. произношеніе слова „никто=n^{i}iktó“. [12]) Эти три слова, относительно качества гласныхъ звуковъ, составляютъ одно цѣлое съ главнымъ для нихъ словомъ „rás“. [13]) Cf. 4) и 12). [14]) Въ звукѣ č explosiv'ный элементъ выступаетъ больше=t^{i}č. [15]) Cf. 4) и 12). [16]) Главное слово „ób“ (об). [17]) Cf. 8). [18]) s^{i}v^{i} — уподобленіе согласныхъ. Cf. 4). [19]) ă при предшествующемъ апалатализовавшемся ž.

Т. о. мы имѣемъ въ русскомъ языкѣ, какъ видно изъ этого отрывка, 1) случаи liquida и nasalis sonans, 2) случаи уподобленія звуковъ иногда *стоящимъ рядомъ*, иногда же звукамъ, *находящимся въ слѣдующихъ слогахъ*, 3) Sandhi и проч.

(А. Александровъ).

§ 51. Б. *Примѣчанія фонетическія.*

28) *Осъ*. Конечное *с* произносится мягко. Раньше за *с* слѣдовалъ смягчающій гласный ѣ (ь); онъ смягчилъ предшествовавшій ему согласный, а самъ впослѣдствіи исчезъ.

29) *извощикъ*. Слово это образовано изъ слѣдующихъ морфологическихъ частей: из—воз—чикъ. Корень разсматриваемаго слова *(воз)* встрѣчается и въ другомъ видѣ—*вез* (напр. везу). И такъ, въ данномъ корнѣ имѣется чередованіе *е* и *о*, такъ же какъ въ словахъ: вести—водить; бреду — брожу; лежать — положить, ложе; беру — соборъ; и т. п. Такъ какъ для такого чередованія имѣются соотвѣтствующія чередованія во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, то поэтому его считаютъ весьма древнимъ и предполагаютъ, что возникло оно еще на почвѣ аріо-европейскаго праязыка. Для праязыка разсматриваемое чередованіе можетъ быть обозначено *e || *o (съ знакомъ *). Его обозначаютъ также $*a_1$ || $*a_2$, или же *å || *å. Слову *везу* (ст.-сл. **вєзѫ**) соотвѣтствуютъ скт. vahāmi, лат. veho, лит. vežù; слову *возъ* (**возъ**) соотвѣтствуютъ скт. vāhas, греч. ὄχος. И такъ, въ разсматриваемомъ корнѣ русскому *з* соотвѣтствуютъ: скт. h, образовавшееся изъ gh, греч. χ = kh (глухой придыхательный, образовавшійся изъ звонкаго придыхательнаго gh), лат. h ≤ gh, лит. ž (звонкій „шипящій“, соотвѣтствующій „свистящему“ въ рус.). Для праязыка въ данномъ случаѣ нужно предположить звонкій придыхательный, который обозначаютъ $*g^1h$ (въ отличіе отъ $*g^2h$).

30) *мѣсту*. Ст.-славянскому **ѣ** въ чешскомъ соотвѣтствуетъ *ě*, т. е. *е* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, и *í*, напр.: běh, pěti (**пѣти**), pěna, věřim, věrny || víra, vítr, město || místo, měna, měřiti (**мѣрити**) měrný || míra, děd, děva || dívka, tělo, hlév = hlív, něha, řeka || říčka, ořeh и пр. (См. Gebauer Hláskosloví jazyka českého, 1877, § 31). Что касается говоровъ сербо-

хорватскихъ, то они діалектически представляютъ слѣдующія соотвѣтствія ст.-славянскому ѣ: 1) ије (ије), је, 2) е, 3) и (і).

31) *задымилась*. Глаголъ этотъ происходитъ отъ имени *дымъ*, которое имѣетъ слѣдующія соотвѣтствія въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ: скт. dhūmas, греч. θῦμός, лат. fūmus. Сравненіе это показываетъ, что гласный ы (**ы**) образовался изъ ū (чрезъ устраненіе губнаго съуженія). Другіе примѣры: *нынѣ*, скт. nūnam, греч. νῦνί νῦν; *ты*, лат. tū. Гласный **ы** (ū) является соотвѣтствующимъ долгимъ для краткаго **ъ** (ŭ); ср. чередованіе **ъ** (ŭ) и **ы** (ū): **съпати** ‖ **оусыпляти**, и т. п. Гласный **ы** можетъ быть еще другаго происхожденія: **камы** (Именит. ед.) ⇐ *kam-a_2n-s (*a_2 или *o съузилось въ ŭ, которое вслѣдствіе исчезновенія послѣдующихъ согласныхъ получило замѣнительное удлиненіе въ ū, т. е. **ы**); **уловѣкы** (Вин. мн.), гдѣ **ы** отражаетъ первоначальное *-$a_2$ns; въ древнегреч. это *-$a_2$ns дало -ως (дорич.) или -ους (іон., атт.), въ лат. -ōs.

32) *бился*. Корень здѣсь имѣется въ видѣ *б'і;* гласный *і* въ немъ отражаетъ первоначальное *a_1i. Въ наст. вр. имѣемъ *б'ју*, что морфологически разлагается такъ: *б'+ју*. Въ старо-славянскихъ памятникахъ въ наст. вр. встрѣчаемъ **и** и **ь**, напр. **биємъся** Сб. 1076, **бьєтъ** Супр. Болг. bíjъ; серб. бȉјēм; слов. bijem; чеш. biji; пол. biję; луж. biju. Что *і* въ *бить* отражаетъ собою *a_1i, это слѣдуетъ изъ того, что оно чередуется съ *oj*, имѣющимся въ словѣ бój (ст.-сл. **бои**) и отражающимъ собою *a_2i. Подобное же чередованіе представляютъ слѣдующіе примѣры — пить : пью : водо-пой, лить—лью—про-лой *(арханг.*, значитъ „проливъ“).

32) *сердечный*=ст.-сл. **срьдьчьныи**; въ рус. ĭ послѣ *ч* ослабло до исчезновенія, взамѣнъ чего ĭ предъидущаго слога усилилось, расширившись въ *е*. Разсматриваемое прилагательное происходитъ отъ сущ. *серд-це* (съ уменьшительнымъ суффиксомъ) ‖ ст.-сл. **срьдьце**. Современная русская форма — *сердце* образовалась изъ древне-русской

сьрьдьце. Родственныя слова: литовск. szirdis, нѣмецк. Herz, лат. cor (основа cord-, какъ видно напр. изъ Род. ед. cord-is), греч. καρδία. Начальное *с* слова „сердце“ отражаетъ первоначальное k^1. Другіе примѣры, представляющіе рефлексы $*k^1$: *сто* (ст.-сл. **сѣто**), лит. *szimtas*, скт. *çatám*, нѣм. *h*und-ert, лат. *c*entum (произн. kentum), греч. ἑ-κατόν; *десять* (ст.-сл. **десать**), лит. dé-*szimtis*, скт. daça, лат. de*c*em, греч. δέκα; *весь* (напр. въ выраженіи „весь Божія“, ст.-сл. **вьсь**), лит. vẽ*sz*-pats (повелитель, собств. владѣтель области), скт. veças (домъ), viç-patis (хозяинъ), лат. vīcus (селеніе, деревня), греч. οἶκος ⇐ Fοῖκος (домъ); и т. п. И такъ:

	слав.	лит.	скт.	нѣм.	лат.	греч.
$*k^1$ =	s	sz	ç	h	c	κ
$*k^2$ =	k (č)	k	k (č)	w (⇐ hv)	qu	π(τ)

(Примѣры для $*k^2$ будутъ ниже). Съ этими рефлексами аналогичны отраженія $*g^1$ и $*g^1h$ — съ одной стороны и $*g^2$, $*g^2h$—съ другой.

33) *что*. Слова *кто* и *что* одного корня (*к*-то, *ч*-то). Ст.-сл. **кѣто** и **чьто**. Въ русскомъ языкѣ здѣсь исчезли гласные ŭ, ĭ. Согласный *ч* въ словѣ *что* образовался изъ *к* вслѣдствіе вліянія смягчающаго гласнаго ĭ, впослѣдствіи исчезнувшаго. Вмѣсто *что* выговоривается обыкновенно *што* (расподобленіе) подобно тому, какъ вм. *кто* говорится часто *хто*. Въ лат. звуку *k* соотвѣтствуетъ *qu*: *qu*is, *qu*id, *qu*od. Такимъ образомъ въ лат. имѣется одинаково *qu*, будетъ ли далѣе слѣдовать гласный палятальный или же не-палятальный. Въ греческомъ языкѣ имѣется различіе: при слѣдующемъ гласномъ не-палятальномъ имѣется π (напр. πῶς), при палятальномъ же — τ (напр. τίς=лат. quis). Скт. въ данномъ случаѣ представляетъ совершенную аналогію съ славянск.: передъ не-палятальными гласными *k* сохраняется, передъ палятальными же измѣнилось въ *ч*, напр. *k*as || *c*it (= лат. quid). Начальное *k* слова „кто“ является рефлексомъ первоначальнаго k^2 (отличнаго отъ $*k^1$, отражающагося въ слав. въ видѣ s).

34) *дѣлалъ*. Этотъ глаголъ образованъ отъ имени сущ. *дѣло* (= дѣ͡ло: опро́щеніе), происходящаго отъ глагола *дѣть*=ст.-сл. **дѣ-ти**. Кор. **дѣ** || скт. dhā || греч. θη [1]). Въ разсматриваемомъ корнѣ слав. *d* отражаетъ собою первоначальный звонкій придыхательный *dh, о чемъ заключается по тому, что санскритъ и греч. представляютъ придыхательные.

35) *ймѣтъ*. Это слово морфологически разлагается такъ: у-йм-етъ. Кор. *йм* образовался изъ *jem: *e* сначала ослабло, съузившись въ i (j͡im), которое затѣмъ исчезло. Другіе примѣры подобнаго же ослабленія *е: жгу* (**жегж** и **жьгж**), *начну* (**начьнж**), *распну* (**распьнж**), *тру* (**трж**, встрѣчаются формы и съ **ь**, напр. **тьреть** Сб. 1073), *мру* (**мьрж**), *запру* (**ꙁапрж**), *простру* (**прострж, простьрете** Сб. 1076).

36) *тяжелая*. Группа буквъ *тя* обозначаетъ сочетаніе звуковъ т'а. Гласный *а* не смягчающій; въ данномъ же случаѣ мягкость согласнаго (*т'*) вызвана гласнымъ ẽ (*е* съ носовымъ оттѣнкомъ, ст.-сл. **ѧ**), изъ котораго затѣмъ уже развилось *а*. Другіе примѣры, въ которыхъ русскому *а* соотвѣтствуетъ ст.-слав. **ѧ**: м'*а*со (мясо) || **мясо**; п'*а*т' (пять) || **пять**; гов'*а*д'іна (говядина) || **говѧдо** т. е. быкъ, корова (общее названіе); в'*а*зат' (вязать) || **ꙁѧꙁати**; р'*а*бој (рябой) || **рѧбъ** т. е. рябчикъ; расп'*а*т'іје (распятіе) || **распатиѥ**; с'в'*а*тој (святой) || **сѧтъ**; и пр. Въ разсматриваемомъ нами словѣ *(тяжелая)* *е* измѣнилось въ произношеніи въ *о* при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ (*л*); предъидущій согласный *ж* раньше былъ мягкимъ, затѣмъ отвердѣлъ; отвердѣніе *ж* должно было сопровождаться переходомъ экскурсіи послѣдующаго гласнаго изъ мягкой въ твердую.

37) *то*. Эта частица мѣстоименнаго происхожденія: средній родъ мѣстоименія. Въ санскритѣ этой формѣ мѣстоименія соотвѣтствуетъ *tat*, гдѣ конечное *t* образовалось изъ соотвѣтствующаго звонкаго *д* (ср. въ русскомъ

---

[1]) θ=th (глухой придыхательный).

измѣненіе конечныхъ звонкихъ въ глухіе). Лат. is-*tud;* въ этой формѣ *u* получилось путемъ съуженія неударенаго *o*, такъ же какъ *-us* во „второмъ“ склоненіи произошло изъ *-os* (греч. *-ος*). Въ греч. *τό*; конечное *d* исчезло, какъ и въ слав. Въ нѣм. *das*, начальное *d* образовалось изъ *t*, а конечное *s* изъ *d*, въ силу особаго звуковаго передвиженія, свойственнаго германскимъ языкамъ (Lautverschiebung).

38) *извѣстно.* Корень этого слова *вѣд*, какъ показываетъ, напр., родственное слово *вѣдать*. Гласный звукъ, обозначаемый въ правописаніи посредствомъ *ѣ*, здѣсь отражаетъ первоначальное сочетаніе $*a_2i$ (послѣднее, какъ мы видѣли на словѣ *бой*, отражается также въ видѣ oj; *ѣ* имѣется передъ согласными, а *oj* — передъ гласными; правда, теперь въ словѣ *боj* за *j* не слѣдуетъ никакого гласнаго, но первоначально слѣдовалъ „тематическій“ гласный). Разсматриваемый корень встрѣчается также въ другомъ видѣ: *вид*, напр. въ словѣ *видѣть*, гдѣ *и* соотвѣтствуетъ первоначальному $*a_1i$. Разсмотрѣнное чередованіе параллельно съ чередованіемъ *е* и *о* ($*a_1$ ‖ $*a_2$), напр. *лечь* ‖ *ложе*, съ чередованіемъ *ю* и *у* ($*a_1u$ ‖ $*a_2u$) въ словахъ *блюсти* ‖ *будить*. Въ послѣднемъ чередованіи $a_1u \rightleftarrows ju$, а bj дало бл'. Слѣдов., относительно кореннаго гласнаго, *видѣть* : *вѣдать* = *лечь* : *ложе* = *блюсти* : *будить*.

39) *тотчасъ.* Мѣстоименіе *тотъ* образовалось путемъ повторенія мѣстоименія тъ = ст.-сл. **тъ**. Форма **тъ** соотвѣтствуетъ греч. формѣ *τόν*; въ слав. о̆ съузилось въ ŭ (ср. лат. is-*tum*), конечный же носовой исчезъ. Такимъ образомъ, Им. ед. муж. въ слав. отражаетъ собою собственно первоначальный Вин. падежъ, при чемъ *-ъ*=$-a_2m$. Поль. *ten* (***тъ-нъ**). Въ польск. **ъ**=*е* безъ смягченія предшествующаго согласнаго (*resp.* нулю), напр. *łeb* (**лъбъ**, рус. лобъ), Р. ед. *łba*; **ь**=*е* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго, напр. *dzień* (**дьнь**, рус. день), Р. ед. *dnia*. Въ написаніи *dzień dzie* соотвѣтствуетъ русскому *де*, подобно тому какъ пол. *-dzi* ‖ рус. *-ди*, пол. *-dź* ‖ рус. *-дь*, пол. *-cie* ‖ рус. *-те*, пол. *-ci* ‖ рус. *-ти*, пол. *-ć* ‖ рус. *-ть*. Отъ

этихъ польскихъ *dź* и *ć* строго слѣдуетъ отличать *dz* и *c*, являющіяся отраженіями *dj и *tj и, слѣд., соотвѣтствующія русскимъ *ч* и *ж* (напр. świeca, mie*dz*a). Польск. *c* можетъ соотвѣтствовать еще рус. *ц*, напр. ulica.

40) *засыплетъ*. Группа согласныхъ *пл'* получилась вслѣдствіе смягченія *n* посредствомъ j, имѣвшагося въ наст.; прош. вр. и неопр. наклон. не имѣли j, а потому въ нихъ мы находимъ просто *n*—сы*n*ать, сы*n*алъ. Для характеристики славянскихъ языковъ важно обратить вниманіе на отраженія въ нихъ *tj и *dj: рус. свѣ*ч*а, ме*ж*а || ст.-сл. **свѣшта, межда** || болг. sfeš*t*ъ́, me*ž*dъ || серб. свијѣ*ћ*а, мѐ*ђ*а || словинск. sve*č*a, me*j*a || чеш. svíce, mí*ze* || польск. świe*c*a, mie*dz*a.

41) *землей*. Группа *мл'* возникла изъ *mj. Такимъ образомъ, *земля* ⩽ зем-ja. Значитъ, болѣе первичный видъ нашего корня есть *зем*, встрѣчающійся въ словахъ *земъ*, *земскій*. Родственныя слова въ другихъ аріо-европ. языкахъ: греч. *χαμαί*, лат. *h*umus, лит. žémė. Звукъ *з* отражаетъ собою *g^{1}h (см. выше слово *извощикъ*).

42) *версту*. Слову *верста* отвѣчаетъ ст.-сл. **врьста**; въ Сб. 1076, памятникѣ русской редакціи, встрѣчаемъ форму **вьрьстъı**, изъ которой легко можетъ быть выведена соотвѣтствующая современная русская: второе *ъ* (послѣ плавнаго) ослабло до исчезновенія, взамѣнъ его первое *ъ* (передъ плавнымъ) расширилось въ *е;* согласный *р* долженъ былъ смягчиться подъ вліяніемъ слѣдующаго *ъ;* но съ исчезновеніемъ гласнаго *ъ* согласный *р* изъ мягкаго измѣнился въ твердый—уподобленіе къ слѣдующему твердому согласному *с;* гласный *е* при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ измѣнился въ *о* (верста || вёрстъ).

43) *опять*. Ст.-сл. **опать**. Чешск. opět. Въ чешскомъ ст.-славянскому **а** соотвѣтствуютъ или *a*, когда далѣе слѣдуетъ не-палятальность, или *e* — передъ палятальностью. Примѣры: p*á*t*ý* (пятый) || p*ě*t вм. pěť (пять); de*v*á*t*ý || devět; ho*v*ado || ho*v*ězí (говяжій) и др. Въ наибольшей полнотѣ это чередованіе наблюдается въ старо-чешскомъ, впослѣдствіи же, особенно съ конца XIV в., оно

все болѣе и болѣе нарушается исключеніями и утрачиваетъ первоначальную свою правильность. Исключенія эти объясняются дѣйствіемъ аналогіи; напр. *ст.-чешск.* v ř*ie*dě — *ново-чешск.* v ř*á*dě по аналогіи (↑) къ Им. ед. ř*á*d (рядъ); *ст.* na hř*e*dě—*н.* na hř*a*dě ↑ Им. hř*a*da; *ст.* sv*ě*tí otcové—*н.* sv*a*tí otcové ↑ sv*a*tý otec; *ст.* m*ě*teš неопр. m*ie*sti (**матж масти,** смущать) — *н.* m*a*teš m*á*sti ↑ 1 ед. наст. m*a*tu; *ст.* dos*ie*hneš dos*ie*hli — *н.* dos*á*hneš dos*á*hli ↑ dos*á*hnu (**досагж** достигаю); и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наоборотъ, *e* распространилось путемъ аналогіи на счетъ *a*, напр. *ст.* hl*á*dati—*н.* hl*é*dati. ↑ hled*ě*ti (глядѣть); *ст.* zapom*a*nu (***запоманж** забываю) zapom*a*nul — *н.* zapom*e*nu zapom*e*nul ↑ zapom*e*neš. Въ иныхъ случаяхъ является или вездѣ *a*, или, рядомъ съ этимъ, вездѣ *e*, напр. př*a*du (пряду), př*a*deš, př*a*de, př*a*dl и т. д. || př*e*du, př*e*deš, př*e*de, př*e*dl и т. д. (См. Gebauer Hláskosloví стр. 66).

Глава VI.

О вліяніи на ударяемые гласные твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ.

§ 52. Сравнимъ гласный *а*, находящійся въ ударенномъ слогѣ замкнутомъ согласнымъ твердымъ, тоже съ гласнымъ *а*, но находящимся въ слогѣ, замкнутомъ соотвѣтствующимъ согласнымъ мягкимъ.

Для краткости обозначимъ нашъ вопросъ такъ:

$$a^x C^{'} : a^x C'$$

Въ этой формулѣ C' = согласный твердый, C' = согласный мягкій; экспонентъ x, стоящій при буквѣ а, указываетъ на вопросъ, каковъ оттѣнокъ гласнаго въ данныхъ условіяхъ (т. е. передъ слѣдующимъ твердымъ или же мягкимъ согласнымъ), а двѣ точки указываютъ на необходимость сравненія оттѣнковъ изслѣдуемаго гласнаго.

Возьмемъ какой-нибудь примѣръ, положимъ:

мáт : мáт'.

Вслушиваясь въ произношеніе гласнаго *а* въ приведенныхъ двухъ словахъ, мы замѣчаемъ, что во второмъ случаѣ гласный *а* мягче, нежели въ первомъ случаѣ; другими словами, гласный *а* при слѣдующемъ твердомъ согласномъ звучитъ твердо, при слѣдующемъ же согласномъ мягкомъ принимаетъ особую окраску, наклоняясь къ *i*, иначе выражаясь—принимаетъ небный оттѣнокъ [1]).

Подобное же различіе въ оттѣнкѣ гласнаго *а* наблюдаемъ въ цѣломъ рядѣ другихъ однородныхъ примѣровъ:

---

[1]) Первый оттѣнокъ гласнаго *а* можно обозначить черезъ a^a (или просто а), а второй — черезъ a^i.

сла́п : осла́п’	вра́л : вра^{i}л’
-сла́ф : сла^{i}ф’	ста́л : ста^{i}л’
ма́т : ма^{i}т’	да́л : да^{i}л’
ра́т : ра^{i}т’	жа́л : жа^{i}л’
га́т : га^{i}т’	уда́р : уда^{i}р’
жа́т : жа^{i}т’	ша́р : ша^{i}р’
кла́т : кла^{i}т’	да́н : да^{i}н’
бра́т : бра^{i}т’	гра́н : гра^{i}н’

и т. п.

Въ приведенныхъ примѣрахъ согласный, слѣдующій за гласнымъ, принадлежитъ тому же слогу. Посмотримъ, различается ли гласный *а*, если слѣдующій согласный (твердый или же мягкій) принадлежитъ слѣдующему слогу. Примѣры:

ра́ну : ра^{i}н’у	ка́ру : ка^{i}р’у
жа́лу : жа^{i}л’у	жа́ру : жа^{i}р’у
па́ру : па^{i}р’у	ша́ру : ша^{i}р’у
ва́ру : ва^{i}р’у	

и т. д.

Вслушиваясь въ произношеніе этихъ примѣровъ, находимъ, что оттѣнокъ гласнаго *а* различается при слѣдующемъ твердомъ и мягкомъ согласномъ также и въ открытомъ слогѣ.

Въ разсматривавшихся до сихъ поръ случаяхъ изслѣдуемому гласному предшествовалъ твердый согласный; но подобное же различіе оттѣнка наблюдается въ тѣхъ же условіяхъ также при предшествующемъ мягкомъ согласномъ:

въ закрытомъ слогѣ	въ открытомъ слогѣ
м’а́т : м’а^{i}т’	зав’а́ла : зав’а^{i}л’і
ја́т : ја^{i}т’	м’а́ла : м’а^{i}л’і
в’а́с : в’а^{i}с’	

и т. д.

И такъ, если за *а* слѣдуетъ мягкій согласный того же или слѣдующаго слога, то этотъ гласный получаетъ небный оттѣнокъ. Можно однако возразить, что это—акустическій обманъ, что особый оттѣнокъ звука получается

не отъ гласнаго, а отъ слѣдующаго мягкаго согласнаго и только по ошибкѣ переносится на гласный. Возможность такого предположенія отнимается слѣдующими доказательствами того, что этотъ небный оттѣнокъ принадлежитъ *а*:

1) Въ такихъ выраженіяхъ, какъ кла͡тта͡ (кладъ-то) и кла͡т'та͡ (кладь-то), *первое т* (твердое въ первомъ словѣ и мягкое во второмъ) *вовсе не слышится; однако мы различаемъ эти слова.* Казалось бы, что можно различить *т* и *т'* посредствомъ мускульнаго чувства, но тогда различалъ бы эти слова только говорящій, а не слушающій, а между тѣмъ различаетъ ихъ и тотъ, и другой. Въ дѣйствительности, слыша эти слова, *мы различаемъ ихъ по звуку а, такъ какъ онъ не одинъ и тотъ же въ обоихъ словахъ.* Другіе однородные примѣры: матъ-то || мать-то, гадъ-то || гать-то, мятъ-то || мять-то и т. д.

2) Мы можемъ *взрывной согласный* (твердый или же мягкій), которымъ замыкается изслѣдуемый гласный, *сдѣлать неслышнымъ искусственно,* произведя требующійся для этого согласнаго затворъ или замкнутость, но безъ взрыва; чрезъ это достигается изолированность гласнаго звука отъ слѣдующаго согласнаго элемента, благодаря чему легче, вслушиваясь, опредѣлить, различается ли самый гласный передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ. Если мы произнесемъ подобнымъ образомъ, напр., слова: матъ мять || мать мять, то легко замѣтимъ неодинаковость гласнаго звука, и при томъ *наибольшею небностью* гласный *а* отличается въ томъ случаѣ, когда не только слѣдуетъ за нимъ мягкій согласный, но и предшествуетъ ему тоже согласный мягкій. Однородные примѣры: радъ рядъ || рать „рять“ (несуществующее слово); лапъ ляпъ || лапь (облапь) „ляпь“ и т. д.

3) *а съ небнымъ оттѣнкомъ можно произнести даже одиноко (отдѣльно), не въ словѣ,* что было бы невозможно, если бы небный оттѣнокъ собственно принадлежалъ слѣдующему согласному.

4) Если мы произнесемъ *а* такъ, какъ будто бы далѣе хотѣли произнести мягкій согласный, вмѣсто котораго

въ дѣйствительности произнесемъ согласный твердый ($a^i + C'$), или же, наоборотъ, если произнесемъ гласный *а* такъ, какъ будто бы далѣе долженъ былъ слѣдовать твердый согласный, вмѣсто котораго произнесемъ соотвѣтствующій согласный мягкій ($a^a + C'$),—то легко замѣтимъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ произношеніе становится неестественнымъ, фальшивымъ.

5) Если звукъ *а* дѣйствительно различенъ при слѣдующемъ твердомъ и мягкомъ согласномъ, то это *различіе должно какимъ-нибудь образомъ отразиться на уложеніи полости рта.* При a^a углы рта почти не растягиваются, при a^i нѣсколько растягиваются при энергическомъ произношеніи.

6) Если сочетаніе изъ $a + C'$ *повторять ускоряя*, то *а* болѣе и болѣе принимаетъ окраску *і*, напр. въ словѣ м*а*т'; если же гласному *а* еще и предшествуетъ мягкій согласный, напр. въ словѣ м'*а*т', то при ускореніи произношенія гласный можетъ быть доведенъ до $\bar{\imath}$ (м'a^iт' .... м'$\bar{\imath}$т').

7) Я произнесъ слово „говядина"; дѣвочкѣ же лѣтъ девяти (значитъ, слухъ ея не могъ обманываться вслѣдствіе книжнаго вліянія, которое если и было, то еще въ слабой степени) [1]) *послышалось* въ произнесенномъ мною словѣ *в'э́* вм. *в'а́*. Чтобы придать этому факту бо́льшую точность, я попросилъ дѣвочку написать это слово такъ, какъ оно ей послышалось, и она написала: „*говъдина*".

8) Живя въ деревнѣ Бѣлой (близъ Казани) и вслушиваясь въ *говоръ маленькихъ*, еще не достигшихъ совершеннаго произношенія, я замѣчалъ, что вмѣсто ударенаго *а* между двумя мягкими согласными они произносили гласный звукъ, напоминавшій мнѣ широкое *э*, напр. п'$æ^a$т' или п'ät' (пять).

9) Въ *сѣверно-великорусскихъ говорахъ* весьма обычное явленіе — произнесеніе гласнаго *э́* вмѣсто *а́* между

---

[1]) Дѣвочка - живая, здоровая, съ тонкимъ слухомъ и отличною памятью.

мягкими согласными (объ этомъ будетъ подробно говориться ниже).

Подведя итогъ вышеизложенному, я прихожу къ слѣдующему заключенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что гласный *а* (какъ и всякій другой гласный) не одинаковъ по своей рекурсіи передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ, что̀ должно обусловливать соотвѣтствующее различіе въ звуковомъ оттѣнкѣ. Но вопросъ въ томъ, различается ли, кромѣ рекурсіи, хотя нѣсколько средняя (главная) часть гласнаго звука *а* при слѣдующемъ твердомъ и мягкомъ согласномъ? Я думаю, что болѣе чѣмъ вѣроятно такое различіе гласнаго *а* между твердыми и между мягкими согласными, напр. м*а́*т || м'*а́*т'. Что же касается такихъ случаевъ, какъ м*а́*т' или р*а́*н'у, то я затрудняюсь рѣшить, зависитъ ли небный оттѣнокъ гласнаго только отъ мягкой рекурсіи, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и средняя часть гласнаго звука уже нѣсколько затронута (аффицирована) небностью. Послѣднее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ.

§ 53. $э^{x}С'$: $э^{x}С'$? Какъ мы знаемъ, гласный э является въ двухъ разновидностяхъ: æ (*э широкое* — передъ твердымъ согласнымъ) и є (*э узкое* — передъ согласнымъ мягкимъ), напр. п'ǽт || п'є́т', м'ǽры || м'є́р'ит' и т. п. Здѣсь надо различать *происхожденіе* гласнаго э = 1) *ѣ* и 2) *е*. Между тѣмъ какъ гласный э (*ѣ*) развѣтвился на э широкое и узкое, гласный э (*е*) развѣтвился на о и узкое э (напр. j*о́*лка || jє́л'). Послѣдній вопросъ составитъ предметъ разсмотрѣнія особой главы (VIII). Въ *съверно-великорусскихъ* народныхъ говорахъ на мѣстѣ общерусскаго є (=*ѣ* или *е*) встрѣчается, какъ обычное явленіе, гласный болѣе узкій, именно і [1]). Въ дер. Бѣлой въ *говорѣ маленькихъ*

---

[1]) Такимъ образомъ тамъ общерусскому чередованію ǽ || є́ соотвѣтствуетъ чередованіе ǽ || і́, подобно тому какъ общерусскому чередованію а́ᵃ || аⁱ тамъ соотвѣтствуетъ чередованіе а́ᵃ || о́.

узкое э приближается къ і и даже совсѣмъ равняется і, напр.: п'э^{i}н', с'є^{i}м', шшав'іл', с'ід'н'і, ф'іт'ка (Федька) [1]).

§ 54. Прочіе гласные звуки, т. е. *о, у, ы, і*, тоже различаются по оттѣнку передъ слѣдующимъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ, напр.

сто́л || сто́^{i}л'	пы́л || пы́^{i}л'
ду́л || ду́^{i}л'	п'і́л || п'і́^{i}л'

и т. д.

Впрочемъ въ разсматриваемыхъ случаяхъ *является открытымъ вопросъ*, зависитъ ли небный оттѣнокъ гласнаго отъ мягкой рекурсіи, или же вмѣстѣ съ этимъ болѣе или менѣе аффицирована небностью и средняя часть гласнаго звука.

Для рѣшенія этого вопроса требуются, такъ сказать, микроскопическія изслѣдованія, посредствомъ соотвѣтствующихъ приборовъ и, вообще, при помощи строгихъ экспериментальныхъ пріемовъ. Чтобы устранить возможность усложненія отъ книжнаго вліянія, для такихъ изслѣдованій нужно обратиться къ народнымъ говорамъ.

Разсмотрѣнные нами оттѣнки гласныхъ звуковъ наблюдаются также въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (напр. дары́ \|\| да^{i}р'і́, н'æсу́ \|\| н'єс'і́ и т. п.). Такимъ образомъ вопросъ этотъ связываетъ неударенные гласные съ ударенными. Выясненіе процесса будетъ сдѣлано въ главѣ о неударенныхъ гласныхъ.

---

[1]) Аналогію съ этимъ явленіемъ представляетъ замѣна глаенаго *о* звукомъ среднимъ между *о* и *у* и даже гласнымъ *у*, но безъ энергическаго дѣйствія губъ (буду обозначать такой гласный черезъ ɷ). Это явленіе я наблюдалъ въ говорѣ маленькихъ въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ, а иногда и въ слогѣ ударенномъ, напр.: вɷтǽту (вотъ эту), шлɷжы́л бɷjі́шша (боишься), дɷма́-т'і (дома́-то), хɷжу́, хɷд'і́т' хɷд'і́, д'ǽфка пɷшла́ по́выду, пɷб'іл, бɷjу́ш (боюсь), вɷды́, штɷjу́ стою), дɷк'і́ну, плɷjду́ (пройду); вф́т как, вф́н дɷ ка́jіх. Иной разъ мнѣ слышался болѣе яснымъ оттѣнокъ *о*.

§ 55. Обратимся теперь къ *литературѣ* изслѣдуемаго вопроса.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (1847) N 173 появилась статья Грота подъ заглавіемъ: *О произношеніи буквъ е, ѣ, э.* Въ ней авторъ сообщаетъ о сдѣланномъ имъ *открытіи*, именно о различіи широкаго и узкаго э въ русскомъ языкѣ. Вотъ эта статья въ главнѣйшихъ выдержкахъ.

Въ началѣ статьи автору вполнѣ удалось доказать, что нѣтъ разницы въ произношеніи *ѣ* и *е* (когда послѣднее не превращается въ ё). „Въ этомъ всякому легко убѣдиться, произнося одно за другимъ, напримѣръ, слѣдующія слова: *лѣнь* и *олень;* въ *море* и въ *морѣ;* *членъ* и *плѣнъ;* *ѣли* и *ели*“. Буквою *э* изображается тотъ же звукъ, когда онъ въ началѣ слога долженъ быть произносимъ чисто, безъ помощи *й: это, поэтъ*“.

„Въ произношеніи каждой изъ этихъ трехъ буквъ есть одинъ общій законъ, о которомъ, кажется, еще не было упоминаемо въ Русской грамматикѣ“. „Есть языки, въ которыхъ законы сочетанія буквъ такъ строги, что въ каждомъ словѣ обыкновенно гласныя или всѣ мягкія или всѣ твердыя; встрѣча тѣхъ и другихъ въ одномъ словѣ возможна только при извѣстныхъ условіяхъ. Этимъ свойствомъ отличается особенно языкъ Финскій [1]). Тотъ же самый законъ въ нѣкоторомъ смыслѣ [2]) открывается и въ русскомъ надъ буквами *е, ѣ, э*“.

„Если станемъ внимательно сравнивать слова, гдѣ онѣ встрѣчаются, то найдемъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ

---

[1]) „Въ немъ, наприм., окончаніе прилагательныхъ: *lainen* можетъ придаваться только такимъ словамъ, гдѣ находятся твердыя гласныя, въ противномъ случаѣ оно превращается въ *läinen*: *Suomalainen* Финъ; *Wänäläinen* Русскій“.

Авторъ такимъ образомъ имѣетъ здѣсь въ виду явленіе такъ называемой *гармоніи гласныхъ.*

[2]) Въ какомъ именно? Автору слѣдовало бы войти въ обстоятельное сравненіе явленія въ томъ и другомъ языкѣ, чего онъ въ своей статьѣ не сдѣлалъ.

двоякій звукъ, смотря по тому, стоитъ ли она передъ твердою или передъ мягкою буквою. Сличите, напримѣръ, слова:

вѣ-ру и *вь*-рю
чле-ны и въ *чле*-нѣ
э-то и *э*-ти".

„Чтобы увѣриться, какъ несходны буквы *ъ, е, э* первой колонны съ тѣми же буквами во второй, стоитъ только попробовать, начавъ произносить первый слогъ одной изъ колоннъ, приставлять къ нему второй слогъ изъ другой; произнеся *вь* (первой колонны)—прибавьте *рю,* и на оборотъ произнеся *вь* (второй колонны) — прибавьте *ру:* не ясно ли, что звукъ *ъ* въ первомъ случаѣ совсѣмъ не тотъ, какой слышится во второмъ?". [1])

„Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *е, ъ, э* произносятся широко, близко къ тому, какъ во Французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е*, когда надъ нею *accent grave,* а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы Французское *é (accent aigu)*".

„По общему закону, изложенному нами касательно буквъ *е, ъ, э* происходитъ, что когда одна изъ нихъ случится въ первомъ слогѣ, то и самое ея произношеніе сообразуется съ гласнаго слѣдующаго слога. [2]) Оттого въ словахъ: *привѣтствіе, бѣдствіе, на-*

---

[1]) Ср. выше четвертое доказательство того, что гласный *а* имѣетъ неодинаковый оттѣнокъ передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ.

[2]) Выше была дана совершенно правильная формулировка условій двоякаго произношенія гласнаго э (*е, ъ, э*). Здѣсь мы встрѣчаемъ новую формулировку, но уже не правильную. Если, напримѣръ, въ словѣ е′т′і (*эти*) имѣется узкое *э*, то оно возникло слѣдующимъ образомъ: подъ вліяніемъ смягчающаго гласнаго *і* смягчился предъидущій согласный (*т*), мягкость же согласнаго вызывала съуживаніе предшествующаго *э*. Такимъ образомъ произношеніе гласнаго э сообразуется собственно не съ гласною слѣдующаго слога, а съ твердо-

слѣдникъ не только *т* и *д*, но и *ъ* произносится не такъ, какъ въ словахъ: *привѣтъ, бѣдствовать, наслѣдство*". [1])

„Въ словахъ *рѣжь, пишь, тишь* ъ произносится широко, потому что буквъ *ж* и *ш* нельзя выговорить мягко, хотя послѣ нихъ и стоитъ ъ. Напротивъ въ словахъ *мечъ, свѣчъ, вещь, лещь* сжатое *е*, потому что тутъ знакъ ъ слышится и въ выговорѣ". [2])

стью или же мягкостью согласнаго, слѣдующаго непосредственно за *э*. Что здѣсь обусловливающимъ является именно согласный, можно привести слѣдующія доказательства. Въ словѣ н'ес'а́ (*неся*) узкое э возникло такъ: на мѣстѣ гласнаго *а* раньше былъ смягчающій гласный — носовое э (ѣ = ст.-сл. А), подъ вліяніемъ котораго смягчился предъидущій согласный (*с*), а мягкость этого согласнаго вызвала съуженіе предъидущаго *э*; затѣмъ гласный ѣ измѣнился въ *а*, т. е. въ гласный не-палятальный, однако же *э* продолжаетъ оставаться узкимъ, такъ какъ далѣе продолжаетъ находиться мягкій согласный. Въ словѣ м'ел'у́ въ конечномъ слогѣ никогда не было палятальнаго (небнаго, мягкаго) гласнаго, согласный же *л'* сталъ мягкимъ подъ вліяніемъ слѣдовавшаго за нимъ согласнаго j (л+j), такъ что здѣсь уже вовсе не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было вліяніи мягкаго гласнаго слѣдующаго слога. Другое дѣло — явленіе гармоніи гласныхъ въ языкахъ финскихъ, или тюркскихъ: тамъ, дѣйствительно, гласный кореннаго слога вызываетъ уподобленіе себѣ гласнаго въ слѣдующихъ (образовательныхъ, придаточныхъ) слогахъ. Кажется, автору понадобилась указанная неточность въ формулировкѣ закона для того, чтобы открытое имъ явленіе казалось подобнымъ явленію гармоніи гласныхъ, напр., языка финскаго.

[1]) Разсмотримъ одинъ изъ указанныхъ примѣровъ, положимъ — пр'ів'є́т'с'т'в'іје (*привѣтствіе*): гласный *і* смягчилъ предъидущій согласный (*в*), а затѣмъ смягченіе переходя отъ одного согласнаго къ другому достигло *т*, стоящаго послѣ э (*ъ*); смягченіе этого *т* и вызвало узкое произношеніе гласнаго *э*.

[2]) Нужно замѣтить, что въ такихъ случаяхъ, какъ *мечъ, лещъ, свѣчъ*, въ орѳографіи утвердились написанія съ *ъ*. — Согласный *ч* въ общерусскомъ языкѣ выговаривается только

„Замѣчательно, что и послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ, *е* можетъ быть произносимо двояко; сравните: шестъ и шесть, чествовать и честь, жертва и жерди“. [1])

„Конечно, этотъ законъ Русскаго языка въ подробностяхъ требуетъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія и развитія; наше намѣреніе было только—указать на него“.

§ 56. Въ 1852 году въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ помѣщены *Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ* О. Бетлинга.

Я приведу извлеченія изъ главы II названнаго сочиненія, носящей заглавіе: *О вліяніи смягченной согласной на предыдущую гласную* (стр. 81—91). [2])

Прежде всего авторъ приглашаетъ читателя сравнить выговоръ *ѣ* и *е* въ слѣдующихъ столбцахъ (ограничиваюсь приведеніемъ только нѣкоторыхъ примѣровъ):

ѣ		е	
вѣкомъ	вѣки	пеку	пеки
лѣта	лѣтѣ	мелко	мельче
слѣпой	слѣпить	темнота	темнѣть
ѣду	ѣдетъ	жена	женѣ

„При нѣкоторомъ вниманіи читатель тотчасъ замѣтитъ что *ѣ* въ первомъ и *е* въ третьемъ столбцѣ выговариваются какъ *ä*, то-есть ближе къ *а*, а во второмъ и че-

---

твердо, а потому предшествующее *е* можетъ быть только широкимъ, напр. отецъ.

[1]) Здѣсь умѣстно было бы сказать и о согласномъ *ч*, послѣ котораго *ѣ* имѣетъ двоякій выговоръ сообразно съ твердостью или же мягкостью слѣдующаго согласнаго; ср. цѣлый || цѣлить.

[2]) Авторъ замѣчаетъ: „Здѣсь я хочу обратить вниманіе читателя на одно явленіе, котораго, сколько мнѣ извѣстно, не замѣтилъ ни одинъ изъ русскихъ грамматиковъ“ (стр. 81—82).

твертомъ столбцахъ — какъ є, ближе къ *і*. Различіе выговора зависитъ здѣсь отъ того, что въ первомъ и третьемъ столбцахъ за гласными *ъ* и *е* слѣдуютъ несмягченныя согласныя (*к, т, п* и т. д.), а во второмъ и четвертомъ — смягченныя (*к', т', п'* и т. д.). Такимъ образомъ является слѣдующій законъ русской фонетики: *звукъ ä бываетъ только на концѣ словъ и предъ согласною несмягченною, звукъ* є — *только предъ смягченною*“ (стр. 82—83).

„Вліяніе смягченной согласной простирается даже за предѣлы отдѣльнаго слова. Такъ въ фразѣ: *всѣ ли вы здѣсь*, буква *ѣ* въ словѣ *всѣ* имѣетъ звукъ є, а въ фразѣ: *всѣ здѣсь* — звукъ *ä*“ (стр. 83) [1]).

„Я обращаюсь теперь къ тѣмъ изъ читателей, у кого слухъ изощренъ подобными наблюденіями: они, надѣюсь, убѣдятся вмѣстѣ со мною, что смягченныя согласныя оказываютъ свое дѣйствіе не только на *е, ѣ* и *э*, но и на другія предшествующія имъ согласныя. Буква *а* въ словѣ *бани* выговаривается мягче, чѣмъ въ словѣ *бабы*, среднее *о* мягче въ *мололи*, чѣмъ въ *молола;* такое же различіе замѣтно въ выговорѣ *ы* въ формахъ *мыла* и *мыли*, въ выговорѣ *і* въ формахъ *била* и *били*, и наконецъ въ выговорѣ *у* въ формахъ *дула* и *дули*. Кому измѣняетъ слухъ, пусть тотъ замѣтитъ положеніе рта при выговорѣ: оно весьма значительно измѣняется при выговорѣ одного и того же слога (*ба, ло, мы, би, ду*), смотря по тому, какая слѣдуетъ за нимъ согласная, смягченная или несмягченная [2]). *А, о, у* съ предыдущею смягченною согласною или по обыкновенному правописанію: *я, ё, ю*, при разсматриваемыхъ условіяхъ такъ же

---

[1]) Въ послѣдней фразѣ въ моемъ произношеніи является тоже гласный є, такъ какъ далѣе слѣдуетъ мягкій согласный (з'д'є'с' — з мягко подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго д); вмѣсто этой фразы лучше было бы взять, напр., — *всѣ тутъ*.

[2]) Автору слѣдовало бы описать, въ чемъ именно онъ замѣтилъ весьма значительное различіе въ положеніи рта. Ср. выше пунктъ пятый моихъ доказательствъ.

измѣняются: *я* въ словѣ *мяло,* кромѣ смягченія предыдущей согласной, выговаривается точь-въ-точь какъ *а* въ *бабы; я* въ *мяли* — какъ *а* въ *бани* [1]); *ё* въ *зелёный* — какъ *о* въ *молола; ё* въ *идёте* — какъ *о* въ *мололи; ю* въ *люто*—какъ *у* въ *дула; ю* въ *люди*—какъ *у* въ *дули*". (Стр. 87).

Въ Послѣсловіи Бетлингъ говоритъ, что, ознакомившись со статьею г. Грота „О произношеніи буквъ *е, ъ, э*", онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность объявить, что „профессоръ Гротъ уже въ 1847 году нашелъ различіе въ выговорѣ *е, ъ* и *э*, и объяснялъ это различіе вліяніемъ слѣдующихъ за ними буквъ. Только въ одномъ я не могу согласиться съ г. Гротомъ: онъ слишкомъ много придаетъ важности гласной слѣдующаго слога. Эта гласная имѣетъ вліяніе на выговоръ разсматриваемыхъ буквъ только потому, что смягчаетъ согласную, слѣдующую за *ъ* и *е* непосредственно или посредственно. Гдѣ вліяніе смягчающей гласной не достигаетъ до согласной, непосредственно слѣдующей за *ъ* и *е*, какъ въ словѣ *крѣпки*, приводимомъ самимъ г. Гротомъ, тамъ, не смотря на мягкую гласную въ слѣдующемъ слогѣ, *ъ* и *е* выговариваются какъ *ä*". „Смягченія гласныхъ *а, о, у, і, ы* предъ смягченною согласною г. Гротъ, кажется, не замѣтилъ: у него нѣтъ ничего подобнаго, хотя упомянуть объ этомъ было совершенно кстати. Его статья, отличающаяся ловкимъ и яснымъ изложеніемъ, такъ мало обратила на себя вниманія, что моей статьѣ не поздо было бы явиться даже и въ томъ случаѣ, если бы въ ней не было ничего новаго". (Стр. 90—91).

§ 57. Вотъ что говоритъ Гротъ по поводу замѣченнаго Бетлингомъ смягченія гласныхъ *а, о, у, і, ы* предъ смягченною согласною: „при всемъ моемъ уваженіи къ мнѣ-

---

[1]) Не представляетъ ли однако *а* въ „м'а'л'і" бо́льшую небность въ сравненіи съ *а* въ „ба'н'і"? См. конецъ § 52.

нію ученаго филолога, я не могу не замѣтить, что здѣсь слухъ его былъ обманутъ предположеніемъ между *е* и другими гласными аналогіи, которой я при моемъ изслѣдованіи тоже искалъ, но не могъ найти, потому что дѣйствительно она въ этомъ случаѣ не существуетъ [1]). Въ приведенныхъ г. Бетлингомъ примѣрахъ вся разница произношенія заключается въ согласной буквѣ, а не въ предшествующей ей гласной, на которую слухъ ошибочно переноситъ такое различіе [2]). Конечно, г. Бетлингъ и самъ сознавалъ, что предполагаемое имъ сходство произношенія помянутыхъ гласныхъ очень неявственно и сомнительно: потому-то онъ сначала разсмотрѣлъ подробно только двоякій выговоръ звука *е*, о прочихъ же гласныхъ упомянулъ отдѣльно уже послѣ, и при томъ счелъ нужнымъ опереться на тонкость слуха, потребную для открытія указываемой имъ разницы въ произношеніи буквъ *а, о, у, і, ъ*“ (Филологич. разыск. (1876)^2 стр. 271—272). [3])

Что касается до критическаго замѣчанія Бетлинга, то Гротъ имъ воспользовался еще при первомъ изданіи *Филологическихъ разысканій,* въ которыя вошла и статья „о произношеніи буквъ *е, ъ, э*“: „въ этой статьѣ“, говоритъ самъ Гротъ (Фил. раз. (1876)^2 стр. 266 въ сно-

---

[1]) „Или если и существуетъ, то развѣ только едва замѣтно и почти неуловимо“.

[2]) Я позволю себѣ стать на сторону г. Бетлинга. Наблюдая произношеніе, не трудно убѣдиться, что разница въ разсматриваемыхъ случаяхъ заключается не только въ твердомъ или мягкомъ уложеніи согласнаго, но кромѣ того и въ разномъ, соотвѣтственно этому, окончаніи (рекурсіи) предшествующаго гласнаго. Слѣдовательно, если въ этихъ случаяхъ гласный слышится неодинаковымъ, то въ этомъ можетъ и не быть ошибки слуха. Трудность вопроса заключается въ рѣшеніи, зависитъ ли небный оттѣнокъ гласнаго при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ только отъ рекурсіи гласнаго, или же небная аффекція касается и средней части того же гласнаго.

[3]) Ср. еще: Потебня Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 65.

скѣ), „сдѣланы были мною легкія измѣненія вслѣдствіе одного замѣчанія академика Бетлинга“. Насколько я замѣтилъ, измѣненія эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) выпущено сравненіе съ финскимъ языкомъ и 2) неточное выраженіе „произношеніе сообразуется съ гласною слѣдующаго слога“ замѣнено болѣе точнымъ: „произношеніе сообразуется съ натурою слѣдующаго слога“.

§ 58. Миклошичъ о замѣченныхъ Бетлингомъ [1]) явленіяхъ говоритъ въ отдѣлѣ „Объ ассимиляціи гласныхъ“ (см. Vergleichende grammatik der slavischen sprachen I (1852) стр. 385—386).

§ 59. Проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ посвятилъ разсматриваемому явленію въ своемъ курсѣ лекцій [2]) особую главу подъ заглавіемъ: „Аккомодація гласныхъ къ слѣдующимъ согласнымъ по надставной трубѣ и обусловленная ею минимальная дивергенція гомогенныхъ гласныхъ“.

Подчеркнутыя мною выраженія мнѣ кажутся не вполнѣ точными. Терминъ „аккомодація“ (лат. *accommodatio* значитъ „приспособленіе“, „сообразованіе“) указываетъ на физіологическую точку зрѣнія автора. А между тѣмъ рядомъ же мы встрѣчаемъ терминъ акустическій — надставная труба. Для физіологическаго же толкованія явленій рѣчи важна не акустическая (физико-акустическая) точка зрѣнія, а анатомо-физіологическая; поэтому правильнѣе было бы говорить о работахъ органовъ произношенія, объ аккоммодаціи работъ, а не объ аккоммодаціи надставныхъ

---

[1]) Миклошичъ не упоминаетъ о наблюденіяхъ Грота.

[2]) Бодуэнъ-де-Куртенэ Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка, читанныхъ въ 1880—1881 акад. году въ Император. Казанскомъ Университетѣ (1882) стр. 54 сл.

трубъ. Замѣчаніе это относится и ко многимъ другимъ мѣстамъ указаннаго труда. Что касается до выраженія „минимальная дивергенція“, то оно представляется мнѣ неточнымъ потому, что къ данной группѣ явленій принадлежатъ такія, какъ jо́лка || jе́л', гдѣ различіе гласнаго никакъ нельзя назвать минимальнымъ.

Самое явленіе авторъ изображаетъ такъ: „при слѣдующемъ согласномъ съ индифферентною [1]) надставною трубой и предшествующій гласный не представляетъ никакого [2]) съуженія надставной трубы. Если же слѣдующему согласному свойственно палятальное съуженіе надставной трубы, то это палятальное съуженіе сообщается [3]) тоже предшествующему гласному, *если онъ принадлежитъ къ категоріи гласныхъ, среднихъ между* **а** и **і**, т. е. если ему чуждо 1) губное съуженіе надставной трубы и 2) сильное опущеніе кадыка и особое приближеніе языка къ небу, характеризующее гласный *ъі*. Гласный *ъі* является здѣсь, какъ и всегда, только своеобразнымъ видоизмѣненіемъ гласнаго і, и именно видоизмѣненіемъ, совершенно исключающимъ возможность съуженія надставной трубы между небомъ и верхнею поверхностью языка“.

По поводу высказаннаго авторомъ о гласномъ *ъі* за-

---

[1]) Выраженіе „согласный съ индифферентною надставною трубой“ едва ли можно назвать удачнымъ: и для твердаго согласнаго требуется соотвѣтствующее уложеніе органовъ произношенія, слѣд. — работа, а не индифферентность.

[2]) Всѣ гласные звуки, кромѣ *а*, всегда представляютъ свойственное каждому изъ нихъ съуженіе.

[3]) Здѣсь слѣдовало бы представить точное изслѣдованіе самыхъ гласныхъ и сравнить съ произношеніемъ соотвѣтствующихъ гласныхъ въ предыдущихъ условіяхъ. Оказавшееся различіе въ природѣ гласныхъ произошло исторически. Процессъ продолжаетъ совершаться и въ настоящее время. Значитъ, вліяніе мягкаго согласнаго сообщалось и продолжаетъ сообщаться; оно не есть единичный актъ даннаго времени.

мѣчу, что здѣсь вопросъ не о возможности одновременнаго сочетанія уложенія этого гласнаго съ приближеніемъ средней части языка къ небу, но о вліяніи въ теченіи времени мягкости слѣдующаго согласнаго. Развѣ не возможно, напр., постепенное перемѣщеніе артикуляціи *ъг* по направленію къ *і*? Равнымъ образомъ не понятно, почему губное съуженіе, характеризующее гласные *о* и *у*, устраняетъ возможность вліянія слѣдующаго мягкаго согласнаго; ср. напр. гласные ö и ü въ нѣмецкомъ, являющіеся результатомъ вліянія на гласные *о* и *и* палятальной артикуляціи слѣдующаго слога.

На основаніи вышеизложенныхъ посылокъ, основывающихся не столько на наблюденіи, сколько на умозрѣніи и при томъ, какъ мнѣ кажется, ошибочномъ, авторъ приходитъ къ выводу: „итакъ, названная минимальная дивергенція простирается только на гласные *а* и *е*“.

Далѣе авторъ выясняетъ, почему не могутъ сюда относиться прочіе гласные, т. е. *ъг, о, у, і*. О гласныхъ *о, у* и *ъг* было сказано раньше, и строки, толкующіе вновь объ этихъ гласныхъ, являются лишнимъ повтореніемъ. Однако нельзя при этомъ не обратить вниманія на слѣдующую характерную фразу: „гласный *ъг* не можетъ сюда относиться по только что указанной причинѣ“. Фраза эта представляетъ предписываніе правилъ языку, смѣшеніе своихъ умозрѣній съ изучаемою дѣйствительностью, перемѣну строго-научныхъ пріемовъ изученія дѣйствительности на пріемы метафизическіе. Не могу я согласиться и съ тѣмъ, что авторъ говоритъ о гласномъ *і:* „гласный *і* самъ по себѣ представляетъ крайнее съуженіе надставной трубы и болѣе съуживаться не можетъ“. Мнѣ кажется, это — совершенно произвольное положеніе, вдобавокъ какъ бы приказываемое языку. Развѣ гласный *і* не можетъ быть болѣе и менѣе тонкимъ или, другими словами, болѣе и менѣе съуженнымъ; развѣ гласный этотъ не представляетъ разновидностей произношенія въ данномъ направленіи?

Подводя итогъ своему разбору, мы видимъ, что авторъ,

желая во что бы то ни стало рѣшить трудный вопросъ, за недостаткомъ данныхъ обращается къ умозрѣнію. А между тѣмъ и правильнѣе, и проще было бы сказать: о гласныхъ *о, у, ы, і,* за недостаткомъ точныхъ изслѣдованій, нельзя сказать, совершается ли указанный процессъ и съ ними.

§ 60. Отъ общерусскаго языка перейдемъ къ народнымъ русскимъ говорамъ.

Съ этою цѣлью воспользуемся слѣдующимъ трудомъ:

Колосовъ Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ XVII. 1877) [1].

Новгородская губернія.

е вм. *я (а)*	*и* вм. *ъ*	*и* вм. *е*
Иванов Боръ Кирил. у.: вѣнценье. (Колосовъ стр. 16)	*Бѣлозерск:* повисилъ, листница. йисть и йись (ѣсть). (Стр. 15).	*Бѣлозерск:* здись [2]). (Стр. 15).

[1]) Къ недостаткамъ этого почтеннаго труда покойнаго проф. Колосова слѣдуетъ отнести то, что примѣры и образцы рѣчи не снабжены знаками ударенія.

[2]) Относительно этого слова Колосовъ замѣчаетъ: „*и* вм. *е* вѣроятно въ силу аналогіи, вліянія словъ имѣющихъ *и* на мѣстѣ конечнаго *ъ:* на столи, вси.“ Здѣсь сказывается недостаточно ясное пониманіе авторомъ дѣйствія аналогіи. Дѣйствіе аналогіи возможно только при нѣкоторомъ сходствѣ въ значеніи; между тѣмъ слова *здись* и *вси* принадлежатъ къ морфологическимъ группамъ, не связаннымъ между собою никакимъ сходствомъ значенія. — Въ общепринятой орѳографіи въ словѣ *здѣсь* утвердилось ошибочное написаніе *ъ* вм. *е* (ст.-сл. **сьдє**).

Олонецкая губернія.

„Очень часто“. *Шалга Каргоп. у.:* повѣнцелись (но и повѣнцяли) [1]), запецелитсе, зеть, взели, исполнеть, понеть, минеть. *Чуриловскій посадъ Вытег. у.:* грезь, легемъ (вм. лягемъ, ляжемъ), перекрестесь, натегиваетъ. (Стр. 121).	„Встрѣчается, но лишь спорадически; рѣдко въ корняхъ, чаще въ тематическомъ *ъ* глаголовъ“ (напр. облетить и т. п. [2]). одиться, діется, ричь, не смію. (Стр. 120).	

Архангельская, Вологодская и Пермская губернія.

„Распространено повсемѣстно“. сіеть, стоеть (во всѣхъ трехъ губерніяхъ). *Сольвычег.:* начельникъ, качеть, качей, дедя, гулеть, погоней, ровней, ровнеть. *Тот. Кадн.:* дедя, ронеть. *Яренск.:* петь. *Великоуст.:* ковыреть. *Перм.:* зеть, неня, петь. *Ирб.:* седь (сядь). (Стр. 325—326).	„*Арханг.* — рѣдко; *Перм.* — нерѣдко; *Волог.* — часто, преим. въ уѣздахъ Сольвычег., Кадн., Тот.“ Примѣры для *Сольвычег.:* вики (мн. отъ —вѣкъ), виникъ, висить, звирь, віеть (т. е. вѣять), витёръ, ротозій, лисница, литняя пора, клить, плисень, линь, мидь, мireть (т. е. мѣрять), мисець, митить, пить (т. е. пѣть), писня, прить (= прѣть), встрича, ричка, ричь, сини, сіеть (= сѣять), систи, тинь, затія, цинь. (Стр. 321—322).	„Преим. *Сольвычег.* (потиря, либедь, овичка); *Великоуст.* и *Яр.* — нѣтъ; въ другихъ уѣздахъ Вологодской, а равно и въ губ. Арх. и Перм —рѣдко“ [3]). (Стр. 320).

Сноски [1]), [2]) и [3]) см. на слѣд. страницѣ.

Вятскій край [4]).

Швецова Вятск. у.: зеть, опеть.

Шиховская ib.: не гленится (не глянется = не понравится).

Демьянка Слобод. у.: взели.

Ожоговское Нолинск. у.: знели (сняли).

Верхнесунское ibid.: преники.

(Стр. 223).

„Нигдѣ въ вятской губ. смѣна *ъ* на *и* не выдерживается какъ постоянное явленіе: тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, находимъ и *е* изъ *ъ*“ [5]).

Шв. В. у.: обидня.

Чепца ib.: писня, систь, съиздить.

Юньга Нолинск. у.: писельник.

Епихова ib.: рицьки (но: рѣцьку) [6]), встрича, дити, звирь; дило [7]).

(Стр. 222—223).

здись (Вознесенское Нол. у.; Шв. Чц. Вятск. у).

(Стр. 223).

---

[1]) Не возникла ли эта форма по аналогіи (↑) къ ед. ч., гдѣ *я* (*а*) не измѣнилось въ *е*, находясь передъ твердымъ согласнымъ.

[2]) Быть можетъ, такіе случаи произошли не фонетически, а подъ вліяніемъ аналогіи къ другому типу втораго спряженія, т. е. *-ишь*, *-итъ*.

[3]) Распредѣленіе этого явленія по описанію нѣсколько расходится съ распредѣленіемъ *и* вм. *ъ*. Таково ли въ дѣйствительности распредѣленіе того и другаго явленія?

Интересны примѣры, приводимые г. Колосовымъ (стр. 322): въ нигѣ живётъ || нѣга, по нивистѣ || невѣста. Примѣры эти съ наглядностью указываютъ на условія чередованія: *ъ* — передъ твердымъ согласнымъ, *и* — передъ мягкимъ.

[4]) См. еще: Бодуэнъ-де-Куртенэ Отрывки изъ лекцій и д. д. стр. 57—59.

[5]) Но если это только такія чередованія, какъ, напр., съиздить || ѣхати (т. е. *и* — передъ мягкимъ согласнымъ, *ъ* — передъ твердымъ), или же случаи, объяснимые вліяніемъ аналогіи (напр. дило), то едва ли такое положеніе вещей можно опредѣлить просто какъ непостоянство, безъ оговорокъ.

[6]) Не вліяніе ли стоящихъ далѣе въ одномъ случаѣ — *к* мягкаго, а въ другомъ — *к* твердаго.

[7]) ? ↑ Предложн. ед.

„Случаевъ меньше, чѣмъ на сѣверѣ: *е* вм. *а* слышалъ я только послѣ йота и — изрѣдка — послѣ шипящихъ“. (Стр. 296).	*Влад. губ.*: смотрить (въ ковровскомъ у., также къ югу отъ Владиміра и вблизи Судогды); по*и*сти, т. е. пойисти =поѣсть (Сойма Судог. у.). *Яросл. губ.* Ростов. у. мѣстами: *и*сь = ѣсть. *Костр. губ.* случаи смѣны *ъ* на *и* чаще. (Стр. 293—294).	здись (изрѣдка въ Ростовск. у. Яросл. губ.). (Стр. 293).

Примѣчаніе 1. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ примѣровъ можетъ навести читателя на новыя соображенія, хотя бы и по другимъ вопросамъ. Вообще, полезно разсматривать со вниманіемъ примѣры, стараясь придти по поводу ихъ къ какимъ-нибудь выводамъ. Обратимся, напр., къ таблицѣ, относящейся къ губерніямъ Архангельской, Вологодской и Пермской. Гласный *и* въ словѣ „пи*т*ля“ наводитъ на мысль, что *т* въ этомъ словѣ (въ данной мѣстности) вѣроятно мягкое; ср. также *ли*сница, *ли*тняя, *си*сти. Вотъ мы уже и собрали нѣсколько матеріалу по вопросу о смягченіи согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго. Или, напр., такія слова, какъ — ві*е*ть, мир*е*ть, мис*е*ць, сі*е*ть, показываютъ, что въ данномъ краѣ неударяемый гласный, обозначаемый въ правописаніи черезъ *я*, послѣ ударенія внутри слова измѣнился въ *е*. Такія написанія, какъ — мисе*ц*ь, *ц*ипь указываютъ на мягкій выговоръ *ц* въ томъ же краѣ. И т. д.

Разсматривая приведенные факты изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, легко замѣтить, что наиболѣе запутаннымъ является *и* вм. *ъ*, главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности отличить позднѣйшее измѣненіе *ъ* на *и*, обусловленное вліяніемъ мягкости слѣдующаго согласнаго, отъ древнѣйшаго, этимологическаго чередованія *ъ* и *и*. Кромѣ этого, усложненія произошли отъ дѣйствія аналогіи, которое нерѣдко трудно отличить отъ фонетическаго явленія.

Выше мы уже имѣли нѣсколько случаевъ, которые можно объяснить аналогіей: повѣнцяли; облетѣть и т. п.; дѣло. Разсмотримъ еще нѣкоторые случаи: 1) хлѣб (Колосовъ Замѣтки стр. 321); въ этомъ словѣ имѣется *ѣ* вм. *ъ*, хотя далѣе слѣдуетъ твердый согласный; фонетически *ѣ* могло образоваться въ Предл. ед. передъ мягкимъ согласнымъ; а такъ какъ есть много существительныхъ того же склоненія, въ которыхъ одинъ и тотъ же гласный проходитъ черезъ всѣ падежи (напр. квасъ, волкъ, пудъ, стыдъ и мн. др.), то по аналогіи съ такими случаями и въ разсматриваемомъ нами словѣ гласный *ѣ* отъ Locat. sg. распространился на другіе падежи; 2) хлѣбца (стр. 15); или это — аналогія къ производящему „хлѣб“ (если только въ этомъ краѣ производящее имя звучитъ дѣйствительно такъ), или же ↑ Им. ед., гдѣ *ѣ* могло развиться фонетически передъ мягкимъ согласнымъ (хлѣбец); 3) сѣтка и сѣточка (стр. 322); ↑ сѣть (а быть можетъ въ этихъ словахъ имѣется болѣе древнее, этимологическое *ѣ*); 4) дѣвка (стр. 321); тутъ или какая-нибудь аналогія, или же отражается древнее *ѣ*; 5) говорѣла (стр. 11); выше имѣли мы такіе случаи, какъ — облетѣть, смотрѣть, смотрѣлъ, т. е. распространеніе по аналогіи типа *-ѣшь, -ѣть* на счетъ типа *-ѣшь, -ѣтъ;* въ данномъ же случаѣ имѣется, наоборотъ, распространеніе втораго типа на счетъ перваго; сюда же относятся: ходѣли, говорѣли (стр. 119); 5) умышлеш (стр. 16); г. Колосовъ форму эту объясняетъ изъ *умышлееш (умышляеш)*, что мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. Возникновеніе формы „умышлеш“ можно объяснить аналогіей къ такимъ глаголамъ, какъ зеленѣтъ—зеленѣш, съ которыми вслѣдствіе измѣненія *я* въ *е* передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ совпали такіе глаголы, какъ умышлеть [1]); 5) злодяйка ↑ негодяйка и т. п.

---

[1]) Здѣсь мы имѣемъ примѣры того, какъ фонетическія измѣненія влекутъ за собою измѣненія въ морфологическихъ системахъ языка. Это доказываетъ связь между фонетическою и морфологическою сторонами языка.

Примѣчаніе 2. Разсмотрѣніе наше народныхъ говоровъ обнаруживаетъ одну особенность, отличающую ихъ отъ общерусскаго (литературнаго) языка — обиліе образованій по аналогіи. Въ данномъ случаѣ можно указать двѣ причины этого различія: 1) Вообще, литературный языкъ консервативнѣе народныхъ говоровъ, устойчивѣе противъ новообразованій, вслѣдствіе привычки къ тѣмъ формамъ, которыя имѣются уже въ письменности; 2) Для того, чтобы звукъ распространился путемъ аналогіи изъ одной формы на другую и притомъ въ другія условія, нужно, чтобы въ говорѣ была привычка къ произнесенію даннаго звука въ этихъ другихъ условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что въ извѣстномъ говорѣ форма „хлъбѣ“ фонетически измънилась въ „хлѣбѣ“, т. е. этимологическое *ъ* въ этой формѣ совпало съ этимологическимъ *ѣ*; гласный же *ѣ* встрѣчается какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными, почему *ѣ* (изъ *ъ*) въ данномъ случаѣ удобно можетъ путемъ аналогіи распространиться на другія формы. Между тѣмъ въ общерусскомъ языкѣ форма „хлѣбѣ“ отражается въ видѣ „хл'е́б'æ“; гласный же *е* сочетается только съ слѣдующими мягкими согласными, а потому и не можетъ распространиться путемъ аналогіи на другіе падежи, такъ какъ въ языкѣ общерусскомъ нѣтъ вовсе случаевъ, а слѣд. и привычки къ сочетанію *е* съ слѣдующимъ согласнымъ твердымъ. (Ср. въ § 46 объясненіе мое отсутствія въ ст.-сл. такихъ образованій по аналогіи, какъ **пекеть**).

Что касается до южно-великорусскаго, то, по словамъ проф. Колосова, „рѣшительно несвойственно послѣднему перегласованіе ударяемаго *я*, тогда какъ на сѣверѣ оно представляетъ обычное, въ массѣ случаевъ встрѣчающееся явленіе. Этой чертою сѣверное рѣзко отличается отъ южнаго, сходясь съ галицкимъ говоромъ малорусскаго“ [1]).

---

[1]) Колосовъ Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка (1878) стр. 132. Ср. еще Потебня Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 80—81.

Глава VII.

Неударяемые гласные.

§ 61. Начну свое изложеніе съ краткаго очерка литературы вопроса.

Въ „Россійской грамматикѣ“ Ломоносова [1]) относящіяся сюда замѣчанія находятся въ наставленіи второмъ „О чтеніи и правописаніи Россійскомъ“.

Во второй главѣ этого наставленія, посвященной вопросу „О произношеніи буквъ Россійскихъ“, между прочимъ говорится слѣдующее:

„Самогласныя А, У, Ы, произносятся яснымъ и неотмѣняемымъ звономъ; протчія имѣютъ отмѣны достойныя вниманія“. (§ 96).

„О подъ удареніемъ произносится чисто. Но когда нѣтъ на немъ ударенія, выговаривается какъ А нѣсколько съ О смѣшанное: хорошо, подобенъ; выговариваютъ почти: харошо, падобенъ“. (§ 99).

Въ пятой главѣ „О правописаніи“ (въ томъ же наставленіи) указываются случаи встрѣчающагося неправильнаго употребленія однѣхъ самогласныхъ буквъ вмѣсто другихъ:

а) А вмѣсто О: хачу, гавари. „Московское нарѣчіе не токмо для важности столичнаго города, но и для своей

---

[1]) Сочиненія Ломоносова т. III. Изданіе Александра Смирдина (1847).

отмѣнной красоты протчимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы О безъ ударенія, какъ А, много пріятнѣе [1]); но отъ того Московскіе уроженцы, а больше тѣ, которые не много и невнимательно по церковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ, пишутъ А вмѣсто О. Но ежели положить, что бы по сему выговору всѣмъ писать и печатать, то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно". (§ 115).

б) Е вм. Я: тену. Подобныя написанія Ломоносовъ считаетъ непростительными; „и сожалительно, что для избѣжанія сихъ погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилѣжнаго ученія Россійской граммать, и чтенія книгъ церьковныхъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ". (§ 116) [2]).

---

[1]) Едва ли это чувство пріятности имѣетъ общій характеръ. По словамъ проф. Колосова (Замѣтки о языкѣ и проч. стр. 9), въ Новгородской губерніи встрѣчаются мѣстами акающія села, жители которыхъ — выселенцы изъ области южнаго нарѣчія. „Ихъ произношеніе на *а* не только не заражаетъ ближайшихъ ихъ сосѣдей, но считается послѣдними смѣшнымъ и страннымъ". Къ этимъ словамъ прибавлю слѣдующее свое замѣчаніе. Въ дѣтствѣ я привыкъ къ оканью, когда же потомъ мнѣ стали замѣчать, что нужно говорить на *а*, то помню, что долго я не соглашался съ этимъ замѣчаніемъ, находя произношеніе на *о* лучшимъ, болѣе правильнымъ, нежели на *а*.—Кажется, что распространеніе аканья на счетъ оканья, а не наоборотъ, является болѣе естественнымъ съ точки зрѣнія развитія языка: аканье есть позднѣйшая стадія развитія въ сравненіи съ оканьемъ, а потому переходъ отъ оканья къ аканью является замѣною одного произношенія другимъ, развившимся изъ перваго въ направленіи бо́льшаго удобства.

[2]) При обученіи правописанію неударяемыхъ гласныхъ важно пріучать учащихся къ подъискиванію родственныхъ словъ, въ которыхъ бы соотвѣтствующій гласный произносился съ удареніемъ; напр. въ данномъ случаѣ такимъ словомъ было бы „тя́нутъ". Ср. ниже пунктъ д).

в) И вмѣсто Я во множественномъ числѣ существительныхъ средняго рода: учрежденіи, извѣстіи. „Но тому слѣдовать не должно, худые примѣры не законъ. Ибо сіе употребленіе буквы И вмѣсто Я произошло отъ безразсуднаго старанія, что бы раздѣлить родительной единственнаго отъ именительнаго множественнаго". (§ 119) [1]).

г) Ю вмѣсто Я въ третьемъ лицѣ множественнаго числа настоящаго и будущаго времени втораго спряженія: строютъ, видютъ; „что происходитъ отъ неяснаго обыкновеннаго выговору послѣдней самогласной, когда она безъ ударенія". (§ 121). [2])

д) И вм. Е: малинькой, хорошинькой. „Ибо что первое неправильно, явствуетъ въ пренесеніи ударенія на оный складъ въ усѣченныхъ, маленекъ, а не малинекъ; коротенька, а не коротинька". (§ 119).

е) Я вм. Е: яму вм. ему. (§ 116). [3])

Въ послѣдующихъ грамматическихъ сочиненіяхъ прибавились по разсматриваемому вопросу лишь нѣкоторыя подробности и болѣе точная формулировка. Такъ, Восто-

---

[1]) Едва ли можно согласиться съ этимъ толкованіемъ. Подобныя написанія возникли подъ вліяніемъ произношенія; а произношеніе такое явилось подъ вліяніемъ аналогіи къ другимъ типамъ склоненія. У Ломоносова, кажется, вовсе не было идеи о дѣйствіи аналогіи въ языкѣ.

[2]) Въ разсматриваемомъ случаѣ написанія тоже вызваны произношеніемъ, а произношеніе такое возникло вслѣдствіе распространенія путемъ аналогіи перваго спряженія на счетъ втораго. Такимъ образомъ съ толкованіемъ Ломоносова опять не приходится согласиться.

[3]) Такое произношеніе свойственно не всѣмъ русскимъ говорамъ, а только южно-великорусскимъ. Такимъ образомъ для лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ говорамъ представляются не однѣ и тѣ же трудности при усвоеніи правописанія. Значитъ, при обученіи правописанію нужно имѣть въ виду діалектическія особенности даннаго говора. Между тѣмъ авторы руководствъ по русскому правописанію до сихъ поръ еще не обратили своего вниманія на этотъ пунктъ.

ковъ въ своей Русской грамматикѣ въ части третьей „О правописаніи“ указываетъ (§ 170) слѣдующіе случаи, въ которыхъ гласныя получаютъ различный звукъ „отъ повышенія или пониженія надъ ними голоса, а также отъ положенія въ нѣкоторыхъ слогахъ“:

а) „*А* безъ ударенія послѣ *ж, ч, ш, щ,* и *я* безъ ударенія, когда имѣютъ за собою еще согласную букву, произносятся какъ *е;* напр. *ужасъ,* произносится ужесъ; *лошадь*—лошедь; *щадить*—щедить; *ядро*—едро; *девять, десять*—деветь, десеть“. [1])

б) „*Е* безъ ударенія въ окончаніи словъ произносится какъ *и,* когда имѣетъ за собою еще согласную; напр. уменьшительныя *кусочекъ, чашечка, блюдечко,* произносятся кусочикъ, чашичка, блюдичко; *маленькой* — маленькой“.

в) „*О* безъ ударенія произносится какъ *а;* напр. огонь, вода—агонь, вада“.

Изъ другихъ изслѣдователей болѣе подробно останавливается на неударяемыхъ гласныхъ общерусскаго языка

---

[1]) Изслѣдуя со вниманіемъ произношеніе приведенныхъ примѣровъ, можно замѣтить, что въ словахъ *ужасъ, лошадь, девять, десять,* буквы *а* и *я* произносятся даже какъ слабые гласные близкіе къ ы и і (такіе гласные я обозначаю черезъ ъ и ь), между тѣмъ какъ въ словахъ *щадить* и *ядро* онѣ произносятся какъ *е.* Различіе условій заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ неударяемый гласный находится въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному, а во второмъ — послѣ ударенія внутри слова. Выраженіе Востокова— когда имѣютъ за собою еще согласную букву — является существеннымъ для опредѣленія условій потому, что чрезъ это исключается конечное неударенное *а,* которое сохраняетъ свой звукъ. Путемъ подобнаго анализа можно доискаться до опредѣленія главныхъ положеній *а* или *я,* а затѣмъ разсмотрѣть, какъ отражаются въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ прочіе гласные. Въ результатѣ такого изслѣдованія получилась бы система неударяемыхъ гласныхъ общерусскаго языка. Но въ то время еще не выработалась идея такого изслѣдованія вопроса.

академикъ Я. К. Гротъ [1]). Но какъ и Востоковъ, г. Гротъ не вдается въ изслѣдованіе положеній неударяемыхъ гласныхъ. Эта медленность въ изслѣдованіи общерусскаго языка, какъ мнѣ кажется, зависѣла отъ того, что изслѣдованіе неударяемыхъ гласныхъ въ общерусскомъ языкѣ сильно затрудняется усложненіями, обусловливаемыми книжнымъ вліяніемъ на произношеніе и неясностью оттѣнковъ неударяемыхъ гласныхъ.

Въ заключеніе обзора литературы вопроса укажу на свое изслѣдованіе „Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ“ (Рус. Фил. Вѣстн. 1880 N 3), гдѣ я изложилъ открытую мною систему неударяемыхъ гласныхъ общерусскаго языка; наблюденія же я производилъ надъ своимъ собственнымъ произношеніемъ (общерусскимъ), вслушиваясь также въ произношеніе другихъ.

Болѣе обстоятельную разработку того же вопроса я представилъ въ другомъ своемъ трудѣ: Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Диссертація на степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія. Казань (1884). Этотъ трудъ большою своею частью составился изъ моихъ статей, печатавшихся въ Рус. Фил. Вѣстн. за 1882 и 1883 г. (т. VII, VIII, IX) подъ заглавіемъ „Введеніе въ изученіе русскаго вокализма“.

§ 62. Обратимся теперь къ самому разсмотрѣнію гласныхъ безъ ударенія, при чемъ обратимъ особенное вниманіе на методъ изслѣдованія.

1) Начнемъ съ сравненія такихъ словъ, какъ

карт*а* ‖ плит*а*.

Оба эти слова по окончанію принадлежатъ къ одной

---

[1]) Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 25—38. Подробный разборъ изложенія г. Гротомъ вопроса о неударяемыхъ гласныхъ см. въ моемъ сочиненіи: Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ (1884) § 14.

и той же морфологической категоріи (И. ед. сущ. ж.) и передъ окончаніемъ имѣется даже одинаковый согласный *(т)*, самое же окончаніе передается въ общепринятомъ правописаніи одною и тою же буквою *(а)*.

Однако, сравнивая произношеніе обоихъ конечныхъ гласныхъ, мы замѣчаемъ слѣдующую разницу въ ихъ произношеніи: 1) обратившись къ *мувкульному чувству*, мы замѣчаемъ, что гласный *а* слова „рука“ произносится при большемъ *напряженіи мускуловъ*, работающихъ при произношеніи, нежели конечное *а* слова „карта“; отсюда, въ первомъ случаѣ гласный производитъ на слухъ болѣе сильный эффектъ, нежели во второмъ; короче, въ одномъ случаѣ гласный произносится *сильно*, а въ другомъ—*слабо* [1]), 2) бо́льшему напряженію органовъ произношенія при произнесеніи сравниваемыхъ гласныхъ соотвѣтствуетъ и бо́льшая *высота голосоваго тона;* 3) *ширина раскрытія* (раствора) *рта* при произнесеніи *а* слова „рука“ бо́льшая, чѣмъ при произнесеніи соотвѣтствующаго конечнаго гласнаго слова „карта“: въ первомъ случаѣ гласный произносится при *широкомъ* раскрытіи рта, во второмъ—при *узкомъ*, достаточномъ только для того, чтобы воздухъ могъ выходить изъ полости рта (разумѣется, измѣненіе степени раскрытія рта должно сопровождаться нѣкоторымъ измѣненіемъ оттѣнка звука); 4) наконецъ, сравниваемые гласные отличаются по *длительности:* гласный *а* въ словѣ „рука“ дольше соотвѣтствующаго гласнаго слова „карта“.

Вообще, уложеніе полости рта, свойственное гласному *а* въ словѣ „рука“, является самымъ полнымъ, самымъ совершеннымъ, и гласный слышится вполнѣ яснымъ, опредѣленнымъ; при произнесеніи же соотвѣтствующаго конечнаго гласнаго слова „карта“ уложеніе полости рта, свойственное этому гласному, является менѣе полнымъ, менѣе

---

[1]) Напомню, что сказанное относится не къ одному только гласному, но ко всему слогу, въ которомъ находится данный гласный.

совершеннымъ, и гласный слышится менѣе яснымъ, менѣе опредѣленнымъ.

Спрашивается, не всегда ли въ разсматриваемомъ неударяемомъ положеніи произносится слабое, краткое *а* (ӑ)?

Мы подбираемъ однородные примѣры (плáта, рабóта, дремóта и т. п.), которые, оказывается, подтверждаютъ наше предположеніе.

Но въ этихъ примѣрахъ конечному неударенному *а* предшествуетъ одинъ и тотъ же согласный *(т)*. Посмотримъ, что будетъ; ежели этому гласному будутъ предшествовать другіе твердые согласные? Оказывается, что какой бы согласный ни предшествовалъ, все равно произносится ӑ, т. е. слабое, краткое *а;* ср., напр., произношеніе конечнаго *а* въ словахъ: рѣпа, верба, слава, рама, рана, галка, брага, птица и т. п. Разумѣется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ неударяемый гласный имѣетъ экскурсію соотвѣтственно предшествующему согласному.

Читатель легко могъ замѣтить, что всѣ примѣры, которые мы брали, принадлежатъ къ одной и той же морфологической категоріи — Им. ед. сущ. ж. Но и въ другихъ морфологическихъ категоріяхъ, въ которыхъ нашъ неударенный гласный находится въ такомъ же положеніи (на концѣ слова въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударенным) произносится также слабое, краткое *а*, напр. въ словахъ: пуда, труса, раза, пуха, мужа (Род. resp. Вин. ед. сущ. м.); пи́сьма, ви́на (И. В. мн. ср.); слыша (Дѣеприч.).

Тоже произносится слабое, краткое *а* на концѣ слова въ слогѣ, болѣе удаленномъ отъ ударенаго слога, напр. въ словахъ: курица, откупа, фокусника и т. п. Впрочемъ, требуются болѣе тонкія, болѣе тщательныя изслѣдованія относительно того, не сопровождается ли какимъ-нибудь различіемъ это большее удаленіе конечнаго неударенаго гласнаго отъ ударенаго слога.

Въ разсматриваемомъ неударяемомъ положеніи гласному *а* можетъ также предшествовать мягкій согласный (въ правописаніи гласный *а* въ этомъ случаѣ выражается

буквою *я* или, послѣ *ч* и *щ*, буквою *а*), напр.: воля, няня; червя, звѣря, по́ля, мо́ря; перья, крылья; сыпя, пророча; и др. Что касается до произносимаго въ этомъ случаѣ неударяемаго гласнаго, то требуется еще рядъ наблюденій на счетъ того, нѣтъ ли еще какого-нибудь различія въ конечномъ слабомъ, краткомъ *а* послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, кромѣ различія экскурсіи. Кажется, что послѣ мягкихъ согласныхъ конечное неударенное *а* нѣсколько мягче, т. е. наклонено къ *э*.

Примѣчаніе 1. Согласные *ш, ж* и *ц*, прежде бывшіе мягкими, затѣмъ постепенно измѣнились въ соотвѣтствующіе твердые; въ зависимости отъ этого экскурсія слѣдующаго гласнаго изъ мягкой перешла въ твердую.

Примѣчаніе 2. Въ И. В. мн. ср. вмѣсто неударенаго окончанія *-а* распространяется путемъ аналогіи неударенное окончаніе муж. и ж., т. е. *-ы* и *-і*; напр., случается слышать произношеніе: п'і́с'мы, ру́жі и т. п.

2) Если мы теперь сравнимъ произношеніе неударяемыхъ гласныхъ въ словахъ

пут*а*ть ‖ карт*а*,

обозначаемыхъ въ орѳографіи одинаково посредствомъ *а*, то замѣтимъ, что этому *а* орѳографіи въ живой рѣчи соотвѣтствуютъ два различные звука: въ первомъ словѣ произносится слабый, краткій гласный, близкій къ *ы* (въ научномъ письмѣ этотъ гласный можетъ быть условно обозначаемъ посредствомъ начертанія *ъ*) [1]; во второмъ словѣ произносится слабое, краткое *а*. Легко усмотрѣть, что причина этого различія заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ за неударенным гласнымъ слѣдуетъ согласный, а въ другомъ случаѣ неударенным гласнымъ оканчивается слово.

---

[1]) Но у читателя можетъ возникнуть вопросъ, соотвѣтствуетъ ли здѣсь неударенному *ъ* при удареніи гласный *а́*? Возьмемъ родственное по окончанію слово, въ которомъ бы вмѣсто слабаго, краткаго *ъ* имѣлся бы ударенный гласный: пу́тът' ‖ ката́т'. Мы видимъ, что нашему неударенному гласному при удареніи дѣйствительно соотвѣтствуетъ гласный *а́*.

Другіе однородные примѣры подтверждаютъ сказанное. Ср. произношеніе словъ: спор*а*мъ, народ*а*мъ, рѣк*а*мъ, птиц*а*мъ, окн*а*мъ, стекл*а*мъ; пах*а*рь, пис*а*рь; и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ произносится неударенный гласный *ъ*.

Сюда подойдутъ и такіе случаи, когда согласный, слѣдующій за *ъ* (орѳогр. *а*), принадлежитъ не тому же, но слѣдующему слогу, напр.: спор*а*ми, народ*а*ми; пах*а*ря, пис*а*ря; слышала, слышали; и т. д. [1]).

Тоже произносится *ъ* (а) въ слогѣ, далѣе стоящемъ за ударе́ніемъ, напр.: вы́пис*а*ть, вы́слуш*а*ть; вы́пис*а*ла, вы́слуш*а*ла; и т. п.

При книжномъ вліяніи на произношеніе, т. е. когда субъектъ привыкъ произносить слова согласно съ правописаніемъ [2]), въ разсматриваемомъ неударяемомъ положеніи (послѣ ударенія внутри слова) произносится болѣе или менѣе ясно *а*, при болѣе широкомъ растворѣ рта, чѣмъ индифферентный. Впрочемъ такое произношеніе можетъ происходить также отъ того, что субъектъ принадлежитъ къ

---

[1]) Впрочемъ нужны еще наблюденія для опредѣленія того, нѣтъ ли какого-нибудь (хотя и минимальнаго) различія въ произношеніи *ъ* въ данномъ и предъидущемъ положеніи.

[2]) Въ школахъ, чтобы облегчить учащемуся изученіе правописанія, обыкновенно заставляютъ его, когда обучаютъ чтенію, произносить слова такъ, какъ они написаны, вслѣдствіе чего постепенно образуется искусственное произношеніе. Это искусственное произношеніе можетъ существовать у индивидуума рядомъ съ обычнымъ; такъ, разговаривая обычнымъ (естественнымъ) произношеніемъ, онъ иногда будетъ выговаривать вопреки обычному произношенію, согласно съ орѳографическимъ обозначеніемъ. Нерѣдко бываетъ такъ, что при чтеніи сказывается искусственное произношеніе, тогда какъ въ разговорѣ то же самое слово у того же индивидуума звучитъ согласно съ обычнымъ произношеніемъ. У однихъ лицъ книжное вліяніе на произношеніе сказывается въ одномъ отношеніи, а у другихъ лицъ — въ другомъ, у однихъ — сильнѣе, а у другихъ — слабѣе; вообще книжное вліяніе на произношеніе представляетъ большое разнообразіе.

говору, въ которомъ въ данномъ положеніи произносится звукъ *а*, а не *ъ*.

Примѣчаніе 3. О разсматриваемомъ неударенномъ гласномъ (*ъ*) можно замѣтить, что гласный этотъ, не говоря уже о его краткости и слабости, произносится при переходѣ рекурсіи предшествующаго согласнаго въ экскурсію слѣдующаго; а такъ какъ окружающіе согласные разнообразны, то соотвѣтственно этому мы получаемъ слабыя и мимолетныя впечатлѣнія разновидностей. Теперь становится понятною неуловимость, неопредѣленность слабыхъ неударенныхъ гласныхъ. Напрасно бы мы старались въ точности уловить звукъ такого неударенаго гласнаго въ каждомъ отдѣльномъ произношеніи.

Въ примѣрахъ, которые мы разсматривали, неударенному гласному предшествовали твердые согласные. Обратимся теперь къ случаямъ, въ которыхъ неударяемому гласному предшествуетъ мягкій согласный, напр. десять. Въ этомъ словѣ въ неударенномъ слогѣ произносится слабый, краткій гласный, близкій къ *і* (въ научномъ письмѣ для обозначенія такого гласнаго можетъ быть принято начертаніе *ъ;* гласный этотъ характеризуется такою же мимолетностью и неуловимостью, какъ и гласный *ъ*). Что разсматриваемому неударенному гласному, обозначенному въ орѳографіи черезъ букву *я*, при удареніи дѣйствительно соотвѣтствуетъ *а́*, это доказываетъ, напр., слово „десятокъ“ (произносится д'ес'а́тък). Другіе однородные примѣры представляютъ такое же произношеніе неударенаго гласнаго: поясъ, девять, лаять и т. п. Сравнивая „д'є́с'ът'“ (десять) съ „пу́тът'“ (путать), мы замѣчаемъ, что въ первомъ случаѣ неударенному гласному предшествуетъ мягкій согласный, во второмъ — твердый; а такъ какъ такое различіе неударенаго гласнаго повторяется въ цѣломъ рядѣ примѣровъ, то мы имѣемъ право заключить, что развѣтвленіе *ъ* и *ъ* зависитъ отъ твердости или же мягкости предшествующаго согласнаго.

Сюда относятся также случаи, въ которыхъ согласный, слѣдующій за гласнымъ *ъ* (обозначаемымъ въ орѳографіи черезъ *я* resp. *а*), принадлежитъ слѣдующему

слогу, напр.: медвѣдями, пулями; мѣряла, ворочала; и т. п. [1]).

Тоже произносится ъ (орѳ. *я* resp. *а*) въ слогѣ, далѣе стоящимъ за ударенным, напр.: выровнять, выровняла и т. п. Впрочемъ, нужно замѣтить, что пока еще нѣтъ точнаго сравненія произношенія слоговъ, стоящихъ въ словѣ послѣ ударенія въ различномъ удаленіи отъ него. Для подобнаго изслѣдованія могли бы служить такіе примѣры, какъ: фо́кус'н'ъкъл'ъ (фокусниками), пр'а́н'ъкъл'ъ (пряниками), ра́д'и́т'ъл'ъм'ъ (родителями), влад'е́т'ъл'ъм'ъ (владѣтелями) и т. п.

Примѣчаніе 4. Такія формы, какъ хо́д'ўт (ходятъ), ра́н'ўт (ранятъ), у́чўт (учатъ), возникли благодаря аналогіи съ первымъ спряженіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ называемыя первое и второе спряженіе весьма часто не различаются въ произношеніи, напр.: ко́л'ъш || хо́д'ъш, ко́л'ъм || хо́д'ъм. Благодаря такому совпаденію, глаголы втораго спряженія образуютъ въ рѣчи и третье лицо мн. ч. сходно съ первымъ спряженіемъ (при неударенности окончанія).

Примѣчаніе 5. Въ подтвержденіе извѣстнаго произношенія можно пользоваться *написаніями малограмотныхъ*, которые, не зная правилъ правописанія, пишутъ такъ, какъ произносятъ. При этомъ нужно соблюдать предосторожность, чтобы не приводить такихъ написаній, которыя могутъ не отражать произношенія писавшаго и происходить отъ нѣкотораго знакомства съ правописаніемъ. Особенно легко можно впасть въ ошибку, если пользоваться небольшими малограмотными отрывками; самое лучшее — имѣть въ распоряженіи побольше написаннаго однимъ и тѣмъ же малограмотнымъ лицомъ, напр. цѣлую серію писемъ: это дѣлаетъ возможнымъ критическое отношеніе къ написанію. Я пользовался именно такими серіями писемъ. Естественно, что тамъ, гдѣ произношеніе согласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ, и малограмотное лицо напишетъ правильно. Отступленія будутъ тамъ, гдѣ произношеніе и правописаніе расходятся, какъ напр. въ данномъ случаѣ; ср. малограмотныя написанія: „зашщъ“, „намаслиницѣ“, „клашица“, „суставчитыхъ“ (|| „послушъла“).

---

[1]) Ср. выше замѣчаніе относительно ъ въ томъ же положеніи.

Примѣчаніе 6. Въ главѣ „О русскомъ правописаніи“ я упоминалъ (§ 27), что въ русской *орѳографіи* утвердился цѣлый рядъ *ошибочныхъ написаній;* многія изъ нихъ возникли подъ вліяніемъ произношенія. Написаніе „лебедь“ (‖ „лебяжій) происхожденіемъ своимъ, на первый взглядъ, обязано измѣненію *а* въ этомъ положеніи при предшествующемъ мягкомъ согласномъ по направленію къ *і*, при чемъ *а* въ своемъ измѣненіи не дошло еще до стадіи *і*, занимая стадію *е*. Но въ разсужденіи этого случая нельзя не принять въ расчетъ замѣчанія проф. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1883. сентябрь. стр. 103), что въ словѣ лебедь „*е* существовало уже въ то время, когда гласные звуки не подвергались еще ослабленію, и его мы находимъ въ Русской Правдѣ по списку Новгородской Кормчей XIII вѣка (Буслаевъ, Историч. Христом. стр. 399); ср. великорусское лебёдка, лебёдушка, малор. лебідка, лебюдка“. Быть можетъ, слова „лебедь“ и „лебяжій“ — не одного и того же образованія: въ первомъ случаѣ — суф. -едь, а во второмъ — суф. -яжій (-ядь). Подобное же разсужденіе примѣнимо и къ написанію „колодезь“ вм. ожидаемаго колодязь (ср. ст.-сл. **КЛАДАЗЬ**).

3) Въ словѣ

„сады“

неударяемый гласный произносится сильнѣе и не такъ коротко, какъ въ словѣ „карта“; съ другой стороны, нашъ гласный отличается и отъ ударяемаго: онъ короче и слабѣе ударяемаго. Разсматриваемый нами гласный произносится при растворѣ рта, который шире индифферентнаго, но менѣе широкъ въ сравненіи съ растворомъ, при которомъ произносится соотвѣтствующій гласный съ ударяемъ (напр. въ родственномъ словѣ „сáду“). Мы можемъ опредѣлить нашъ гласный, какъ „довольно сильное и не очень краткое *а*“.

Съ цѣлью опредѣлить особенность условій, въ которыхъ произносится нашъ неударяемый гласный, сравнимъ разсматриваемое положеніе гласнаго безъ ударенія съ предшествующими положеніями. Правда, что нашему гласному предшествуетъ согласный, какъ въ предъидущихъ случаяхъ; правда, что, подобно второму случаю, далѣе слѣдуетъ

согласный; но въ данномъ случаѣ неударяемый гласный стоитъ не послѣ ударенія, а передъ удареніемъ.

Однородные примѣры: мала, сама, сады, зады, кажу, какой, халатъ, шагать; пали, сади, дари, шаги, качель и т. п. [1]).

Тоже довольно яснымъ произносится *а* въ разсматриваемомъ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ, напр.: пятокъ, снятой, святой, рябой, пяти, тяни, святи, рябить и т. п.

Примѣчаніе 7. Въ произношеніи многихъ послѣ шипящихъ и послѣ мягкихъ согласныхъ въ разсматриваемомъ положеніи слышится гласный звукъ близкій къ *э*. Зависитъ ли произношеніе *а* (не *э*) въ такихъ условіяхъ отъ книжнаго вліянія, или же оно представляетъ собою явленіе діалектологическое, или, наконецъ, въ произношеніи однихъ зависитъ отъ одной изъ этихъ причинъ, а въ произношеніи другихъ — отъ другой, за неимѣніемъ фактическихъ данныхъ рѣшить не могу.

4) Въ словѣ

„занавѣска“

послѣ *з* произносится слабое, краткое *ъ*. Сравнивая это положеніе неударенаго гласнаго съ предъидущимъ положеніемъ, замѣчаемъ ту разницу, что въ одномъ случаѣ неударяемый гласный находится на первомъ мѣстѣ отъ ударенія, въ другомъ же — на второмъ.

Другіе примѣры: тасовалъ, сапоги, закричалъ, захотѣлъ, старику, закидать, занимать, заливать и т. п.

Если же предшествующій согласный — мягкій, то въ такомъ случаѣ въ разсматриваемомъ положеніи произносится *ь*, напр.: пятачекъ, пятерикъ, ярлычекъ, частоколъ и т. п.

И такъ, мы прослѣдили въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенаго слога *неударяемые гласные, кото-*

---

[1]) О различіи въ произношеніи *а* въ данномъ положеніи (въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному) при слѣдующемъ твердомъ и мягкомъ согласномъ (а ‖ а^{i}) было уже говорено въ предъидущей главѣ.

рымъ въ родственныхъ словахъ при удареніи соотвѣтствуетъ а́, обозначаемые въ правописаніи черезъ а или я.

Мы нашли четыре главныхъ положенія, которыя можемъ обозначить слѣдующимъ образомъ:

1) '|СГ 3) СГ|'
2) '|СГС 4) СГ|-|',

гдѣ С = согласный, Г = гласный, вертикальная же черта указываетъ дѣленіе на слоги.

Легко замѣтить, что изъ этихъ четырехъ положеній неударяемыхъ гласныхъ два имѣютъ мѣсто послѣ ударенія и два — передъ удареніемъ.

Подобнымъ же образомъ можно прослѣдить и остальные неударенные гласные, которымъ при удареніи соотвѣтствуетъ о́, э́ и т. д. [1]). При такомъ разсмотрѣніи оказывается, что неударяемые гласные общерусскаго языка представляютъ нѣкоторую стройную систему. Гармонія этой системы находится въ связи съ тѣмъ, что сила выдыханія, напряженіе работающихъ органовъ произношенія, степень продолжительности произношенія и степень натяженія голосовыхъ связокъ при выговариваніи неударяемаго гласнаго являются всегда соотвѣтственными тому положенію относительно ударяемаго слога, въ которомъ находится гласный безъ ударенія.

Слѣдующая таблица представитъ общее обозрѣніе неударяемыхъ гласныхъ общерусскаго языка въ указанныхъ выше четырехъ положеніяхъ:

---

[1]) Собраніе относящихся сюда примѣровъ, расположенныхъ по морфологическимъ категоріямъ, см. в моем трудѣ— Гласные без ударенія въ общерусскомъ языкѣ (1884), въ главѣ III.

Ударяемые гласные и ихъ орѳографическое обозначеніе	Слова съ соотвѣтствующими неударяемыми гласными			
	′|СГС	′|СГ	СГ|′	СГ|–|′
а́ (а́^{i}) *(а, я)*	**ӑ** ла́пӑ (лап*а*) во́л’ӑ (вол*я*)	**Ъ, Ь** пла́къ’ (плак*а*ть) с’є′jь’ (сѣ*я*ть)	**а^{ă}, а^{i}** (э) сады́ (с*а*ды) са^{i}д’і́ (с*а*ди) р’або́j (р*я*бой) р’а^{i}б’і́т’ (р*я*бить) (э)	**Ъ, Ь** стър’іку́ (ст*а*рику) п’ьтач’о́к (пятачекъ)
о́ *(о)*	**ӑ** с’л’а́пӑ (слѣп*о*) [1])	**Ъ** р’а́дъм (ряд*о*мъ) [2])	**а̊** (а) ва̊да́ (в*о*да) [3])	**Ъ** бъра̊на́ (б*о*рона)
о́ resp. є′ *(е)*	**ӑ** (ӑ) по́л’ӑ (пол*е*) ло́жӑ (лож*е*) [4])	**Ь, Ъ** по́л’ьм (пол*е*мъ) ло́жъм (лож*е*мъ) [5])	**æ, є** м’ætу́ (м*е*ту) м’єт’о́ш (м*е*тешь) [6])	**Ь, Ъ** м’ьт’æна́ (м*е*тена) жъс’т’ано́j (жест*я*ной)
æ′ resp. є′ *(ѣ)*	**æ̆** ла́п’æ̆ (лап*ѣ*) пт’і́цæ̆ (птиц*ѣ*)	**Ь, Ъ** в’і́д’ьл (вид*ѣ*лъ) вы́цьд’ьт’ (выц*ѣ*дить)	**æ, є** с’æку́ (с*ѣ*ку) с’єк’і́ (с*ѣ*ки) [7])	**Ь, Ъ** б’ьгуна́ (б*ѣ*гуна) цьл’а̊ва́т’ (ц*ѣ*ловать)

[1]) Эту и дальнѣйшія сноски см. въ Примѣчаніяхъ, непосредственно слѣдующихъ за таблицею.

у́ *(у, ю)*	ў пу́дў (пуду) по́л'ў (полю)	ў л'а́зўт (лѣзутъ) кол'ўт (колютъ) 8)	у пуда́м (пудамъ) л'убо́ф' (любовь)	ў дўха̊во́j (духовой) л'ўба̊ва́лса̄ (любовался) 8)
ы́ *(ы, и)*	ы̆ ры́бы̆ (рыбы) кры́шы̆ (крыши) 9)	ъ до́бръм (добрымъ) с'в'а́жъм (свѣжимъ) 10)	ы быва́т' (бывать) шыро́к (широкъ)	ъ бъстра̊та́ (быстрота) шър'ина́ (ширина) 10)
і́ *(и)*	і̆ во́л'і̆ (воли)	ь кра́с'ьт (краситъ)	і п'ішу́ (пишу)	ь п'ьра̊ва́т' (пировать)

Примѣчанія къ таблицѣ.

[1]) Какъ въ данномъ положеніи, такъ равно и въ другихъ соотвѣтствующихъ положеніяхъ того же гласнаго, нашему гласному предшествуетъ только твердый согласный. Это обусловливается тѣмъ, что гласный *о* не можетъ смягчать предшествующихъ согласныхъ, въ силу своей природы, такъ какъ въ образованіе этого гласнаго не привходитъ палятальная артикуляція (приближеніе средней части языка къ небу). Въ такихъ случаяхъ, какъ н'о́с (несъ), мягкость согласнаго вызвана не гласнымъ *о*, но гласнымъ *е*, изъ котораго возникло *о*. — При *книжномъ* вліяніи на произношеніе въ разсматриваемомъ положеніи произносится гласный å, или даже болѣе близкій къ *о*. Впрочемъ, подобное произношеніе можетъ представлять также особенность того или другаго говора.

[2]) И такъ, въ данномъ положеніи слышится вмѣсто неударенаго *о* такой же звукъ, какой слышится вмѣсто неударенаго *а* послѣ твердаго согласнаго въ томъ же положеніи, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно придти въ недоумѣніе относительно того, что̀ написать — *о* или же *а*. Чтобы убѣдиться въ одинаковости выговора указанныхъ гласныхъ,

ср. произношеніе: остовъ || приставъ, копоть || капать, коготь || трогать, прихоть || ѣхать, споромъ || спорамъ. Подтвержденіемъ сходства въ произношеніи нашихъ гласныхъ могутъ служить также риѳмы въ стихахъ. При *книжномъ* вліяніи на произношеніе яснѣе выдается оттѣнокъ *о* въ противоположность оттѣнку *а*, согласно съ орѳографическимъ написаніемъ. — Написаніе „полымя“ вм. поломя (|| пламя, ст.-сл. **пламы**), встрѣчающееся въ *орѳографіи* [1]), должно признать погрѣшностью, обусловленною произношеніемъ. Я. К. Гротъ справедливо замѣчаетъ, что „поломя“ правильнѣе, чѣмъ „полымя“ [2]). Въ Словарѣ же церковно-славянскаго и русскаго языка, составленномъ Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Акад. Наукъ, находимъ только одно написаніе—„поломя“. Написаніе это не чуждо и печатнымъ произведеніямъ [3]). — Относящееся сюда *малорам.* напис.: „наперстъкъ“.

[3]) Разсматриваемый гласный произносится, соотвѣтственно своему положенію относительно ударенія, довольно сильно и не очень кратко, при растворѣ рта, который шире индифферентнаго, но у́же въ сравненіи съ растворомъ, при которомъ произносится соотвѣтствующій ударяемый гласный Далѣе, при произнесеніи ударенаго *о* гу́бы, образуя свойственное этому гласному съуженіе, въ углахъ касаются одна другой; при произнесеніи же разсматриваемаго неударенаго гласнаго губы почти вовсе не образуютъ такого съуженія, онѣ близки къ индифферентному или спокойному положенію; а такъ какъ этотъ гласный произносится при болѣе широкомъ растворѣ рта, нежели индифферентный, то находящіяся почти въ спокойномъ положеніи гу́бы при произнесеніи нашего гласнаго на всемъ своемъ протяженіи не касаются одна другой. Произношеніе въ разсматриваемомъ нами неударяемомъ положеніи гласнаго звука болѣе или менѣе близкаго къ *о* представляетъ собою или особенность „окающаго“ говора, или же продуктъ книжнаго вліянія. Въ моемъ произношеніи вмѣсто *о* въ данномъ положеніи слышится звукъ средній между *а* и *о*. Эту особенность моего произношенія, кажется, слѣдуетъ объ-

---

[1]) См. напр. Стихотворенія А. В. Кольцова. Восьмое изданіе К. Т. Солдатенкова (1884) стр. 59 „Урожай“.

[2]) См. его руководство по русскому правописанію (1885)[3] въ Справочномъ указателѣ подъ даннымъ словомъ.

[3]) Напр. въ Полномъ собраніи сочиненій Гр. А. К. Толстого, I (1882) стр. 281.

яснить какъ остатокъ моего прежняго „окающаго“ говора, впослѣдствіи измѣнившагося подъ вліяніемъ говора „акающяго“, но не вполнѣ, какъ видно изъ указанной особенности. Произношеніе „акающее“ послужило источникомъ установившихся въ *орѳографіи* такихъ написаній, какъ — калачъ вм. колачъ, Анучинъ вм. Онучинъ и т. п. Впрочемъ нельзя видѣть отраженія аканья вездѣ, гдѣ въ орѳографіи имѣется въ разсматриваемомъ неударяемомъ положеніи *а* вмѣсто *о*, или же рядомъ съ *о*; нѣкоторые случаи должны быть отнесены къ древнему этимологическому чередованію *а* ‖ *о*, напр. „заря“ ‖ „зорька“ (въ самомъ дѣлѣ, такое чередованіе *а* и *о* въ томъ же словѣ имѣется и въ ст.-сл. ѕарꙗ ‖ ѕорꙗ), или же къ вліянію церковно-славянской письменности, напр. префиксъ *раз-* (цк.-сл.) ‖ *роз-* (чисто русск.).

[4]) О согласныхъ *ш*, *ж* и *ч* напомню читателю, что прежде они были мягкими, затѣмъ постепенно отвердѣли, а сообразно съ этимъ видоизмѣнилась и экскурсія слѣдующаго æ, напр. ло́жӕ̆, вы́шӕ̆, а̊ко́нцӕ̆. — Вмѣсто по́л'ӕ̆, мо́р'ӕ̆ и т. п. произносится обыкновенно по́л'ӑ, мо́р'ӑ и т. п., что̀ возможно объяснить вліяніемъ аналогіи соотвѣтствующаго твердаго склоненія; или же тутъ не физіологическое ли измѣненіе? — Во 2 мн. наст. и повел. вмѣсто конечнаго -ӕ̆ произносятъ также -ы̆, напр. мо́л'ьт'ы̆, что̀ всего естественнѣе объяснить вліяніемъ произношенія соотвѣтствующей формы спряженія на *-ся*, напр. мо́л'ьт'ъс', гдѣ *е* должно было измѣниться въ *ъ*, находясь внутри слова послѣ ударенія. *Малограм.* напис.: „будити писать“, „прощайти бутьти здоровы“ и т. п.

[5]) И такъ, въ разсматриваемомъ положеніи произносится ъ, т. е. гласный одинаковый съ неударенным гласнымъ, которому при ударенiи соотвѣтствуетъ *а́* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ, съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ область колебанія меньше (между *е* и *і*), а въ послѣднемъ больше (между *а* и *і*). Послѣ согласныхъ *ш*, *ж* и *ч*, въ силу отвердѣнія этихъ согласныхъ, въ данномъ положеніи произносится твердая разновидность нашего слабаго гласнаго, именно — ъ. *Малогр.* напис: братиць, писимъ, павилъ, полотеницъ, касайтца, будишъ (т. е. будешь), будитъ, знаишь, умиръ, советуитъ, обрадуитъ, смитий (т. е. съ Митей), мозолий, очинь, картофильный, прежниму, будите (т. е. будете), григорьивичъ, жеребій.

[6]) Въ разсматриваемомъ положеніи довольно ясно слышится широкое и узкое э. Гласные эти, соотвѣтственно занимаемому ими неударяемому положенію, произносятся довольн-

но сильно и не очень кратко, при растворѣ рта, который шире индифферентнаго, но уже въ сравненіи съ растворомъ, при которомъ произносятся однородные гласные съ удареніемъ. Узкое *е* въ этомъ положеніи нерѣдко переходитъ передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ въ звукъ болѣе или менѣе близкій къ *і*; ср. *малогр.* напис.: *мигня*, *ищо*. Такому измѣненію гласнаго *е* обязано своимъ возникновеніемъ установившееся въ *орѳографіи* написаніе „*свирѣпый*“ вм. сверѣпый (ст.-слав. **сверѣпъ**[1]).

[7]) Имѣется рядъ написаній, установившихся въ *орѳографіи*, въ которыхъ въ разсматриваемомъ положеніи при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ вм. буквы *ъ*, которую можно было бы ожидать, пишется *и*: *мизинецъ* (**мѣзиньць**), *сидѣть* (**сѣдѣти**), *дитя* (ср. *дѣти*), *пичужка* (ср. *пѣть*). Однако происхожденіе такихъ написаній нельзя, безъ дальнѣйшаго, приписывать измѣненію неударяемаго гласнаго въ *і*, такъ какъ такіе случаи могутъ отражать древнее этимологическое чередованіе *ъ* ‖ *и*. Относительно слова „*дитя*“ А. И. Соболевскій (Ж. М. Н. Пр. 1883. сентябрь. стр. 103) съ основаніемъ замѣчаетъ, что „за древность *и* въ *дитя* говоритъ малор. *дитина* (не дітина)“

[8]) Гласный *у* въ этомъ положеніи произносится при слабомъ напряженіи участвующихъ частей органа рѣчи и близко подходитъ къ гласнымъ *ъ* (послѣ твердыхъ согласныхъ) и *ь* послѣ мягкихъ), съ которыми впослѣдствіи онъ, можно думать, и совпадетъ. По наблюденіямъ г. Александрова, въ говорѣ села Байтерякова (Лаишевскаго уѣзда Казанской губерніи) во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и внутри слова послѣ ударенія соотвѣтствіемъ для ударяемаго *у* является *ъ* послѣ твердыхъ согласныхъ и *ь* послѣ мягкихъ, напр.: пъдовój (*пудовой*), л'ьбовáц̑а (*любоваться*), л'ǽзът (*лѣзутъ*), вы́пл'ьн' (*выплюнь*) [1]).

[9]) Слабый краткій гласный звукъ, произносимый въ разсматриваемомъ положеніи, я обозначилъ посредствомъ ы̆. Я не воспользовался здѣсь знакомъ *ъ*, потому что имъ я обозначаю звукъ, являющійся переходнымъ моментомъ отъ предъидущаго твердаго согласнаго къ слѣдующему согласному. Правда, и въ данномъ случаѣ экскурсія гласнаго начинается отъ уложенія предшествующаго твердаго согласнаго, но рекурсія направляется къ индифферентному положенію. Здѣсь я не имѣю

---

[1]) Рус. Фил. Вѣстн. т. XII (1884): „Особенности говора села Байтерякова“ §§ 10, 12.

въ виду тѣхъ случаевъ, когда слово съ разсматриваемымъ гласнымъ произносится слитно съ слѣдующимъ словомъ.

[10]) Здѣсь знакъ ъ̄ не можетъ обозначать колеблющагося гласнаго между неяснымъ ӑ и неяснымъ ы̄; здѣсь предѣлы колебанія гораздо у́же: могутъ быть только разновидности слабаго краткаго ы.

Данную мною таблицу можно читать въ двухъ направленіяхъ — горизонтальномъ и вертикальномъ: въ горизонтальномъ направленіи мы слѣдимъ за тѣмъ, какіе неударяемые гласные въ разныхъ положеніяхъ являются соотвѣтствующими данному ударенному гласному; тотъ или другой вертикальный рядъ представляетъ перечень для даннаго положенія всѣхъ неударяемыхъ гласныхъ, которымъ при удареніи соотвѣтствуютъ разные ударенные.

Разсматривая *горизонтальные* ряды, мы приходимъ къ обобщеніямъ:

а) Въ слабыхъ положеніяхъ—послѣ ударенія внутри слова и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ—ударяемому гласному соотвѣтствуютъ одинаковые неударяемые [1]).

б) Ударяемымъ гласнымъ, обозначаемымъ въ правописаніи черезъ *е* и *ъ*, соотвѣтствуютъ въ каждомъ неударяемомъ положеніи одинаковые гласные.

в) Въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (Г|′) ударяемымъ а́ *(а)* и о́ *(о)* соотвѣтствуютъ весьма близкіе одинъ къ другому неударяемые гласные (а, а̊), или даже совершенно одинаковый неударяемый гласный (а); каждый изъ другихъ ударяемыхъ гласныхъ въ этомъ положеніи имѣетъ свое особое соотвѣтствіе (за исключеніемъ *е* и *ъ*, о которыхъ было сказано въ пунктѣ второмъ).

г) Для ударяемыхъ а́ *(а)* и о́ *(о)* въ концѣ слова (′|СГ) является коррелятивомъ (соотвѣтствіемъ) одинъ и тотъ же неударяемый гласный, именно ӑ; для остальныхъ

---

[1]) При этомъ нужно имѣть въ виду замѣчаніе, сдѣланное въ § 50, пунктъ 11.

ударяемыхъ гласныхъ въ этомъ положеніи являются особые коррелятивы.

д) Въ слабыхъ положеніяхъ—послѣ ударенія внутри слова (′|СГС) и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ (Г|–|′)—имѣется особый коррелятивъ, именно ў; для прочихъ же ударенныхъ гласныхъ коррелятивы въ разсматриваемомъ положеніи сходны: *ъ* — послѣ твердыхъ согласныхъ (къ которымъ принадлежатъ, между прочимъ, *ш*, *ж* и *ц*), *ь* — послѣ мягкихъ согласныхъ (къ которымъ принадлежитъ, между прочимъ, *ч*).

Такимъ образомъ, какъ наглядно представляютъ *вертикальные* ряды таблицы, въ разныхъ положеніяхъ оказывается неодинаковое разнообразіе гласныхъ звуковъ: самое большое разнообразіе гласныхъ встрѣчается въ слогѣ ударенномъ (при удареніи встрѣчаются всѣ гласные: а́ (а́^{i}), о́, е́, є́, ў, ы́, і́); далѣе слѣдуетъ слогъ непосредственно предшествующій ударенному (всѣ гласные кромѣ *о:* а (а^{i}), а̊ или а, е, є, у, ы, і); затѣмъ — положеніе неударяемыхъ гласныхъ въ концѣ слова (ӑ, ӗ, ў, ы̆, і̆) [1]); самое же малое разнообразіе — въ слогѣ послѣ ударенія внутри слова и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ (ъ, ь, ў).

Примѣчаніе 8. Располагая примѣры по морфологическимъ категоріямъ, легко подмѣтить, что каждая морфологическая часть имѣетъ свою область положеній относительно ударенія и, слѣд., можетъ представлять разновидности гласнаго только соотвѣтственно этимъ положеніямъ. Дѣло въ томъ, что морфологическія части слова расположены въ опредѣленномъ порядкѣ. Идя отъ начала слова къ концу, мы послѣдовательно встрѣчаемъ: префиксъ, корень, суффиксъ, окончаніе.

---

[1]) Хотя въ этомъ положеніи, по-видимому, и довольно еще большое разнообразіе гласныхъ, но надо имѣть въ виду, что гласные эти выговариваются слабо и при индифферентномъ растворѣ рта, такъ что различія ихъ выступаютъ съ весьма малою рельефностью; ср. для примѣра произношеніе словъ: *браться* или *братца* || *братцы* (бра́т͡цӑ || бра́т͡цы̆), — въ нихъ конечные -ӑ и -ы̆ едва различимы слухомъ; если же въ рѣчи эти различія и кажутся ясными, то благодаря, такъ сказать, контексту связной рѣчи.

Вслѣдствіе такого порядка префиксъ, напр., встрѣчается только въ слогѣ ударенномъ, или же въ части слова *передъ* удареніемъ, но не можетъ находиться послѣ ударенія; окончаніе же, напротивъ, встрѣчается только въ слогѣ съ удареніемъ, или же *послѣ* ударенія въ концѣ слова, но, само собою понятно, не можетъ предшествовать ударенію слова. Слѣдующая таблица наглядно представитъ намъ область положеній каждой морфологической части. Пустыя клѣтки въ таблицѣ указываютъ на то, что данное положеніе не свойственно извѣстной морфологической части.

	Преф.	Кор.	Суф.	Оконч.
′ | СГ				па́лка
′ | СГС		по́лгода	сто́лікъ	па́лкамъ
′	за́далъ	го́да	голі́къ	рука́
СГ | ′	зада́мъ	года́	голіка́	
СГ | – | ′	задана́	годово́й		

Къ сказанному нужно сдѣлать нѣсколько прибавленій 1) въ очень рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается префиксъ послѣ ударенія внутри слова въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударенным, напр. вы́провожу; 2) въ связной рѣчи нерѣдко окончаніе изъ положенія ′ \| СГ переходитъ въ положеніе ′ \| СГС, напр. дайте-же; 3) въ связной рѣчи, какъ увидимъ ниже, неударяемое окончаніе иногда передъ ударенным начальнымъ слогомъ слѣдующаго слова переходитъ въ положеніе СГ \| ′, напр. и́зъ-году въ го́дъ.

§ 63. Въ настоящемъ параграфѣ я коснусь главнѣйшихъ особенностей неударяемаго вокализма, наблюдаемыхъ въ слабыхъ положеніяхъ.

Слабые, краткіе ъ и ъ внутри слова являются лишь *переходнымъ моментомъ* отъ произнесенія предъидущаго согласнаго къ послѣдующему. Перемѣна же уложенія предъидущаго согласнаго на уложеніе послѣдующаго не всегда совершается съ одинаковою скоростью, въ зависимости отъ чего разсматриваемые гласные бываютъ болѣе или же менѣе замѣтны. Иногда гласный слышится едва замѣтнымъ, слышится — такъ сказать — *намекъ на гласный,* нерѣдко онъ даже *вовсе не слышится.*

Примѣры, въ которыхъ гласный иногда вовсе не слышится *во второмъ слогѣ передъ удареніемъ:*

пъ̊лâтнó (полотно)	пъ̊рâхóт (пароходъ) [1]
къ̊лâкóл'н'ā (колокольня)	къ̊раýл (караулъ)
къ̊л'æсó (колесо)	къ̊нâп'є́л' (конопель).
гъ̊лâсá (голоса)	

Въ приведенныхъ примѣрахъ исчезающій гласный находится между согласными, изъ которыхъ послѣдующимъ является плавный или же носовой.

Примѣромъ исчезновенія неударяемаго гласнаго *послѣ ударенія внутри слова* можетъ служить произношеніе

jíспъдвъл' (исподоволь),

---

[1]) Произношеніе этого слова часто вовсе не различается отъ слова „прâхóт“ (проходъ).

гдѣ мы видимъ исчезновеніе гласнаго между согласными— мгновеннымъ *д* и длительнымъ *в* [1]).

Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ встрѣчаются еще случаи исчезновенія неударяемыхъ гласныхъ *передъ другимъ гласнымъ*, напр.: н'ᵇум'є́йӯ (*не* умѣю), нᵇавóс' (*на*авось) [2]).

Книжное вліяніе на произношеніе сказывается въ томъ, что гласный, который въ обыкновенномъ произношеніи уже исчезъ, при книжномъ вліяніи произносится.

Примѣчаніе. Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ я наблюдалъ случаи *зарожденія неударяемаго гласнаго*. Въ самомъ дѣлѣ, когда соприкасаются два согласныхъ звука, то въ случаѣ медленности произношенія при переходѣ отъ произнесенія предъидущаго согласнаго къ произнесенію послѣдующаго можетъ слышаться слабый краткій гласный, качество котораго (ъ resp. ъ) будетъ обусловливаться твердостью или же мягкостью предъидущаго согласнаго. Такое произношеніе можетъ, распространившись, утвердиться, разумѣется—при отсутствіи книжнаго вліянія. Примѣры зарожденія гласнаго: гᵑр'єч'ӯшнъj (гречушный), кᵗвар'т'ірă (квартира). Такъ какъ одни легко произносятъ группы согласныхъ, другіе же не такъ легко, и притомъ группы изъ тѣхъ или другихъ согласныхъ, то ясно, что явленіе зарожденія неударяемаго гласнаго должно представлять *индивидуальныя колебанія*.

Обратимся къ разсмотрѣнію случаевъ, въ которыхъ группы согласныхъ звуковъ предохраняютъ отъ исчезновенія слабый неударенный гласный [3]).

а) Имена существительныя женск. рода, кончащіяся въ И. ед. на *-а* или *-я*, въ Тв. ед. имѣютъ по два окончанія, напр.

---

[1]) Другой примѣръ исчезновенія неударяемаго гласнаго въ разсматриваемомъ положеніи представляютъ слѣдующія два *малограмотныя написанія:* „навлочекъ“ (наволочекъ) и „навлочикъ“. Гласный исчезъ между *в* и *л*.

[2]) Ср. § 50 пунктъ 15).

[3]) Ср. § 50 пунктъ 6).

рукóйў (рукою) || рукóй (рукой)
с'т'ɛз'óйў (стезею) || с'т'ɛз'óй (стезей).

Между тѣмъ въ существительныхъ женск. рода, оканчивающихся въ И. ед. на -ъ, въ Тв. ед. не происходитъ сокращенія окончанія, напр.

д'в'ɛ'р'йў (дверью).

Сравнивая первый случай со вторымъ, мы замѣчаемъ ту разницу между ними, что въ первомъ случаѣ конечное неударенное -ў находится послѣ одного согласнаго (j), во второмъ же случаѣ—послѣ *группы согласныхъ звуковъ*, которая и препятствуетъ исчезновенію этого гласнаго.

б) Подобнымъ же образомъ объясняется такая разновидность въ образованіи повел. накл., какъ

д'в'ín' (двинь) || сóхн'ĭ (сохни).

Во второмъ случаѣ конечное неударяемое ĭ *(и)* сохраняется подъ защитою группы согласныхъ звуковъ [1]).

в) Въ спряженіи на *-ся* это неударяемое окончаніе послѣ гласныхъ звуковъ сокращается въ *-сь*, послѣ же согласныхъ сохраняется. Такъ

сокращается:	сохраняется:
мóйўс' (моюсь)	мóйьшс'ă (моешься)
мóйьт'ьс' (моетесь)	мóйьтс'ă (моется)
мы́лъс' (мылась)	мóйьмс'ă (моемся)
мы́лъс' (мылось)	мóйўтс'ă (моются)
мы́л'ьс' (мылись)	мы́лс'ă (мылся)
мóйт'ьс' (мойтесь)	мы́т'с'ă (мыться).

Говоря объ исчезновеніи неударяемыхъ гласныхъ я долженъ коснуться различія между словами одинокими и имѣющими родство.

Въ произношеніи одного субъекта я замѣтилъ слова:

имена́ || мяни́нницы.

Въ словахъ „имена́“ и „имяни́нницы“ начальный гласный

---

[1]) Ср. Востоковъ Русская грамматика (1859)[10] § 78 стр. 87.

і одинаково находится во второмъ слогѣ передъ ударе-ніемъ; отчего же въ одномъ словѣ онъ сохранился, а въ другомъ исчезъ?

Легко замѣтить, что слово „имена́“ стоитъ не особнякомъ, оно принадлежитъ къ группѣ родственныхъ по корню словъ, въ которыхъ начальный гласный звукъ *і* встрѣчается въ слогѣ ударенномъ (сильное *і*), напр. и́мя, и́мени; въ слогѣ ударенномъ нашъ гласный долженъ сохраниться, а это благопріятствуетъ сохраненію соотвѣтствующаго гласнаго и во второмъ слогѣ передъ ударе-ніемъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, благодаря такимъ случаямъ, какъ „и́мя“, значеніе нашего слова ассоціируется съ произношеніемъ, начинающимся съ гласнаго *і;* благодаря этой ассоціаціи, и во второмъ слогѣ передъ ударе-ніемъ удерживается соотвѣтствующее произношеніе, т. е. слабое краткое *і*. Отсюда мы видимъ, какое значеніе можетъ имѣть *разнообразіе ударенія въ родственныхъ словахъ* [2]). Об-

---

[1]) Гласный *і* разсматриваемаго слова („имя“) встрѣчается также въ слогѣ довольно сильномъ (непосредственно предшествующемъ ударенному) — „име́нъ“, что̀ также относится къ случаямъ, благопріятствующимъ сохраненію начальнаго *і*.

[2]) Этотъ вопросъ требуетъ сравнительнаго изслѣдованія. Ср. напр. нѣмецкій языкъ, гдѣ нѣтъ такого разнообразія ударенія какъ въ русскомъ языкѣ; въ нѣмецкомъ суффиксы и окончанія въ отдѣльныхъ словахъ неударены; ударе-ніемъ (главнымъ) сопровождается корень и второстепеннымъ (побочнымъ)—префиксы; нѣкоторые префиксы всегда неударены; другіе встрѣчаются ударенными и неударенными. Все это необходимо придаетъ своеобразный колоритъ нѣмецкой фонетикѣ. И такъ, нѣмецкій языкъ представляетъ однообразіе въ ударе-ніи морфологическое. Классическій латинскій языкъ представляетъ однообразіе въ ударе-ніи фонетическое (ср. чисто фонетическій принципъ латинскаго ударенія, опредѣляющагося долготою или же краткостью предпослѣдняго слога), а въ связи съ нимъ отчасти и морфологическое (неударенность окончаній; ср. паденіе флексіи въ романскихъ языкахъ). Французская фонетика должна представлять своеобразіе, зависящее отъ постояннаго положенія ударенія въ концѣ словъ; сравни языки

ратимся къ слову „имяни́нницы“; оно перестало чувствоваться родственнымъ слову „и́мя“; во всѣхъ падежахъ удареніемъ сопровождается одинъ и тотъ же слогъ; нашъ гласный находится вездѣ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и, не имѣя случаевъ, благопріятствующихъ сохраненію, легко не дослышивается и исчезаетъ.

Сюда же относятся такіе случаи, какъ: л'æксáн с'ер'г'е́јьч (*Александръ Сергѣевичъ*), л'екс'е́j вáньч (*Алексѣй Ивановичъ*), ван'а̄ (Ваня вм. *Иваня*) и т. п. Легко замѣтить, что слова эти — собственныя имена, и притомъ иностранныя, значитъ—слова, наиболѣе бѣдныя родствомъ, слова изолированныя или стоящія особнякомъ [1]).

Слово „jíспъдвъл'“ (исподоволь), которое я выше привелъ для примѣра исчезновенія гласнаго послѣ ударенія внутри слова, представляетъ собою частицу, стоящую особнякомъ и потому не имѣющую ассіоціацій, которыя бы помогали сохраненію гласнаго.

Разсматривая исчезновеніе конечнаго неударяемаго *ъ* слова „бы́ло-бы“ (было-бъ), мы также замѣчаемъ, что этотъ гласный не имѣетъ поддержки въ родственныхъ словахъ. Но возьмите, напр., слово „ры́бы“; въ этомъ словѣ конечное неударенное *ъ* сохраняется, будучи поддерживаемо сильной ассоціаціей родственныхъ формъ, въ которыхъ соотвѣтствующій гласный является ударенным, напр. жæны́... Эта ассоціація сильна еще потому, что подобное соотношеніе въ этихъ системахъ (типахъ) склоненія имѣется не въ одномъ Р. ед., но въ большей части падежей (жæна́ || ры́ба̄, жен'ǽ || ры́б'ǣ...). Ср. также: не знаю || не-знай (частица).

чешскій, польскій. И т. п. Отсюда—группировка языковъ по типамъ ударенія, въ связи съ фонетическими явленіями, которыя обусловлены этими типами ударенія.

[1]) Нужно указать здѣсь на то затрудненіе, что нѣкоторыя личныя имена византійскаго происхожденія могли получить сокращеніе еще на греческой почвѣ и въ такомъ видѣ перешли въ русскій языкъ. По этому вопросу ср. Соболевскій А., Греко-славянскіе этюды, въ Рус. Фил. Вѣстн. т. IX.

Вообще, вліяніе родственныхъ словъ, благопріятствующее сохраненію неударенаго гласнаго, проявляется во всѣхъ мѣстахъ слова, лишь бы имѣлись такія родственныя слова, въ которыхъ соотвѣтствующій гласный имѣлъ бы болѣе или менѣе сильное произношеніе.

Если передъ ударенымъ слогомъ находятся три неударенныхъ, то изъ нихъ первый нѣсколько сильнѣе и продолжительнѣе втораго, онъ какъ бы усиливается на счетъ втораго, такъ что послѣдній можетъ совершенно исчезнуть, напр.:

п'ьр'б'æрý (переберу)	кълкåлá (колокола)
п'ьр'н'æсý (перенесу)	в'ьр'т'æнó (веретено)
п'ьр'в'æзý (перевезу)	. . . . .
п'ьр'л'æчý (перелечу)	
. . . . .	

Малогр. напис.: „вортничка“ (воротничка).

Разсматриваемое явленіе напоминаетъ одно явленіе *французскаго вокализма.* Когда въ латинскомъ передъ ударенымъ слогомъ стоятъ два неударенныхъ, то второй изъ нихъ во франц. исчезаетъ, если онъ кратокъ, напр. bonté, santé, posture (bonitatem, sanitatem, positura). Разница между французскимъ и русскимъ только въ относительномъ положеніи словъ: въ русскомъ явленіе (исчезновеніе гласнаго) имѣетъ мѣсто передъ слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударенному, во франц. непосредственно передъ слогомъ съ удареніемъ. Такимъ образомъ мы опять усматриваемъ существованіе *разныхъ типовъ фонетическаго (антропофоническаго) строенія словъ.*

Нѣкоторые изслѣдователи произношенія замѣтили, что плавные (р, л) и носовые согласные (м, н) иногда образуютъ слогъ сами, безъ гласнаго звука.

Я постараюсь подробнѣе развить ученіе о слогообразующихъ согласныхъ, основываясь на общерусскомъ произношеніи.

Попробуемъ точнѣе опредѣлить условія, въ которыхъ встрѣчаются слогообразующіе согласные.

Разсмотримъ произношеніе словъ:

да́мм'ѣ (дамами) || да́мм, (дамамъ).

Въ первомъ примѣрѣ сначала произносится длительное, слогообразующее *м*, а затѣмъ согласный *м'*, которымъ начинается слѣдующій слогъ. Длительное *м* произносится безъ раскрытія губъ: сжатіе губъ сохраняется для слѣдующаго *м'*. Какъ объяснить длительность произношенія перваго *м*? Длительное *м* замѣняетъ здѣсь *м*+*ъ*, какъ можно заключать изъ произношенія родственныхъ формъ, въ которыхъ послѣднимъ согласнымъ основы является другой согласный, не *м* (ср. напр. „ка́ртъм'ѣ"). Я уже говорилъ, что слабое, краткое *ъ* является лишь переходнымъ моментомъ отъ произнесенія предъидущаго согласнаго къ послѣдующему, другими словами, гласный этотъ произносится въ то время, въ которое происходитъ перемѣна уложенія предъидущаго согласнаго на уложеніе, свойственное слѣдующему согласному. Въ данномъ же случаѣ предъидущій и послѣдующій согласный по всѣмъ работамъ одинаковы; потому здѣсь и не происходитъ такого перехода, какъ въ томъ случаѣ, когда согласные различны,—но уложеніе отъ предъидущаго согласнаго продолжается на послѣдующій. Взятая нами для примѣра форма „ка́ртъм'ѣ" произносится трехсложно: ка́р|тъ|м'ѣ; трехсложное произношеніе имѣется и въ другихъ однородныхъ примѣрахъ, напр. га́лкъм'ѣ (галками), пт'і́цъм'ѣ (птицами) и т. д. *Форма* „дамами", *будучи родственной съ этими формами, должна произноситься тоже трехсложно такимъ образомъ, что первое* м, *какъ эквивалентъ слога* мъ, *становится болѣе продолжительнымъ.*

Такъ какъ произношеніе „да́мм," я объясняю такъ же, какъ и произношеніе „да́мм'ѣ", то и не буду здѣсь повторять сдѣланнаго мною объясненія. Укажу только на особенность въ произношеніи втораго *м*. Такъ какъ за этимъ *м* не слѣдуетъ гласнаго, то звукъ взрыва этого согласнаго, оканчивающаго слово, на столько слабъ, что едва замѣчается слухомъ; вотъ этотъ слабый звукъ взрыва я и обозначилъ буквою *м* съ запятою внизу.

Слогообразующее *н* встрѣчается, между прочимъ, въ суффиксѣ нѣкоторыхъ женскихъ отечествъ, напр.:

jіва́н͡нӑ (Ивановна)
с'т'æпа́н͡нӑ (Степановна)
с'ем'о́н͡нӑ (Семеновна)
jіва́н͡н'æ̆ (Ивановнѣ).

Примѣры слогообразующаго *л:*

д'ǽл͡лӑ (дѣлала)
д'ǽл͡л'і̆ (дѣлали).

Не одни только носовые и плавные согласные могутъ быть слогообразующими, но также и другіе согласные.

Примѣръ слогообразующаго *в:* å сно́в͡вът' (основывать). Слогообразующее *в* встрѣчается также въ Р. ед. муж. и ср. прилагательныхъ на *-вый*, напр.:

но́в͡вӑ (новаго)
пра́в͡вӑ (праваго)
лука́в͡вӑ (лукаваго).

Даже глухіе согласные могутъ быть слогообразующими, напр.:

вы́с͡сълӑ (высосала)
ко́ш͡ч'ьj (кошачій)
ǽт͡тӑ (эта-то, это-то).

И такъ, *каждый согласный способенъ быть слогообразующимъ.* Но тутъ имѣетъ значеніе различіе акустическое: различіе глухости и звонкости, а также степени звонкости или сонорности.

Въ разсмотрѣнныхъ нами примѣрахъ слогообразующіе согласные находятся послѣ ударенія внутри слова. Они встрѣчаются также во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, напр.:

нън'іза́л (нанизалъ) или н͡н'іза́л
хъхå та́л (хохоталъ) или х͡хå та́л
пъп'іро́сӑ (папироса) или п͡п'іро́сӑ.

Кромѣ того, о слогообразующихъ согласныхъ я уже имѣлъ случай говорить въ § 50,—см. пункты: 5), 6), 11), 12), 13), 14), 19), 24). Тамъ читатель встрѣтитъ, между прочимъ, замѣчанія относительно того, какъ *подъ влія-*

ніемъ накопленія согласныхъ слогообразующій согласный вмѣсто долгаго является краткимъ.

Выше я объяснилъ длительность слогообразующихъ согласныхъ вліяніемъ *родственныхъ словъ*. Если же слово становится *одинокимъ*, то въ немъ слогообразующій согласный можетъ послышаться простымъ, а затѣмъ такое произношеніе можетъ утвердиться; ср. вмѣсто

фсам̄д'є́л'ӣ (въ самомъ дѣлѣ

встрѣчается также произношеніе

самд'є́л'ӣ [1]).

Конечные неударенные гласные произносятся слабо. Нерѣдко они произносятся глухо, что замѣчается послѣ *глухихъ согласныхъ*, напр. ка́рта̄. Послѣ *звонкихъ согласныхъ*—трудно сказать, встрѣчается ли глухое произношеніе гласнаго, такъ какъ глухое произношеніе въ этомъ случаѣ трудно различить отъ шепотнаго. *Плавные* и *носовые* согласные наиболѣе благопріятствуютъ сонорности (звучности) конечнаго неударенаго гласнаго. Такимъ образомъ мы видимъ, что ослабленіе звучности (сонорности) конечныхъ неударенныхъ гласныхъ находится въ зависимости отъ степени сонорности предъидущихъ согласныхъ.

Описанный мною процессъ ослабленія сонорности конечныхъ неударенныхъ гласныхъ однороденъ съ паденіемъ звонкости согласныхъ въ концѣ словъ. И въ области согласныхъ этотъ процессъ представляетъ неравномѣрность: плавные и носовые согласные сохраняютъ вполнѣ свою сонорность послѣ *гласныхъ* звуковъ; они менѣе сонорны послѣ *звонкихъ согласныхъ* и произносятся глухо послѣ *глухихъ согласныхъ*.

---

[1]) Подобнымъ же образомъ можетъ возникнуть, напр., вм. произношенія п̄п'іросй (изъ пъп'іросй) въ просторѣчіи просто—п'іросй. Быть можетъ, такимъ же путемъ возникло и греческое слово τράπεζα: *τετράπεζα ⪢ *ττράπεζα ⪢ τράπεζα (ср. Joh. Schmidt въ K. Z. XXV. 47).

Такимъ образомъ мы пришли къ болѣе широкому обобщенію относительно *ослабленія сонорности конечныхъ звонкихъ звуковъ*.

Ослабленіе сонорности неударяемыхъ гласныхъ замѣчается и въ другихъ слабыхъ положеніяхъ: послѣ ударенія внутри слова и во второмъ слогѣ передъ ударéніемъ. Здѣсь это ослабленіе происходитъ тоже въ зависимости отъ степени сонорности соприкасающихся звуковъ. Этотъ процессъ въ данномъ случаѣ однороденъ съ уподобленіемъ согласныхъ звуковъ по звонкости и глухости [1]).

Когда за конечнымъ неударéннымъ гласнымъ стоитъ ударенный слогъ слѣдующаго слова, то неударенный гласный нерѣдко произносится довольно сильно (вмѣсто того, чтобы произноситься слабо), какъ бы отходя въ такомъ случаѣ къ слѣдующему слову и, слѣд., находясь въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, напр. въ выраженіи: „и́зъ го*ду* въ го́дъ“, „не по лѣс*у* ходитъ“ и т. п. (Это—особый видъ ассимиляціи).

Аналогичное этому явленіе я усмотрѣлъ въ *Ригведѣ:* тамъ слогъ, стоящій за ударéннымъ, обозначается вертикальной черточкой сверху; но если далѣе будетъ стоять слогъ ударенный слѣдующаго слова, то вмѣсто вертикальной черточки стоитъ снизу горизонтальная, какъ бываетъ въ слогѣ предшествующемъ ударенному.

Въ заключеніе мнѣ остается еще указать на значеніе *логическаго ударенія*. Мы уже видѣли, что существуетъ нѣкоторая аналогія между логическимъ ударéніемъ и ударéніемъ слова (см. § 50, пунктъ 8). Въ обоихъ случаяхъ усиленіе ударенія сопровождается ослабленіемъ неударенной части (см. § 50, пункты 7 и 18; ср. также послѣднюю сноску въ § 64). Какъ въ словѣ степени напряженія извѣстнымъ образомъ распредѣляются между слогами, такъ въ предло-

---

[1]) Ср. также § 50 пункты: 1), 2), 10), 12), 13), 19), 23), 25), 27).

женіи имѣется свое распредѣленіе напряженности между словами, что и придаетъ, не смотря на связность рѣчи, индивидуальность словамъ. Не всѣ слова предложенія произносятся связно, подъ одно: нѣкоторыя сочетанія словъ являются болѣе тѣсно связанными, напр. прил. съ существ., сказ. съ своимъ, стоящимъ рядомъ, подлежащимъ (см. § 50 пункты 4, 22 и 2). Въ случаѣ тѣсной связанности словъ, на границѣ ихъ могутъ происходить явленія какъ бы внутри слова (см. § 50 пунктъ 14). Кромѣ того, въ связной рѣчи, благодаря логическому ударенію, ударенный слогъ въ словѣ можетъ произноситься слабѣе своего неударенаго, а неударенный конечный слогъ слова, примыкая къ начальному ударенному слогу слѣдующаго слова, получаетъ довольно сильное произношеніе; благодаря такимъ фонетическимъ условіямъ предложенія, возникаютъ *дублеты частицъ*, напр. хотя || хоть, чтобы || чтобъ и т. п. Ср. также такіе случаи сокращеній, какъ *-сѣ* изъ *сударь* и т. п.

§ 64. До сихъ поръ наше изслѣдованіе было строго *статическое:* мы изслѣдовали обще-русскій вокализмъ въ данномъ одновременномъ состояніи, именно—какъ онъ является въ настоящее время. Поэтому мы не говорили объ измѣненіяхъ, но только о соотвѣтствіяхъ или отношеніяхъ гласныхъ, заботясь при этомъ о возможно точномъ изслѣдованіи произношенія.

Мы должны теперь перейти къ разсмотрѣнію русскаго вокализма съ точки зрѣнія *динамической*, то есть со стороны развитія во времени, при чемъ мы постараемся открыть *факторы* измѣненія гласныхъ русскаго языка и изслѣдовать дѣйствіе ихъ.

Начнемъ съ сравненія формъ

го́да || га́да.

Это—формы, родственныя по корню: онѣ обозначаютъ одно и то же представленіе; однако звуки корня представляютъ нѣкоторыя отличія въ нашихъ формахъ; такъ гласный корня не одинаковъ въ той и другой формѣ.

Подобное же отношеніе гласныхъ мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ однородныхъ примѣровъ:

дóмā || дāмá
рóгā || рāгá
стóгā || стāгá
бóкā || бāкá.

Сравнивая эти случаи, мы находимъ, что всѣ они *сходны* (согласны) въ *одномъ* отношеніи: при ударе́ніи произносится одинъ гласный, именно о́, въ слогѣ же неударяемомъ, стоящемъ непосредственно передъ ударе́ніемъ,— другой, именно а̊. И такъ, мы замѣтили нѣкоторую *связь* между ударенностью и неударенностью и различіемъ гласнаго. Къ этому надо прибавить, на основаніи предшествующаго изложенія, еще вліяніе *положенія* неударяемаго гласнаго, вліяніе характера сосѣднихъ *согласныхъ* (ихъ твердости и мягкости и пр.).

Разсмотримъ дѣйствіе этихъ факторовъ.

Сравнивая произношеніе кореннаго гласнаго въ такихъ случаяхъ, какъ

гóдā || гāдá || гъдāвój || пóлгъдā,

мы замѣчаемъ, что наши гласные произносятся при неодинаковой *ширинѣ раскрытія рта* или, иначе говоря, при неодинаковомъ опущеніи (осажденіи) нижней челюсти. При ударе́ніи нашъ гласный произносится при среднемъ раскрытіи рта, въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному—при менѣе широкомъ и, наконецъ, въ остальныхъ положеніяхъ—при индифферентномъ (узкомъ).

Какъ объяснить себѣ это различіе ширины раскрытія рта?

Нужно предположить, что вначалѣ въ разсматриваемыхъ случаяхъ растворъ рта былъ болѣе или менѣе одинаковый, средній. Съ теченіемъ же времени, растворъ рта при неударенности становится постепенно меньше. Это значитъ, что нижняя челюсть для произношенія неударенаго гласнаго съ теченіемъ времени опускается постепенно меньше, другими словами — работа подниманія нижней

челюсти начинается постепенно раньше. Доходитъ до того, что гласный произносится при узкомъ растворѣ.

Можно думать, что съ указаннымъ уменьшеніемъ экскурсіи неударяемаго гласнаго уменьшается время произнесенія этого гласнаго.

Разсмотрѣнное направленіе въ измѣненіи гласныхъ безъ ударенія, состоящее въ постепенномъ уменьшеніи болѣе или менѣе широкаго раствора до индифферентнаго раствора, можемъ опредѣлить какъ *индифферентное.*

Но индифферентное направленіе состоитъ не въ одномъ уменьшеніи ширины раскрытія рта, но вообще во всякомъ ослабленіи работы участвующихъ частей органа рѣчи, въ переходѣ этихъ работъ къ спокойному состоянію. Отсюда, мы должны обратить вниманіе и на эти другія измѣненія въ неударяемыхъ гласныхъ.

Такъ, разсмотримъ напр. *работу губъ* при произнесеніи корневаго гласнаго въ словахъ

го́да̃ ‖ га̊да́.

При произнесеніи гласнаго о́ въ словѣ „го́да̃“ губы образуютъ свойственное этому гласному съуженіе. При произнесеніи гласнаго а̊ въ словѣ „га̊да́“ губы почти вовсе не образуютъ такого съуженія, онѣ близки къ индифферентному или спокойному положенію.

Опять мы предполагаемъ, что вначалѣ въ такихъ случаяхъ, какъ „го́да̃“ и „га̊да́“, гласный произносился болѣе или менѣе однородно, именно — въ обоихъ случаяхъ произносился гласный *о*. Разумѣется, что съ того времени, какъ этотъ гласный очутился въ разныхъ условіяхъ (въ ударяемой или же неударяемой части слова), онъ пересталъ быть тожественнымъ. Эта разница, которая въ самомъ началѣ была минимальная, мало по малу увеличивалась, благодаря измѣненію неударенаго *о*.

Въ какомъ же направленіи происходитъ это измѣненіе? При произнесеніи *о* губы образуютъ (при среднемъ растворѣ рта) съуженіе; эта работа губъ съ теченіемъ времени постепенно ослабляется; слѣдовательно, разсматриваемое измѣненіе направляется къ индифферентному (спо-

койному) состоянію путемъ ослабленія или устраненія губнаго съуженія. Слѣдуетъ замѣтить, что совмѣстно съ измѣненіемъ работы губъ совершается соотвѣтствующее измѣненіе работы другихъ участвующихъ частей органа рѣчи (языка, мягкаго неба, степени поднятія гортани), напр. языкъ изъ положенія, свойственнаго гласному *o*, постепенно переходитъ въ индифферентное положеніе. При индифферентномъ же уложеніи губъ и языка (при нѣкоторомъ растворѣ рта) произносится гласный *a*. Такимъ образомъ неударяемое *o* измѣняется по направленію къ *a*. Это направленіе мы тоже можемъ опредѣлить какъ индифферентное. И опять мы замѣчаемъ устойчивость ударяемаго гласнаго противъ такого измѣненія.

Теперь посмотримъ, какъ развился гласный *ъ* въ такихъ случаяхъ, какъ

гъдâвój.

Мы уже видѣли, что въ извѣстныхъ положеніяхъ растворъ рта уменьшился до ширины индифферентнаго раствора. При индифферентномъ растворѣ произносятся гласные *y*, *ы*, *i*. Изъ нихъ гласные *ы*, *i* произносятся и при индифферентномъ положеніи губъ (какъ и гласный *a*), при произнесеніи же *y* губы образуютъ свойственное этому гласному съуженіе. При такихъ условіяхъ неударяемый гласный слова „годовой“ мало по малу развился въ гласный *ъ* (ы): этотъ гласный (въ противоположность гласному *i*) удобно сочетается съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ, а кромѣ того при немъ происходитъ меньше работъ, нежели при произнесеніи гласнаго *y*, именно — не происходитъ работы губъ [1]).

Какимъ же образомъ неударяемый гласный *o* развил-

---

[1]) Сродство твердыхъ согласныхъ съ гласнымъ *ы* подтверждается наблюденіями при первоначальномъ обученіи чтенію по звуковому способу: повторяя произнесенный учителемъ твердый согласный звукъ въ отдѣльности, ученики весьма нерѣдко выговариваютъ его въ сопровожденіи гласнаго *ы*, напр. *пы* вм. *п* и т. п.

ся въ *ъ*? При произнесеніи гласнаго *о* губы образуютъ съуженіе, при гласномъ же *ы* онѣ находятся въ индифферентномъ положеніи. Слѣдовательно, губы при произнесеніи неударяемаго гласнаго *о* съ теченіемъ времени мало по малу переходятъ въ индифферентное положеніе. Но мы видѣли, что подобнымъ образомъ неударяемое *о* измѣняется по направленію къ *а*. И въ разсматриваемомъ случаѣ гласный *о* не измѣнился ли въ *а*, прежде чѣмъ измѣнился въ *ъ*?

Въ нѣкоторыхъ говорахъ произносятъ „гадовój“. Это произношеніе служитъ подтвержденіемъ сдѣланной нами догадки [1]).

Послѣ *мягкихъ* согласныхъ внутри слова неударяемое *а* измѣняется не по направленію къ *ы*, не сочетающемуся съ мягкими согласными, а по направленію къ *і*, напр.

рáс'п'ът (распятъ)
м'є́р'ът' (мѣрять)
п'ътач'óк (пятачек)
п'ът'ер'ік (пятерикъ).

Разсматривая индифферентное направленіе въ измѣненіи неударяемыхъ гласныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что *ударяемый гласный, какъ наиболѣе сильный, является наиболѣе устойчивымъ при измѣненіяхъ въ индифферентномъ направленіи.* Что же касается неударяемыхъ гласныхъ, то и они въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенаго слога имѣютъ не одну и ту же устойчивость: *слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, является наиболѣе сильнымъ, а слѣдовательно и наиболѣе устойчивымъ, изъ неударяемыхъ слоговъ.*

---

[1]) И такъ, въ произношеніи „гадá“ имѣется гласный, прошедшій одну фазу развитія (годá.... гадá), въ произношеніи же „гъдавój“ имѣется гласный, прошедшій двѣ фазы въ развитіи (годовój.... гадовój.... гъдавój); слѣдовательно, во второмъ слогѣ передъ удареніемъ гласный развивается быстрѣе, нежели въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному.

Изслѣдуя факторы измѣненія гласныхъ русскаго языка, мы указали только на вліяніе ударенія, положенія относительно ударенія, и согласныхъ, окружающихъ гласный. Это однако еще не всѣ факторы. Мы теперь разсмотримъ *вліяніе каждаго отдѣльнаго произношенія* или, иначе говоря,—*вліяніе упражненія.*

Сравнивая нынѣшнее произношеніе съ древнѣйшимъ, на сколько позволяютъ письменные памятники, мы убѣждаемся въ томъ, что произношеніе измѣняется во времени. Если бы произношеніе индивидуумовъ въ теченіе ихъ жизни нисколько не измѣнялось, то не происходило бы измѣненія въ произношеніи и въ теченіи большихъ періодовъ времени. А такъ какъ въ теченіи большихъ періодовъ времени—столѣтій и тысячелѣтій—произношеніе измѣняется, то мы должны допустить, что измѣняется и произношеніе индивидуума въ теченіе его жизни.

Какимъ же образомъ происходитъ измѣненіе нашего произношенія? Измѣненіе нашего произношенія обусловливается самымъ произношеніемъ. Въ каждомъ произношеніи заключается, такъ сказать, элементъ динамическій. Всякое произношеніе производитъ то, что слѣдующее такое произношеніе будетъ представлять дальнѣйшую стадію въ измѣненіи этого произношенія, хотя и безконечно близкую къ предшествующей.

Возьмемъ для примѣра постепенное сокращеніе неударяемыхъ гласныхъ. Попробуемъ объяснить это явленіе. Прежде всего напомню, что при произнесеніи каждаго звука происходитъ цѣлая группа мышечныхъ движеній (сокращеній), получающихъ импульсы въ мозгу, въ соотвѣтствующей группѣ артикуляціонныхъ центровъ, черезъ посредство нервовъ. Теперь представимъ себѣ положеніе неударяемаго гласнаго внутри слова между согласными. Благодаря *упражненію,* импульсы, посылаемые группою артикуляціонныхъ центровъ, соотвѣтствующею согласному, слѣдующему за гласнымъ, происходятъ постепенно раньше и раньше и, такимъ образомъ, промежутокъ времени между ними и импульсами, соотвѣтствующими согласъ-

ному, стоящему передъ гласнымъ, постепенно сокращается. Сказанное весьма легко уяснить себѣ сравненіемъ произношенія съ игрою на музыкальномъ инструментѣ, напр. скрипкѣ, фортепіано и т. п. Кто обучался музыкѣ, тотъ конечно помнитъ, какъ трудно было на первыхъ порахъ дѣлать удары слѣдующимъ пальцемъ вскорѣ послѣ удара предшествующаго пальца и какъ по мѣрѣ упражненія удавалось дѣлать одинъ ударъ постепенно скорѣе послѣ другаго. Въ рѣчи всякое слово начинается съ извѣстнаго уложенія, за которымъ слѣдуетъ второе; работа этого послѣдняго необходимо должна сближаться съ предшествующей, такъ же какъ работа дальнѣйшаго уложенія съ этимъ вторымъ и т. д. Изъ всего сказаннаго ясно видно, что для пониманія явленій рѣчи мы должны переноситься своимъ воображеніемъ въ область головнаго мозга, откуда идутъ импульсы для произношенія звуковъ. Но если бы сокращеніе гласныхъ происходило только въ силу закона упражненія, то оно совершалось бы равномѣрно. Между тѣмъ сокращеніе это происходитъ, какъ мы видѣли, неравномѣрно, сообразно положенію неударяемаго гласнаго относительно ударенаго слога, въ зависимости отъ группъ согласныхъ, окружающихъ гласный, и т. п. Такимъ образомъ, разсматривая звуковыя явленія рѣчи и переносясь мыслью, для пониманія ихъ, въ область головнаго мозга, мы не должны забывать и о механической сторонѣ органа рѣчи, о его такомъ, а не другомъ устройствѣ [1]). Предположимъ, что въ произношеніи даннаго поколѣнія гласные звуки постепенно сокращались. Слѣдующее поколѣніе пріобрѣтаетъ (усваиваетъ) рѣчь отъ предъидущаго поколѣнія въ той фазѣ развитія, до которой довело это поколѣніе, и затѣмъ само развиваетъ про-

---

[1]) Церковные чтецы, какъ каждый конечно замѣчалъ, читаютъ весьма быстро. Законъ упражненія проявляется и при этомъ чтеніи. Дѣло доходитъ до того, что чтецы „проглатываютъ“ цѣлые слоги: у нихъ, какъ говорятъ, — „языкъ примололся“.

изношеніе далѣе. Наконецъ, неударяемые гласные въ устахъ какого-нибудь поколѣнія становятся уже столь краткими, что слѣдующее поколѣніе, усвапвая произношеніе отъ предъидущаго, можетъ ихъ *не дослышивать*, а потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже вовсе не будетъ произносить гласнаго звука.

Подобнымъ же образомъ происходитъ сокращеніе и исчезновеніе гласныхъ безъ ударенія въ началѣ и концѣ слова.

Выше я уже имѣлъ случай говорить о значеніи различія словъ одинокихъ и имѣющихъ родство, о вліяніи аналогіи, о вліяніи логическаго ударенія. Теперь же я обращу вниманіе читателя на *вліяніе географическихъ условій и другихъ внѣшнихъ факторовъ.*

Зная о вліяніи каждаго отдѣльнаго произношенія на развитіе рѣчи, мы естественно приходимъ къ мысли, что *чѣмъ больше случаевъ произношенія, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ быстрѣе должно развиваться произношеніе.* На число же случаевъ соприкосновенія людей оказываютъ большое вліяніе внѣшніе факторы. Такъ, въ странахъ суроваго сѣвера число случаевъ соприкосновенія, вѣроятно, меньше, чѣмъ въ солнечныхъ странахъ юга. Если мы сравнимъ вокализмъ сѣверно-великорусскихъ и южно-великорусскихъ говоровъ, то замѣтимъ, что въ первыхъ вокализмъ представляетъ болѣе раннюю фазу развитія, нежели въ послѣднихъ.

Если наше произношеніе развивается благодаря са́мому произношенію, то нужно принять во вниманіе то, что рѣчь человѣка находится въ связи съ его *характеромъ* (человѣкъ молчаливый и говорливый и т. п.); характеръ же человѣка развивается подъ вліяніемъ семьи и вообще окружающей среды. Характеръ послѣднихъ въ свою очередь слагался подобнымъ же образомъ, и т. д. Такимъ образомъ для нашего ума представляется безконечная сложность и непрерывность явленій. Далѣе, мы говоримъ то или другое сообразно встрѣчающимся *обстоятельствамъ.*

Тотъ или другой разговоръ обусловливаетъ соотвѣтствующее развитіе нашей рѣчи. И т. п.

Разсмотрѣвши факторы, вліявшіе на измѣненія неударяемыхъ гласныхъ русскаго языка, я постараюсь теперь *въ синтетическомъ обзорѣ очертить роль каждаго изъ факторовъ въ ихъ совмѣстномъ дѣйствіи*, продуктомъ котораго является современное состояніе гласныхъ безъ ударенія въ русскомъ языкѣ.

Благодаря ударенію, слово дѣлится на двѣ различныя части — ударяемую и неударяемую. Первая изъ нихъ — сильная, вторая — болѣе или менѣе слабая. Это различіе ударяемой и неударяемой части слова, какъ сей-часъ увидимъ, обусловливаетъ различіе въ измѣненіи гласныхъ звуковъ въ той и другой части.

Можно подмѣтить, такъ сказать, *два теченія* въ измѣненіи гласныхъ русскаго языка: одно начинается въ самомъ сильномъ слогѣ (ударяемомъ) и ослабѣваетъ, приближаясь къ самому слабому слогу; другое, наоборотъ, начинается въ самомъ слабомъ слогѣ и ослабѣваетъ, приближаясь къ самому сильному слогу. Первое теченіе характеризуется *вліяніемъ на гласный твердости и мягкости послѣдующаго согласнаго*, второе же теченіе — *предыдущаго согласнаго*. Для примѣра укажу на переходъ *е́* (=ст.-сл. є, ь) въ общерусскомъ языкѣ передъ *слѣдующимъ* твердымъ согласнымъ въ *о́* и на большее съуживаніе передъ мягкимъ согласнымъ; ср. jо́лкъ̀ (елка) || jє́л’ (ель). Подобное измѣненіе, но только въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка, встрѣчается также въ слогѣ, занимающемъ по силѣ произношенія среднее положеніе между сильнымъ и слабымъ слогами, именно — въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному: н’осу́ (несу) || н’є-с’і́ (неси). Въ слабыхъ же положеніяхъ (во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова) разсматриваемое вліяніе слѣдующаго согласнаго уже не замѣчается; но за то здѣсь проявляется вліяніе твердости и мягкости *предшествующаго* согласнаго: развитіе *з* послѣ твер-

дыхъ согласныхъ и ъ — послѣ мягкихъ согласныхъ; ср. зъдава́т' (*за*давать) || п'ьтака́ (пятака). Въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному такое измѣненіе сказывается уже слабѣе; ср. зада́т' (*за*дать) || п'эта́к (пятакъ). Сюда же слѣдуетъ отнести вліяніе шипящихъ звуковъ, напр. ч'эсы́ (*ча*сы); изъ нихъ только *ч* сохраняетъ еще свою мягкость, *ш* и *ж* уже отвердѣли, но произведенное ими вліяніе на гласный сохранилось. Въ слогѣ ударенномъ разсматриваемое вліяніе совершенно ослабѣваетъ; ср. за́т (*за*дъ) || п'а́тъj (пятый). Впрочемъ, можно указать случай, гдѣ мягкость согласнаго, стоящаго передъ гласнымъ ударенаго слога, помогаетъ вліянію слѣдующаго за этимъ гласнымъ мягкаго согласнаго; ср. произношеніе п'а́'т' (пять), а въ нѣкоторыхъ говорахъ—п'э́т' (пять), но п'а́тъj (пятый).

Направленіе въ измѣненіи гласныхъ звуковъ въ слабыхъ слогахъ, въ противоположность сильному слогу, можно охарактеризовать, какъ *индифферентное направленіе* или *ослабленіе;* ср. уменьшеніе ширины раствора рта до индифферентнаго, измѣненіе *о* въ *а*, развитіе *ъ* и *ь*, сокращеніе гласныхъ и ослабленіе ихъ сонорности.

Неударяемые гласные въ разныхъ *положеніяхъ относительно ударенаго слога* имѣютъ не одну и ту же устойчивость при измѣненіяхъ въ индифферентномъ направленіи: слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, является наиболѣе сильнымъ, а слѣдовательно и наиболѣе устойчивымъ изъ неударяемыхъ слоговъ.

Направленіе въ измѣненіи гласныхъ звуковъ зависитъ не только отъ нахожденія гласнаго въ ударенной или же неударенной части слова въ томъ или другомъ положеніи относительно ударенія, но также: 1) отъ *природы самаго гласнаго звука* (это, такъ сказать,— спонтанеическая сторона измѣненія); такъ, напр., переходъ съуженія губъ въ индифферентное положеніе имѣетъ мѣсто не при всѣхъ гласныхъ, а только при тѣхъ, которымъ свойственна такая работа губъ *(о, у);* 2) отъ *природы сосѣднихъ звуковъ* (комбинаціонная сторона измѣненія); ср. вліяніе твердости и мягкости предшествующихъ и послѣдующихъ со-

гласныхъ и развитіе ъ и ь, ослабленіе сонорности гласныхъ въ зависимости отъ степени сонорности или же отъ глухости соприкасающихся звуковъ.

Ослабляясь, гласные становятся лишь *переходнымъ моментомъ* отъ уложенія предшествующаго согласнаго къ послѣдующему. На этой стадіи ослабленія гласные, въ зависимости отъ разной удобосочетаемости окружающихъ согласныхъ между собою, являются *болѣе или же менѣе замѣтными для слуха* и при благопріятныхъ условіяхъ исчезаютъ. Этой же фазѣ развитія свойственно возникновеніе *слогообразующихъ согласныхъ* [1]).

Если второму слогу передъ удареніемъ предшествуетъ еще слогъ и въ обоихъ ихъ гласные ослабли до степени ъ и ь, то *дальнѣйшему ослабленію гласныхъ* въ обоихъ слогахъ *препятствуетъ накопленіе согласныхъ*, окружающихъ эти гласные и весьма близко подходящихъ другъ къ другу. При такихъ условіяхъ продолжаетъ ослабляться гласный только одного изъ этихъ слоговъ, именно — втораго передъ удареніемъ, и это *ослабленіе вызываетъ усиленіе* слабаго гласнаго другаго слога (третьяго передъ удареніемъ); ср. п'ър'б'ӕру́ (переберу), кълка̊ла́ (кокола). Въ русской фонетикѣ я усматриваю еще слѣдующее аналогичное этому явленіе: когда слово оканчивалось на ŭ (ъ) или на ĭ (ь) и такой же гласный имѣлся въ предъидущемъ слогѣ, то продолжаетъ далѣе ослабляться только одинъ изъ нихъ, именно — конечный; гласный же предъидущаго слога подъ вліяніемъ этого ослабленія усиливается; ср. палецъ (**пальць**), робокъ (**робъкъ**).

Аналогичнымъ образомъ *группы согласныхъ звуковъ* служатъ поддержкой для конечныхъ неударенныхъ гласныхъ; ср. со́хн'ĭ (сохни) || д'в'і́н' (двинъ). Сходнымъ обра-

---

[1]) Подобную фазу развитія уже проходили всѣ индогерманскіе языки; русскій языкъ представляетъ въ данномъ случаѣ возобновленіе процесса. Въ жизни языковъ, такимъ образомъ, одинъ и тотъ же процессъ можетъ повторяться, разумѣется — при нѣкоторыхъ иныхъ условіяхъ, а потому и съ нѣкоторыми особенностями.

зомъ при ослабленіи краткихъ і (ь) и u (ъ) группы согласныхъ не только препятствовали дальнѣйшему ослабленію этихъ гласныхъ, но даже вызвали усиленіе (расширеніе) ихъ; ср. мудреца || пальца.

Послѣдняя стадія ослабленія гласныхъ звуковъ — *исчезновеніе* ихъ. Разсматриваемыя нами измѣненія гласныхъ звуковъ совершались и совершаются по безконечно малымъ толчкамъ; поэтому, какъ бы мало ни былъ замѣтенъ гласный, онъ долженъ былъ бы и далѣе подобнымъ же образомъ, т. е. лишь необыкновенно медленно, продолжать ослабляться. Но такъ какъ *чувство слуха не безпредѣльно*, то слушающій можетъ не дослышивать слабые гласные звуки и затѣмъ уже вовсе не произносить ихъ. Здѣсь, такимъ образомъ, при ослабленіи гласныхъ звуковъ происходитъ нѣкоторый скачекъ.

Впрочемъ въ извѣстныхъ случаяхъ слушающій, хотя бы и не дослышалъ слабаго гласнаго, но самъ будетъ произносить его, возсоздавая *по аналогіи;* ср. не знаю || не знай. Здѣсь мы видимъ различіе *словъ одинокихъ* и *имѣющихъ родичей*, въ которыхъ соотвѣтствующій гласный произносится болѣе или менѣе сильно и можетъ препятствовать исчезновенію слабаго гласнаго.

До сихъ поръ мы еще не видѣли фактора, который былъ бы, такъ сказать, основнымъ двигателемъ звуковыхъ измѣненій. Факторъ этотъ—*упражненіе* или *вліяніе каждаго отдѣльнаго произношенія*. Благодаря упражненію, произношеніе измѣняется по безконечно малымъ толчкамъ, въ зависимости отъ одновременнаго дѣйствія разныхъ другихъ факторовъ (напр., въ одномъ положеніи гласный измѣняется быстрѣе, въ другомъ — медленнѣе, въ томъ или другомъ направленіи и т. п.).

Слѣдуетъ еще указать на то, что звуковыя измѣненія происходятъ въ *живой, связной рѣчи;* ср. довольно сильное произношеніе конечныхъ неударяемыхъ гласныхъ передъ ударенным начальнымъ слогомъ слѣдующаго слова, вліяніе логическаго ударенія.

Далѣе, на характеръ звуковыхъ измѣненій вліяютъ

географическія условія и другіе внѣшніе факторы *(факторъ діалектологическій)*. Дѣйствіе этихъ факторовъ проявляется въ томъ, что въ разныхъ говорахъ измѣненія звуковыя совершаются при одномъ и томъ же направленіи не одинаково медленно, или же въ разномъ направленіи.

Изслѣдуемымъ нами измѣненіямъ подвергаются всѣ слова, въ которыхъ одинаковые гласные находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, къ какимъ бы морфологическимъ категоріямъ ни принадлежали эти слова. Исключенія встрѣчаются, какъ мы видѣли, только въ той фазѣ развитія, когда гласные исчезаютъ.

Благодаря различію въ измѣненіи одного и того же первоначально гласнаго звука, но въ разныхъ условіяхъ, возникаютъ чередованія гласныхъ звуковъ, всегда связанныя съ морфологическими категоріями, такъ какъ составляютъ часть флексіи, resp. словопроизводства; это—дивергенція (расходящееся движеніе) гласныхъ звуковъ. Кромѣ того, измѣнясь, гласные, прежде бывшіе разными, могутъ совпасть; это — конвергенція (сходящееся движеніе). Какъ дивергенція, такъ и конвергенція могутъ влечь за собою образованія по *аналогіи*. Вслѣдствіе такихъ аналогическихъ перенесеній (распространеній) происходятъ измѣненія въ морфологическихъ системахъ языка. Что же касается звуковой стороны, то аналогическія образованія всегда состоятъ изъ звуковъ и сочетаній звуковъ свойственныхъ данной фазѣ развитія; это относится ко всѣмъ вообще образованіямъ въ языкѣ и, между прочимъ, — къ вновь создаваемымъ словамъ и словамъ заимствуемымъ (говорю о простонародномъ заимствованіи), которыя, ставши въ то или другое время достояніемъ языка, продолжаютъ развиваться въ звуковомъ отношеніи совмѣстно съ однородными словами, унаслѣдованными отъ прежняго времени. Только въ заимствованныхъ словахъ, если они не попали путемъ народной этимологіи въ семью словъ, могущую поддержать въ нихъ слабые гласные звуки, эти послѣдніе легко исчезаютъ, а кромѣ того въ такихъ словахъ легко происходятъ акустическія замѣны однихъ звуковъ

другими, какъ это вообще имѣетъ мѣсто въ одинокихъ словахъ.

Другимъ факторомъ (т. е. кромѣ акустическаго или слуховаго), производящимъ исключенія, является *книжное вліяніе,* благодаря которому рядомъ съ обыкновеннымъ произношеніемъ, свойственнымъ данной фазѣ развитія, встрѣчается произношеніе, требуемое орѳографіей, хотя бы оно и не было свойственно данной фазѣ.

Въ заключеніе настоящаго параграфа я представлю перечень *направленій* и *факторовъ* измѣненія неударяемыхъ гласныхъ русскаго языка.

Направленія въ измѣненіи гласныхъ безъ ударенія мы прослѣдимъ въ порядкѣ и въ отношеніи отдѣльныхъ частей органа рѣчи:

1) *Дыхательный аппаратъ.* Ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ выражается здѣсь уменьшеніемъ силы выдыханія. Но происходитъ ли въ замѣнъ этого уменьшенія усиленіе выдыханія при произнесеніи ударяннаго слога того же слова, пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго [1]).

---

[1]) Если мы будемъ производить измѣненія (количественныя) въ ударѳніи и наблюдать за гласнымъ, то оказывается слѣдующее.

Будемъ произносить, напр., слово „года́“, выговаривая ударенный слогъ съ каждымъ разомъ болѣе сильно. При этомъ опытѣ мы замѣчаемъ, что съ усиленіемъ ударяннаго слога ослабѣваетъ неударенный слогъ, такъ что, наконецъ, неударяемый гласный вовсе не произносится.

И такъ, усиленіе ударяннаго слога производитъ ослабленіе неударяннаго.

Можно возразить, что въ нашемъ опытѣ, наоборотъ, ослабленіе неударяннаго слога усиливаетъ ударенный.

Будемъ произносить слово „года́“, выговаривая неударенный слогъ съ каждымъ разомъ болѣе слабо. Что же? ослабленіе неударяннаго слога не вызываетъ усиленія въ ударенномъ.

Впрочемъ, на основаніи этихъ *опытовъ* мы еще не въ правѣ строить заключенія относительно *историческаго* хода развитія языка.

Впрочемъ, такіе случаи, какъ „п'ьр'б'æру́“ (переберу), показываютъ, что съ ослабленіемъ втораго слога передъ ударенiемъ взамѣнъ усиливается третій слогъ передъ ударенiемъ, если таковой имѣется.

2) *Гортань.* Съ ослабленіемъ неударяемыхъ гласныхъ понижается высота и уменьшается сила голосоваго тона. Въ слабыхъ положеніяхъ ходъ ослабленія звонкости находится въ зависимости отъ степени сонорности сосѣднихъ согласныхъ, а при глухихъ согласныхъ слабый гласный можетъ даже совсѣмъ не имѣть звонкости, произносясь глухо; ср. ра́нӑ || ры́бӑ || р'ǽпӑ.

3) *Мягкое небо.* За неимѣніемъ наблюденій, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Впрочемъ, такъ какъ ослабленіе силы выдыханія влечетъ за собою ослабленіе силы артикуляціи органовъ произношенія, то можно предполагать, что при ослабленіи гласныхъ уменьшается напряженность и мягкаго неба.

4) *Раскрытіе рта.* Раскрытіе рта производится мышцами, осаждающими нижнюю челюсть, а закрытіе — мышцами, поднимающими ее. При ослабленіи неударяемыхъ гласныхъ болѣе широкій растворъ рта постепенно уменьшается до индифферентнаго.

5) *Органы произношенія.* Органами произношенія являются, какъ мы знаемъ, *губы* и *языкъ*. Устраненіе (разслабленіе) губнаго съуженія при неударяемыхъ *о* и *у*, происходяще совмѣстно съ ослабленіемъ дѣйствія задней части языка. Такіе случаи, какъ „п'эта́к“, „п'ьтака́“, „зґдава́т'“, представляютъ перемѣны въ артикуляціи языка. При этомъ большее приближеніе средней или задней части языка къ небу стоитъ въ связи съ уменьшеніемъ раствора рта.

Перехожу теперь къ перечню факторовъ. На измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ вліяли слѣдующіе *факторы:*

1) *Удареніе въ словѣ.*

2) *Положеніе неударяемыхъ гласныхъ относительно удареннаго слога.* Мы видѣли, что неударяемые гласные измѣняются соотвѣтственно своему положенію относительно ударенія. Четыре главныхъ неударяемыхъ положеній.

3) *Природа самихъ неударяемыхъ гласныхъ.*

4) *Сосѣдніе согласные звуки.* Въ отношеніи вліянія твердости и мягкости согласныхъ было указано на два теченія, изъ которыхъ одно идетъ отъ слабаго положенія къ сильному, а другое отъ сильнаго къ слабому; развитіе *ъ* и *ь*, стоящее въ зависимости отъ твердости и мягкости предшествующихъ согласныхъ. Согласные вліяютъ и другими своими свойствами: вліяніе сонорности и глухости; вліяніе удобосочетаемости согласныхъ звуковъ, окружающихъ слабый неударенный гласный, на исчезновеніе такого гласнаго; зарожденіе слабыхъ гласныхъ между согласными; поддерживающее значеніе группъ согласныхъ звуковъ при исчезновеніи неударяемыхъ гласныхъ; возникновеніе слогообразующихъ согласныхъ.

5) *Вліяніе сосѣднихъ гласныхъ.* Ср. произношеніе въ нѣкоторыхъ говорахъ „зобод'о́т“ и т. п., гдѣ *зо* стоитъ вм. *за* вслѣдствіе нахожденія *о* въ сосѣднемъ слогѣ.

6) *Упражненіе.* Наше произношеніе измѣняется благодаря самому произношенію, или, другими словами, благодаря упражненію. Вліяніе этого фактора весьма удобно выясняется на сокращеніи гласныхъ. Законъ захожденія работъ сводится къ этому фактору, являющемуся главною движущею силою при физіологическихъ измѣненіяхъ звуковъ.

7) *Акустическій (слуховой) факторъ.* Ограниченность чувства слуха: недослышиваніе слабыхъ гласныхъ звуковъ. Акустическая замѣна однихъ звуковъ сходными другими.

8) *Логическое удареніе и вообще связность рѣчи.*

9) *Морфологическая связь словъ.* Различіе словъ одинокихъ и имѣющихъ родство: въ первыхъ слабые неударенные гласные не гарантированы отъ исчезновенія, въ противоположность словамъ, образующимъ семьи.

10) *Аналогія.* Перенесеніе гласныхъ, черезъ посредство этого психологическаго фактора, изъ однихъ словъ въ родственныя другія.

11) *Книжное вліяніе.*

12) *Факторъ діалектологическій.*

§ 65. Отъ общерусскаго языка перехожу къ обозрѣнію неударяемаго вокализма въ *народныхъ говорахъ* русскаго языка.

Но прежде чѣмъ излагать тѣ или другія подробности, бросимъ бѣглый взглядъ на особенности, представляемыя этими говорами.

Гласный звукъ *о* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ сохраняется во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напр.: годово́j, по́лгода. Впрочемъ, въ тѣхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, которые составляютъ переходъ къ говорамъ акающимъ или южно-великорусскимъ, мы встрѣчаемъ произношеніе: г*а*дово́j, по́лг*а*да, т. е. въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (довольно сильномъ) *о* не измѣнилось, въ слогахъ же слабыхъ *о* измѣнилось въ *а*. Въ акающихъ говорахъ мы уже находимъ измѣненіе *о* въ *а* въ слогѣ довольно сильномъ (непосредственно предшествующемъ ударенному), во второмъ же слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова *а*, образовавшееся изъ *о*, уже измѣняется въ *ъ̆ı̆* (*ъ̆*), напр. гъдав*ъ̆ı̆*j, по́лгъда. Въ западной части южно-великорусскихъ говоровъ, т. е. въ говорахъ бѣлорусскихъ, *ъı* встрѣчаемъ и въ слогѣ довольно сильномъ [1]). Въ малорусскихъ говорахъ неударяемое *о* измѣняется въ другомъ направленіи — въ сторону *у* [2]). Такое измѣненіе наблюдается въ слогахъ, предшествующихъ ударенному.

Гласный *е* въ общерусскомъ языкѣ представляетъ измѣненіе въ *о* только при удареніи передъ твердыми согласными. Въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ *е* измѣни-

---

[1]) По бѣлорусскому нарѣчію можно указать на трудъ К. Ю. Аппеля въ Русскомъ Филолог. Вѣстн. т. III (1880) стр. 197 слѣд. Кромѣ того, недавно появилось сочиненіе Е. Ѳ. Карскаго подъ заглавіемъ: Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва (1886).

[2]) Съ этими двумя направленіями измѣненія *о* въ говорахъ южно-великорусскихъ и малорусскихъ можно сравнить тоже двоякое измѣненіе ō въ говорахъ древне-греческаго языка: ō ⇄ ū, ō ⇄ ā.

лось въ *о* также въ нѣкоторыхъ неударенныхъ положеніяхъ передъ твердыми согласными, а именно — въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному (напр. рёбро), и послѣ ударенія внутри слова (напр. спокоёвъ, поминаётъ); передъ мягкими же согласными въ тѣхъ же неударенныхъ положеніяхъ *е* болѣе или менѣе сохраняется или же измѣняется по направленію къ *і* (напр. нильзя). То обстоятельство, что измѣненіе *е* въ *о* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ имѣетъ мѣсто не только въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному, но также и послѣ ударенія внутри слова, — заставляетъ предполагать, что сѣверно-великорусскіе говоры представляютъ нѣкоторую особенность въ антропофоническомъ строеніи словъ. По крайней мѣрѣ въ вятскихъ говорахъ, по-видимому, кромѣ главнаго ударенія въ словѣ имѣется еще побочное (Nebenaccent), падающее на слогъ слѣдующій непосредственно за ударенным, напр. дѣло̀м [1]). Въ связи съ этимъ побочнымъ удареніемъ и находится, какъ мнѣ кажется, измѣненіе *е* въ *о* послѣ ударенія внутри слова [2]). Такое

---

[1]) Одно лицо изъ Вятчанъ, получившее гимназическое образованіе, къ моему удивленію ошибочно ставило при фонетическомъ письмѣ знакъ ударенія на словахъ. Оказалось, что ошибки эти не были простою случайностью: ударѐніе весьма часто ставилось вмѣсто надлежащаго его мѣста на слогѣ непосредственно слѣдовавшемъ за ударенным.

[2]) Разсматривая переходъ *е* въ *о* въ Новгородской губерніи, проф. Колосовъ (Замѣтки стр. 13) приводитъ слово—успеньйо (успеньё), по поводу котораго замѣчаетъ: „удареніе въ этомъ и подобныхъ, слышанныхъ мною словахъ, падаетъ на послѣдній слогъ". Быть можетъ, на послѣдній слогъ тутъ падаетъ побочное удареніе, или же настоящее удареніе на этомъ слогѣ развилось изъ побочнаго. Тоже съ удареніемъ на концѣ показаны (ib. стр. 14) формы: хотитё, дадитё.— Образованіе побочнаго ударенія произошло въ *сербскомъ* языкѣ; въ этомъ отношеніи сербскій языкъ можно бы сравнить съ нашими вятскими говорами; послѣдніе представляютъ и другія сходства съ сербскимъ языкомъ: они тоже отличаются пѣвучестью и имѣютъ нѣкотораго рода долготу (ср. Колосовъ Замѣтки стр. 219).

измѣненіе въ *о* не свойственно этимологическому *ъ;* слѣд. въ указанныхъ неударяемыхъ условіяхъ рефлексы этимологическихъ *е* и *ъ* различаются, хотя въ другихъ случаяхъ (при мягкости слѣдующаго согласнаго) и совпадаютъ. Смѣшеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ рефлексовъ этимологическихъ *е* и *ъ* является поводомъ къ дѣйствію аналогіи. Такъ, напр., въ формѣ „рѣкѣ“ неударяемое *ъ* передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ произносится такъ же, какъ и неударяемое *е;* отсюда возникаетъ путемъ аналогіи произношеніе „рёка“. Въ южно-великорусскихъ говорахъ въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, передъ твердыми согласными вм. этимологическаго *е* имѣется *'а* (я), напр. зиляно́; это *а* образовалось изъ *е* черезъ посредствующую стадію *о*, такъ что въ этомъ случаѣ южно-великорусскіе говоры представляютъ дальнѣйшую фазу развитія въ сравненіи съ говорами сѣверно-великорусскими. Впрочемъ *'а* (я) встрѣчается въ разсматриваемомъ положеніи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ, и передъ мягкими согласными; такое *а* развилось непосредственно изъ *е*, вслѣдствіе постепеннаго перехода работы средней части языка въ спокойное или индифферентное положеніе, при которомъ и произносится гласный *а*. Что касается малорусскихъ говоровъ, то тамъ этимологическое *е* въ слогахъ, предшествующихъ ударенному, наклонено къ *і*.

§ 66. Обращаюсь къ болѣе подробному разсмотрѣнію неударяемыхъ гласныхъ въ *сѣверно-великорусскихъ* говорахъ.

Главнымъ пособіемъ будетъ мнѣ служить трудъ проф. Колосова, на который я уже указывалъ (см. § 60, въ самомъ началѣ), именно — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Воспользуюсь случаемъ сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно указаннаго труда. Я уже раньше высказалъ (§ 60), что г. Колосовъ не снабжаетъ приводимые имъ

примѣры и образцы знаками ударенія. Отсюда у пользующагося его трудомъ иногда являются недоумѣнія относительно ударенія нѣкоторыхъ словъ, напр.: про́спал или проспа́л (стр. 60)? о́тпёр или отпё́р (стр. 200)? далё́ко или далёко́ (стр. 273)? ви́тнём или витнё́м (стр. 278)? и т. д. Впрочемъ, до какой точности можно дойти при записываніи цѣлыхъ образцовъ, напр. сказокъ и т. п., — сказать не умѣю (ср. выше, въ § 49, мою транскрипцію разсказа „Ось и чека“; но тутъ я записывалъ свое собственное произношеніе, слѣдовательно могъ дойти до любой точности, такъ какъ ничто не заставляло спѣшить; другое дѣло — записывать чужую рѣчь, когда приходится спѣшить записываніемъ разсказываемаго) [1]. Проф. Колосовъ не различаетъ въ своемъ изслѣдованіи главнѣйшихъ неударяемыхъ положеній, отчего его изложеніе неударяемаго вокализма страдаетъ спутанностью. Поэтому въ послѣдующемъ я представляю собственную группировку собранныхъ имъ примѣровъ, при чемъ я просмотрѣлъ также всѣ записанныя авторомъ сказки, чтобы имѣть въ распоряженіи побольше примѣровъ. Далѣе, въ изслѣдованіи г. Колосова мы не находимъ ни одного цѣлостнаго обозрѣнія какого-нибудь сѣверно-великорусскаго говора, но только — примѣры, взятые изъ разныхъ говоровъ того или другаго края, такъ что примѣры эти, сопоставленные вмѣстѣ, принадлежатъ въ этой своей цѣлостности фиктивному, не существующему говору. Изслѣдователь, который пожелалъ бы прослѣдить распредѣленіе фактовъ извѣстнаго явленія на основаніи поименованнаго труда, принужденъ отказаться отъ этого намѣренія. Трудъ проф. Колосова представляетъ, такъ сказать, экстенсивное изслѣдованіе сѣверно-великорусскихъ говоровъ. Въ будущемъ надо ожидать появленія изслѣдованій интенсивнаго характера, спеціальныхъ для отдѣльныхъ говоровъ. Самъ г. Колосовъ сознается въ указанномъ недостаткѣ. „Было бы полезнѣе для дѣла“, говоритъ онъ (l. c. стр. 6), „ограничиться меньшимъ числомъ мѣстностей, избравъ для наблюденія немногіе, типичные по отношенію къ языку, пункты. Но — къ сожалѣнію — я ни отъ кого не могъ получить вѣрныхъ указаній на такія мѣстности“ [2]. Кромѣ то-

---

[1]) Мнѣ кажется, что возможно приспособить *стенографію* къ цѣлямъ научно-фонетическаго записыванія; но пока не сдѣлано еще и попытокъ въ этомъ направленіи.

[2]) Указанные недостатки повторяются и въ послѣдующемъ трудѣ проф. К о л о с о в а: Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго рус. языка (1878). (NB: Въ этомъ

го, авторъ въ представленныхъ имъ образцахъ говоровъ (сказкахъ, пѣсняхъ) весьма нерѣдко пишетъ не фонетически, а подъ вліяніемъ общепринятой орѳографіи [1]). Въ заключеніе обращу вниманіе читателя на то, что въ трудѣ проф. Колосова имѣются частыя ссылки [2]) на извѣстное изслѣдованіе о русскихъ говорахъ В. И. Даля, положенія котораго г. Колосовъ большею частію оспариваетъ.

Новгородская губернія.

а (я).

Неударяемое *а* послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняетъ свое качество во всѣхъ положеніяхъ. Ограничусь приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ: ста*р*и́к (Кол. стр. 59), на*н*има́ет (ib.), до у́тр*а* (60), ду́м*а*ют (ib.) и т. п.

Примѣчаніе 1. Разумѣется, что разнымъ неударенным положеніямъ свойственна неодинаковая степень напряженности и длительности. Но пока еще нѣтъ наблюденій по этому вопросу для сѣверно-великорусскихъ говоровъ.

Примѣчаніе 2. Интересно произношеніе „пороход“ (Кол. стр. 10). Въ этомъ словѣ произносится *о* вм. *а* во второмъ слогѣ передъ ударенiемъ, значитъ въ болѣе или менѣе слабомъ слогѣ, что можно объяснить себѣ вліяніемъ слѣдующаго слога, довольно сильнаго, въ которомъ находится гласный *о:* слогъ непосредственно предшествующій ударенному повліялъ на второй слогъ передъ ударенiемъ.

Что касается до гласнаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, то онъ тоже обыкновенно сохраняетъ свое качество въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ (впрочемъ, я не

трудѣ, на стр. IV—VI, представленъ перечень источниковъ, изъ которыхъ авторъ почерпалъ данныя).

[1]) На такія погрѣшности записывателей жаловались и другіе изслѣдователи, напр. A. Leskien въ статьѣ — Ueber den dialekt der russischen volkslieder des gouvernements Olonec (Beiträge zur vergl. Sprachvorsch. VI. 1870. 153), да и самъ г. Колосовъ говоритъ объ этомъ (l. c. стр. 40, сноска); ср. также А. Потебня Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи (Перепечатано изъ Фил. Зап. 1870 г.) 1871. 8—11.

[2]) См. стр. 16, 18, 21, 217, 218, 220, 222, 229, 285, 287, 288, 289, 293, 294, 296, 297, 303, 335.

встрѣтилъ ни одного примѣра для втораго слога передъ удареніемъ); напр. *въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному*—взяла (Кол. стр. 63), взглянула (65), является (61), нарядись (ib.), нарядили (64), поглядили (62), зятья (65); *въ концѣ слова*—зятя (64), время (65), продажная (ib), остался (ib); *послѣ ударенія внутри слова*—на ко́нях (61), ѣздят (ib.).

Примѣчаніе 3. Послѣ мягкихъ согласныхъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному встрѣчаемъ *е* вм. *а* въ слѣдующихъ примѣрахъ (Кол. стр. 16): чешша (чаща, ст.-сл. **ЧАШТА**), крени (т. е. трогай, двигай; вм. кряни, ср. ст.-сл. **КРАНЖТИ, КРАТАТИ**) [1]).

о.

Гласный *о* сохраняетъ свое качество во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ; напр. сыновей (Кол. 59); богатырским (60); доброво (61, 78); И. В. ед. муж. — которой (60), новой (72), желѣзной (78), доброй, широкой (ib.) и т. п. [2]). „Сохраненіе неударяемаго *о* выдерживается на пространствѣ всей новгородской губерніи. Даже спорадическихъ случаевъ перехода *о* въ *а* мнѣ не встрѣтилось“ за исключеніемъ собственныхъ именъ: Расея, Расейских (Кол. стр. 9), объяснимыхъ вліяніемъ акающихъ говоровъ.

Изъ особенныхъ случаевъ отмѣтимъ произношеніе „севóгуду“ (стр. 10), гдѣ вм. *о* имѣется соотвѣтствующій узкій гласный *у*. Явленіе это аналогично разсмотрѣнному нами выше („пороход“); только здѣсь явленіе имѣетъ мѣсто послѣ ударенія; вліяющимъ является гласный *у* окончанія.

---

[1]) Оба слова у г. Колосова не снабжены знакомъ ударенія. Впрочемъ, въ сосѣдней—Олонецкой губерніи слово „чаща“, тоже произносимое какъ чешша (Кол. 121), имѣетъ удареніе на конечномъ слогѣ (см. Кол. 123).

[2]) На стр. 60 три раза встрѣчается написаніе „вёшнъій“ (или „вешный“), въ которомъ, надо думать, *ъі* написано не фонетически, а подъ вліяніемъ орѳографіи вмѣсто *о*.

е.

1) Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ *е* измѣнилось въ *о;* напр. *ёво*, *слёза*, *вёсна*, *сёстра*, горёвать (Кол. стр. 13, 14) [1]). Передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ имѣется въ этомъ положеніи *е*, напр.: *земель*, тридесятое, привезёш (ib. стр. 75).

2) Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ *е* сохраняется, напр.: вознегодовал (74), пепелок (82), жеребец (85). Особенность представляетъ слово „чоловѣческим“ (81), въ которомъ имѣется *о* вм. *е* въ разсматриваемомъ положеніи. Ежели въ этомъ положеніи *е* вообще не измѣнилось въ *о* при слѣдующемъ твердомъ согласномъ, то стало быть нужно различать второй слогъ передъ удареніемъ отъ слоговъ, стоящихъ послѣ ударенія внутри слова, въ которыхъ наблюдается явленіе перехода *е* въ *о* при слѣдующемъ твердомъ согласномъ (такъ что въ этомъ отношеніи говоръ новгородской губерніи отличается отъ общерусскаго языка, гдѣ гласный послѣ ударенія внутри слова отражается такъ же, какъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ). А быть можетъ и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ имѣется переходъ *е* въ *о* передъ твердыми согласными подобно вышеприведенному слову „чоловѣческим“? (Ср. ниже то же неударяемое положеніе въ Олонецкой губ.).

3) Такой примѣръ, какъ „полѐ“ (стр. 80), представляетъ *о* вм. неударяемаго *е* въ концѣ слова. Но здѣсь остается пока открытымъ вопросъ, явилось ли *о* въ данномъ положеніи путемъ фонетическимъ, или же подъ вліяніемъ аналогіи. (См. также Кол. стр. 13, 14).

4) Послѣ ударенія внутри слова передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ произносится *ё*, напр.: бочёк (73), будёт (65), плачёт (84), скажёт 72) [2]), воёт (14). Что же

---

[1]) На стр. 60 встрѣчаемъ написаніе „севодни“, въ которомъ, вѣроятно, буква *е* написана вм. *ё*.

[2]) Это написаніе не вполнѣ фонетическое; по-настоящему, слѣдовало бы написать „скажот“, вслѣдствіе твердаго произношенія *ж*, о чемъ см. ib. стр. 19.

касается до такихъ случаевъ, какъ — сымёш (73), доѣдёш (78), то тутъ представляется два объясненія: или *е* измѣнилось въ *о*, когда *ш* уже отвердѣло, или же *о* явилось по аналогіи къ формамъ 3 ед. и 1 мн. того же времени. Первое предположеніе устраняется тѣмъ, что измѣненіе *е* въ *о* совершилось раньше отвердѣнія *ш* и *ж*, какъ свидѣтельствуетъ исторія языка. — Передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ въ разсматриваемомъ положеніи *е* сохраняется, напр. въ И. В. ед. мягкаго сложнаго склоненія прилагательныхъ, — третей. Въ одномъ примѣрѣ въ данномъ положеніи встрѣчаемъ *и*, именно въ словѣ „красавиц“ (62), быть можетъ, по аналогіи (↑) къ „красавица“.

ъ.

Что касается до *ъ*, то гласный этотъ во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ отражается какъ *э*, вовсе не переходя въ *о*. — Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, въ одномъ примѣрѣ встрѣчаемъ *и*: „поизжаит“ (Кол. стр. 15). Гласный *и* въ этомъ словѣ можно объяснить аналогіей къ такимъ родственнымъ словамъ, какъ „съиздить“.

у, ы, і.

Гласные *у, ы, і* безъ ударенія не представляютъ качественныхъ измѣненій.

Олонецкая губернія.

а (я).

Гласный *а* послѣ твердыхъ согласныхъ во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ сохраняетъ свое качество.—Какъ особенный случай можно отмѣтить слово „ок*о*янной“ (Кол. 119), гдѣ въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ имѣется *о* вм. *а*, быть можетъ—подъ вліяніемъ предъидущаго *о*.

Послѣ мягкихъ согласныхъ (j, ч) встрѣчаемъ измѣненіе *а* въ *е* въ слогѣ, непоср. предш. ударенному, напр. *е*вились (194), *е*вляется (197), чешш*е́* (121).

о.

Гласный *о* сохраняется во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ.

е.

Хотя проф. Колосовъ и говоритъ, что „*е* въ *ё* переходитъ въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ новгородской губерніи“ (стр. 120), однако съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Замѣчаніе его вѣрно лишь въ общемъ, т. е. явленіе имѣетъ мѣсто въ тѣхъ же неударяемыхъ положеніяхъ и тоже слѣдующій согласный долженъ быть твердымъ (при слѣдующемъ же мягкомъ согласномъ *е* сохраняется), какъ это имѣетъ мѣсто и въ Новгор. губ., но распредѣленіе явленія по морфологическимъ группамъ въ томъ и другомъ краѣ не вполнѣ одинаково.

1) Въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному: *ё*во (187), своё*му* (ib.), калё*ну* стрѣлу (120), жо*ну* (197) || заведите, привели, принесли (187). Особенность

представляетъ слово „с *ри*бятами“ (119). Не переходитъ ли въ олонецкихъ говорахъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному передъ мягкимъ согласнымъ *е* въ *и*, подобно тому, какъ такое же явленіе мы наблюдали при ударенiи (§ 60). Что касается слова „тр*и*ми“ (188), то въ немъ *и* могло явиться по аналогіи (↑) къ „тр*и*“.

2) Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ является *е*, напр.: целовѣческих (191), *пере*мѣ́ните (187), *пере*текаёт (197). Въ одномъ случаѣ мнѣ встрѣтилось и въ этомъ положеніи *ё*—„тёсаками“ (191). Эту особенность можно объяснить аналогіей къ формѣ И. ед. того же слова, т. е. *о* явилось по аналогіи къ слогу непосредственно предшествующему ударенному; *о* могло распространиться путемъ аналогіи на второй слогъ передъ удареніемъ, потому что гласный *о* (этимологическое *о*) свойственъ этому положенію, возможенъ въ немъ. Впрочемъ, не свойственно ли измѣненіе *е* въ *о* и второму слогу передъ удареніемъ при слѣдующемъ твердомъ согласномъ?

3) Въ концѣ слова: платьё (120), ретивоё (192). Случай, который не встрѣтился въ Новгородской губерніи,— „бери ты желѣзныё лапти“ (199).

4) Послѣ ударенія внутри слова: утиральницёк (199), ступаёт, накладываёт (120), настигаёт (191), перетекаёт (197), ѣдёт (191), пàхнёт (195) ‖ третей (189). Нужно также отмѣтить формы: будёш (120), требуёш (198). Такія формы, какъ „заднёё“ (198), объяснимы аналогіей къ соотвѣтствующему твердому склоненію. Такіе случаи, какъ— знаит, скушаит (119), возникли подъ вліяніемъ аналогіи ко второму спряженію (черезъ посредство повелит. и 1 ед. наст.; ср. сто́ю : зна́ю = стой : знай = сто́ит : х; х = знаит). Нужно отмѣтить еще случаи, въ которыхъ имѣется *е* вм. ожидаемаго *ё* — вывел, нисшево (197). Быть можетъ, здѣсь *е* имѣетъ значеніе буквы *ё*, какъ это бываетъ въ орѳографіи. Далѣе, вмѣсто *е* встрѣчается также *я:* чаям, кучяр (119). Форму „чаям“ можно объяснить аналогіей къ Дательн. множ. черезъ посредство прилагательныхъ.

Форму „кучяр“ (сказка N 6, но ib. и кучер)—подстановкой особаго суффикса.

ѣ.

Вм. *ѣ* встрѣчается *и* въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными: од*и*яло, д*и*тей, л*и*нив, св*и*тает (120), м*и*нéть (т. е. мѣнять, 121). Впрочемъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ затрудненіемъ отдѣлить позднѣйшія измѣненія отъ древняго этимологическаго чередованія *ѣ* || *и* и отъ образованій по аналогіи (ср. § 60).

Архангельская, Волог. и Пермск. губ.

а (я).

Гласный *а* послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняется во всѣхъ неударяемыхъ положеніяхъ.

Послѣ мягкихъ согласныхъ встрѣчается *е* вм. неударяемаго *а*. Больше всего примѣровъ у г. Колосова (стр. 326) находимъ для слога, непосредственно предшествующаго ударенному: *е*гненок (**игна**), *е*дро (**идро**), *е*йцо (**ийцє**), *е*ишница, *е*мской, *е*звить (**извити**), *е*чмень (**ячьмъ**), везать (**казати**), угледать (**гледати**), *е*бой (**рабъ**), крежи. Примѣры для слога втораго передъ удареніемъ: *е*ровой (**яръ**=весна), чесовой (**часъ**). Послѣ ударенія внутри слова: віеть (**вѣяти**), сіеть (т. е. сѣять, **сѣяти**), заец (**заяць**).

Примѣчаніе 4. Разсматривая примѣры, въ которыхъ имѣется *а* вм. *е* въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному, мы замѣчаемъ, что явленіе это имѣетъ мѣсто не только передъ мягкими согласными, но также и передъ твердыми. Стало быть, разсматриваемое явленіе, какъ и въ общерусскомъ языкѣ, въ данномъ неударяемомъ положеніи отличается отъ соотвѣтствующаго явленія въ ударенномъ слогѣ, разсматривавшагося нами въ предъидущей главѣ (§ 60) [1]).

---

[1]) Но такъ ли это? Возьмемъ, напр., слово „ребой“. Быть можетъ, явленіе развилось только при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ—„ребить“, а затѣмъ путемъ аналогіи распространилось и на „ребой“. Для рѣшенія вопроса нужно поис-

Мы видѣли, что при ударенiи такое измѣненiе имѣетъ мѣсто только передъ мягкими согласными. Такимъ образомъ, въ слогѣ ударенномъ данное явленiе возникло при совокупномъ дѣйствiи двухъ условiй — мягкости предъидущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдующаго согласнаго; между тѣмъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному оно является возможнымъ при дѣйствiи одного изъ этихъ условiй, именно мягкости предшествующаго согласнаго. Впрочемъ, возможно, что указанное различiе лишь кажущееся. Быть можетъ, что и въ разсматриваемомъ неударяемомъ положенiи явленiе возникло не одновременно при слѣдующемъ твердомъ и мягкомъ согласномъ, сначала — передъ мягкими согласными, а затѣмъ — и передъ твердыми. Въ такомъ случаѣ возможно, что въ будущемъ и въ ударенныхъ слогахъ образуется однородное измѣненiе нашего гласнаго передъ согласными твердыми. Тогда изслѣдователю будетъ казаться, что и въ ударенныхъ слогахъ разсматриваемое явленiе возможно при дѣйствiи лишь одного условiя—мягкости предшествующаго согласнаго. Но каково бы ни было различiе, все же оно есть; значитъ, мы имѣли основанiе обособить случаи, гдѣ явленiе имѣетъ мѣсто при ударенiи, въ особую главу (VI). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать упрекъ г. Колосову, что онъ совершенно игнорировалъ это различiе [1]).—Что касается до происхожденiя (этимологiи) этого *а*, измѣнившагося въ *е*, то г. Колосовъ замѣчаетъ: „изъ этихъ примѣровъ видно, что *е* изъ *а* послѣ означенныхъ звуковъ независимо отъ того, есть ли это *а* (*я*) основное, или стоитъ оно на мѣстѣ **ѧ**“ (ib.). Однако нельзя не указать на представляющееся здѣсь затрудненiе. Внутри слова послѣ шипящихъ и j вмѣсто *ъ* въ общерусскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ *а*; но, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ, равно какъ и въ разсматриваемомъ краѣ, имѣется *ъ*, т. е. теперь уже звукъ *е*, и въ этихъ условiяхъ. Словомъ, затрудненiе сводится къ трудности рѣшить, имѣемъ ли дѣло съ

кать такихъ примѣровъ, гдѣ бы не было такой двойственности условiй, но за гласнымъ слѣдовалъ бы только твердый согласный, напр. „*е*гненок“. Едва ли можно возразить относительно этого слова, что все же за твердымъ согласнымъ слѣдуетъ мягкiй, который и могъ вліять.

[1]) Подобнымъ же образомъ г. Колосовъ игнорировалъ различiе ударенности и неударенности, разсматривая случаи *и* вм. *ъ*.

позднѣйшимъ явленіемъ, или же съ болѣе древнимъ чередованіемъ *ъ* || *а*.

о.

„Звукъ *о*, спорадически, какъ и въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія, смѣняется на *а*. По преимуществу замѣчается эта смѣна въ словахъ иноземныхъ, видимо въ такой формѣ занесенныхъ на сѣверъ изъ области южнаго нарѣчія: *а*фицер, м*а*нах [1]), с*а*лдат, к*а*нтора“ (стр. 316).

Что же касается туземныхъ словъ: к*а*рап, к*а*рапь, пар*а*ход, то авторъ видитъ здѣсь случаи ассимилирующаго вліянія послѣдующаго гласнаго на предъидущій и наоборотъ (стр. 316—317). Не правильнѣе ли однако предположить, что произношеніе и этихъ словъ занесено изъ акающихъ говоровъ.

„Во многихъ мѣстахъ архангельской, пермской и вологодской губерній въ род. ед. прил. — ава вмѣсто ово“ (стр. 317).

„*О* на *у* смѣняется очень рѣдко: *у*гурцы, б*у*тинки“ (318). Въ первомъ примѣрѣ можно усматривать вліяніе послѣдующаго гласнаго, а во второмъ примѣрѣ — предъидущаго губнаго согласнаго. Для того и другаго случая имѣетъ важность близость неударенаго *о* къ *у*, такъ какъ здѣсь *о* не имѣетъ оттѣнка *а*.

е.

„Переходъ *е* въ *ё* совершается часто. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, можно было бы [2]) привести примѣры

---

[1]) Нужно принять въ расчетъ, что еще въ древне-русской письменности въ корнѣ этого слова пишется *а* (согласно съ тогдашнимъ византійскимъ произношеніемъ); см. Смирновъ А., Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцевъ народной рѣчи. Пособіе при изученіи исторіи русскаго языка. 1882. стр. 14 — **въ манастырь** (въ Записи при Юрьевскомъ Евангеліи, послѣ 1119 г.), стр. 15 — **въ манастыри** (въ Грамотѣ в. к. Мстислава и сына его Всеволода, 1130 г.), стр. 17— **въ манастыри** (на крестѣ св. Евфросиніи, 1161 г.).

[2]) Съ своей стороны прибавлю, что — и слѣдовало бы.

такого перехода на каждую изъ рубрикъ, означенныхъ въ моей программѣ. Нѣтъ однако ни одной мѣстности, къ которой бы относились всѣ случаи этой смѣны. Они разбиты по мѣстностямъ и слѣдовательно по говорамъ. Въ одномъ говорѣ замѣчается больше такихъ случаевъ, въ другомъ меньше; въ одномъ—одни случаи, въ другомъ—другіе. Кажется, всего болѣе распространенъ переходъ *е* въ *ё* въ вологодской губерніи". (Стр. 320).

И въ *е:* *и*бедка, *с*и*б*ѣ, *т*и*б*ѣ, *т*и*ч*ёт, *в*и*д*и, пот*и*реть (т. е. потерять), *и*ще, *с*и*л*о (↑), пов*и*ду (↑) и т. п. (См. ib.).

ъ.

И вм. *ъ:* *д*и*в*и*ш*ник, *м*и*с*течко, *с*и*нц*ё, *т*и*л*ьцё, *ц*и*д*ить, *м*и*н*еть (т. е. мѣнять), стр*и*леть. (Стр. 321—322).

Вятскій край.

а (я).

Е вм. *я:* *е*вился, *е*вляться (223).

о.

„Вятское *о* не рѣзко. Оно не поражаетъ такъ слуха, не отчеканивается, какъ во владимірской, ярославской и нерѣдко въ новгородской губерніяхъ. Оканье слабѣе къ югу, сильнѣе къ сѣверу".

„На *а* говорятъ только пришлые люди, переселенцы. Такъ, акаютъ въ уржумскомъ уѣздѣ — на заводахъ Шурминскомъ и Буйскомъ". (Стр. 217—218).

е.

1) Въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному встрѣчаемъ *ё* передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, напр. рёбро, сберёгла (220), и *и* передъ мягкимъ, напр. н*и*льзя (221). Или же въ этомъ послѣднемъ словѣ имѣется этимологическое *и*?

2) Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ встрѣчаемъ *е:* зелена́ вина (276).

3) Вмѣсто конечнаго неударенаго *е* встрѣчаемъ *ё:* спойтё (220).

4) Послѣ ударенія внутри слова *ё* является передъ твердыми согласными: спокоёв, поминаёт, скажёт [1]), можот, будёт, поѣдём (220). Изъ этихъ примѣровъ видно, что *ё* имѣется въ Род. мн. сущ. и затѣмъ въ глаголахъ перваго спряженія въ наст. вр. 2. 3 ед. 1 мн. Въ этихъ случаяхъ появленіе *ё* можетъ быть объясняемо и фонетически, и аналогіей: въ сущ. аналогіей къ случаямъ, гдѣ ударение падаетъ на окончаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ аналогіей къ твердому склоненію, а въ глаголахъ аналогіей къ такому же спряженію съ удареніемъ на окончаніи; аналогія такая возможна благодаря тому, что неударяемое этимологическое *о* въ подобномъ положеніи сохраняется, не измѣнилось въ *а*. Что касается до формы „*баитъ*“ (221), то она указываетъ на переходъ этого глагола во второе спряженіе черезъ посредство, напр., повел. накл.; или же такое произношеніе перешло изъ акающаго говора, подходя къ фонетическимъ условіямъ мѣстнаго говора. „Устиньёй“ (220) ↑ къ твердому склоненію.

„Кажется, спеціально вятскую особенность составляетъ встрѣчающееся мѣстами произношеніе *е*, которое звучитъ иногда тверже общерусскаго мягкаго *е* и мягче *э*“. Примѣры: не̯ (Шиховская Вятск. у.), пе̯нь (Зайцева Котельнич. у.), е̯тот (Басаргина Вятск. у.). „Не такъ ли звучитъ *е* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олонецкаго края? Быть можетъ у Рыбникова, Гильфердинга и Барсова формы, подобныя *эще, отэц, молодэцькая* въ звуковомъ отношеніи переданы не точно?“ (Стр. 221—222).

Владимірско-суздальскій край.

а (я).

„Случаевъ перегласованія во владимірско-суздальскомъ и ярославскомъ краяхъ меньше чѣмъ на сѣверѣ: *е* вм. *а*

---

[1]) Изъ этого написанія можно бы заключить, что *ж* въ этомъ говорѣ (въ Чепцѣ) произносится мягко. Но такого заключенія сдѣлать нельзя въ виду замѣчанія самого г. Колосова: „*ж* и *ш* въ сочетаніяхъ съ *о* и *е* тверды“ (224).

слышалъ я только послѣ йота и — изрѣдка — послѣ шипящихъ". (Стр. 296).

о.

Въ *Зарѣченской* (т. е. на правомъ берегу Оки) сторонѣ Муромскаго у.: *зало*той, *слабода*, *малонья* (286). Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ этой мѣстности неударяемое *о* въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному сохраняется, а во второмъ слогѣ передъ ударенiемъ измѣнилось въ *а*. Примѣръ „Михайла" (ib), повидимому, указываетъ на то, что конечное неударенное *о* измѣнилось въ *а*; но это быть можетъ аналогiя къ женск. скл. Въ *Ярославской* губ. въ Ростовскомъ у.: *мастовая*; Михайл*а*, Пётр*а* (т. е. Пётро), ib. Относительно этихъ примѣровъ нужно сказать то же, что выше. Примѣры изъ Романовскаго у.: род. прил.— *великова*, *доброва* (ib). Повидимому, *о* внутри слова послѣ ударенiя сохраняется, а на концѣ измѣнилось въ *а*. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ,—конгруэнцiя къ оконч. сущ.

Что касается качества неударяемаго *о*, то слѣдующiя строки представляютъ характеристику произношенiя этого гласнаго въ данномъ краѣ: „*Ярославское о* произносится звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ,— это рѣзко отчеканенный звукъ; но во *владимiрской* и *костромской* губ. выговоръ *о* нисколько, по моимъ наблюденiямъ, не отличается степенью звучности отъ новгородскаго. Во владимiрской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владимiра, слабѣе къ сѣверу". (Стр. 288, пунктъ 3).

Далѣе, большой интересъ представляютъ слѣдующiя замѣчанiя проф. Колосова: „Не смотря на близость къ Москвѣ, сношенiя съ нею и отхожiе промыслы, ярославцы относительно коренной черты своего нарѣчiя — сохраненiя неударяемаго *о* — оказываются гораздо устойчивѣе своихъ сосѣдей владимiрцевъ. Я не встрѣтилъ въ *ярославской* губ. ни одного акающаго села; во *владимiрской* же въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, жители которыхъ ходятъ на заработки (преимущественно во владимiрскомъ и суздаль-

скомъ уѣздахъ) аканье развилось на столько, что говоръ почти не отличается отъ Московскаго [1]). Ту же, и даже еще большую податливость къ чужому вліянію, выказалъ говоръ *костромичей*. Въ костромской губерніи, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, акапье слышится во всѣхъ тѣхъ уѣздахъ, жители которыхъ занимаются отхожими промыслами: нерехтинскомъ, галицкомъ, солигаличскомъ, чухломскомъ. И кажется, акапье распространяется: имъ заражаются даже и тѣ, мѣстами, селенія, жители которыхъ не находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскаго говора. Такъ мнѣ говорили, что въ плещевской волости солигаличскаго уѣзда, на границѣ съ буйскимъ, сильно акаютъ, не смотря на то, что жители этой волости отхожими промыслами занимаются мало. Въ лѣсные уѣзды этой губерніи (ветлужскій, варнавинскій, кологривскій, часть макарьевскаго) аканье, конечно, не проникло; рѣдко слышится оно и въ фабричныхъ уѣздахъ (костромскомъ, юрьевскомъ и кинешемскомъ“ [2]). (Стр. 286—287).

е.

Примѣры съ корневымъ *ё:* бёдро́, вёрста, ёво, нёсла, сёло, слёза, сёстра (289). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ измѣненіе *е* въ *о* въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному передъ твердымъ согласнымъ.

---

[1]) „Таково — для примѣра — село Борисовское, на большой дорогѣ между Владиміромъ и Суздалемъ, населенное каменщиками, природными владимірцами, говорящими однако по московски“.

[2]) „Говоря о смѣнѣ *о* на *а*, нельзя не отмѣтить слѣдующаго страннаго явленія, хотя оно и не принадлежитъ къ области собственно народныхъ говоровъ: въ г. Муромѣ есть нѣсколько купеческихъ семействъ, члены которыхъ *каждое о* превращаютъ въ *а*. Они говорятъ: май вм. мой, кашка вм. кошка, дам вм. дом и т. п. Купцы эти природные муромляне. По крайней мѣрѣ извѣстно, что ужъ нѣсколько поколѣній ихъ живетъ въ Муромѣ. Какъ и когда образовалась въ ихъ языкѣ эта особенность (выдерживаемая, какъ меня увѣряли, постоянно) — неизвѣстно“.

Слово „бе́рёг“ (ib.) указываетъ на измѣненіе *е* въ *ё* послѣ ударенія внутри слова передъ твердымъ согласнымъ.

ѣ.

Случаи произнесенія *ё* на мѣстѣ *ѣ:* бёда́, ёда́, пёсок, рёка́, ib. ↑ къ случаямъ этимологическаго *е* черезъ посредство такихъ формъ, какъ б'ед'э́, гдѣ этимологическое *ѣ* и *е* совпадаютъ.

§ 67. Для дополненія вышеизложеннаго я воспользуюсь своимъ матеріаломъ по говору дер. *Бѣлой* (близь Казани), обративъ при этомъ вниманіе на отличіе этого говора отъ общерусскаго произношенія и извлекши только существенныя данныя.

Предварительно представлю немногія методологическія замѣчанія относительно изслѣдованія говоровъ, при чемъ я основываюсь на личномъ моемъ опытѣ.

При наблюденіи произношенія изслѣдователь долженъ пользоваться не однимъ чувствомъ слуха, но также и зрѣніемъ. При хорошемъ, остромъ зрѣніи можно слѣдить за уложеніями и дѣйствіями органовъ произношенія, доступными этому чувству, а также за выраженіемъ лица и жестами во время рѣчи.

Записывая произносимое тѣмъ или другимъ лицомъ, не должно перемѣшивать записанное отъ разныхъ лицъ одного и того же селенія. Дѣло въ томъ, что выговоръ отдѣльныхъ лицъ можетъ представлять своеобразные оттѣнки. Въ произношеніи извѣстнаго лица оттѣнки эти могутъ быть постоянны; но ежели для того или другаго фонетическаго явленія будутъ безъ разбору приводимы примѣры, записанные отъ разныхъ лицъ, хотя и возможно точнымъ образомъ, то тогда могутъ оказаться относительно разсматриваемаго явленія непослѣдовательности, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ. Это тѣмъ болѣе нужно имѣть въ виду, что составъ селенія весьма часто бываетъ не однороденъ. Такъ, нерѣдко берутся замужъ женщины изъ другихъ селеній; могутъ быть переселенцы; далѣе, отхожіе промыслы, сношенія съ городомъ,—все это вызываетъ разнообразіе въ говорѣ, правда нивеллирующееся (уравнивающееся) въ немъ въ теченіи времени.

Но и произношеніе одного и того же лица представляетъ разнообразіе. Изслѣдователь долженъ считаться и съ эти-

ми малыми колебаніями произношенія. Нужно имѣть въ виду что колебаніе въ произношеніи одного и того же слова нерѣдко зависитъ отъ вліянія логическаго ударенія, сосѣдняго слова, качества сосѣдняго слога и т. п. Такія колебанія въ произношеніи должны возбуждать къ болѣе интенсивному, болѣе тщательному изслѣдованію явленія.

Сказанное приводитъ къ мысли, что при изслѣдованіи говора нужно стараться побольше записать возможно точнымъ образомъ отъ одного и того же лица, произношеніе котораго отражаетъ лучше черты даннаго говора, при чемъ слѣдуетъ обращать вниманіе не на одни отдѣльныя слова, но и на связную рѣчь. Кромѣ того, при изслѣдованіи народныхъ говоровъ представляется возможность пользоваться малограмотными написаніями.

Нужно еще имѣть въ виду, что точность изслѣдованія, возможно большее соотвѣтствіе или согласіе послѣдняго съ дѣйствительностью, можетъ пострадать отъ вліянія предвзятыхъ теорій, привычки къ собственному своему выговору, къ орѳографическому виду словъ, отъ обмана чувства слуха или зрѣнія, отъ недостаточнаго вниманія и т. п.

Въ общемъ, неударяемые гласные въ разсматриваемомъ говорѣ являются приблизительно въ томъ же видѣ, какъ и въ общерусскомъ языкѣ, только они слышатся болѣе ясно и гласный *о* въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному произносится болѣе или менѣе какъ чистое *о*, развѣ лишь съ весьма слабымъ оттѣнкомъ *а*. Теперь укажу на главнѣйшія изъ другихъ особенностей.

1) Такіе примѣры, какъ — зобод'о́т, зорост'о́т, зотвор'а́јут, сомова́р, дормоја́ды, представляютъ случаи замѣны *а* черезъ *о* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, когда въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному имѣется также *о*.

2) *е* въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному измѣнилось въ двухъ направленіяхъ: 1) въ *о* передъ твердыми согласными и 2) въ *є* — передъ мягкими. Случаи, въ которыхъ имѣется *'о* вм. этимологическаго *е:* с'т'опа́н, н'ічово́, ночова́т', чоты́р'і, јому́, с'омо́ј (|| с'є́м'), с'ово́д'н'і, пр'ін'осу́, ун'осу́т (|| н'єс'о́ш), чоса́т', в'озу́т, напл'ола́, пчола́, жоро́м жр'о́т, фшоно́чк'і, жона́, п'оку́,

jогóрка, л'ожáл (|| л'æжы́т), jожы́, чохóл, бр'овнó, jолхóвыj, чорнáфка, л'охкó, пр'івозлá, л'огла́, зап'орлá, ум'орлá л'оксáндрыч (|| л'екс'є́jіч), т'опло́ (|| т'епл'є́н'ка), м'отнý (|| м'єт'н'і́) и т. п.

3) *ъ* въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному передъ твердыми согласными иногда отражается въ видѣ *о* (↑): п'осóк, п'оскóм (|| на п'еск'ǽ; сначала сказалъ—на п'оск'ǽ, но тутъ же поправился), б'одá, б'огóм, поб'огý, уб'огла́, с'в'отýт (|| с'в'є́т'от), в л'осý, н'омá, гн'одó-т, гн'оздó, разjодájут и т. п.

4) Случаи исчезновенія конечнаго гласнаго безъ ударенія въ частицахъ, называемыхъ „звательнымъ падежомъ“:

ва́с'!
дар'ýшка͡у, дар'ýш*к*!
пáн'а [1]) д'áд'а, пáн'а д'á*т*'!
ор'і́на, ор'і́*н*!

Такого исчезновенія конечнаго неударенаго гласнаго въ тѣхъ же словахъ не происходитъ, когда они являются формою Им. ед.; въ этомъ случаѣ исчезновенію препятствуетъ родственная система (типъ) склоненія, имѣющая ударéніе на окончаніи.

§ 68. Что касается до *южно-великорусскихъ* говоровъ, то я долженъ указать на превосходный трудъ проф. Потебни „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (1866), представляющій изложеніе фонетики русскихъ нарѣчій.

Слѣдующее изложеніе покажетъ, къ какимъ заключеніямъ пришелъ авторъ указаннаго сочиненія по вопросу о неударяемыхъ гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ русскаго языка.

Не смотря на многія исключенія, для всего Ювр. имѣетъ силу слѣдующее правило: слогъ третій отъ ударяемаго слабѣе втораго, предшествующаго ударяемому и ра-

[1]) Ласкательное слово для имени „Павелъ“.

венъ слогу слѣдующему за ударяемымъ. Если тоническую силу ударяемаго слога обозначить черезъ 3, то отношеніе другихъ словъ къ ударяемому въ четырехсложномъ словѣ можно будетъ изобразить такъ: 1, 2, 3, 1. По такой формулѣ построены слова: к'чатóчикъ, пирярѣжимъ. Чтобы легче было находить примѣры, возьмемъ вмѣсто приведенной формулы, двѣ, т. е. формулу 1, 2, 3 (трехсложное слово съ удареніемъ на послѣднемъ: х'рашó (или хырашó), въ тирямýу) и формулу 3, 1 (двухсложное слово съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ: я́г'дъ (ягыдъ), тéримъ). Сходство между измѣненіями неударяемыхъ твердыхъ и мягкихъ здѣсь полное. Глухой [1]) звукъ изъ *о* въ первомъ и четвертомъ слогѣ соотвѣтствуетъ звуку *и* изъ *е* въ тѣхъ же слогахъ; *а* изъ *о*=*я* изъ *е* во вторыхъ слогахъ. Въ словахъ четырехсложныхъ съ основными *о* или *е* тонъ возрастаетъ до третьяго слога, а на четвертомъ падаетъ на ту степень, на которой былъ на первомъ слогѣ. Трехсложныхъ словъ, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, такихъ, изъ которыхъ можно бы видѣть тоническое отношеніе послѣдняго слога къ предпослѣднему, нашлось мало: вы́с'сыла, казлéн'чикъ. Изъ нихъ видно, что на третьемъ за ударяемымъ сила такая же, какъ на второмъ, или малымъ чѣмъ больше, такъ что формула будетъ 3, 1, 1.—Для такихъ словъ, какъ пык'латúлъ, которыхъ тоже нашлось очень мало, формула: 1, 1, 2, 3.

Во всемъ этомъ видно, что въ Юж.-Вр. ударяемый слогъ имѣетъ бóльшее значеніе, рѣзче выдвинутъ, чѣмъ въ Свр. и Мр. и что слоги неударяемые въ Юж.-Вр. тѣмъ самымъ болѣе остаются въ тѣни, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ нарѣчіяхъ. Малорусское нарѣчіе въ этомъ отношеніи древнѣе Московскаго говора [2]), въ которомъ измѣненія не-

[1]) Думаю, что терминъ „глухой“ авторъ употребилъ не въ смыслѣ глухости и звонкости, а въ смыслѣ „слабый“.

[2]) Противъ такого сопоставленія нужно принять въ соображеніе неодинаковость въ направленіи измѣненія неударяемыхъ гласныхъ въ малорусскомъ и южно-великорусскомъ, о которой я говорилъ выше въ § 66.

ударяемыхъ еще только слегка намѣчены, а Московскій древнѣе остальныхъ Ю.-Врусскихъ". (Стр. 66—67).

§ 69. Мы разсмотрѣли разнообразное проявленіе неударяемаго вокализма въ современныхъ намъ говорахъ русскаго языка. Теперь я перейду къ замѣчаніямъ касательно тѣхъ же явленій съ точки зрѣнія *исторіи* языка.

Что касается измѣненія неударяемаго *о* въ *а*, то проф. Колосовъ въ своемъ Очеркѣ [1]) (см. стр. 131—132, пунктъ 3) впервые отмѣтилъ это явленіе въ XV в. Изъ трехъ примѣровъ, приведенныхъ имъ, а именно—пожал*а*вала, Р*а*мановской, никаков*а*, послѣдній примѣръ (т. е. никаков*а*), мнѣ кажется, не можетъ быть прямо, безъ дальнѣйшаго, принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ возникновеніе конечнаго *а* въ этой формѣ можетъ быть объясняемо и не фонетическимъ путемъ, а аналогіей (конгруэнціей) къ окончанію существительныхъ муж. и ср. рода. Что касается первыхъ двухъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ грамотъ рязанскихъ, то относительно ихъ можно замѣтить слѣдующее. Въ словѣ „Р*а*мановской" *а* вм. *о* написано въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному. Слово это, будучи именемъ собственнымъ, бѣдно родствомъ, при чемъ гласный, стоящій послѣ *р*, встрѣчается только въ одномъ этомъ неударенномъ положеніи. Такъ какъ гласный этотъ не имѣетъ соотвѣтствующаго ударенаго, то поэтому при писаніи его и не могъ быть примѣненъ принципъ аналогіи, а только или принципъ чисто фонетическій, или же историческій. Въ другомъ примѣрѣ (пожал*а*вала) *а* вм. *о* стоитъ послѣ ударенія внутри слова. Проф. Колосовъ приходитъ къ заключенію, что „въ XV

---

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе (1872). Въ этомъ трудѣ, на стр. X—XII, представленъ перечень важнѣйшихъ источниковъ, изъ которыхъ авторъ заимствовалъ данныя.

столѣтіи уже, а вѣроятно и раньше, южно-русскій говоръ обращалъ неударяемое *о* въ *а*“ [1]).

Въ Рус. Фил. Вѣстн. въ XII т. (1884) стр. 1—54, г. Недешевъ помѣстилъ „Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ“. По разсматриваемому нами вопросу авторъ приходитъ къ такому выводу: „судя по памятникамъ, превращеніе это (неударяемаго *о* въ *а*, „аканье“) началось *не позже второй половины XIV в.*“ (стр. 9). Но авторъ могъ подыскать только два случая, въ собственныхъ именахъ: *А*лкердъ [1]) (1339 г.) и *А*нофрей [2]) (до 1399 г.). Проф. Соболевскій, въ своемъ разборѣ этого труда, по поводу приведенныхъ двухъ примѣровъ, замѣчаетъ: „не понимаемъ, какъ можно опираться на такія данныя, какъ *А*лгердъ, *А*нофрей. Написаніе перваго имени находится въ связи съ произношеніемъ его въ XIV вѣкѣ литовцами, намъ неизвѣстнымъ, и видѣть въ немъ отраженіе бѣлорусскаго аканья нѣтъ основанія; написаніе втораго не рѣдкость въ нашихъ старыхъ памятникахъ и также едва ли имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ аканью. Ср. Анофрия въ синодальномъ Евангеліи XIII—XIV вѣковъ, N 401, Ануфрия въ синодальномъ Евангеліи 1358 года, N 69“ (Ж. М. Н. Пр. іюнь 1885. стр. 304). — Для XV вѣка авторъ указываетъ довольно много фактовъ, впрочемъ относящихся преимущественно къ концу этого вѣка. Изъ нихъ отмѣтимъ: *а*ктября (1406 г.) [2]); на веснѣ, изъ *а*бою сторонъ, ст*а*ить (1478 г.). Сюда же авторъ относитъ вслѣдъ за г. Соболевскимъ слѣдующіе примѣры изъ зап.-русской Четьи 1489 г.: пр*а*щаѥть, п*а*ганымъ, -хъ -ого -ыи и др., к*а*рабль, пот*а*пта*ˣ*,

---

[1]) Въ Обзорѣ (стр. 54) г. Колосовъ выражается такъ: „на сколько можно судить *по памятникамъ*, это превращеніе (т. е. неударенаго *о* въ *а*) началось не ранѣе XV вѣка“.

[2]) Слово, принадлежащее къ бѣднымъ по родству, въ которомъ начальный гласный встрѣчается только въ одномъ этомъ неударенномъ положеніи (ср. выше—Рамановской).

н*а*ября, рад*а*ватися и т. п. [1]). Особенное изобиліе фактовъ представляетъ XVII вѣкъ; напр. *а*динъ, к*а*лесника, г*а*релки, к*а*лоды, с*а*ломы, *а*вса, г*а*нчара (Приходо-расход. книга Могилева за 1679 г.). Такое обиліе данныхъ заставляетъ автора сдѣлать замѣчаніе: „въ XVII в., какъ видно, аканье уже въ полномъ ходу“ (стр. 13). Дѣлая такое замѣчаніе авторъ смѣшалъ живую рѣчь съ письмомъ. Въ XVII в., благодаря простонародному характеру памятниковъ, письмо въ изобиліи отражаетъ акающее произношеніе; но аканье въ полномъ ходу могло быть и въ двухъ предъидущихъ столѣтіяхъ, но только не такъ рельефно отразилось въ памятникахъ этихъ столѣтій. Говоря такъ, я основываюсь на той мысли, что аканье не образовалось сначала только въ нѣсколькихъ случаяхъ, а потомъ захватывало все болѣе и болѣе словъ; нѣтъ, процессъ совершался одновременно по отношенію ко всѣмъ словамъ, въ которыхъ были одни и тѣ же условія, необходимыя для развитія акающаго произношенія; въ памятникахъ же данная особенность проявлялась лишь въ отдѣльныхъ словахъ.

Обращаюсь къ исторіи измѣненія неударяемаго *а* въ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ.

Проф. Колосовъ въ своемъ Очеркѣ отмѣчаетъ явленіе перегласованія *а* въ *е* уже въ XI в., указывая (стр. 63) на написаніе—*е*нуарь, встрѣчающееся въ Остромировомъ Евангеліи. Г. Колосовъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ имѣется перегласованіе *а* подъ вліяніемъ j (йотъ), и образуетъ эту форму изъ іануарь. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что написаніе „*е*нуарь“ не есть фактъ чисто

---

[1]) Соболевскій А. Очерки изъ исторіи русскаго языка. Часть 1-я (1884) стр. 147. Изъ приведенныхъ примѣровъ нужно исключить слово „пращаетъ“; оно можетъ и не относиться на счетъ акающаго произношенія, но отражать собою явленіе т. н. подъема, т. е. извѣстнаго чередованія гласныхъ при производствѣ отглагольныхъ глаголовъ — **простити<праштати** (*Супрасльская рукоп.* XI в.).

русскаго перегласованія, фактъ изъ исторіи русскаго языка, но написаніе такое свойственно и другимъ *старо-славянскимъ* памятникамъ (см. словарь ст.-слав. языка Миклошича [1]) подъ словомъ **ієноуарь**). Перегласованіе, по замѣчанію г. Колосова, происходитъ также подъ вліяніемъ мягкихъ согласныхъ [2]). Въ качествѣ примѣра онъ выставляетъ форму Род. ед. пѣтицѣ (Сб. 1073), которую онъ опять выводитъ изъ пѣтиціа, принимая *ѣ* за *е*, а этотъ послѣдній звукъ объясняя черезъ перегласованіе изъ *іа*, смѣнившаго **а** (стр. 63, 69—70). Но и это объясненіе г. Колосова не можетъ быть принято. Такимъ образомъ, въ XI в. мы еще не встрѣчаемъ изслѣдуемаго нами явленія.

Относительно XII в. проф. Колосовъ говоритъ: „перегласованіе гласныхъ имѣетъ мѣсто въ этомъ столѣтіи въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ предъидущемъ: *ѣзвы*, изъ *нее*, *моѣ*, *нашѣ* и пр.“ (стр. 79). Что касается слова *ѣзвы*, встрѣчающагося въ Житіи св. Бориса и Глѣба, составленномъ Іаковомъ, то *ѣзва* : **и**зва=*ѣхати* : **и**хати и т. п., т. е. *ѣ* не представляетъ собою перегласованія, какъ и прочіе приведенные авторомъ примѣры.

О XIII в. проф. Колосовъ (ib. стр. 92) говоритъ: перегласованіе является не только подъ вліяніемъ йотъ и шипящихъ (въ Рус. Правдѣ — *желѣти*, чюжего), но и послѣ *н:* въ Грам. ок. 1300 г. — лишнего, кнежо. О словѣ „*желѣти*“ нужно замѣтить, что такой видъ его свойственъ также *старо-славянскимъ* памятникамъ (напр. Супрасл. рукоп.; см. Словарь ст.-сл. яз. Миклошича подъ словомъ **желѣти**), такъ что тутъ не можетъ быть и рѣчи о чисто русскомъ перегласованіи. Что касается формы „чюжего“, то воспользуюсь здѣсь случаемъ, чтобы поговорить объ окончаніи Р. ед. прилагательныхъ. Въ древне-русской

---

[1]) Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum edidit Fr. Miklosich. Vindobonae (1862—1865).

[2]) Не вижу основанія отдѣлять j (йотъ) отъ группы мягкихъ согласныхъ: j есть тоже мягкій согласный.

письменности мы встрѣчаемъ окончанія для разсматриваемой формы: *-ого* (въ твердомъ склоненіи) и *-его* (въ мягкомъ склоненіи) [1]). Окончанія эти представляютъ обычное этимологическое развѣтвленіе *е* || *о*, при чемъ *е* свойственно мягкой флексіи, а *о* — твердой. Такъ какъ окончанія эти не свойственны старо-славянскимъ памятникамъ, то на этомъ основаніи мы должны признать ихъ за чисто русскія. Кромѣ этихъ окончаній мы встрѣчаемъ для той же формы въ древнихъ русскихъ памятникахъ еще окончаніе, общее съ старо-славянскими памятниками, почему послѣднее и должно быть объясняемо какъ старо-славянскій элементъ въ русской письменности; я говорю объ окончаніяхъ *-аго*, *-яго*. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что окончаніе *-его* есть самостоятельное окончаніе, стоящее независимо отъ *-яго* (-ѧго), не происшедшее изъ этого послѣдняго. Такимъ образомъ и форма „лишнего“ не представляетъ перегласованія; въ этомъ прилагательномъ, какъ принадлежащемъ къ мягкой флексіи, имѣется окончаніе *-его*. Наконецъ, относительно формы „кнежо“ замѣчу, что я ея не могъ найти. Въ грамотѣ, на которую ссылается проф. Колосовъ, именно—Рижанъ къ Витебск. князю Михаилу Константиновичу (см. Смирнова Сборникъ др.-р. п. N 47), дѣйствительно чрезвычайно часто встрѣчается эта форма (Зват. пад.), но въ ней во всѣхъ почти случаяхъ послѣ *н* написано ѧ (кнѧжо), въ двухъ случаяхъ *я* (княжо), а *е* — ни разу. Даже если допустить для одного случая написаннымъ

---

[1]) Окончаніе *-ого* встрѣчаемъ напр. въ написи на Чарѣ Владиміра Давидовича Черниговскаго, до 1151 г.—„великого“ (см. А. Смирновъ Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцевъ народной русской рѣчи. 1882 г. стр. 16, N 13). Въ Договорной грамотѣ Смол. князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, 1229 г. (см. ib. N 26) встрѣчаемъ оба окончанія: въ твердой флексіи—йзъ Гочкого бѣрѣга, въ мягкой флексіи—исвоѥго города (т. е. изъ своего города); своѥго лоучьшего попа (Вин. ед.=Род. ед.). Начиная съ XIII в. окончанія *-ого* и *-его* встрѣчаются уже часто въ русской письменности.

е, то случай этотъ придется принять за описку. И такъ, и въ XIII в. мы не встрѣчаемъ разсматриваемаго нами звуковаго измѣненія.

Относительно XIV в. г. Колосовъ (стр. 105) замѣчаетъ, что въ этомъ столѣтіи перегласованіе имѣетъ, конечно, мѣсто, но не представляетъ явленій новыхъ: *е*зва, старѣйшего, слышевъ, весчего. Однако, описывая предъидущія столѣтія, авторъ не приводилъ такихъ случаевъ, какъ „слышевъ“, и стало быть это — случай новый. Я нахожу, что и онъ не представляетъ явленія перегласованія. Извѣстно изъ общерусскаго языка, что въ т. н. второмъ спряженіи имѣется типъ $\frac{\text{ишь}}{\text{ѣть, ать}}$, при чемъ *ѣ* является, если предшествуетъ согласный не-шипящій и не-j, при предшествующемъ же шипящемъ или j имѣется *а*. Однако діалектически встрѣчается *ѣ* и въ послѣднемъ случаѣ (ср. простонародн. кричѣть и т. п.). Вообще, здѣсь отражается болѣе древнее, этимологическое чередованіе *ѣ* || *а*, а не позднѣйшее перегласованіе.

О XV в. проф. Колосовъ замѣчаетъ (стр. 134, пунктъ 10), что „перегласованіе въ этомъ вѣкѣ охватываетъ огромную массу словъ, имѣя мѣсто послѣ j, шипящихъ, ц, м, н, р, т, в. Но опять и здѣсь изъ числа примѣровъ нужно исключить Род. ед. на *-его* послѣ мягкихъ согласныхъ и дѣепричастныя формы на *-евъ* послѣ шипящихъ. Изъ остальныхъ примѣровъ за несомнѣнные можно признать слѣдующіе: *е*чменю, тридцеть, двадцети, за двадцет, тритцет, кнегиня, на ребенинку, деветдесятъ, светого, светой, светую. Разсматривая эти примѣры, мы видимъ, что явленіе перегласованія имѣетъ мѣсто въ слогахъ неударяемыхъ, а именно — въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному и въ слогѣ второмъ передъ удареніемъ. Что касается части слова, расположенной послѣ ударенія, то явленіе имѣетъ мѣсто внутри слова.

§ 70. Обращаясь къ *сравненію* русскаго неударяемаго вокализма съ вокализмомъ другихъ языковъ, я ограничусь языкомъ *ново-болгарскимъ*, въ остальномъ отсылая

читателя къ моей статьѣ въ Рус. Фил. Вѣстн. т. IX (1883) стр. 7 — 20 (= Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. 1884. стр. 133 – 144).

Сначала приведу примѣры гласныхъ безъ ударенія въ новоболгарскомъ [1]):

á: slátkъ ‖ slъtká (сладка)
ját ‖ jedové (гнѣвъ)
ó: dóduh ‖ dъdóh (я пришелъ)
nóžjъve (ножи)
zétjъve (зятья)
é: téli ‖ tilé (теленокъ)
píj вм. píje(i) (онъ пьетъ)
píjš вм. píje(i)š (ты пьешь)
ê: gnezdó (gnizdó) (гнѣздо)
mestá (mistá) мѣста
grehové (grihové) грѣхи.

Сдѣлаю теперь нѣкоторыя замѣчанія по поводу приведенныхъ примѣровъ.

Какъ въ общерусскомъ языкѣ типичными представителями ослабшаго неударяемаго *a* являются *ъ* и *ь*, такъ же точно въ новоболгарскомъ въ этой роли являются *ъ* (послѣ твердыхъ согласныхъ) и *е (ь)* послѣ согласныхъ мягкихъ). Особенность новоболгарскаго языка состоитъ въ томъ, что въ немъ система мягкихъ согласныхъ весьма бѣдна, такъ что случаи ослабленія въ *е (ь)* сравнительно съ *ъ* весьма рѣдки. Далѣе, другую особенность новоболгарскаго составляетъ то, что въ немъ гласный является ослабѣвшимъ даже въ слогѣ непоср. предшествующемъ ударенному (напр. slъtká), тогда какъ въ общерусскомъ языкѣ въ этомъ положеніи процессъ ослабленія дошелъ пока до средней степени. Слѣд., въ разсматриваемомъ отношеніи новоболгарскій языкъ представляетъ фазу развитія, соотвѣтствующую языку бѣлорусскому.

---

[1]) См. A. und D. Kyriak Cankof Grammatik der bulgarischen Sprache (1852), стр. 1—2.

Измѣненіе неударяемаго *о* въ новоболгарскомъ совершается по направленіи къ *и*, значитъ — въ другомъ направленіи, нежели въ великорусскомъ. Въ этомъ отношеніи языкъ ново болгарскій можно сопоставить съ малорусскимъ. Но въ новоболгарскомъ это измѣненіе имѣетъ мѣсто не только передъ удареніемъ, но и послѣ ударенія внутри слова.

Что касается неударяемаго *е*, то оно измѣняется въ *і (ъ)*.

Неударяемое *ѣ* переходитъ въ *е* или же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ *і*, смѣшиваясь въ этомъ случаѣ съ этимологическимъ *е*.

Глава VIII.

Измѣненіе *é* въ *ó* [1]).

§ 71. Вопроса объ измѣненіи *é* въ *ó* отчасти я уже касался въ главѣ „О русскомъ правописаніи“, именно въ § 29, посвященномъ правописанію буквъ *ъ* и *е*, гдѣ я показалъ, что буква *е* орѳографіи отличается отъ буквы *ъ* тѣмъ, что обозначаетъ иногда гласный звукъ *о* именно— *при ударѳніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ*, напр.:

орѳографія		произношеніе
пекъ	=	п'о́к
несъ	=	н'о́с
мелъ	=	м'о́л
селъ	=	с'о́л
велъ	=	в'о́л
легъ	=	л'о́к.

Примѣчаніе 1. Легко при этомъ замѣтить, что гласному *ó* (орѳогр. *е*) предшеетвуетъ согласный мягкій. А между тѣмъ мы знаемъ, что гласный *о* не можетъ смягчать, такъ какъ въ образованіе его не привходитъ палятальная артикуляція (приближеніе средней части языка къ небу). Недоразумѣніе это устраняется предположеніемъ, что *о* въ этихъ случаяхъ не исконное, а развилось изъ палятальнаго, смягчающаго гласнаго,

---

[1]) Литература вопроса: Ломоносовъ Михаилъ, Россійская Грамматика (Сочиненія Ломоносова т. III. Изданіе Александра Смирдина. 1847) стр. 288. Востоковъ Александръ, Русская грамматика, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная (1859)[10] стр. 247 — 248. Гротъ Я. К., академикъ, Русское правописаніе.—Руководство, составленное по порученію второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. (1885)[3] стр. 14—17. Другіе же труды будутъ указаны при самомъ изложеніи.

именно *е*, которое и пишется въ орѳографіи. Сдѣланное предположеніе оправдывается и исторіей русскаго языка. Впрочемъ, передъ такимъ *о́* встрѣчаются и твердые согласные, именно *ш*, *ж* и *ц*, напр. шо́л (шелъ) жо́к (жегъ) а̄тцо́м (отцемъ); но и эти согласные прежде были мягкими и только впослѣдствіи отвердѣли. Физіологическое объясненіе процесса измѣненія *е́* въ *о́* было много дано въ главѣ IV § —.

Примѣчаніе 2. Вмѣсто ударенаго *е* въ концѣ словъ произносится *о*, напр.: 1) сущ.— бытьё, питьё, литьё и т. п., 2) мѣстоим. — моё, твоё, своё, всё, 3) частицы — хорошо, горячо, ещё. Здѣсь за ударенымъ *е* не слѣдовало никакого согласнаго. Быть можетъ, это отсутствіе всякаго согласнаго по вліянію было одинаково съ твердостью согласныхъ. А быть можетъ, нужно здѣсь видѣть аналогію къ твердому склоненію именъ средняго рода. Въ такомъ случаѣ, какъ же объяснить *ё* въ частицѣ ещё? Возможно объяснить аналогіей къ нарѣчіямъ, оканчивающимся на *о́* (напр. хорошо́). Интересна въ этомъ отношеніи другая частица—уже́, которая встрѣчается и въ другомъ видѣ—ужо́, хотя и съ другимъ значеніемъ. Можно думать, что въ первомъ случаѣ она не подверглась дѣйствію аналогіи, а во второмъ случаѣ видоизмѣнилась по аналогіи къ нарѣчіямъ.

Разсматривая въ предъидущей главѣ неударяемые гласные, я показалъ (см. § 62, таблицу), какіе соотвѣтствуютъ гласные въ разныхъ неударяемыхъ положеніяхъ нашему *о́* чередующемуся съ е:

1) въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному: *ое* (передъ твердымъ согласнымъ) и *є* (передъ мягкимъ согласнымъ), напр. м'*ат*у́ (мету), м'*єт*'о́ш (метешь);

2) послѣ ударенія въ концѣ слова — *ое* (а̄): по́л'*ое* (поле), ло́*жое* (ложе).

3) и 4) во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія внутри слова: *ъ* (послѣ мягкихъ согласныхъ) и *ъ* (послѣ согласныхъ отвердѣвшихъ: ш, ж, ц), напр.: м'*ъ*т'*œ*на́ (метена), ж*ъ*с'т'ано́j (жестяной), по́л'*ъ*м (по́лемъ), ло́ж*ъ*м (ложемъ).

Примѣчаніе 3. Такъ какъ гласный звукъ *е* при ударенiи передъ твердыми согласными измѣнился въ *о*, а передъ мягкими въ узкое *е* (є)—не говоря уже объ измѣненіяхъ въ разныхъ неударенныхъ положеніяхъ — такимъ путемъ образовалась система чередованій въ области разсматриваемаго гласнаго. Само собою разумѣется, что чередованія эти имѣютъ мѣсто въ тѣхъ или дру-

гихъ морфологическихъ категоріяхъ, такъ что система чередованій въ области этого гласнаго (какъ вообще и всякая другая система звуковыхъ чередованій) есть система не только фонетическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и морфологическая. Возьмемъ для примѣра спряженіе глагола „везу“ и обратимъ вниманіе на чередованіе кореннаго гласнаго въ формахъ: в'о́с (везъ) || в'е́с'т' (везть вм. везти) || в'æзу́ (везу) || в'ез'і́ (вези) || в'ьз'æна́ (везена). Если мы взглянемъ на все спряженіе нашего глагола, то увидимъ, что всѣ формы этого глагола располагаются относительно кореннаго гласнаго по указаннымъ типамъ. Точно такую же систему чередованій мы встрѣчаемъ въ цѣлой группѣ глаголовъ: гребу, скребу, несу, веду, мету, плету. Нѣкоторыхъ звеньевъ чередованія можетъ не быть; такъ для приведенной системы чередованій можно указать на глаголъ *теку:* т'о́к (текъ) || т'е́ч' (течь) || т'æку́ (теку) || т'ек'і́ (теки); нѣтъ звена, которое соотвѣтствовало бы звену „в'ьз'æна́“ системы чередованій глагола „везу“.

Нужно еще замѣтить, что *е*, при извѣстныхъ условіяхъ измѣнившееся въ *о*, можетъ имѣть двоякое происхожденіе, въ подтвержденіе чего можно указать на то, что нашему гласному въ старославянскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ или **є**, или **ь**; напр. м'о́т (медъ, **медъ**) || ăр'о́л (орелъ, **орьлъ**). Кромѣ того, въ послѣднемъ случаѣ и въ самомъ русскомъ языкѣ является одна особенность, именно чередованіе съ нулемъ; ср. орелъ || орла, но медъ || меда [1]).

Теперь я представлю еще другіе примѣры такого двоякаго происхожденія разсматриваемаго гласнаго:

1) *о́* изъ *е́* (ст.-сл. **є**):

а) въ *корнѣ:*

д'о́гът' (деготь, литов. degutis)
жо́лўт' (желудь, **желѧдь**)
жо́скъj (жесткій, **жестокъ**, напр. Сб. 1073 г.: жестокоѥ желѣзо)
в'о́сны̆ (множ. отъ весна, **вєсна**)

---

[1]) Чередованіе гласныхъ *о* и *е* съ нулемъ или, другими словами, вопросъ о бѣглыхъ гласныхъ звукахъ *о* и *е* составитъ предметъ особой главы (IX).

жóны̆ (множ. отъ жена, **жена**)
åз'óрӑ (множ. отъ озеро, **ꙗзеро**)

б) въ *суффиксѣ:*

в'ьр'єт'óнӑ (множ. отъ веретено, **вретено**)
гр'єб'óнкӑ (гребенка, ср. **гребень -ене**)
дал'óкъj (далекій, **далекъ**)
за-от-вåjóвън (прич. прош. стр. отъ -воевать, **воюевати**)
вар'óнъj (вареный, **варѧ́снъ**)

в) въ *окончаніи:*

н'єс'óт (несетъ, **несеть**)
н'ес'óм (несемъ, **несемъ**).

2) *ó* изъ *é* (ст.-сл. **ь**):

а) въ *корнѣ:*

л'óн (ленъ льна, **льнъ**)
пåч'óт (почетъ почета, ср. почтеніе, **почьтъ**)
зajóм (заемъ займа, **ꙁаимъ** ⇐ ***ꙁаjьмъ**)
п'óстръj (пестрый, **пьстръ**)

б) въ *суффиксѣ:*

кåз'óл (козелъ козла, **козьлъ**)
кåт'óл (котелъ котла, **котьлъ**)
вåлч'óк (волчекъ волчка)
вал'óк (валекъ валька)

в) въ *окончаніи:*

цар'óм (царемъ, **цар'ьмь**)
кåн'óм (конемъ, **кон'ьмь**).

Примѣчаніе 4. Располагая собранные примѣры по морфологическимъ категоріямъ, легко замѣтить, что нѣтъ случаевъ измѣненія *é* въ *ó* въ префиксѣ; въ префиксѣ *é* сохраняется и при слѣдующемъ твердомъ согласномъ, напр. б'ǽзднӑ (бездна), б'ǽстълъч' (безтолочь), н'ǽдъръс'л' (недоросль), н'ǽдруў (недругъ), н'ǽмъч' (немочь), н'ǽнъв'ьс'т' (ненависть). Понятно, что когда тѣ же частицы еще менѣе тѣсно соединены со словомъ, въ нихъ тоже произносится ǽ, а не *ó*, передъ слѣдующими твердыми согласными, напр. б'ǽзгъдў (безъ году), н'ǽмълът (не молодъ), н'ǽбъл (не былъ).

§ 72. Ежели мы, послѣ изложеннаго, обратимъ вниманіе на такіе случаи, какъ

м'о́ртвъj (мертвый),

то съ перваго взгляда намъ не представится здѣсь никакой особенности противъ предъидущаго: въ приведенномъ примѣрѣ мы имѣемъ *о́*, развившееся изъ *е́* передъ твердымъ согласнымъ. Но ежели мы обратимся къ исторіи русскаго языка, то увидимъ, что твердый согласный, стоящій непосредственно послѣ *о́*, былъ раньше мягкимъ, и самое слово звучало мъръте-. Дальнѣйшая же исторія нашего слова такова: ъ, стоящее послѣ *р*, смягчаетъ этотъ согласный, а само ослабѣваетъ до исчезновенія, въ замѣнъ чего предшествующее ъ усиливается, расширяясь въ *е*, такъ что получается м'е́р'тв-; такимъ образомъ, *е́* не должно бы измѣниться въ *о́*, находясь передъ мягкимъ согласнымъ *р'*; но такъ какъ за этимъ *р'* слѣдовала группа твердыхъ согласныхъ *тв*, то мягкое *р*, уподобляясь этимъ послѣднимъ согласнымъ, стало твердымъ: м'е́ртв-; когда же сталъ происходить процессъ измѣненія *е́* въ *о́* передъ твердыми согласными, то и наше слово также должно было подвергнуться этому процессу, почему и измѣнилось въ м'о́ртв-. Значитъ, разсматриваемый случай отличается отъ разсмотрѣнныхъ выше тѣмъ, что здѣсь *е́* измѣнилось въ *о́* передъ согласнымъ твердымъ, который *прежде былъ мягкимъ*, твердымъ же сталъ вслѣдствіе соприкосновенія съ слѣдующими твердыми согласными. Мнѣ остается еще прибавить, что въ случаяхъ подобныхъ разсматриваемому въ древне-русскихъ памятникахъ встрѣчаемъ *р* съ ъ по обѣимъ сторонамъ, т. е. *ъръ*, тогда какъ въ памятникахъ старо-славянскихъ имѣется *р* только съ однимъ ъ, стоящимъ послѣ *р*, т. е. *ръ*. Такимъ образомъ, древне-русскій языкъ въ разсматриваемыхъ случаяхъ представляется обильнѣе относительно гласныхъ звуковъ, почему явленіе это и получило въ грамматическихъ изслѣдованіяхъ названіе *полногласія* [1]). Въ бо́льшія подробности я здѣсь входить

---

[1]) Кстати замѣчу, что различаютъ два вида русскаго полногласія: одинъ — когда по обѣимъ сторонамъ *р* стоитъ ъ

не могу, такъ какъ о полногласіи я буду говорить въ главѣ IX; ограничусь же только приведеніемъ примѣровъ, расположенныхъ по различію группъ согласныхъ звуковъ:

'о́рт: ч'єт'в'о́ртъј (четвертый, **четвртъ**)
т'о́ртъј (тертый)
ч'о́рт (чертъ).

'о́ртв: м'о́ртвъј (мертвый, **мртвъ**). Произношеніе „жǽртвă“ (жертва, **жртва**) — церковнославянское. Тоже и произношеніе с'м'ǽртнъј (смертный, **съмртьнъ**).

'о́рд: т'в'о́рдъј (твердый, **твръдъ** [1])) || м'ьлă̊с'ǽрдъј (милосердый, **милосръдъ**; ? цк.-сл., или же ↑ напр. къ „милосердіе“, или же совмѣстно то и другое).

'о́рст: нап'о́рстьк (наперстокъ, **напръстъкъ**) || п'ǽрст *цк.-сл.* (перстъ, **прьстъ**)
в'о́рстꙑ̆ (множ. отъ верста, **врьста**, древнерусск. **вьрьста** — Сб. 1076).

'о́рств: ч'о́рствъј (черствый, **чрьствъ**).

'о́рзл: м'о́рзлъј (мерзлый).

'о́рзн: м'о́рзнў̆т' (мерзнуть, **мръзнжти**).

'о́рн: т'о́рн (тернъ, ср. ст.-сл. **трьниє**)
д'о́рн (дернъ)

или ъ, а другой — когда по обѣимъ сторонамъ *р* стоитъ *е* или *о* (напр. берегъ **брѣгъ**, борода **брада**). Далѣе, явленіе полногласія бываетъ не только при *р*, но также еще при *л*.

[1]) Миклошичъ, изъ словаря котораго взята эта форма, произвольно предпочитаетъ въ разсматриваемыхъ случаяхъ начертаніе **ръ** начертанію **рь**. Въ этомъ отношеніи представляетъ преимущество словарь Востокова (*Востоковъ* А. Х, Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. Словарь церковно-славянскаго языка. С.-Петербургъ. 1858): Востоковъ выставляетъ написанія словъ согласно съ памятниками. Только въ словахъ, взятыхъ не изъ памятниковъ, а изъ словаря Миклошича (1-го изд. — Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti 1850), онъ удерживаетъ и орѳографію Миклошича. Но названный словарь Востокова менѣе полонъ по сравненію со 2-мъ изданіемъ словаря Миклошича (1862—1865 г.).

ч'о́рнъj (черный, **чрънъ**). Слова „скв'ǽрнъj“ (скверный, **скврьнъ**), с'ǽрнӑ (серна, **срьна**) представляютъ церковно-славянское произношеніе.

Разсматривая приведенные примѣры, не трудно замѣтить, что въ нихъ за *р* слѣдуетъ согласный твердый *передне-язычный*. Если же въ подобныхъ случаяхъ за *р* слѣдуетъ согласный твердый *губной*, или же *задне-язычный*, то при такихъ условіяхъ *е* не измѣнилось въ *о*. Примѣры:

ǽрп: т'ǽрпкъj (терпкій, **трьпъкъ** [1])
ч'ǽрпът' (черпать, **чръпати**)
с'ǽрп (серпъ, **срьпъ**).

ǽрб: в'ǽрбӑ (верба, **врьба**).

ǽрв: п'ǽрвъj (первый, **прьвъ**)
с'т'ǽрвӑ (стерва, **стръво**). Въ этомъ словѣ, такъ же какъ и въ предъидущемъ, случается слышать и мягкое произношеніе *р:* п'є́р'въj, с'т'є́р'вӑ.

ǽрк: з'ǽркълӑ (зеркало, **зрьцало**), произносится также — з'є́р'кълӑ
м'ǽркнўт' (меркнуть, **мръкнѫти**).

ǽрг: н'із'в'ǽргнўт' (низвергнуть, **врьгнѫти**)
ч'єт'в'ǽрк (четвергъ) и ч'єт'в'є́р'к.

ǽрх: пâв'ǽрхнъс'т' (поверхность) [2]
в'ǽрх (верхъ, **врьхъ**) и в'є́р'х; первое произношеніе, такъ же какъ и — з'ǽркълӑ,

---

[1]) Старо-славянскія написанія прилагательныхъ я привожу въ простой формѣ, какъ это дѣлаетъ Миклошичъ въ своемъ словарѣ. Въ словарѣ Востокова прилагательныя выставляются въ сложной формѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда прилагательное взято изъ словаря Миклошича. Кстати, укажу еще на одно внѣшнее различіе этихъ двухъ словарей: у Миклошича названіе памятника помѣщается *послѣ* примѣра, у Востокова же — наоборотъ.

[2]) Если за задне-язычнымъ согласнымъ слѣдуетъ еще *н*, то *р* произносится, кажется, только твердо: м'ǽркнўт', н'із'в'оǽргнўт', пâв'ǽрхнъс'т'.

ч'єт'в'ǽрк, п'ǽрвъj и т. п., вѣроятно, представляютъ книжное resp. црк.-слав. вліяніе; впрочемъ, тутъ возможно также предполагать случаи діалектологическіе.

Возникаетъ вопросъ, какъ объяснить себѣ указанную двойственность образованій: 'о́р ‖ ǽр или є́р'. Нужно предположить, что твердые согласные губные и задне-язычные, слѣдовавшіе за мягкимъ *р*, не вліяли на него ассимилирующимъ образомъ такъ сильно, какъ твердые согласные передне-язычные. При слѣдующихъ твердыхъ губныхъ и задне-язычныхъ согласный *р* въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилъ свою мягкость даже до нашего времени. Отсюда само собою понятно, что онъ сохранялъ свою мягкость въ этихъ случаяхъ и въ то время, когда совершалось измѣненіе *é* въ *ó*; а такъ какъ измѣненіе это происходило только передъ твердыми согласными, то оно и не могло имѣть мѣста въ разсматриваемыхъ случаяхъ, вслѣдствіе мягкости (неотвердѣнія) *р*, слѣдовавшаго за *é*.

Указанному различію въ русскомъ языкѣ такихъ случаевъ, какъ м'о́ртвъj ‖ т'ǽрпкъj, представляетъ нѣкоторую аналогію *польскій* языкъ, въ которомъ первому случаю соотвѣтствуетъ группа звуковъ *ar*, а второму — *er*. Ср.: 1) четвертый — czw*ar*ty, тертый — t*ar*ty, чертъ — cz*ar*t (рядомъ имѣется и слово cz*or*t, въ которомъ естественно признать заимствованіе изъ русскаго), мертвый — m*ar*twy, твердый — tw*ar*dy, мерзлый — zm*arz*ły, мерзнуть — m*arz*nąć, тернъ — t*ar*ń, дернъ — d*ar*ń, черный — cz*ar*ny [1]); 2) терпкій — c*ier*pki, черпать — cz*er*pać, серпъ — s*ier*p, верба — w*ierz*ba, первый — p*ier*wszy, стерва — ś*cier*wo, меркнуть — m*ierz*chnąć, верхъ — w*ierz*ch, поверхность — pow*ierz*chność.

Нужно еще замѣтить, что измѣненіе или же неизмѣненіе *é* въ *ó* передъ отвердѣвшими согласными наблюдается, кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ полногласія, также при другихъ группахъ согласныхъ звуковъ, напр.:

бн: вǻлш'ǽбнъj (волшебный, **ВЛЪШЬБЬНЪ**)
мǻл'ǽбны̆ (молебны, **МОЛЬБЬНЪ**)

---

[1]) Особенность представляютъ слова: черствый — cz*er*stwy и верста — w*ier*sta ‖ w*ior*sta.

служǽбнъj (служебный, **слоужьбьнъ**)
суд'ǽбнъj (судебный, **сждьбьнъ**)
уч'ǽбнъj (учебный).

вн: др'ǽвнъс'т' (древность, ср. прил. **дрєвьнь**)
душǽвнъj (душевный, **доушєвьнъ**)
плач'ǽвнъj (плачевный, **плачєвьнъ**)
р'ǽвнъс'т' (ревность, **рьвьность**, также **ревьн-**).

мн: пр'ijо́мнъj (пріемный, **приимьнъ**)
т'о́мнъj (темный, **тьмьнъ**)
пå̊дз'ǽмнъj, туз'ǽмнъj (подземный, туземный, **ꙁьмьнъ**).

тн: ч'о́тнъj (четный, **чьтьнъ**)
пå̊ч'о́тнъj (почетный)
тшч'ǽтнъj (тщетный, **тъштєтьнъ**).

сн: кå̊л'о́снъj (колесный, **колєсьнъ**)
др'єв'ǽснъj (древесный, **дрєвєсьнъ**)
н'єб'ǽснъj (небесный, **нєбєсьнъ**)
слå̊в'ǽснъj (словесный, **словєсьнъ**)
ч'уд'ǽснъj (чудесный, **чоудєсьнъ**)

стн: кр'о́снъj (крестный, **кръстьнъ**) || кр'ǽстнъj
л'ǽстнъj (лестный, **льстьнъ**)
ч'ǽстнъj (честный, **чьстьнъ**).

зн: пå̊л'ǽзнъj (полезный, **польꙁьнъ**).

здн: б'єз'м'ǽзднъj (безмездный, **бєꙁмьꙁдьнъ**).

жн: кар'т'о́жнъj (картежный)
пр'іл'ǽжнъj (прилежный, **прилєжьнъ**)
с'м'ǽжнъj (смежный, ср. **междьнъ, сжмєждьникъ**).

нн: н'єс'о́ннъj (несенный), в'єд'о́ннъj (веденный), пл'єт'о́ннъj (плетенный) и т. п.
å̊пр'єд'єл'о́ннъj (опредѣленный), пр̊å̊с'в'ешч'о́ннъj (просвѣщенный) и пр.
зъбуб'о́ннъj (забубенный), каз'о́ннъj (казенный), пå̊д'о́ннъj (поденный, **дьньнъ**) и др.
блажǽннъj (блаженный), вå̊jǽннъj (военный), здърå̊в'ǽннъj (здоровенный), н'ъсравн'ǽннъj (несравненный), å̊бъкнå̊в'ǽннъj (обыкновен-

ный), åглашǽнnъj (оглашенный), съв'æршǽнnъj (совершенный), с'т'ɛп'ǽнnъj (степенный, **стєпєньнъ**), jач'м'ǽнnъj (ячменный, **ꙗчьменьнъ**) и т. д.

§ 73. Перехожу теперь къ указанію другихъ особенностей по разсматриваемому вопросу.

1) Въ словѣ

åт'ǽц (отецъ, **отьць**)

гласный звукъ, обозначенный въ правописаніи черезъ *е*, произносится какъ ǽ, а не какъ *о́*, хотя далѣе слѣдуетъ твердый согласный, именно *ц*.

Подобное явленіе мы наблюдаемъ не въ одномъ только этомъ словѣ, а въ цѣломъ рядѣ существительныхъ муж. р., оканчивающихся на *-éцъ*, напр.: лåв'ǽц (ловецъ, **ловьць**), руб'ǽц (рубецъ), р'ɛз'ǽц (рѣзецъ, **рѣзьць**), твåр'ǽц (творецъ, **творьць**) и т. д.

Особенность эту можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Въ русскомъ языкѣ согласный *ц* прежде былъ мягкимъ подобно тому, какъ это мы видимъ въ старо-славянскомъ языкѣ, да и теперь еще въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка. Процессъ измѣненія *é* въ *о́* совершался въ то время, когда *ц* произносилось еще мягко, а потому *é* передъ *ц* и не могло измѣниться въ *о́*. Согласный *ц* сталъ отвердѣвать уже послѣ; но отвердѣніе его теперь вызвало только измѣненіе мягкой рекурсіи предшествующаго *é* въ твердую, но не измѣненіе этого гласнаго въ *о́*, такъ какъ процессъ измѣненія *é* въ *о́* уже миновалъ.

2) Съ другою особенностью мы можемъ познакомиться на словѣ

в'ǽтхъj (ветхій, **ветъхъ**).

Въ этомъ словѣ по требованію орѳографіи пишется буква *е*, которая однако произноситсп какъ ǽ (а не какъ *о́*), хотя далѣе и слѣдуетъ твердый согласный. Такое произношеніе объясняется тѣмъ, что слово „ветхій“ заимство-

вано въ русскій языкъ изъ церковно-славянскаго; въ церковно-славянскомъ же языкѣ буква *е* никогда не выговаривается какъ *о*, а только какъ *э*. Въ словѣ „в'о́тыш“ (ветошь), родственномъ разсматриваемому нами, буква *е* въ тѣхъ же условіяхъ произносится какъ *о́*, такъ какъ это слово чисто русское.

Сюда же относятся слова:

в'єр'т'ǽп (вертепъ, **крътъпъ**)
хр'єб'ǽт (хребетъ, **хрѣбътъ**)
н'ǽбə̃ (небо, **нєбо**) || н'о́бə̃ (во рту)
кр'ǽст (крестъ, **крьстъ**), кр'ǽстнъj || кр'о́снъj
п'ǽрст || нап'о́рстък и др.; см. также примѣры въ предъидущемъ §.
н'єб'ǽс (Р. мн. отъ небо, **нєбо, -єсє**), ч'уд'ǽс (чудесъ, **чоудо -єсє**); суд'ǽп (Р. мн. отъ судьба, **сждьба**), кл'єв'ǽт (Р. мн. отъ клевета, **клєвєта**) [1].

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *é* передъ твердымъ согласнымъ выговаривается какъ *э* вслѣдствіе того, что написаніе буквы *е* въ этихъ случаяхъ утвердилось въ силу традиціи вмѣсто *ѣ*, напр.: бл'ǽск (блескъ, **блѣскъ**), в'ǽкшə̃ (векша, **вѣкъша**), вр'ǽт (вредъ, **врѣдъ**), запр'ǽт (запретъ, **ꙁапрѣта**), м'ǽлкъj (мелкій, **мѣлъкъ**), мр'ǽжə̃ (мрежа, **мрѣжа**), тр'ǽба (треба, **трѣба**), ч'л'ǽн (членъ, **члѣнъ**).

3) Что касается до иностранныхъ словъ, то если въ языкѣ, изъ котораго они заимствованы, произносится *е*, то гласный этотъ и въ русскомъ произношеніи выражается посредствомъ соотвѣтствующаго гласнаго *э*, широкаго или же узкаго—сообразно съ твердостью или же мягкостью слѣдующаго согласнаго, напр.:

план'ǽтə̃ (планета)
план'é́т'æ̃ (планетѣ).

---

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые случаи объяснимы вліяніемъ аналогіи, напр. нâч'л'ǽк (ночлегъ; соотвѣтствующаго слова въ старо-славянскихъ памятникахъ не встрѣчается):

дѣдѣ : дѣдъ = бѣгѣ : бѣгъ = ночлегѣ : *х*
х = ночлегъ (нâч'л'ǽк).

Въ правописаніи въ такихъ случаяхъ пишется буква *е*. Дѣло въ томъ, что это и подобныя ему слова заимствованы въ то время, когда звуки, обозначавшіеся черезъ *е* и *ѣ*, уже смѣшивались, такъ что все равно было, написать ли *е* или же *ѣ*, но только установился обычай въ словахъ иностранныхъ писать *е*. Такимъ образомъ въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, гласный звукъ *э́* передъ твердыми согласными обозначается черезъ *е*, а не черезъ *ѣ*, наприм.: б'іл'э́т (билетъ), бр'ун'э́т (брюнетъ), бук'э́т (букетъ), буф'э́т (буфетъ), къб'ін'э́т (кабинетъ), газ'э́та̀ (газета), кар'э́та̀ (карета), ка̀тл'э́та̀ (котлета), кушэ́тка̀ (кушетка), ʲьн'т'єр'э́с (интересъ), д'єп'э́ша̀ (депеша), ман'э́р (манеръ), къвал'э́р (кавалеръ), ка̀нв'э́рт (конвертъ) и т. п.

4) Въ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ буква *е* произносится какъ э́ передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ. Но есть случаи, въ которыхъ буква *е*, наоборотъ, произносится какъ *о́*, хотя далѣе слѣдуетъ мягкій согласный, напр.

б'єр'*о́*з'э̄ (березѣ).

Разсматриваемая особенность произношенія возникла слѣдующимъ образомъ. Въ нашемъ словѣ во всѣхъ падежахъ, кромѣ Д. и Пр. ед., передъ *з*, какъ передъ твердымъ согласнымъ, произносится *о́*. Такимъ образомъ, такъ какъ почти во всѣхъ падежныхъ формахъ передъ *з* произносится *о*, то и въ Д. и Пр. ед. *по аналогіи* является тоже *о*, т. е. б'єро́з'э̄ вм. б'єр'е́з'э̄. Возникновенію такого однообразія могли способствовать также случаи, въ которыхъ черезъ все склоненіе проходитъ одинъ и тотъ же гласный основы, напр.: рабо́та̀ (работа) || раб'о́т'э̄ (работѣ), зано́за̀ (заноза) || зано́з'э̄ (занозѣ), па̀дру́га̀ (подруга) || па̀дру́г'э̄ (подругѣ) и т. п.

Другіе примѣры, которые объясняются подобнымъ же способомъ: т'єт'о́х'э̄ (тетехѣ), т'єт'о́х'і̄ (тетехи) ↑ т'єт'о́ха̀ (тетеха); м'о́д'э̄ (медѣ) ↑ м'о́т (медъ, **медъ**); нам'о́к'э̄ (намекѣ), нам'о́к'і̄ (намеки) ↑ нам'о́к (намекъ); а̊т'о́к'э̄ (отекѣ), а̊т'о́к'і̄ (отеки) ↑ а̊т'о́к (отекъ); р'о́б'ър (реберъ) ↑ р'о́бра̀

(ребра, **ребра**); в'о́с'ъл (веселъ,) ↑ в'о́слӑ (множ. отъ весло, **весло**); дал'о́к'ъм (далекимъ) ↑ дал'о́къj (далекій, **далекъ**); т'о́м'ьн (теменъ) ↑ т'о́мнъj (темный, **тьмьнъ**); и т. п.

Тоже аналогіей объясняется то явленіе въ спряженіи, что буква *é* передъ *те* во 2 мн. произносится какъ *о*, напр. н'ес'о́т'ь (несете, **-ете**) ↑ н'ес'о́т, н'ес'о́м; в'ед'о́т'ь ↑ в'ед'о́т, в'ед'о́м и т. д.

Далѣе, въ Тв. ед. сущ. ж. на *-я* буква *е* окончанія *-ею* произносится при удареніи какъ *о*, напр. з'емл'о́j̆ў (землею, **земліею**). Если мы возьмемъ какое-нибудь слово изъ сотвѣтствующаго твердаго склоненія, напр. жæна́ (жена), то увидимъ, что Тв. ед. оканчивается на -о́j̆ў: жæно́j̆ў. Вотъ это окончаніе -о́j̆ў распространилось путемъ аналогіи и на мягкое склоненіе, напр. з'емл'о́j̆ў вм. з'емл'е́j̆ў. Другіе примѣры: стр'апн'о́j̆ў (стряпнею), ступн'о́j̆ў (ступнею), п'ьт'ер'н'о́j̆ў (пятернею), вâз'н'о́j̆ў (вознею), зар'о́j̆ў (зарею), кут'jо́j̆ў (кутьею), с'ем'jо́j̆ў (семьею). Что касается до мягкаго склоненія прилагательныхъ, то, какъ извѣстно, въ общерусскомъ языкѣ нѣтъ мягкихъ прилагательныхъ съ удареніемъ на окончаніи, а потому и нѣтъ въ этой категоріи однороднаго съ разсмотрѣннымъ нами перенесенія окончанія, по аналогіи, изъ твердаго склоненія въ мягкое. Категорія мѣстоименій представляетъ очень скудное количество словъ съ удареніемъ на мягкой флексіи, такъ что и здѣсь не произошло распространенія окончанія -о́jу; ср. мâjе́j̆ў (моею), твâjе́j̆ў (твоею), свâjе́j̆ў (своею), чjе́j̆ў (чьею).

Наконецъ, нужно указать на появленіе гласнаго *о́* вм. *е́* передъ мягкими согласными въ словахъ производныхъ, по аналогіи къ производящимъ, напр. зел'о́нъj (зеленый, **зеленъ**) < з'ел'о́н'къj (зелененькій); кул'о́к (кулекъ) < кул'о́ч'ьк (кулечекъ); ъгâн'о́к (огонекъ) < ъгâн'о́ч'ьк (огонечекъ); рубло́въj (рублевый) < рубл'о́в'ьк (рублевикъ).

Примѣчаніе. Нужно отмѣтить еще случаи, въ которыхъ этимологическое *ъ* произносится какъ *о*, вслѣдствіе аналогіи. Какъ объяснить, напр., произношеніе „з'в'о́зды“ (множ. отъ звѣзда, **звѣзда**)? с'л'æза́ (слеза, **сльза**): з'в'æзда́=с'л'æзы: з'в'æзды=и т. п.=с'л'о́зы: *x*; *x*=з'в'о́зды. Подобнымъ же путемъ

возникло и произношеніе „гн'óздă“ (множ. отъ гнѣздо, **гнѣздо**): р'æбрó: гн'æздо=р'æбрá: гн'æздá=р'óбрă: *æ; æ*=гн'óздă. Что же касается до произношенія „с'óдлă“ (множ. отъ сѣдло, **сѣдло**), то оно вполнѣ естественно, такъ какъ здѣсь въ основаніи лежитъ этимологическое *е*, а не *ъ*, какъ показываетъ старо-славянское написаніе, пишутъ же въ этомъ словѣ *ъ* по аналогіи къ *сѣсть* (**сѣсти**). Обратимся теперь къ однороднымъ явленіямъ въ глаголѣ. Слово „надъванъ“ выговаривается над'óвън (ср. ст.-сл. **одѣваѫ, одѣвати**); въјæвáт' (воевать, **воюєвати**): нъд'æвáт'=въјæвáл: нъд'æвáл=вăjóвън: *æ; æ*=над'óвън. Тоже аналогіей объясняется и произношеніе „ăбр'óл“ (обрѣлъ, прош. отъ обрѣсти, **обрѣсти**): м'єс'т'і (мести, **мєсти**): ъбр'єс'т'і=м'æтý: ъбр'æтý=м'óл: *æ; æ*=ăбр'óл. Глагольную форму „бѣгъ“ произносятъ — б'óк; п'æкý: б'æгý = п'єк'і: б'єг'і = п'óк: *æ; æ* = б'óк. Что касается до произношенія *о* въ „позъвывать“ (сравни старо-славянск. **ꙁѣѭѫти**), то оно возникло по аналогіи къ такимъ случаямъ, какъ „завоевывать“. Произношеніе „цв'óл“ (цвѣлъ, прош. отъ цвѣсти, ср. ст.-сл. **цвѣтѫ**) не представляетъ особенности, такъ какъ здѣсь *о* развилось изъ *е* (ѣ) при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ, въ правописаніи же утвердилось *ъ* по аналогіи къ написанію „цвѣтъ“ (**цвѣтъ**).

§ 74. Теперь я коснусь разсматриваемаго явленія по отношенію къ *діалектологіи* и *исторіи великорусскихъ* говоровъ.

Въ великорусскихъ говорахъ, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, измѣненіе *е* въ *о* произошло не только при удареніи, но и въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ. Что касается до *е* ударяемаго, то и тутъ имѣются нѣкоторыя особенности, напр.: вёрхъ, крёстъ, лёвъ, нёбо; ср. также: цёстен (т. е. честенъ), своёй и т. п. [1]).

Въ отношеніи исторіи разсматриваемаго измѣненія нужно замѣтить, что оно впервые въ памятникахъ великорусскихъ наблюдается въ XIV вѣкѣ. Такъ, въ Договорной грамотѣ Новгорода съ вел. кн. Михаиломъ Ярославичемъ,

---

[1]) См. Колосовъ М., Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка (1878) стр. 71—84.

1317 г., встрѣчаемъ написаніе — чорныхъ. Замѣчу, что *о* въ подобныхъ случаяхъ при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ могло произноситься вмѣсто *е* и раньше, напр. въ предъидущемъ столѣтіи, но только не обозначалось при письмѣ, за отсутствіемъ особаго знака для йотированнаго *о*, подобно тому какъ и въ современномъ письмѣ гласный *о*, предшествуемый мягкимъ согласнымъ, передается буквою *е*, напр. несемъ, ведемъ и т. п. Памятники XV столѣтія представляютъ больше случаевъ написанія *о* вм. *ё*; встрѣчаются даже такія написанія, какъ *рубловъ*, гдѣ, какъ справедливо замѣтилъ проф. Колосовъ, „*л* по всей вѣроятности, должно быть произнесено мягко, т. е. приведенная форма есть тоже, что — *рублёвъ*“. Наконецъ, въ этомъ же столѣтіи наблюдаются также случаи написанія *о* вмѣсто неударяемаго *е* [1]).

Примѣчаніе. Въ современномъ русскомъ письмѣ нѣтъ такого знака для гласнаго *о*, который бы указывалъ на мягкое произношеніе предшествующаго согласнаго (буква же *ё* употребляется весьма рѣдко, или даже вовсе не употребляется). При такой недостачѣ, сочетанія изъ гласнаго *о* и предшествующаго мягкаго согласнаго въ нѣкоторыхъ малограмотныхъ написаніяхъ обозначаются *приблизительно*, именно — такъ же, какъ если бы гласному *о* предшествовалъ твердый согласный, напр. „*жывотъ*“=1) животъ, 2) живетъ. Если же гласному *о* предшествуетъ согласный j, то такое сочетаніе выражается посредствомъ одной буквы *о*, напр. „*отъсо*“, „*моо*“.

§ 75. Перехожу къ разсмотрѣнію судьбы этимологическаго *е* въ *малорусскомъ* языкѣ [2]).

---

[1]) См. Колосовъ М., Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе (1872) стр. 133, пунктъ 8.

[2]) По этому вопросу, между прочимъ, см.:

Потебня А., Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 95—109.

Житецкій П., Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (1876) стр. 107—123.

Jagić V., Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen

Прежде всего замѣчу о томъ, что въ малорусскомъ, какъ и въ общерусскомъ языкѣ, имѣетъ мѣсто измѣненіе этимологическаго *е* въ *о*. Измѣненіе это встрѣчается какъ при удареніи, такъ и въ слогахъ неударяемыхъ, но при условіи твердой артикуляціи слѣдующаго слога. При палятальности же слѣдующаго слога этимологическое *е* сохраняется, ср. пшоно (**пьшено**) ‖ пшеница (**пьшеница**). При этомъ нужно отмѣтить ту особенность, что въ малорусскомъ языкѣ, сравнительно съ великорусскимъ, измѣненіе *е* въ *о* — явленіе рѣдкое, такъ какъ оно по преимуществу имѣетъ мѣсто при предшествующихъ шипящихъ согласныхъ. При предшествующихъ же другихъ согласныхъ *е* обыкновенно удерживается, напр. рэ́бра, тэ́сана, далэ́ко и т. п. [1]). Кстати, здѣсь приходится отмѣтить твердое произношеніе согласныхъ передъ *е*. Вѣроятно, что такое произношеніе не исконное, что въ малорусскомъ произошло отвердѣніе сочетаній согласнаго съ *е* [2]).

Я уже сказалъ, что для измѣненія *е* въ *о* въ малорусскомъ нужно, чтобы слѣдующій слогъ не былъ палятальный. Впрочемъ, вслѣдствіе распространенія по аналогіи, *о* вм. *е* является иногда и при мягкости слѣдующаго слога; напр. жон'і (↑ жона и т. д.), на чол'і (↑ чоло, чола и т. д.). Однако нужно замѣтить, что говоры въ данномъ случаѣ представляютъ колебанія, напр. въ окончаніи Дат. ед.: хлопц'э́ві и хлопц'о́ві и т. п. [3]).

Мы разсмотрѣли въ малорусскомъ языкѣ судьбу этимологическаго *е* въ слогахъ открытыхъ. Иное мы видимъ при закрытости слога. Этимологическое *е* въ слогахъ закрытыхъ, ударенныхъ и неударенныхъ, отражается какъ *тонкое* і, т. е. какъ *і* съ мягкостью предъидущаго согласнаго [4]), напр.:

---

e, ê, ę in den slavischen Sprachen (Arch. f. slav. Phil. Bd. V. 1881) стр. 568—575.

[1]) См. Jagić l. c. стр. 569.

[2]) Ср. Колосовъ Обзоръ стр. 67.

[3]) См. Jagić l. c. стр. 570.

[4]) При транскрипціи малорусскихъ словъ такое і обык-

п'і́ч (**пѣшть**, печь) || пэ́чі
с'і́л (Р. мн.) || сэ́ло
л'і́ґ (**лѣгл**ъ, легъ) || лэ́ґла
н'і́с || нэ́сла
в'і́з || вэ́зла

Аналогію разсматриваемому явленію представляетъ этимологическое *о*, которое въ малорусскомъ въ слогахъ закрытыхъ отражается какъ твердое *і* (и), напр.:

ніс (т. е. носъ, **носъ**) || носа
віз (т. е. возъ, **возъ** || воза.

Спрашивается, что за связь измѣненія этимологическихъ *е* и *о* съ закрытостью слога? Прежде всего нужно уяснить себѣ происхожденіе закрытыхъ слоговъ въ современномъ намъ русскомъ и другихъ современныхъ славянскихъ языкахъ. Въ этомъ намъ поможетъ языкъ старославянскій. Дѣло въ томъ, что въ старо-славянскомъ языкѣ нѣтъ закрытыхъ слоговъ. Слоги, которые теперь въ славянскихъ языкахъ являются закрытыми, т. е. замкнутыми согласными, въ языкѣ старо-славянскомъ послѣ такого согласнаго имѣли **ъ** или же **ь**. Надо предположить, что чрезъ эту фазу, представляемую языкомъ старо-славянскимъ, проходили и другіе славянскіе языки. Въ послѣдующей жизни славянскихъ языковъ, съ исчезновеніемъ этихъ **ъ** и **ь**, являются закрытые слоги, такъ что на мѣстѣ прежнихъ двухъ открытыхъ слоговъ возникаетъ одинъ закрытый. Вотъ эта перемѣна и обусловила въ малорусскомъ развитіе тонкаго *і* изъ *е* и твердаго *і* изъ *о* въ слогахъ закрытыхъ. (Болѣе подробное толкованіе явленія будетъ ниже).

Теперь представлю рядъ примѣровъ измѣненія этимологическихъ *о* и *е* въ *і* въ малорусскомъ (w = полугл. ў):

новенно обозначаютъ посредствомъ т. н. десятеричнаго *і*, посредствомъ же восьмеричнаго *и* обозначаютъ твердое і, предъ которымъ согласные произносятся твердо, кромѣ задне-язычныхъ, которые, кажется, произносятся мягко.

і изъ *о* (ст.-слав. **о**)	*і* изъ *е* (ст.-слав. **є**)
а) въ *корнѣ:*	а) въ *корнѣ:*
вѣwса́ (|| овэс, **овьсъ**)	шіст' (|| шэсті; **шєсть**)
к'ін' (|| кон'а́, **конь**)	с'ім (|| сэмі; **сєдмь**, семь)
ніс (|| носа)	н'іс (|| нэсла)
б) въ *суффиксѣ:*	б) въ *суффиксѣ:*
бат'к'ѣw (прил. притяж.)	з'ат'ѣw (прил. притяж., зятевъ)
бат'k'ѣwск'ij	з'ат'ѣwск'ij
жідѣwka (**жидовъка**)	вішн'ѣwка (вишневка)
попѣwна (поповна ср. ст.-сл. прил. **поповъ**)	корол'ѣwна (королевна)
в) въ *окончаніи:*	в) въ *окончаніи:*
волѣw (Род. мн.)	γajѣw (Род. мн.)
w γустѣм (Предл. ед.)	крajѣw
w чістѣм	w сін'ім (Предл. ед.)
г) въ *префиксѣ:*	г) въ *префиксѣ:*
пѣд (**подъ**)	пэр'ід (**прѣдъ**, передъ)

Гласные *о* и *е*, образовавшіеся изъ **ъ** и **ь**, не представляютъ подобнаго измѣненія въ *і*. Примѣры:

о (**ъ**)	*е* resp. *о* (**ь**)
а) въ *корнѣ:*	а) въ *корнѣ:*
лоб (**лъбъ**)	дэн' (**дьнь**)
мох (**мъхъ**)	пэн' (**пьнь**)
γорб (**грѣбъ**)	сэрцэ (**срьдьцє**)
пowзті (**плъсти**, ползти)	чорнij (**чрънъ**)
б) въ *суффиксѣ:*	б) въ *суффиксѣ:*
локот' (**лакъть**)	молодэц' (**младьць**)
жінок (Р. мн. отъ жінка)	ручок (Р. мн. отъ ручка)
оγон' (**огнь**)	капэл' (Р. мн. отъ капл'а, **каплі**)
в) въ *окончаніи:*	в) въ *окончаніи:*
паном (Тв. ед., **-ъмь**)	конэм Тв. ед., **-ьмь**)
сэлом	полэм

Проф. А. А. Потебня, указавши общій законъ измѣненія основныхъ *о* и *е* въ *і* и выдѣливши при этомъ случаи *о* и *е* изъ *ъ* и *ъ*, указываетъ *исключенія* изъ общаго правила [1]). Исключенія эти, объясняющіяся или вліяніемъ аналогіи, или же заимствованіемъ (изъ русскаго, польскаго), — слѣдующія:

А. Вмѣсто *о*, *е* имѣется *і* въ слогахъ открытыхъ:

а) передъ *-ок* (*-ѣкъ*) въ Им. ед. муж.: дзв*і*нок (и дзвонокъ), к'*і*лок (и колокъ), сн*і*пок, підвэч*і*рокъ.

Исключенія эти, по-моему, безъ всякой натяжки могутъ быть объяснены аналогіей къ другимъ падежамъ тѣхъ же словъ, напр. дзв*і*нок ↑ дзв*і*нка и пр. Кромѣ того, аналогіи этой могъ способствовать Имен. ед. словъ производящихъ.

Существованіе параллельныхъ формъ — дзв*о*нок, к*о*лок понятно, въ виду присутствія этого гласнаго въ большинствѣ падежныхъ формъ словъ производящихъ: дзв*о*на, дзв*о*ну и т. п.; но затрудненіе состоитъ въ рѣшеніи того, сохраняется ли въ разсматриваемыхъ производныхъ словахъ первоначальное *о*, или же *о* въ нихъ явилось вторично, по аналогіи.

Вполнѣ согласно съ общимъ закономъ, *о* и *е* передъ разсматриваемымъ окончаніемъ *-ок* не измѣнились въ *і*, когда они образовались изъ *ъ* и *ъ*: т*о*ржок, в*о*wчок, л*о*бок, р*о*ток, дэн'*о*к, пэн'*о*к, л'*о*нок. Не могло въ нихъ *і* появиться и путемъ аналогіи, такъ какъ ни въ косвенныхъ падежахъ этихъ словъ, ни въ словахъ производящихъ не могло возникнуть *і*, слѣд. совершенно не было толчка для образованій по аналогіи.

Что касается до дальнѣйшихъ образованій отъ именъ на *-ок*, то образованія эти естественно согласуются относительно гласнаго звука со своими непосредственными производящими, напр. γв*і*здочок ‖ т*о*ржочок, γол*о*сочок.

---

[1]) l. c. стр. 98—100 (пунктъ 5).

б) передъ *-ок* (**-ъкъ**), въ Р. мн. именъ женск. рода, напр.: г'*і*рок, к'*і*зок, ж*і*нок, сл'*і*зок. Эти случаи тоже легко, безъ всякой натяжки, объясняются вліяніемъ аналогіи большинства падежей тѣхъ же словъ, напр.: г'*і*рка, г'*і*рк'і и пр.; могъ вліять также Р. мн. именъ производящихъ, напр. г'ір.

И т. д.

Б. Основные *о*, *е* являются въ слогахъ закрытыхъ.

Такъ, напр., въ нѣсколькихъ словахъ подъ вліяніемъ книжнаго языка: Бо*г*, (но—даст' Бі*г*, спасібі), го*д* (по—wто*г*і*д*), го*с*по*д*', до*м*. Далѣе, въ заимствованномъ изъ польскаго—хло*п*, хло*п*чэ. Наконецъ, во 2. 3 ед. наст.—вэдэш, вэдэтц'а (↑ вэдэмо, вэдэтэ).

§ 76. Взглянемъ теперь на измѣненіе этимологическихъ *о*, *е* въ *і* съ точки зрѣнія *исторіи* языка.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ по разсматриваемому вопросу являются грамоты. Для этого см.: *Памятники* дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго въ древнемъ Галицко-Володимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ, съ второй половины XIV столѣтія. Издалъ Я. Ѳ. Головацкій въ журналѣ *Науковый Сборникъ* издаваемый литературнымъ обществомъ Галицко-русской Матицы во Львовѣ, т. I (1865) стр. 181 — 200 NN грамотъ I — XXI, т. II (1866) стр. 36 — 56 NN XXIII—XXXVIII, т. III (1867) стр. 135 — 161 NN XXXIX — LV. Грамоты эти обнимаютъ время отъ 1359 — 1451 года.

Нѣкоторыя изъ этихъ грамотъ помѣщены, какъ приложеніе, въ *Очеркѣ* звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія И. Житецкаго (на стр. 353 — 359), а именно NN I (1359 года), II (1366), V (1375), XI (1393) XX (1400), XXXI (1418), XXXII (1421), LIV (1451).

Описаніе грамотъ и ихъ особенностей находимъ въ *Очеркахъ* изъ исторіи русскаго языка А. Соболевскаго (1884) стр. 59 — 64.

Этимологическое *о* въ закрытомъ слогѣ нерѣдко отражается въ видѣ *у*, напр.: Ларивѫнъ (грам. 1366 г.), Радив*оу*нковѣ (ib.) || Радивонъковоѣ (1359), К*оу*ндрата || Кондратъ (1401), добров*оу*льно (1366), щадѫмъ (Дат. множ., 1408).

Этимологическое *е* отражается нерѣдко въ закрытыхъ слогахъ въ видѣ *ѣ* resp. *ю* (передъ твердыми согласными) и въ видѣ *и* (передъ мягкими согласными), напр.: по Божь*ю*мъ (1393), на сво*ю*мъ (1398), по нюмъ [1]) (1422), Васил*ѣ*въ сынъ (1366), б*ѫ*дете чт*ю*нъ (1398); ш*и*стдесѧть || шести (1359), ш*и*стьцѧтого || шестого (1366) [2]), ш*и*сть (1393), н*и*жли (1404).

Послѣ шипящихъ этимологическое *е* и въ открытыхъ слогахъ нерѣдко отражается въ видѣ *о*, напр.: чотыри (1400), чотыриста (1401), ничого (1421), нашого (1424), нашомѫ (1403).

Приведенныя мною изъ грамотъ данныя представляютъ посредствующія стадіи въ измѣненіи *о*, *е* въ *і* въ закрытыхъ слогахъ. При этомъ оказывается, что путь измѣненія *е* въ *і* не одинаковъ передъ согласными твердыми и мягкими: передъ твердыми согласными посредствующею ступенью является *о*, передъ мягкими же согласными этой ступени мы не видимъ. Какъ происходило измѣненіе *е* въ *і* передъ согласными мягкими въ закрытыхъ слогахъ, объ этомъ можно судить на основаніи данныхъ, представляемыхъ галицко-волынскими церковными памятниками XII—XV вѣковъ [3]).

Такъ въ *Добриловомъ Евангеліи* (1164 г.) вмѣсто этимологическаго *е* передъ мягкими согласными въ закры-

---

[1]) Такъ какъ изданія грамотъ не вполнѣ тщательныя, то иногда недоумѣваешь, читать ли ю (т. ѣ) или же ю; такъ, напр., и въ данномъ случаѣ.

[2]) Въ этой грамотѣ мы имѣемъ одновременными явленія въ закрытыхъ слогахъ: *у* вм. *о*, *ѣ* (? *ю*) вм. *е* (передъ твердыми согласными), *и* вм. *е* (передъ согласными мягкими).

[3]) Изслѣдованіе этихъ памятниковъ см. въ вышеупомянутомъ трудѣ проф. А. И. Соболевскаго стр. 1—58.

тыхъ слогахъ стоитъ *ъ*, напр.: камъные, корънья, камънь, зълые, мъчьнымь, пъщь, сьдьмь, шъсть, о сьмь, о вспмь, по чюжъмь, по вспи, будъть, придъть и пр. [1]). Буква *ъ* здѣсь обозначаетъ долгое *е*; *е* краткое стало долгимъ вслѣдствіе исчезновенія *ъ* въ слѣдующемъ слогѣ, стало быть — вслѣдствіе замѣнительнаго удлиненія. Дальнѣйшая судьба этого *ъ*, происшедшаго путемъ удлиненія, въ малорусскомъ одинакова съ судьбою этимологическаго *ъ*, т. е. измѣняется въ тонкое *і*.

Что касается хода измѣненія этимологическаго *о* въ *і*, то нѣкоторыя указанія относительно этого даютъ современные малорусскіе говоры, представляющіе разныя фазы разбираемаго процесса. Такъ, въ *Заблудовскомъ* говорѣ (западная часть Гродн. губ.) и въ смежныхъ малорусскихъ вм. *о* произносится *уо* (одинъ слогъ); нуоч двуор и т. п. [2]). Въ *Черниговскомъ* говорѣ *о* произносится какъ *у:* кун', плут (т. е. плотъ) [3]). Въ *Угорской Руси* мѣстами произносится *ӱ:* нӱс и т. п. [4]).

Въ заключеніе мнѣ остается указать для разсмотрѣннаго нами явленія малорусскаго языка соотвѣтствія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ, въ *сербскомъ* языкѣ такіе примѣры, какъ: но͡с || но͡са, пе͡ћ || пе͡ћи, представляютъ въ Им. ед., гдѣ произошло исчезновеніе конечныхъ *з* или *ъ*, удлиненіе предшествующаго гласнаго, между тѣмъ какъ въ Род. ед. гласный основы является краткимъ, такъ какъ здѣсь не было повода къ замѣнительному удлиненію. Изъ *чешскаго* языка можно указать на такія чередованія, какъ bůh || boha и т. п. Въ *польскомъ* языкѣ: wół || wołu, miód || miodu и т. п. Польскій языкъ представляетъ ту особенность, что въ немъ наклоненіе *о* въ сторону *и* въ случаѣ

---

[1]) Соболевскій l. c. стр. 2—4.

[2]) Потебня l. c. 101.

[3]) *Grammatyka* języka Małoruskiego w Galicii przez Jana Wagilewicza. Lwów (1845), стр. XXI; ср. Потебня l. c.

[4]) Потебня ib.

исчезновенія конечныхъ ъ и ь имѣетъ мѣсто только передъ звонкими согласными (напр. въ приведенныхъ примѣрахъ такими согласными являются ł, d). [1])

---

[1]) Ср. еще: Будиловичъ А., Начертаніе церковнославянской грамматики примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ (1883) § 63.

Глава IX.

Бѣглые гласные звуки *о* и *е*. — Полногласіе.

§ 77. Сравнивая формы

пят*о*къ || пятка,

мы замѣчаемъ, что въ одномъ случаѣ въ основѣ имѣется гласный *о*, а въ другомъ случаѣ не имѣется никакого гласнаго.

Другое дѣло — такіе случаи, какъ

вид*о*къ || вид*о*ка,

гдѣ гласный *о* сохраняется во всѣхъ формахъ слова.

И такъ, слѣдуетъ различать „бѣглое“ *о* (какъ напр., въ словѣ „пятокъ“) отъ *о* „постояннаго“ (напр., въ словѣ „видокъ“).

Подобнымъ же образомъ и гласный *е* можетъ быть *бѣглымъ* и *постояннымъ*, напр.

отец*ъ* || отца

олен*ь* || олен*я* [1]).

§ 78. Констатировавши фактъ бѣглыхъ гласныхъ *о* и *е*, обратимся къ выясненію этого явленія.

Объяснить разсматриваемое явленіе намъ поможетъ языкъ старо-славянскій.

Въ такомъ случаѣ, какъ пят*о*къ || пятка, старо-славянскій языкъ представляетъ

---

[1]) Вм. *е* является при извѣстныхъ условіяхъ, разобранныхъ уже въ предшествующей главѣ, гласный *ё*, напр. кулёкъ || кулька, осётръ || осетра.

ПАТЪКЪ || ПАТЪКА,

а въ такомъ, какъ отецъ || отца,—

ОТЬЦЬ || ОТЬЦА.

Мы видимъ, что въ случаѣ бѣглаго *о* въ старо-славянской письменности имѣется начертаніе ъ (ѹ) какъ на мѣстѣ *о*, такъ и на мѣстѣ нуля, а въ случаѣ бѣглаго *е* мы видимъ начертаніе ь (ѵ). То состояніе, какое встрѣчаемъ въ *старо-славянскомъ* языкѣ, нужно предположить и для *русскаго* языка, т. е. что и въ русскомъ языкѣ было нѣкогда состояніе, когда вмѣсто бѣглаго *о* имѣлось ѹ (ъ), а вмѣсто бѣглаго *е* — ѵ (ь). Съ теченіемъ времени ѹ (ъ) въ однихъ условіяхъ измѣнилось въ *о*, а въ другихъ исчезло; подобнымъ же образомъ и ѵ (ь) или измѣнилось въ *е*, или же исчезло.

Въ случаѣ постоянныхъ *о* и *е* и въ старо-славянской письменности вообще имѣются тоже **о** и **є**.

Примѣчаніе. Не слѣдуетъ смѣшивать языкъ древне-русскій съ старо-славянскимъ, такъ какъ это — два отдѣльные языка славянской семьи. Поэтому, нельзя выводить явленія бѣглыхъ гласныхъ *о* и *е*. свойственнаго русскому языку, изъ языка старо-славянскаго, но только изъ того же (т. е. русскаго) языка, изъ болѣе древняго его состоянія. Къ старославянскому языку мы обратились только лишь за наведеніемъ или указаніемъ.

§ 79. Теперь мы попробуемъ на тѣхъ же примѣрахъ, которые взяли для разсмотрѣнія, опредѣлить *условія* двоякаго развитія ѹ (**ъ**) и ѵ (**ь**).

Въ формѣ „пятокъ“ (**ПАТЪКЪ**) конечное ъ (ъ) исчезло [1]). По мѣрѣ того, какъ ѹ (ъ) въ концѣ слова ослаблялось,

---

[1]) Ослабленіе й (ъ) происходило такимъ образомъ, что съуженіе губъ, нужное для произнесенія этого гласнаго, постепенно переходило въ индифферентное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблялась и артикуляція задней части языка, такъ что произношеніе й измѣнилось въ ы. Наконецъ, произношеніе этого гласнаго на столько ослабло, что онъ сталъ не дослышиваться и мало по малу исчезъ.

ŭ (ъ) въ предъидущемъ слогѣ усиливалось, расширялось, въ концѣ концовъ измѣнившись въ *о* [1]). Подобнымъ же образомъ и въ словѣ „отецъ“ (**отьць**) конечное ĭ (ь) ослабло до исчезновенія, въ зависимости отъ чего ĭ (ь) въ предъидущемъ слогѣ усилилось, расширившись въ *е*.

Если же въ концѣ слова имѣлось не ŭ (ъ) или ĭ (ь), но полный гласный, то послѣдній сохраняется, а ŭ (ъ) или ĭ (ь) въ предъидущемъ слогѣ исчезаетъ, напр. пятка (**патъка**), отца (**отьца**) [2]).

Примѣчаніе 1. Прежде чѣмъ произошло исчезновеніе ѵ (ь), этотъ гласный смягчилъ предшествовавшіе ему согласные, напр. о́с' (ось, **ось**; см. § 51, пунктъ 28), д'е*н*' (день, **дьнь**) и т. п. Ежели мы обратимъ вниманіе на смягченіе согласныхъ, происшедшее подъ вліяніемъ ѵ (ь) внутри слова, то увидимъ, что въ однихъ случаяхъ мягкость согласныхъ сохранилась, а въ другихъ случаяхъ произошло отвердѣніе подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго согласнаго; ср. *л'на́* (льна, **льна**) ‖ *а̊рла́* (орла, **орьла**). См. § 72.

Примѣчаніе 2. Въ виду двоякой судьбы ŭ (ъ) и ѵ (ь)— ослабленія или же усиленія, можно предполагать, что соотвѣтственно этому и въ старо-славянской письменности знаки **ъ** и **ь** обозначали гласные ŭ и ѵ въ однихъ случаяхъ съ болѣе сильнымъ произношеніемъ, а въ другихъ съ болѣе слабымъ.

Примѣчаніе 3. Спрашивается, какимъ образомъ могло случиться исчезновеніе конечныхъ ъ и ь въ тѣхъ случаяхъ, когда они сопровождались удареніемъ, напр. въ словахъ сынъ (ср. литов. sunùs), ночь (ср. литов. naktìs) и т. п. Здѣсь нужно предположить участіе двухъ факторовъ: 1) логическаго ударенія, благодаря которому конечные ъ и ь, сопровождаясь

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, вначалѣ **-тъкъ** представляло два слога; съ исчезновеніемъ же конечнаго ъ, разсматриваемое сочетаніе должно было бы превратиться въ одинъ слогъ, не вполнѣ удобный для произношенія, вслѣдствіе слишкомъ тѣснаго соприкосновенія согласныхъ (*-тък*). Такимъ образомъ, расширеніе въ такихъ условіяхъ ъ въ о представляетъ собою звуковое измѣненіе, происшедшее въ направленіи удобства произношенія.

[2]) См. Потебня А. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 56.

ударе́ніемъ, могли быть едва слышны, вслѣдствіе положенія занимаемаго словомъ въ предложеніи, 2) аналогіи къ случаямъ неударенности конечныхъ ъ и ь [1]).

§ 80. Изслѣдуя то или другое фонетическое явленіе, мы должны производить свое изслѣдованіе въ связи съ морфологіей. На тѣсную связь фонетики съ морфологіей, между прочимъ, косвенно указываетъ то обстоятельство, что иногда изслѣдователи разсматриваютъ фонетическія явленія при изложеніи морфологіи. Такъ, напр., А. Х. Востоковъ въ своей Русской Грамматикѣ [2]) бѣглые гласные звуки *о* и *е*, или — какъ онъ выражается — вставку *о* и *е* разсматриваетъ при изложеніи флексіи той или другой части рѣчи [3]). Изслѣдуя же данный вопросъ въ фонетикѣ, мы этимъ самымъ сокращаемъ трудъ по изученію морфологіи. И такъ, прежде всего мы должны собрать матеріалъ или примѣры по разсматриваемому вопросу и расположить ихъ по морфологическимъ категоріямъ:

о ‖ ⬭ (нуль) [ст.-сл. **ъ**]	*е* ‖ ⬭ [ст.-сл. **ь**]
а) въ *основѣ* (т. е въ корнѣ или же въ суффиксѣ):	а) въ *основѣ:*
1. Сущ. муж. р.:	1. Сущ. муж. р.:
со́н (сонъ, **сънъ**) ‖ сна́	а̊р'о́л (орелъ, **орьлъ**) ‖ а̊рла́
ло́п (лобъ, **лъбъ**) ‖ лба́	л'о́н (ленъ, **льнъ**) ‖ л'на́
ро́т (ротъ, **рътъ**) ‖ рта́	а̊т'а̊́ц̆ъ (отецъ, **отьць**) ‖ а̊т͡ца́

[1]) Ср. Соболевскій А., Очерки изъ исторіи русскаго языка (1884) стр. 71 сноска 3.

[2]) Русская Грамматика Александра Востокова по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная (1859)[10].

[3]) См. стр. 21 — 24 (вставка *о* и *е* въ существительныхъ, излагающаяся здѣсь какъ примѣчаніе къ таблицѣ склоненій), стр. 38 (вставка *о* и *е* въ прилагательныхъ).

у́гъл (уголь, **жгълъ**) || угла́
ло́къ̀т' (локоть, **лакъть**) || ло́кт'а̀.

2. Сущ. женск. р.:

па́лък (палокъ) || па́лка̀ (**палъка**)
ры́бък (рыбокъ) || ры́пка̀
ло́ш (ложь, **лъжь**) || лжы́
ро́ш (рожь, **ръжь**) || ржы́
во́ш (вошь, **въшь**) || фшы́

3. Сущ. средн. р.

до́н (донъ или доньевъ) || дно́ (**дъно**)
зо́л (зол) || зло́ (**зъло**).

4. Прилаг.:

кра́тък (кратокъ **кратъкъ**) || кра́ткъј
н'і́зък (низокъ, **низъкъ**) || н'і́скъј.

б) въ *окончаніи:*

до́мът (домо-тъ простонар.= домъ-то) || до́м.

в) въ *префиксѣ:*

са̊зва́т' (созвать, **съзвати**) ||
с'н'ес'т'і́ (снести, **снести**).

д'е́н' (день, **дьнь**) || д'н'а́
п'е́н' (пень, **пьнь**) || пн'а́.

2. Сущ. женск. р.

а̊в'а́ц (овецъ) || а̊фца́ (**овьца**)
ше́јък (шеекъ) || ше́јка̀
суд'а́п (судебъ) || суд'ба́ (**сждьба**).

3. Сущ. средн. р.

бр'о́в'ьн (бревенъ) || бр'авно́ (**бръвьно**, *Остр.*—**бьрьвьно**)
с'ер'д'а́ц (сердецъ) || с'а́рца̀ (**срьдьце**).

4. Прилаг.:

т'о́м'ьн (теменъ, **тьмьнъ**) || т'о́мнъј
скв'е́р'ьн (скверенъ, **скврьнъ**) || скв'а́рнъј.

б) въ *окончаніи:*

д'е́н'ът (денё-тъ простонар.= день-то) || д'е́н'.

---

§ 81. Въ настоящемъ параграфѣ я укажу главнѣйшія частности по разсматриваемому вопросу.

Мы видѣли, что расширеніе ъ и ъ (въ *о* и *е*) стоитъ въ зависимости отъ ослабленія ъ и ъ въ слѣдующемъ слогѣ; ослабленіе это произвело переходъ предъидущаго слога изъ открытаго въ закрытый, а это вызвало бы стѣсненіе согласныхъ при узкомъ краткомъ гласномъ, если бы не произошло расширенія послѣдняго.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ произошло расширеніе ъ и ь тамъ, гдѣ обыкновенно они исчезаютъ. Возьмемъ для примѣра слово „хитрецъ“ (**хытрьць**). Въ этой формѣ *е* развилось изъ ѣ (ь), взамѣнъ за исчезнувшее конечное ѣ (ь). Но ежели мы возьмемъ отъ этого слова какую-нибудь падежную форму съ полнымъ гласнымъ (т. е. не ъ и ь) въ конечномъ слогѣ, то ожидаемъ исчезновенія ѣ (ь) въ предъидущемъ слогѣ; а между тѣмъ вмѣсто ожидаемаго исчезновенія ѣ (ь) мы встрѣчаемъ въ этомъ слогѣ гласный *е*, напр. хитр*е*ца, хитр*е*цу и т. д. Какъ объяснить себѣ это явленіе? Можно думать, что здѣсь расширеніе ѣ (ь) вызвано *группою согласныхъ звуковъ* (тр) при возможномъ также участіи аналогіи, не смотря на присутствіе полнаго гласнаго въ слѣдующемъ слогѣ. Другіе примѣры: подлецъ — подлеца, льстецъ (**льстьць**) — льстеца, чернецъ (**чръньць**) — чернеца, челнокъ (**-ъкъ**) — челнока и т. п. [1]). Такимъ образомъ, эти примѣры представляютъ постоянное *о* или *е* вм. ожидаемыхъ бѣглыхъ гласныхъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію бѣглаго *о* въ *префиксахъ* и *предлогахъ*. Остановимся на такихъ чередованіяхъ, какъ — *со*мкнуть (**съмъкнѫти**) || смыкать (***съмъкати**) Мы видимъ, что нашъ префиксъ въ одномъ случаѣ является въ видѣ *со-*, а въ другомъ — въ видѣ *с-* (въ старо-славянскомъ обоимъ случаямъ соотвѣтствуетъ **съ**). Значитъ, въ одномъ случаѣ ѫ (ъ) префикса расширилось въ *о*, а въ другомъ ослабло и исчезло. Въ формѣ „сомкнуть“ (**съмъкнѫти**) расширеніе ѫ (ъ) въ префиксѣ вызвано ослабленіемъ такого же гласнаго, т. е. тоже ѫ (ъ), въ слѣдующемъ слогѣ; въ формѣ же „смыкать“ произошло въ префиксѣ ослабленіе ѫ (ъ), такъ какъ въ слѣдующемъ слогѣ находился полный гласный. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь тотъ же процессъ, что и въ „пятокъ“ || „пятка“; разница лишь въ

---

[1]) См. Востоковъ. Русская Грамматика (1859)[10] стр. 22. Впрочемъ, авторъ не различаетъ *о* и *е*, происшедшихъ изъ ъ и ь, отъ этимологическихъ *о* и *е* (напр., у него мы встрѣчаемъ: челнокъ || видокъ, день || камень и т. п.).

томъ, что въ одномъ случаѣ процессъ этотъ имѣетъ мѣсто въ началѣ, а въ другомъ — въ концѣ слова. Другіе примѣры: *со*рвать (**съръвати**) || срывать, *со* мною || *съ* тобою и т. д. Вообще, при *группѣ согласныхъ звуковъ* въ префиксѣ или предлогѣ мы видимъ гласный *о*, которому соотвѣтствуетъ при слѣдующемъ *одномъ* согласномъ отсутствіе (нуль) гласнаго. Впрочемъ, кромѣ фонетической причины здѣсь есть основаніе предполагать также дѣйствіе *аналогіи* [1]). Аналогіей можно объяснить, напр., возникновеніе параллельныхъ формъ — *со*жечь, *со*жигать || *с*жечь, *с*жигать. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на спряженіе глагола „сжечь“ (*с*жечь, *с*жегъ, *со*жгу, *со*жжешь и пр.), то замѣтимъ, что въ спряженіи одного и того же глагола нашъ префиксъ встрѣчается въ обоихъ видахъ — *со* и *с*. По аналогіи къ такимъ случаямъ, какъ — *со*жгу, *со*жжешь и пр., и образовались — *со*жечь, *со*жигать. Далѣе, при существованіи рядомъ префиксовъ *с* || *со* возникаетъ *дифференціація значенія*, различеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ этихъ префиксовъ по значенію, именно — *со* пріобрѣтаетъ значеніе „соучастія“, напр.: *со*наслѣдникъ (хотя фонетически ожидалось бы — *снаслѣдникъ), *со*общество, *со*ревнованіе, *со*умышленникъ, *со*участіе, *со*ученикъ. Утвержденіе за *со-* такого оттѣнка значенія, кажется, произошло подъ *церковно-славянскимъ вліяніемъ;* ср. напр. *со*боръ || *с*боръ. Я объясняю это себѣ слѣдующимъ образомъ. Ежели мы возьмемъ, напр., выраженіе изъ Остромирова Евангелія **въ ѥдиныи** [2]) и переведемъ его фонетически на современный намъ русскій языкъ, то получимъ — *въ* единый. Между тѣмъ въ современномъ церковно-славянскомъ текстѣ Евангелія выше приведенному выраженію Остромирова Евангелія соотвѣтствуетъ **во единѣ**. Когда занимались корректированіемъ церковно-славянскихъ книгъ, то, руководствуясь соображеніями объ извѣстномъ характерѣ русскаго

---

[1]) См. въ § 46 пунктъ 3.

[2]) Буслаевъ Ѳ., Историческая христоматія церковнославянскаго и древне-русскаго языковъ (1861) стр. 2.

языка, на мѣсто ъ, имѣвшагося въ старо-славянскомъ текстѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ ставили *о*, и при томъ нерѣдко тамъ, гдѣ не слѣдовало бы, какъ наприм. и въ данномъ случаѣ. Подобнымъ-то путемъ возникло и утвердилось (подъ вліяніемъ новаго, церковно-славянскаго текста) слово „соборъ“, рядомъ съ чисто русскимъ, народнымъ словомъ „сборъ“.

Укажу еще на такія образованія *по аналогіи* какъ — огонь, вѣтеръ и т. п. Слову „огонь“ соотвѣтствуетъ старославянское **огнь**; Род. над. огня, **огнꙗ**. По такимъ формамъ, какъ „огня“, нельзя догадаться, имѣется ли при согласномъ *г* бѣглое *о*, или же нѣтъ, и вотъ, по аналогіи къ случаямъ съ бѣглымъ *о* образуется Им. ед. „огонь“ вм. огнь. Подобнымъ же образомъ въ словѣ „вѣтеръ“ (**вѣтръ**) явилось бѣглое *е* по аналогіи къ словамъ съ бѣглымъ *е*.

Кромѣ фактора аналогіи нужно отмѣтить еще факторъ *діалектологическій*. Вотъ что говоритъ въ отношеніи этого А. А. Потебня (Два изслѣдованія, стр. 57):

„Съ теченіемъ времени во многихъ словахъ забылось происхожденіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ бѣглыхъ гласныхъ (т. е. сонъ, мохъ, ротъ, пень и т. п. || вѣтеръ, вихорь и т. п.), и они сочтены за постоянные. Съ другой стороны гласные постоянные (= Ст.-сл. *ѣ*) приняты за бѣглые. Это явленіе свойственно не только Русскимъ, но и другимъ Слав. нарѣчіямъ. Между Русскими нарѣчіями разница здѣсь не въ правилѣ, а въ томъ, на какія именно слова оно распространяется. Чтобъ опредѣлить эту разницу, нужно бы перечислить слова съ бѣглою и постоянною гласною, въ которыхъ расходятся Русскія нарѣчія. Этого мы сдѣлать не можемъ, и ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами: тесть, тестя (но въ нѣкоторыхъ Вр. говорахъ т’стя, Стар. ть-стя), рель, рели (мѣстами на рли), вихорь, вихоря (обыкн. вихря), мертвецъ, черпецъ, -ецá (Мр. мерця, ченця), въ письмѣ царя Алексѣя Михайловича даже первенеца, Перм. олень, ольня (вм. оленя), лобъ, лба, корень,

корня, камень, камня (Мр. лоба, каменя, кореня, и Арх. каменя, кореня).

Примѣчаніе. Разсмотрѣнному нами чередованію имѣются соотвѣтствія въ другихъ славянскихъ языкахъ Такъ, въ польскомъ языкѣ русскому чередованію *сонъ* || *сна* соотвѣтствуетъ чередованіе *sen* || *snu* (т. е. *е* || ⊃), при чемъ гласный *е* происходящій изъ ъ (й), не смягчаетъ предъидущихъ согласныхъ, за исключеніемъ задне-язычныхъ (ср. łok*ieć* **ЛАКЪТЬ** || łokcia). Русскому бѣглому *е* въ польскомъ соотвѣтствуетъ тоже бѣглое *е* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго, напр. *l*ew, **ЛЬВЪ** || *l*wa. Польскій языкъ, подобно русскому, представляетъ также случаи отвердѣнія (вслѣдствіе ассимиляціи) мягкихъ согласныхъ, но случаи эти не представляютъ полнаго параллелизма въ сравниваемыхъ двухъ языкахъ; сравн. рус. кӑн'а́ѣцъ (конецъ, **КОНЬЦЬ**)—кӑнца́ || польск. koniec—końca [1]). Наконецъ, въ польскомъ имѣются, какъ и въ русскомъ, образованія по аналогіи, наприм. уменьшительнымъ для *sosna* (**СОСНА**) служитъ sosnka или (↑) sosenka. Чешскій языкъ въ разсматриваемомъ отношеніи представляетъ большое сходство съ польскимъ; ср.: sen (**СЪНЪ**) || snu, pátek || patku, ode mne || od sebe; otec (**ОТЬЦЬ**) || otce и т. п. Въ сербскомъ языкѣ рускимъ бѣглымъ гласнымъ *о* и *е* одинаково соотвѣтствуетъ *а*, напр. *сан* (**СЪНЪ**) || сна, *лакат* (**ЛАКЪТЬ**) || лакта, угал (**ЖГЪЛЪ**) || угла, вјет*ар* (↑, ср. **ВѢТРЪ**) || вјетра; ов*ас* (**ОВЬСЪ**) || овса [2]).

Сдѣлаемъ теперь общій обзоръ *факторовъ* оказывавшихъ вліяніе при возникновеніи и развитіи въ русскомъ языкѣ бѣглыхъ гласныхъ звуковъ *о* и *е*.

1) *Удареніе.* Гласные **ъ** и **ь** возникли путемъ ослаб-

---

[1]) См. еще въ предъидущей главѣ такіе случаи, какъ *czer*pać || *cza*rny.

[2]) О бѣгломъ *а* сербскаго языка см.: Jagić V., Podmladjena vocalizacija u hrvatskom jeziku. Preštampano iz IX knjige „Rada“ jugoslavenske akademije. U Zagrebu 1869.—По поводу этой книги ср.: Кочубинскій А., Звукъ *а*, отличительнѣйшая черта сербскаго вокализма (Филологическія Записки 1870. Вып. VI, 1 — 40. 1871. Вып. I, 41 — 62); Бодуэнъ-де-Куртенэ (Ученыя записки Казанскаго Университета 1877. N 3, 716—733; тоже особымъ оттискомъ).

ленія, а послѣднее предполагаетъ нахожденіе ихъ въ неударенной части слова [1]).

2) *Положеніе* **ъ** *и* **ь** *въ словѣ.* Прежде всего надо отличать положенія разсматриваемыхъ гласныхъ въ концѣ и внутри слова. Въ концѣ словъ **ъ** и **ь** исчезли. Внутри **ъ** и **ь** исчезли, если въ слѣдующемъ слогѣ находился полный гласный; но они измѣнились въ *о* и *е*, когда въ послѣдующемъ слогѣ находился **ъ** или **ь**.

3) *Группы согласныхъ звуковъ.* Вслѣдствіе накопленія согласныхъ звуковъ, **ъ** и **ь** измѣнились въ *о* и *е* въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они обыкновенно исчезаютъ, т. е. внутри слова, когда въ послѣдующемъ слогѣ содержится полный гласный (ср., напр., форму „хитрєца“).

4) *Логическое удареніе.* Участіе этого фактора возможно предполагать при исчезновеніи конечныхъ ударенныхъ **ъ** и **ь**.

5) *Упражненіе* — главный движущій факторъ въ звуковыхъ измѣненіяхъ.

6) *Недослышиваніе.* Гласные **ъ** и **ь** въ случаяхъ слабаго произношенія легко не дослышивались, что̀ должно было благопріятствовать ихъ исчезновенію.

7) *Аналогія.* Въ участіи этого фактора убѣждаютъ такіе случаи, какъ: огонь (**огнь**), вѣтеръ (**вѣтръ**) и т. п.

8) *Факторъ діалектологическій.* Судьба **ъ** и **ь** разнообразится діалектологически; ср.: въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ общерусскому „мертвеца“ соотвѣтствуетъ форма „мерця“; лобъ ‖ лоба въ малорусскомъ.

9) *Вліяніе церковно-славянское.* Вліянію этого фактора обязано появленіе въ русскомъ языкѣ такихъ дублетовъ, какъ — соборъ (церк.-славянск.) ‖ сборъ (чисто-русск.) и т. п.

По разсматриваемому вопросу см. также замѣтку Р. Ѳ. Брандта „О мнимомъ переходѣ *ъ* и *и* въ *о* и *е*“ (Рус. Фил. Вѣстн. т. V. 1881, 353—357).

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, **ъ** и **ь**, между прочимъ, развились изъ $*a_{1}u$ и $*a_{1}i$ которые ослабли, будучи неударенными.

§ 82. Намъ остается теперь разсмотрѣть вопросъ о *времени* образованія въ русскомъ языкѣ чередованія *о* и *е* съ нулемъ.

По всей вѣроятности, чередованіе это начало образовываться еще въ до-историческую пору (т. е. ранѣе дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ), потому что уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка (напр., въ Остромировомъ Евангеліи, XI вѣка) встрѣчаемъ это чередованіе.

Проф. Буслаевъ замѣчаетъ: „уже въ древнѣйшую эпоху русскіе произносили буквы *ъ* и *ъ*, какъ *о* и *е*: потому писецъ Остромирова Евангелія, по русскому выговору, пишетъ: **сотникъ** вм. **сътьникъ, пришєдъи** (пришедшій) вм. **пришьдъи**; твор. над. ед. муж. и ср. родовъ на **-омъ**, вм. **-ъмь**; напр. **гласомъ, родомъ, словомъ**“ [1]).

Остановимся нѣсколько долѣе на указанномъ памятникѣ [2]).

Другіе случаи, представляющіе чередованіе начертаній

---

[1]) Историческая грамматика русскаго языка. Этимологія (1875)[4] стр. 40.

[2]) Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о прекрасномъ изданіи Остромирова Евангелія, могущемъ служить образцомъ для изданія памятниковъ, сдѣланномъ А. Х. Востоковымъ и составляющемъ уже библіографическую рѣдкость: Остромирово Евангеліе 1056 — 57 года. Съ приложеніемъ греческаго текста евангелій и грамматическими объясненіями, изданное А. Востоковымъ. С.-Пб. 1843. Приводя примѣры изъ этого Евангелія, я не указываю цифры листовъ, потому что въ *Словоуказателѣ* (словарѣ), приложенномъ къ Евангелію для каждой формы указаны листы, на которыхъ она встрѣчается въ Евангеліи, при чемъ каждая особая форма помѣщена въ особой строкѣ, какъ бы особое слово. При нѣкоторыхъ словахъ прибавлены любопытныя примѣчанія, касающіяся разныхъ сторонъ языка. — Кромѣ того: Остромирово Евангеліе 1056 — 57 года, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Иждивеніемъ С.-Петербургскаго купца Ильи Савинкова. С.-Пб. 1883 (исполнено посредствомъ фотолитографіи).—Козловскій М. Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова Евангелія. С.-Пб. 1885.

ь и є: **именьмь** || **именемь**, **ѥсльхъ** || **ѥслехъ**, **дьньхъ** (6 разъ) || **дьнехъ** (1 разъ), **вещехъ** и т. п. Впрочемъ, не правильнѣе ли смотрѣть на эти начертанія, какъ на двойныя формы, жившія въ языкѣ?

Что касается случаевъ ослабленнаго произношенія ъ и ь, то сюда относятся такія написанія, какъ **створи** вм. **сътвори**. На основаніи подобныхъ написаній можно бы придти къ предположенію, что въ это время ъ и ь въ извѣстныхъ условіяхъ уже исчезли. Однако осторожнѣе будетъ предположеніе, что въ разсматриваемое время могло еще не совершиться полнаго исчезновенія ъ и ь, что тогда они могли еще слышаться, какъ улетучивающіеся мимолетные звуки, какъ намеки на гласный звукъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ, по-видимому, то обстоятельство, что слабые ъ и ь въ Остромировомъ Евангеліи сравнительно рѣдко выпускаются, чаще они отмѣчены надстрочнымъ значкомъ ‘ или ’ [1]). Такъ мы встрѣчаемъ написанія: **въꙁалъкатиса** || **въꙁа́ка** || **въꙁалка**, **кънигъı** (обыкновен.) || **книгъı** (1 разъ); **къжьдо** или **къжъдо** || **къждо**, **вьса** || **в’са**, **вьсакъ** || **в’сакъ** (|| **всакъ**; NB. быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отсутствіе **ъ** или **ь** является опискою, состоящею въ пропускѣ буквы). Нужно также обратить вниманіе на употребленіе значковъ въ словахъ заимствованныхъ, хотя въ языкѣ, изъ котораго слово заимствовано, на мѣстѣ значка не имѣется никакого гласнаго звука; напр.: **єгу́пта**, **кен’тоурiона**, **иер’данъ**, **лєнтиємь** (τῳ λεντίῳ), **дъвѣ лєпътѣ** (δύο λεπτά). Можно думать, что въ заимствованныхъ словахъ,

---

[1]) Относительно употребленія этихъ значковъ А. Х. Востоковъ замѣчаетъ: „въ первой половинѣ Остромирова Евангелія употреблена кавычка ‘ вмѣсто ъра: испъл‘нѥнѫ, а кавычка ’ вмѣсто ьря: в’сакъ, также вм. ı, т. е. і слитнаго: ѥ́мл’ете. Но во второй половинѣ сего Евангелія не встрѣчается уже такого различія между ‘ и ’, а употребляется первый знакъ и вмѣсто ьря или ı, напр. бл‘гословл‘ени“. (Грамматика Церковно-Славянскаго языка изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. 1863. стр. 5—6).

вслѣдствіе непривычки къ произношенію извѣстныхъ группъ согласныхъ звуковъ, зарождался при произнесеніи такихъ сочетаній слабый, краткій гласный, который и отмѣчался значкомъ. Съ другой стороны, факты эти объяснимы и при предположеніи, что въ это время слабые **ъ** и **ь** уже исчезли; значку въ приведенныхъ написаніяхъ можно приписать просто слогоотдѣлительную роль; ср. также **ѥгда** (обыкнов.) || **ѥгъда** (1 разъ), — здѣсь **ъ** тоже служитъ какъ бы слогоотдѣлительной буквой.

И такъ, мы приходимъ къ выводу, что уже въ XI в. старо-славянскимъ **ъ** и **ь** въ русскомъ языкѣ въ однихъ условіяхъ соотвѣтствовали гласные *о* и *е* или близкіе къ нимъ, въ другихъ же условіяхъ — нуль гласнаго, или гласные мимолетные, близкіе къ исчезновенію.

Примѣчаніе 1. Если уже въ XI вѣкѣ слабые **ъ** и **ь** въ русскомъ языкѣ исчезаютъ, то нужно предположить, что еще до XI вѣка въ русскомъ языкѣ совершалось развитіе смягченія передне-язычныхъ и губныхъ согласныхъ подъ вліяніемъ смягчающихъ гласныхъ, такъ какъ согласные эти, съ исчезновеніемъ слабаго **ъ**, оказываются уже смягченными [1]).

Перехожу къ XII вѣку. Остановимся на *Грамотѣ велик. кн. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю* (1130 г.) [2]). Въ этой грамотѣ мы встрѣчаемъ случаи опущенія слабыхъ **ъ** и **ь**: **кто** (вм. **къто**), **всеволодоу** (вм. **вьсе-**). Здѣсь нужно обратить вни-

---

[1]) Другимъ доказательствомъ того, что въ XI вѣкѣ передъ узко-небными гласными уже смягчались предшествовавшіе имъ согласные передне-язычные и губные (смягченіе заднеязычныхъ восходитъ въ болѣе глубокую древность), могутъ служить такія формы, какъ **идиѧше, живиѧше, имиѧше** и т. п. Эти написанія Остромирова Евангелія свидѣтельствуютъ о существованіи въ это время въ русскомъ языкѣ мягкихъ *д, в, м* и пр. Единственнымъ же источникомъ для возникновенія мягкости этихъ согласныхъ могли быть лишь смягчающіе гласные, и между прочимъ **ь**.

[2]) См. Историческія христоматіи русскаго языка Буслаева, Смирнова.

маніе на то, что опущеніе имѣетъ мѣсто въ корнѣ, но не въ придаточной морфологической части; но, напр., въ словѣ **даровьноѥ** мы видимъ написаннымъ ь: писавшій легко могъ замѣтить, передъ какими окончаніями словъ пишется ъ и ь; въ корняхъ же, такъ какъ они повторяются рѣже, труднѣе запомнить правописаніе. Ср. также: **гѣѡргиѣви, гѣѡргиѝ, гѣѡргиѝ** (вм. ожидаемаго **-ръг-** или **-рьг-**).—Подобнымъ же образомъ во *Вкладной грамотѣ преп. Варлаама Хутынскому монастырю* (ок. 1192 г.) опущеніе слабыхъ ъ и ь тоже наблюдается только въ корняхъ: **кто, ѕлъıми, всѣ**, что и понятно, такъ какъ корни вообще не такъ часто повторяются, какъ формальные элементы (окончанія, суффиксы и префиксы). Передъ извѣстными суффиксами долго еще продолжаетъ писаться ъ и ь, въ силу традиціи, историческаго преданія, но не потому чтобы въ этихъ случаяхъ произносились слабые гласные. Такъ, въ той же грамотѣ мы встрѣчаемъ: **дѣвъка, хоутиньскоую, рꙑбьнлѧ.** Мы уже видѣли, что одновременно съ пропускомъ ъ и ь встрѣчаются и случаи **о** и **є** вм. ъ и ь; напримѣръ, въ разсматриваемой грамотѣ: **ѕа волховомъ** (вмѣсто ожидаемаго **влъховъмь** или же **влъхвъмь**), **противєнъ** (вм. **противьнъ**) [1]). Вполнѣ естественно, что должны встрѣчаться и случаи неправильнаго смѣшиванія **о** и **є** съ ъ и ь, что̀ дѣйствительно и наблюдается въ письменности въ теченіи послѣдующихъ столѣтій.

---

[1]) Вообще, когда проникаетъ въ письмо та или другая особенность и вытѣсняетъ прежній способъ писанія, то проникновеніе это прежде всего имѣетъ мѣсто въ тѣхъ морфологическихъ частяхъ которыя рѣже повторяются: въ корняхъ прежде чѣмъ въ суффиксахъ, въ суффиксахъ (или, вообще, въ основѣ) прежде чѣмъ въ окончаніяхъ. Ср. **и** вм. **ꙑ** послѣ гортанныхъ: въ договорѣ Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ (1229 г.) встрѣчаемъ въ суффиксальномъ слогѣ **риѕкии** || **гоукъıи**, но въ окончаніи только — **иѕ ригъ**. Особенное же удобство для вторженія графическихъ особенностей въ письмо представляютъ слова иностранныя. Такъ, напримѣръ, въ иностранныхъ словахъ написаніе **и** послѣ гортанныхъ встрѣчается еще въ Остромировомъ Евангеліи.

Что касается до южно-русскаго языка, то и въ его памятникахъ XII вѣка (напримѣръ *Добрилово Евангеліе*) также наблюдается нерѣдкое опущеніе слабыхъ ъ и ъ. Опущеніе ъ, какъ мы видѣли, связано здѣсь съ діалектической особенностью, именно удлиненіемъ этимологическаго е предъидущаго слога (ср. такія написанія, какъ шѣсть и т. п.).

Что касается XIII вѣка, то особенную важность представляетъ *Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ* (1229 г.). Мы видѣли, что еще раньше древнее ъ въ произношеніи въ однихъ условіяхъ измѣнилось въ *о*, а въ другихъ исчезло, древнее же ъ или измѣнилось въ *е*, или же тоже исчезло, но оставивши по себѣ слѣдъ въ смягченіи предшествовавшаго согласнаго. Отсюда, вполнѣ естественны въ разсматриваемой грамотѣ ошибочныя смѣшенія, съ одной стороны, начертаній ѣ и о, а съ другой стороны — ь, є, ѣ [1]). Пропуски ѣ и ь: **кто, уто, всемъ**; ѣ вм. о: **вѣдомъ** (вм. вѣдомо), даже нуль вм. о: **горда** (вм. города); о вм. ѣ: **берьго** (вм. берегъ); ь вм. є: **по вѣремьнемь** или **по вѣрьмьнемь** (вм. по веременемъ); ь вм. ѣ: **посль**; є вм. ь: **боудѣте** (вм. боудетъ); ѣ вм. ь: **кнаѯѣ** (вм. -ѯь).

Всматриваясь въ приведенныя написанія, рѣшительно недоумѣваешь, какъ могъ писавшій до такой степени уродовать письмо. Впрочемъ, до нѣкоторой степени это станетъ понятнымъ, если примемъ въ соображеніе, что въ это время не могло быть общеупотребительной теоріи правописанія, обучаться же грамотѣ приходилось по рукописямъ, болѣе или менѣе изобиловавшимъ ошибками. Изучавшій такимъ образомъ грамоту самъ составлялъ собственную орѳографію, на основаніи видѣнныхъ имъ написаній какъ пра-

---

[1]) Смѣшеніе произношенія є и ѣ началось очень рано; ср. въ Остромировомъ Евангеліи: **єлєи ‖ єлѣи, ѣлєа ‖ єлѣа**; въ упоминавшейся уже грамотѣ Юрьеву монастырю (1130 г.): **вєно** (вм. **вѣно**); въ разсматриваемой грамотѣ: **по вѣремьнемь** (т. е. по веременемъ), **боудѣте** (= боудетъ), **ѿстанѣться**; **всемъ** вм. **-ѣмъ**.

вильныхъ, такъ и неправильныхъ. И теперь еще можно наблюдать подобное создаваніе собственной орѳографіи у самоучекъ [1]). Но сколько мнѣ ни приводилось встрѣчаться съ современными малограмотными написаніями, я ни разу не видѣлъ, чтобы до такой искаженности доходили написанія словъ. Я думаю, что въ написаніяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, слѣдуетъ видѣть просто мудрствованіе нашего стариннаго грамотника; какъ будто бы писавшему хотѣлось, пользуясь извѣстными замѣнами буквъ, сдѣлать слова менѣе похожими на произносимое и тѣмъ придать бо́льшую важность своему писанію, ибо такимъ образомъ послѣднее становилось болѣе труднымъ для прочтенія; нашему грамотнику какъ будто бы думалось, что тѣмъ умнѣе онъ напишетъ, чѣмъ больше будетъ различія между его письмомъ и произношеніемъ. Мнѣ кажется, что смѣшиваніе начертаній **о** ‖ **ъ** и **є** ‖ **ь** ‖ **ѣ** и представляло область, въ которой писавшіе могли обнаружить свою своеобразную „ученость“ относительно писанія. Они, конечно, не предвидѣли, что черезъ нѣсколько вѣковъ введутъ въ заблужденіе ученыхъ, которые будутъ стараться придать особый смыслъ ихъ страннымъ написаніямъ, тогда какъ послѣднія на самомъ-то дѣлѣ представляютъ просто произвольную подстановку одного начертанія вмѣсто соотвѣтствующаго другаго. Напр., проф. Потебня думаетъ, что „памятники, подобные договору Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, убѣждаютъ, что въ XIII и XIV в. глухіе звуки въ серединѣ и на концѣ словъ произносились въ Свр., къ которому принадлежатъ эти памятники, какъ глухіе гласные, составляющіе слогъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Приведенныя здѣсь данныя, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV — XV в., особенно въ свр. гово-

---

[1]) См. Богородицкій Изученіе малограмотныхъ написаній. Отдѣльный оттискъ изъ Филологическихъ Записокъ (1881) § 17.

[2]) Два изслѣдованія и пр. (1866) стр. 55.

рахъ а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ на концѣ, въ свр. (спорадически) доходятъ вплоть до нашего времени“ [1]). Уважаемому ученому можно замѣтить, что если бы и мы, въ настоящее время, учились письму по стариннымъ грамотамъ, подобнымъ разсмотрѣнной нами, то писали бы, точно такъ же смѣшивая начертанія, откуда однако вовсе не слѣдовало бы, что древніе глухіе звуки продолжаютъ существовать и въ настоящее время. Мнѣ остается еще сдѣлать замѣчаніе о такихъ написаніяхъ, какъ **латинескій, смольнескъій:** на основаніи ихъ, кажется, можно заключить, что **н** сохраняло еще свою мягкость передъ **ск**, какъ это мы и теперь еще видимъ въ бѣлорусскихъ говорахъ [2]).

Здѣсь я останавливаюсь въ разсмотрѣніи данныхъ изъ памятниковъ; замѣчу только, что письменные памятники послѣдующаго времени представляютъ такія же смѣшенія начертаній. Смѣшенія эти имѣютъ характеръ графическій, но не фонетическій, такъ что разсмотрѣніе ихъ относится уже не къ фонетикѣ, а къ палеографіи. Въ палеографіи же разсмотрѣніе ихъ важно между прочимъ потому, что они, вмѣстѣ съ другими особенностями, могутъ представлять собою путеводную нить при классификаціи памятниковъ.

§ 78. Обращаюсь къ разсмотрѣнію русскаго *полногласія* [3]). Я ограничусь только констатированіемъ главнѣйшихъ фактовъ; разборъ же явленія съ точки зрѣнія общеиндогерманской будетъ сдѣланъ въ главѣ XI.

---

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка (1876) стр. 44.

[2]) См. Карскій Е. Ѳ. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (1886) стр. 56.

[3]) Хотя по этому вопросу имѣется богатая литература, однако возникновеніе и образованіе полногласія до сихъ поръ достаточно не выяснено. Важнѣйшія изслѣдованія:

Катковъ М., Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка. Разсужденіе, написанное на степень магистра. Москва. 1845. стр. 60—65.

а) Рус. *оро* = ст.-сл. **ра**, напр.:

*го*родъ (го́рът или го́р$_{\circ}$т) || **градъ**
*боро*въ (бо́ръф) || **бравъ**
*моро*зъ (ма̊ро́с) || **мразъ**
*боро*да (бъра̊да́ || **брада**.

б) *ере* = **ръ**, напр.:

*бере*гъ (б'е́р'ък) || **брѣгъ**
*бере*за (б'ер'о́зӑ) || **брѣза**
*дере*во (д'е́р'ъвӑ) || **дрѣво**
*бере*гу́ (б'ър'ъгу́) || **брѣгѫ**
*пере*дать (п'ър'ъда́т') || **прѣдати**.

в) *оло* = **ла**, напр.:

хо*ло*дъ (хо́л$_{\circ}$т) || **хладъ**
во*лос*ъ (во́лъс) || **власъ**
ко*лос*ъ (ко́лъс) || **класъ**
по*лос*а (пъла̊са́) || **плаза**
со*лом*а (са̊ло́ма) || **слама**
бо*лот*о (ба̊ло́тӑ) || **блато**.

г) *оло* = **лѣ**, напр.:

по*лон*ить (пъла̊н'и́т') || **плѣнити**
мо*лок*о (мъла̊ко́) || **млѣко**.

Примѣчаніе 1. Ср. соотвѣтствія въ другихъ славянскихъ языкахъ, напр.:

Лавровскій П. А., О русскомъ полногласіи (Извѣстія II Отд. Импер. Акад. Наукъ. 1859. т. VII, вып. 5).

Потебня А., Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 1—52.

Потебня А., Къ исторіи звуковъ русскаго языка (1876) стр. 54—177.

Schmidt Johannes, Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. II (1875).

Jagić V., Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (Archiv für slavische Philologie. I. 1876, 337—412).

Jagić V., Ueber die Vocalisation bei dem silbenbildenden *l - r* (Arch. f. slav. Phil. V. 1881, 549—557).

	польск.	чешск.	сербск.
БРАДА	broda	brada	брада
БРѢГЪ	brzeg	břeh	бријег (юж).
ГЛАВА	głowa	hlava	глава
МЛѢКО	mléko	mleko	млијеко (юж).

Примѣчаніе 2. Отъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ нужно отличать такіе, въ которыхъ русскій языкъ представляетъ звуковыя сочетанія сходныя съ старо-славянскимъ и другими славянскями языками, напр. рус. *гладить* || ст.-сл. **ГЛАДИТИ** || польск. gładzić || чешск. hladiti, *страхъ* || **СТРАХЪ** || strach || strach, и т.п. Эти особенности объясняются тѣмъ, что здѣсь имѣется исконный порядокъ звуковъ (гла-, стра-, т. е. $С\frac{л}{р}ГС$), повторяющійся не только въ другихъ славянскихъ языкахъ, но также и въ другихъ индо-германскихъ (ср. братъ || Bruder || frater и пр.); между тѣмъ въ такихъ случаяхъ, какъ—**БРѢГЪ** || *берегъ*, **ГЛАВА** || *голова*, первоначально гласный предшествовалъ плавному (т. е. $СГ\frac{л}{р}С$; ср. напр. нѣм. Berg, или литов. galva. [1])— Впрочемъ, требуется вообще осторожность въ сужденіи о формахъ съ тѣмъ или другимъ порядкомъ звуковъ, такъ какъ встрѣчаются сходныя съ разсмотрѣнными нами звуковыя сочетанія инаго происхожденія; ср. напр. слова: *брать* || **БЬР-А-ТИ**, *порокъ* || **ПО-РОКЪ** и т. п.

Въ русскомъ языкѣ рядомъ съ полногласными формами очень часто встрѣчаются формы похожія на старо-славянскія, почему ихъ и объясняютъ *вліяніемъ старо-славянской письменности;* напр.:

городъ || градъ (**ГРАДЪ**)
горожанинъ || гражданинъ (**ГРАЖДАНИНЪ**)
короткій || краткій (**КРАТЪКЪ**)
ворочаться || вращаться (**ВРАШТАТИ СѦ**)
порошить || прахъ (**ПРАХЪ, ПРАШИТИ** in pulverem redigere); „зима порошитъ снѣгомъ“ (Гончаровъ).
хоромы || храмъ (**ХРАМЪ**); „хоромы боярскіе“.
сторожъ || стражъ (**СТРАЖЬ**)
смородина || смрадъ (**СМРАДЪ**); смородина названа такъ по сильному запаху ягоды (Русское правописаніе Грота).

---

[1]) См. Потебня А., Два изслѣдованія стр. 4.

середа || среда (**срѣда**) [1]).

беремя || бремя (**брѣмя**); „беремя (т. е. охапка) дровъ“, „стенать подъ бременемъ бѣдствій“.

опередить || предупредить, опережать || предупреждать (но „предупрежу“ ↑ къ такимъ случаямъ, какъ ходить : хожу).

голова || глава (**глава**)

заполонить || плѣнить (**плѣнити**); „сотнями выпускаютъ ихъ; заполонятъ насъ совсѣмъ“ (Островскій).

Всматриваясь въ значеніе приведенныхъ дублетныхъ формъ, легко замѣтить, что полногласныя формы имѣютъ значеніе болѣе обыденное или болѣе конкретное, формы же, вошедшія въ русскій языкъ изъ старославянской письменности,—болѣе абстрактное или даже прямо церковное; ср. значеніе словъ голова и глава: „болитъ голова“, „городской голова“; „глава первая“, „глава церкви, государства“, „церковь о пяти главахъ“.

„Въ нашемъ литературномъ и особенно въ стихотворномъ языкѣ“, говоритъ г. Буслаевъ, „долго господствовали формы церковно-славянскія, каковы: **брегъ, глава, младъ** и проч.; но со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться полногласныя, чисто русскія“. [2])

„Впрочемъ нѣкоторыя краткія формы, какъ остатки старины, допускаетъ и просторѣчіе. Наприм., въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: „*злато-серебро, младъ* ясенъ соколъ, я *млада младенька, молодой — младой* Соловниковъ Рыбн. I, 81.“ [3]). Дѣйствительно, едва ли можно въ этихъ случаяхъ видѣть вліяніе старо-славянской письменности. Мнѣ кажутся возможными здѣсь слѣдующія два объясненія: или эти формы заимствованы (быть можетъ, вмѣстѣ съ пѣснями) у какого-нибудь славянскаго народа, имѣвшаго подоб-

---

[1]) Написаніе *е* въ такихъ случаяхъ, какъ „среда“, можетъ быть объясняемо аналогіей къ написаніямъ полногласныхъ формъ (середа).

[2]) Историч. грамм. (1875)[4] стр. 50.

[3]) ib.

ныя образованія, еще въ доисторическую пору, во время болѣе близкой жизни славянскихъ племенъ; или же нужно признать, что нѣкогда въ русскомъ языкѣ встрѣчались какъ тѣ, такъ и другія образованія, но образованія полногласныя взяли перевѣсъ, а неполногласныя дошли до насъ лишь въ скудныхъ остаткахъ, встрѣчающихся иногда, напр., въ народныхъ пѣсняхъ.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами есть еще другой видъ полногласія, съ ъ или ь по сторонамъ плавнаго, напр.:

торгъ (ст.-слав. **тръгъ**), Сб. 1076 — аще на търъзѣ ѥси.

терпѣть (**трьпѣти** Остр.), Остр. 225 в. — **къръ'пѣнии.**

зерно (**ꙁрьно** Остр.), Остр. встрѣчается также **ꙁьрьно.**

полный (**плънъ**), Остр. — **пълънѫ** вин. ед. женск., Сб. 1073 — испълънаи [1]).

долгъ (**длъгъ**), Остр. — **дълъгы** вин. множ.

солнце (**слънъце**), Остр. — **сълънъцю.**

волкъ (**влъкъ**), Остр. — **вълъкъ.**

Такъ какъ полногласныя образованія встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма, то отсюда слѣдуетъ, что возникновеніе такихъ образованій относится къ еще болѣе отдаленному прошлому, также какъ и перемѣна носовыхъ гласныхъ въ чистые (т. е. **ѫ** = у, **ѧ** = 'а) и возникновеніе такъ называемаго переходнаго смягченія согласныхъ (см. конецъ слѣдующей главы).

---

[1]) „Въ Сборникѣ 1073 года косвенная черта надъ р и надъ л служитъ вмѣсто ъра". (Востоковъ Грамматика Церковно-словенскаго языка стр. 6).

Глава X.

Явленія аккоммодаціи въ области согласныхъ звуковъ [1]).

§ 84. Чтобы дать общее понятіе объ аккоммодаціи звуковъ, я разберу нѣсколько случаевъ этого явленія.

Въ словѣ „с'в'а́т“ (свѣтъ, **свѣтъ**) звукъ *в* мягокъ подъ вліяніемъ слѣдующаго гласнаго звука, а мягкость звука *с* зависитъ отъ мягкаго произношенія звука *в*. Разсмотримъ это „смягченіе“ звуковъ. Для произнесенія звука *е* средняя часть языка нѣсколько приближается къ небу. При произнесеніи твердаго *в* языкъ находится въ индифферентномъ положеніи; вотъ на счетъ этого индифферентнаго положенія языка и происходитъ захожденіе работы звука *е*, вслѣдствіе чего *в* произносится тоже при приближеніи къ небу средней части языка, т. е. мягко. При произнесеніи твердаго *с* происходитъ приближеніе передней части языка къ верхнимъ зубамъ. Упомянутое захожденіе

---

[1]) Пособія по данному вопросу: Буслаевъ Ѳ., Историческая грамматика русскаго языка. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Этимологія (1875) стр. 56 — 81. Гротъ Я., Филологическія разысканія. Второе, значительно пополненное изданіе. I. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка (1876) стр. 287 – 298. Потебня А., О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки (Рус. Фил. Вѣстн. II. 1—44, 207—232). Бодуэнъ-де-Куртенэ И. (J. Baudouin de Courtenay), Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка, читанныхъ въ 1880 — 1881 акад. году въ Императорск. Казанскомъ Университетѣ. Выпускъ 1-й (Отд. оттискъ изъ Фил. Зап.). Воронежъ, 1882. стр. 26—54.

работы распространяется и на этотъ звукъ. Въ результатѣ является мягкое произнесеніе звука *с*, при чемъ уложеніе языка является какъ бы равнодѣйствующею обоихъ движеній, т. е. передней и средней части языка. Вообще, произношеніе каждаго звука мы должны представлять себѣ какъ группу (ассоціацію) мышечныхъ работъ. Слѣдовательно, при соприкосновеніи двухъ звуковъ происходитъ соприкосновеніе двухъ такихъ группъ. Съ теченіемъ времени можетъ произойти распространеніе (захожденіе) одной или болѣе работъ втораго звука на счетъ соотвѣтствующихъ работъ перваго (подъ вліяніемъ, какъ мнѣ кажется, фактора упражненія).

Въ выраженіи „з до́м“ (съ домъ) глухой звукъ *с* передъ звонкимъ *д* измѣнился въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *з*. Въ этомъ случаѣ мы видимъ захожденіе звонкаго дрожанія голосовыхъ связокъ, свойственнаго согласному *д*, въ произношеніе предшествующаго звука *с*. Однако не всегда глухой передъ звонкимъ становится звонкимъ. Возьмемъ напр., слово „*твоj*“ (твой). Въ этомъ словѣ соприкасаются звуки *т* и *в*, изъ которыхъ первый — глухой, а второй звонкій; между тѣмъ здѣсь не произошло уподобленія по дѣйствію гортани и произношеніе „твой“ не измѣнилось въ „двой“, по той причинѣ, что работы этихъ звуковъ съ удобствомъ выполняются одна за другой и безъ ассимиляціи. Объ этой неуподобляемости согласныхъ г. Гротъ замѣчаетъ: „безголосные звуки не обращаются въ голосовые передъ губнымъ *в*, передъ плавными *р л* и носовыми *м н: свой, сводъ, отводъ, съ водой, къ верху, творить, сразу, слабый, тратить, книга, сноровка* произносятся совершенно сходно съ своимъ звуковымъ составомъ“. [1]) Я не буду здѣсь распространяться объ измѣненіи звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ въ глухіе и объ иныхъ случаяхъ аккоммодаціи согласныхъ (ихъ ассимиляціи и диссимиляціи), такъ какъ объ этомъ я уже гово-

---

[1]) Русское правописаніе (1885)[3] стр. 19.

рилъ при изложеніи физіологіи звуковъ русскаго языка (§§ 13 — 18); я позволю себѣ въ настоящемъ параграфѣ коснуться только тѣхъ явленій, о которыхъ въ предъидущемъ еще не было рѣчи.

Прежде всего я остановлюсь на одномъ явленіи, которое проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ въ своемъ курсѣ лекцій по русской грамматикѣ (1. с. стр. 26 — 27) озаглавилъ: „Отсутствіе взрыва (эксплозіи) при такъ наз. взрывныхъ (эксплозивныхъ) согласныхъ въ концѣ словъ“. Свое изложеніе авторъ начинаетъ замѣчаніемъ: „Минимальныя замѣтныя различія. Только меньшая энергія, при сохраненіи въ остальномъ тѣхъ же свойствъ“, а затѣмъ приводитъ примѣры:

лапа || лапъ	сыпи || сыпъ
брата || братъ	благодати || благодать
рака || ракъ	конопи | конопъ.

При этомъ особенность произношенія взрывныхъ согласныхъ въ концѣ словъ выясняется имъ слѣдующимъ образомъ: „Въ концѣ слова, послѣ гласнаго, свойственный этимъ согласнымъ взрывъ происходитъ гораздо болѣе вяло и неэнергично, нежели въ томъ случаѣ, когда они стоятъ передъ гласнымъ. Мало того, этотъ взрывъ можетъ даже вовсе не исполняться и акустическій эффектъ согласнаго быть доведеннымъ до minimum. Тогда имѣется только рекурсія гласнаго въ ожиданіи [1]) извѣстнаго согласнаго, а экскурсіи ожидаемаго слѣдующаго согласнаго вовсе не имѣется [2]). Такимъ образомъ согласный взрывной, произносимый въ концѣ слова послѣ гласнаго, разнится акустически отъ точно такъ же образуемаго согласнаго, если онъ находится передъ гласнымъ“. Однако дѣйствительное наблюденіе надъ произношеніемъ вышеприведенныхъ примѣ-

---

[1]) Интересно, какъ нужно представлять себѣ это оригинальное ожиданіе?

[2]) Но вѣдь экскурсія этого согласнаго происходитъ не отдѣльно отъ рекурсіи предшествующаго гласнаго, но совмѣстно, въ связи.

ровъ не приводитъ къ такому выводу. Ежели при писаніи этихъ примѣровъ воспользоваться моимъ способомъ научно-фонетическаго письма (см. § 49), то мы будемъ имѣть:

*ла*ша ‖ *лап*	*сы*пъ ‖ *сып'*
*бра*та ‖ *брат*	блъгâ*да*т'ı ‖ блъгâ*да́т'*
*ра*ка ‖ *рак*	*ко́*път'ı ‖ *ко́*път'.

Остановимся на первомъ примѣрѣ. Въ формѣ „ла́п“ согласный *п* хотя и оканчиваетъ слово, однако произносится не только не вяло, но, напротивъ, съ полной энергіей, такъ какъ принадлежитъ ударенному слогу, между тѣмъ какъ въ формѣ „ла́пӑ“ согласный *п* хотя и находится между 2-мя гласными, стало быть, по замѣчанію автора, въ условіяхъ, благопріятствующихъ полному проявленію его энергіи, однако же произносится слабо, такъ какъ находится въ слабомъ неударенномъ слогѣ [1]). „На эти дивергенты“, продолжаетъ авторъ, „нельзя смотрѣть какъ на два различныхъ звука, но только какъ на одинъ и тотъ же звукъ въ разныхъ положеніяхъ“. Эту мысль авторъ поясняетъ далѣе сравненіемъ: „рука, поднятая вверхъ или же опущенная внизъ, не перестаетъ быть одною и тою же рукой, хотя ея напряженіе и физіологическія свойства вообще въ томъ и другомъ случаѣ нѣсколько измѣняются. Точно также и согласный взрывной въ серединѣ или же въ концѣ слова.“ Приведенное сравненіе мнѣ кажется не

---

[1]) Другое дѣло—произнесеніе согласнаго *т* въ послѣднемъ примѣрѣ, т. е. коп*от*и ‖ коп*от*ь; согласный *т* въ обѣихъ этихъ формахъ принадлежитъ слабому неударенному слогу; но за то здѣсь не такъ-то легко сравнить степень напряженности согласнаго *т* въ томъ и другомъ положеніи.—Съ своей стороны, я обратилъ бы вниманіе читателя на нѣкоторыя различія въ произношеніи *гласныхъ* звуковъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ того, произносимъ ли мы гласные въ отдѣльности, или въ сочетаніи съ предъидущимъ, либо послѣдующимъ согласнымъ, или же между согласными (см. мои наблюденія по этому вопросу, произведенныя посредствомъ приборовъ, въ „Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ“ (1884) § 29).

правильнымъ: различіе въ напряженіи, напр., согласнаго *п* въ чередованіи *ла*^{па} || *лап* не есть продуктъ лишь даннаго момента, но *историческаго развитія*, доказательствомъ чему служитъ то, что разные русскіе говоры представляютъ разныя стадіи этого процесса (такъ, различіе напряженія при произношеніи ударенаго и неударенныхъ слоговъ словъ въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ менѣе значительно, нежели въ южно-великорусскихъ).

И такъ, мы пришли къ мысли, что различія ударенности и неударенности свойственны не только гласнымъ звукамъ, но также и согласнымъ [1]). Въ этомъ направленіи тоже могутъ происходить явленія аккоммодаціи; ср. напр. исторію слова „брать“: согласный *б* нѣкогда сопровождался краткимъ *і* (**бьрати**) и слогъ *бі* былъ неудареннымъ; съ исчезновеніемъ *і* согласный *б* перешелъ къ ударенному слогу, что̀ должно было вызвать соотвѣтствующую перемѣну въ напряженности произношенія этого согласнаго. Въ случаѣ слабаго произношенія, согласные могутъ не дослышиваться и исчезать (подобно слабымъ неудареннымъ гласнымъ), особенно въ словахъ одинокихъ и частицахъ; ср. напр. произношеніе „здрастуй“ вм. здравствуй и т. п. [2]).

Отъ чисто *физіологическихъ измѣненій* звуковъ нужно отличать явленія *акустической замѣны* однихъ зву-

---

[1]) Различіе ударенности и неударенности сводится прежде всего къ различію силы выдыханія (т. е. къ дѣятельности дыхательнаго аппарата), въ связи съ чѣмъ находится также и напряженность артикуляціи (дѣйствія органовъ произношенія); см. мое „Введеніе въ изученіе русскаго вокализма“ въ Рус. Фил. Вѣстн. VII 86—87. О различіи при этомъ между гласными и согласными см. выше въ § 18.

[2]) Еще параллели между гласными и согласными: можетъ уподобляться не только гласный одного слога гласному другаго слога, но также и согласные; ср. зободетъ вм. забодетъ; шашинька вм. Сашинька и т. п.; далѣе имѣются случаи не только зарожденія гласныхъ (напр. нѣкоторые произносятъ: съмâро́д'ьнă вм. смâро́д'ьнă), но и согласныхъ (напр. *н*дравъ, *с*трамъ и пр.

ковъ сходными другими. Послѣднія особенно часто наблюдаются въ простонародныхъ говорахъ въ словахъ съ затемнившимся морфологическимъ составомъ, при чемъ не рѣдко привходитъ дѣйствіе народной этимологіи. Относящіеся сюда примѣры читатель встрѣтитъ въ большомъ количествѣ въ соч. проф. Колосова „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“ стр. 164 сл.; напр.: колыбель — конобель, владыка — бладыка, хомякъ — хобякъ, птица — мтица и т. п.

§ 85. Въ словѣ „с'л'уна́“ *с* стало мягкимъ подъ вліяніемъ слѣдующаго *л'* (мягкаго *л*); въ словѣ же пл'є'ч'“ *п* сохраняется твердымъ. Такимъ образомъ, твердый согласный передъ мягкимъ или продолжаетъ быть твердымъ, или дѣлается мягкимъ. Отсюда надо изслѣдовать, въ какихъ случаяхъ бываетъ то и другое явленіе.

Если взглянемъ на такія сочетанія согласныхъ съ *исторической* точки зрѣнія, то замѣтимъ, что между этими согласными раньше или имѣлось **ъ** (краткое *у*), напр. с'н'а́т' (старо-слав. **снѣмати**), или не имѣлось никакого звука, напр. пл'єч'о́ (старо-слав. **плєште**) [1]).

Въ произношеніи лицъ, получившихъ книжное образованіе, нерѣдко сказывается *книжное вліяніе*. Для примѣра возьмемъ слово „свѣчка“. Если бы послѣ *с* писался **ъ** (ерь), то онъ означалъ бы, что *с* надо произносить мягко; отсутствіе же этого знака побуждаетъ читать это слово съ твердымъ *с*; чрезъ повтореніе можно привыкнуть къ такому произношенію. Съ другой стороны, лица, произношеніе которыхъ не находится подъ книжнымъ вліяніемъ, произносятъ это слово съ мягкимъ *с* — с'в'є'чкъ̆, т. е. въ

---

[1]) Отъ этихъ случаевъ нужно отличать такіе, въ которыхъ мягкость согласнаго вызвана **ь** (краткимъ і), впослѣдствіи исчезнувшимъ; напр. въ словѣ „т'м'ѣ“ (Д. Предл. ед. отъ слова „т'ма́“, **тьма**). Г. Гротъ въ указ. соч. (Фил. Раз.) не проводитъ строго этого различія, отчего у него и является нѣкоторая запутанность.

ихъ произношеніи *с* является мягкимъ передъ мягкимъ *в*. Бываетъ и такой случай, что привыкаешь къ тому и другому произношенію; тогда, желая опредѣлить, твердо или мягко произносится согласный передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ, чувствуешь какъ бы естественнымъ и то и другое произношеніе, и недоумѣваешь, которое изъ нихъ выбрать (напр. св'е́чка̄ или с'в'е́чка̄?) [1]). Чтобы избѣжать затрудненій, обусловленныхъ книжнымъ вліяніемъ, самое лучшее обратиться къ изслѣдованію народныхъ говоровъ. Не имѣя этой возможности въ настоящее время, я долженъ ограничиться здѣсь изслѣдованіемъ обще-русскаго произношенія.

Къ сказанному нужно прибавить, что книжное вліяніе можетъ еще осложняться вліяніемъ *аналогіи;* наприм. въ п р е ф и к с ѣ: с н'ім (вм. с'н'ім т. е. „съ нимъ“) ↑ с нам'і̄ с вам'і̄ и т. п., въ о с н о в ѣ: л'ǽнт'ǣ (вм. ле́н'т'ǣ „лентѣ“) ↑ л'ǽнта̄ и пр.

Далѣе нужно отмѣтить встрѣчающееся нерѣдко произношеніе *иностранныхъ словъ* на иностранный ладъ, напр. Шл'о́ссэ̄р и т. п. Можно замѣтить, что въ высшемъ кругѣ общества подобное произношеніе считается признакомъ хорошаго тона.

Чтобы увѣреннѣе различать, твердо или мягко произносится согласный, можно пользоваться слѣдующимъ способомъ. Положимъ, въ словѣ „бр'а́к“ трудно различить, твердо или мягко произносится *б;* возьмемъ слово „бра́к“, въ которомъ *б* несомнѣнно произносится твердо и сравнимъ съ этимъ *б* изслѣдуемое *б* слова „бра́к“; сравненіе показываетъ, что изслѣдуемое *б* одинаково съ *б* слова „бра́к“, т. е. что оно твердое (ср. также с'л'ǽп ‖ сла́п и т. п.).

Если произносить *постепенно ускоряя*, напр., слово „пр'і, въ которомъ *п* при обыкновенномъ произношеніи слышится твердымъ, то согласный этотъ постепенно стано-

---

[1]) Могутъ быть здѣсь и діалектическія различія.

вится мягче и мягче. Въ своемъ изслѣдованіи я буду имѣть въ виду произношеніе неускоренное, обыкновенное.

Наконецъ укажу, что при изслѣдованіи даннаго вопроса могутъ быть полезны *малограмотныя написанія*.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обращаюсь къ самому изслѣдованію.

Разсмотримъ, напр., какъ вліяетъ на предшествующій согласный мягкое *р* (р'). Для краткости обозначимъ этотъ вопросъ такъ:

$$C^{x}\ \text{р'}\ ?\ ^{1}).$$

Будемъ брать слова съ согласными передъ *р'* губными, передне- и задне-язычными.

*пр'*æт (предъ), *пр'*а́ма̄ (прямо), *пр'*а́шка̄ (пряжка), *пр'*і́бъл' (прибыль), *пр'*ід'о́т (придетъ), *пр'*івы́чка̄ (привычка), *пр'*іда́ч'а̄ (придача), вы*пр'*ък (выпрягъ) и т. п. Впрочемъ иногда *п* кажется нѣсколько смягченнымъ (такое неполное смягченіе буду обозначать знакомъ '), напр. *п'р'*ід'о́т, *п'р'*івы́чка̄. При болѣе тонкомъ изслѣдованіи, нужно обратить вниманіе на то, не вліяетъ ли здѣсь положеніе относительно ударенія и т. п. [2]). *Малограм.* напис.: „апъреля“; знакъ *ъ* послѣ *п* показываетъ, что *п* писавшему казалось твердымъ.

*бр'*а́к (ср. бра́к относительно степени твердости *б*).

---

[1]) Въ этомъ выраженіи С = согласный, экспонентъ котораго *х* указываетъ на вопросъ, каковъ (мягкій или твердый) бываетъ согласный передъ *р'*.

[2]) Г. Гротъ очень удачно обратилъ вниманіе на вліяніе предшествующаго гласнаго (Фил. Раз. I. 1876. стр. 289 сл.); ср. дровнѢ' ‖ д'ер'є́'в'н'ă (*в* передъ мягкимъ *н* является твердымъ послѣ твердаго гласнаго и мягкимъ послѣ мягкаго гласнаго). Однако мнѣ кажется страннымъ, что г. Гротъ говоритъ только о вліяніи предшествующаго ɛ и ничего не говоритъ о такомъ же вліяніи другаго мягкаго гласнаго, именно — *и*. Отъ вниманія г. Грота не ускользнуло также и вліяніе ударенія (ib. 290); впрочемъ положеніе, высказанное имъ относительно вліянія этого фактора, не подкрѣплено доказательствами.

*фр'*і́с, гот*фр'*і́т; случается слышать въ этомъ положеніе и мягкое *ф*, напр. *ф'р'*е́з'ӕ̆ (фамилія); [1]) выходитъ, какъ будто, что спиранты болѣе способны къ умягченію, нежели соотвѣтствующіе имъ взрывные.

*вр'*е́м'ӑ̆ || *в'р'*е́м'ӑ̆.

*тр'*о́х, у*стр'*ем'і́л, вну́*тр'*, *тр'*а́скӑ̆, вы*тр'*ъс, см*а̊тр'*і; быть можетъ, что *т* въ этихъ случаяхъ не вполнѣ твердое, что оно въ силу аккоммодаціи къ слѣдующему мягкому согласному хотя нѣсколько аффицировано (затронуто, заражено, поражено) этою мягкостью; по крайней мѣрѣ въ монхъ матеріалахъ встрѣчается запись [2]) — см*а̊т'р'*і́.

*др'*а́н', ку́*др'*і̆, *а̊др'*ӕ́, му*др'*ӕ́ц, хан*др'*і́т'; *малограм. напис.*: „заподъредилъся“, впрочемъ въ написаніи *з* послѣ *д* можно усматривать аналогію къ случаямъ отдѣльнаго написанія предлога „подъ“.

*ср'*ӕ́да́, п*а̊ср'*ӕтствӑ̆, *ср'*а́дў, встрѣчается и мягкое произношеніе *с*, т. е. *с'р'* (опять—бо́льшая умягченность придувныхъ).

*зр'*е́ї̆ў, с*а̊зр'*ӕ́л; встрѣчается и *з'р'*.

Сочетанія лр', рр' и нр' въ началѣ словъ не встрѣчаются; внутри словъ: п*а̊лр'*а́дӑ, г'е́*нр'*ъх, му*р'р'*е́ї. [3])

*кр'*а́ш, *кр'*і́вӑ̆, у*кр'*еп'і́, зъ*кр'*іча́л.

---

[1]) Группа *фр'* встрѣчается только въ иностранныхъ словахъ.

[2]) Предлагаемый здѣсь матеріалъ собирался мною въ разное время, начиная съ 1879 года. Матеріалъ этотъ не подбирался по ранѣе задуманному плану, но записывался лишь при случаѣ, благодаря чему наблюденія мои лишь весьма немного могли пострадать отъ вліянія какихъ либо предвзятыхъ теорій.

[3]) По поводу произношенія *р'р'* приведу общее замѣчаніе г. Грота: „общій для всѣхъ согласныхъ законъ есть тотъ, что въ случаѣ удвоенія одной изъ нихъ предыдущая принимаетъ характеръ послѣдующей, т. е. если умягчена вторая, то умягчается и первая“ (Фил. раз. I. 1876. стр. 289).

гр'ác', *ýгрĭ*, *пъгр'íбы*.
хр'ǽн, *óхр'æ̆*.

И такъ, мягкое *р* оказываетъ весьма слабое умягчающее вліяніе на предшествующіе согласные. Передъ *р'* согласные произносятся если и не вполнѣ твердо, то лишь съ едва замѣтнымъ умягченіемъ; при этомъ бóльшую способность къ смягченію представляютъ придувные, которые въ разсматриваемомъ положеніи иногда произносятся даже вполнѣ мягко. [1]) Если мягкому *р* предшествуетъ тоже *р*, то въ этомъ случаѣ произносится двойное (т. е. продолжительное) мягкое *р*.

C^{x} л' ?

пл'є́ч' (ср. относительно *п* слово плáч'),
вó*пл'*ĭ, вó*пл'*.
*бл'*ін, гра́*бл'*ĭ, ру́*бл'*.
*фл'*а́гӑ или *ф'л'*а́гӑ (ср. фла́гӑ), ту́*фл'*ĭ.
вл'є́ч', ло́*вл'*ӑ.
з'е*мл'*а́.
*тл'*а́ (ср. тла́), рас*тл'*íл, а̊*тл'*íт'.
*дл'*а, па̊*дл'*ǽц, по́*дл'æ̆*. [2])
*с'л'*ǽп (ср. сла́п), по́*с'л'æ̆* во́дъръс'*л'*.
*з'л'*ý (ср. злý), во́*з'л'æ̆*.

---

[1]) И такъ, по моимъ наблюденіямъ оказывается, что кромѣ полнаго смягченія можетъ быть еще неполное, и притомъ, по-видимому, разныхъ степеней.

[2]) Быть можетъ, въ группахъ *тл'* и *дл'* согласные *т* и *д* произносятся съ среднею мягкостью, или даже вполнѣ мягко. Затрудненіе при опредѣленіи степени мягкости этихъ согласныхъ происходитъ оттого, что они въ данномъ сочетаніи не образуютъ собственнаго взрыва и, слѣдовательно, не производятъ на слухъ эффекта (взрывъ происходитъ только при слѣдующемъ боковомъ согласномъ *л'* — explosio lateralis). Приходится обратиться къ мускульному чувству, которое какъ будто указываетъ на нѣкоторую мягкость нашихъ согласныхъ *т* и *д*. Всего полезнѣе было бы воспользоваться при этихъ изслѣдованіяхъ *методою окрашиванія*.

Сочетаній нл', лл' и рл' въ началѣ словъ нѣтъ; внутри словъ: му*л'л'*ӕ́, ма́*р'л'*ӑ, сте́*нл'*ӣ (соб. имя).

*кл'*о́н, бу́*кл'*ӣ, с'т'ӕкл'ӕ́ (ср. с'т'ӕкло́), бу*кл'*; *малогр. напис.*: „закълючили".

*гл'*ӕ́п (сравн. глы́п), у́*гл'*ӑ, б'ӕ*гл'*і́; ? г'л' — *г'л'*ад'і́, б'єг'л'і́

*хл*ӕ́п, ? *х'л'*ӕ́п.

И такъ, передъ *л'* являются мягкими согласные передне-язычные *с*, *з*, *т*, *д* и (разумѣется) *л*. Прочіе согласные въ этомъ положеніи представляютъ или мало замѣтную умягчаемость, или даже отсутствіе мягкости.

$С^{х}$ н' ?

ло́*пн'*ьш, хло́*пн'*ӣ.

гр'е*бн'*і́, хл'е*бн'*і́.

ф'і*ф'н'*а́ (вновь придуманное слово въ частномъ кружкѣ для обозначенія человѣка-рохли); здѣсь надо обратить вниманіе на два обстоятельства: 1) ф'— согласный придувной и 2) ему предшествуетъ мягкій гласный.

з'ӕ*вн'*і́, *вн'*іс (ср. в на́с).

мн'ӕ́.

ка*т'н'*о́ш.

*д'н'*ӕ́стр, па̊*д'н'*а́т'.

*с'н'*а́т', п'є́*с'н'*ӑ, п'є́*с'н'*.

ка́*з'н'*, ба̊*л'*є́*з'н'* [1]), жы́*з'н'*; *малограм. напис.*: „жызьни".

ф̧па̊*лн'*ӕ́, мо́*лн'*ьја, ша*лн'*ӕ́р.

а́*р'н'*ькӑ.

а́*н'н'*ӕ̆.

*кн'*і́гӑ, *кн'*і́зӯ.

*гн'*ило́j, *гн'*о́ш, ру*гн'*о́т.

со́*хн'*ьт ‖ со́*х'н'*ьт.

И такъ передъ мягкимъ *н* смягчаются согласные передне-язычные *с*, *з*, *т*, *д*, *р*, *н;* изъ согласныхъ губныхъ

---

[1]) На мягкое произношеніе з' указываетъ предшествующее *узкое* э; на это средство повѣрки также обратилъ вниманіе г. Гротъ (см. Фил. Раз. I. стр. 292 сноска).

и задне-язычныхъ болѣе способны къ смягченію, хотя и неполному, спиранты (придувные).

Здѣсь я останавливаю свое изслѣдованіе, отсылая читателя для дальнѣйшаго разсмотрѣнія къ прилагаемой здѣсь таблицѣ. Таблицу эту можно читать въ двухъ направленіяхъ — горизонтальномъ и вертикальномъ; въ первомъ случаѣ читатель можетъ слѣдить за тѣмъ, передъ какими мягкими согласными смягчается тотъ или другой согласный, а во второмъ случаѣ—какіе согласные смягчаются передъ тѣмъ или другимъ мягкимъ согласнымъ.

(См. таблицу).

§ 86. Смягченіе согласныхъ, о которомъ мы до сихъ поръ говорили, состоитъ въ томъ, что твердый согласный измѣняется въ соотвѣтствующій (однородный) мягкій, т. е. *п* въ *п'*, *т* въ *т'* и т. п. Такое смягченіе называютъ *непереходнымъ* въ отличіе отъ смягченія болѣе древняго происхожденія, смягченія *переходнаго*, такого какъ *к* въ *ч*, *г* въ *ж* и т. п., т. е. когда на мѣстѣ смягченнаго звука мы видимъ звукъ новый, рѣзко отличающійся отъ соотвѣтствующаго твердаго. Къ разсмотрѣнію переходнаго смягченія мы теперь и обратимся; при этомъ мы отмѣтимъ два главныхъ случая переходнаго смягченія: 1) подъ вліяніемъ гласныхъ *е* и *і* и 2) подъ вліяніемъ согласнаго j.

1) Передъ гласными *е* и *і* согласные губные и передне язычные смягчились непереходно, т. е. измѣнились въ соотвѣтствующіе мягкіе, *п* въ *п'*, *т* въ *т'* и т. п.; согласные же задне-язычные смягчились переходно: *к* измѣнилось въ *ч*, *г* — въ *ж*, *х* — въ *ш*, напр. пророкъ || пророчество, пророчить, богъ || бо*ж*ество, бо*ж*иться; духъ || ду*ш*евный, ду*ш*ить. Когда же на почвѣ русскаго языка сочетанія *гы*, *кы*, *хы* измѣнились въ *г'і*, *к'і* и *х'і* и такимъ образомъ появились мягкіе задне-язычные согласные *(г'*, *к'*, *х')*, то эти послѣдніе путемъ аналогіи начинаютъ распространяться на мѣсто случаевъ переходнаго смягченія задне-

ТАБЛИЦА СМЯГЧЕНІЯ СОГЛАСНЫХЪ ПЕРЕДЪ СЛѢДУЮЩИМЪ МЯГКИМЪ СОГЛАСНЫМЪ.

	п'	б'	ф'	в'	м'	т'	д'	с'	з'	р'	л'	н'	к'	г'	х'
п	а̀п'п'ьј		а̀пф'іг'ӕ̆			ла̀нт'ї		а̀п'с'із'ӕ̆		пр'іц'о̀т п'р'іц'о̀т	пл'о̀ч'	хло̀пк'ї	ла̀пк'ї		а̀пх'ілъм
б		а̀б'б'іг'в'ӕ̆		а̀бв'іг'	а̀бм'іг'ӕ̆		а̀бд'ѣ̀лъг'		а̀бз'іп'ӕ̆	бр'а̀к	бл'ін	хл'еби̇'ї		а̀бг'ір'ӕ̆	
ф	ф'п'ер'о̀т ф'п'ер'о̀т		ф'ф'іг'ӕ̆			ф'т'іра̀т'		ф'с'іп'ьм фс'іп'ьм		фр'іс ф р'ѐз'ӕ̆	фл'а̀'ігӑ ф'л'а̀'гӑ	ф'іф'н'а̀	ф'к'іг'ѣ̀		ф'х'ілъм
в		в'б'іг'		в'е'іл'ӕ̆	в'м'ѐс'т'ї		в'д'ікъм вд'ікъм		в'з'а̀т' вз'а̀т'	вр'ѐм'ӑ в'р'ѐм'ӑ	вл'ѐч'	вн'іс		в'г'ір'ӕ̆	
м	харлам'п'ъј	кьм'б'іа̀ц|ј|ӑ тамб'ӕ̆	ам'ф'іг'ѣ̀атр		ла̀мт'а̀	са̀мд'ѐл'ї	шалс'ін	крѣмз'ӕ̆		з'ем.л'а̀	мн'ѐ	замк'ї		
т	о̀тп'ър		а̀тф'іг'ї	т'е'о̀рдъј	зат'м'ѐн'јӕ̆	ат'т'ькӑ		а̀тс'ѣ̀нӑ		см̀а̀тр'ї см̀а̀т'р'і	т'.л'а̀ т'.л'а̀	кат'н'о̀ш	п'атк'і		а̀тх'ітръвӑ
д		а̀дб'іл		д'е'іиўт' д'е'іиўт' дв'іиўт'	надм'ѣ̀шпъј		па̀д'д'е'т'		а̀дз'інй	др'а̀н'	дл'а̀ д'.л'а̀	д'м'ѣ̀стр		а̀дн'р'ї	
с	с'п'ѣ̀лъј с'п'іт		с'фз'із'ькъј	с'е'ѣ̀т	с'м'ѐр'т'	с'т'юкло̀		рас'с'ѐч'		с'р'ода̀ ср'еда̀	с'.л'ѐш	с'п'а̀т'	с'к'іцўт' нѣск'і		с'х'ітр'іт'
з			рвз'б'ер'і	з'в'ездà з'в'ездà (мод.)	з'м'ојà з'.м'ојà (мод.)		з'д'ѣ̀лъг'		з'з'іпъј	з'р'с|јў зр'ѐ|јў	вез'.л'а̀	каз'м'		з'г'іиўт' рвзг'ї	
р	ко̀р'п'ьјӑ	зго̀р'б'ъ|цӑ гѣрб'ѐ	ар'ф'іст	ѣр'е'о̀ш	хѣр.м'іг'	кар'т'інӑ парт'ӕ̆	гѣр'д'ѐц	кур'о'і|ф	кѣр'з'інӑ	мур'р'ѐj	ма̀р'.л'ӑ	а̀р'м'ькӑ	го̀рк'ї	зн'ѐр'з'ь|јӑ тѣрк'ї	ар'х'іш
л	тѣ.лп'ѐ	по̀лб'ӕ̆	шалф'ѐj	шо̀ле'ьн	хѣ.лм'ѐ	гвѣ.лт'ӕ̆	гало̀'е'т'	мѣ.лс'ӑ	пѣ.лз'і	пѣ.лр'ѣ̀д̀ӑ	му.л'.л'ѐ	фпо.лм'ѐ	в'і.лж'ї	м'і	влх'ім'ьк
и			амф'ісӑ			ка̀м'т'ьк „сентября“	ка̀м'д'јӑ		прѣ̀нз'іт б'ен'з'іп п'ѣ̀нз'ӕ̆	г'ѣ̀нр'ьх	стѣ̀мл'ї	а̀н'п'ӕ̆	ба̀мк'ї		анг'іс
к	кп'ѣтрў		кф'іг'ӕ̆	ке'е'р'ӕ̆	кл'іт'ӕ̆	ло̀нт'ї		кс'іх'ӕ̆		кр'а̀ш	кл'о̀н	кн'ігӑ	к'к'ітў		кг'ім'ькў
г		сѣгб'ѐшпъј		хѣрў.ге'ї			го'ѐ		гв'ін'ӕ̆	гр'а̀с'	г.л'а̀'і г.л'а̀'і	гмілој		г'г'ір'ӕ̆	
х					ехм'ѐ.л'	дохт'ў				ехр'ѣ̀н	х.л'ѐш х'.л'ѐш	сохк'ьт сохт'ьт	м'ахк'і м'ахт'к'і		

язычныхъ согласныхъ; ср. напр. произношеніе пехетъ вм. печетъ и т. п. (см. § 46 пунктъ 4) [1]).

2) Что касается до случаевъ смягченія согласныхъ посредствомъ j, то они, между прочимъ, наблюдаются въ спряженіи настоящаго времени глаголовъ, въ которыхъ это время образуется съ j. Возьмемъ, напр., глаголъ *гложу;* въ немъ, какъ показываетъ прош. вр. глод-алъ, корень — *глод;* гласный *у*, оканчивающій слово *гложу*, не-смягчающій, а между тѣмъ мы видимъ передъ этимъ гласнымъ согласный *ж*, являющійся продуктомъ смягченія; это станетъ понятнымъ, если примемъ, что настоящее время нашего глагола образовано съ j, т. е. глодjГ (Г = Гласный), откуда получается уже гложГ, гдѣ dj ⩵ ж. Въ старо-славянскомъ dj дало **жд**; отсюда, если въ русскомъ языкѣ встрѣчаются дублетныя формы съ *ж* и *жд*, то послѣднія объяснимы вліяніемъ церковно-славянскаго языка [2]), напр. „ро*ж*ество“ (чисто русск.) || „ро*жд*ество“ (цк.-слав.). Далѣе, смягченіе посредствомъ j наблюдается въ сравнительной степени прилагательныхъ и нарѣчій, оканчивающейся на *-е*, напр. ху*ж*е (изъ худје, ср. худой); въ нѣкоторыхъ существительныхъ, въ образованіе которыхъ привошло *j*, напр. ме*ж*а (изъ медја), ст.-сл. **межда**, — слѣд., русское слово, „ме*ж*ду“ объяснимо церковно-славянскимъ вліяніемъ.

---

[1]) Въ народныхъ говорахъ встрѣчаются и такія формы, какъ *пекотъ*, но это аналогія къ *ржетъ* и т. п.; въ самомъ дѣлѣ, ржу́ : п'ӭку́=ржо́т : *х*; *х*=п'ӭко́т.

[2]) Въ грамматическихъ сочиненіяхъ по русскому языку о церковно-славянскомъ вліяніи упоминается по поводу отдѣльныхъ случаевъ, значитъ — въ разброску. Проф. И. А. Бодуэнъ-деКуртенэ сдѣлалъ попытку скомбинировать эти случаи въ одно цѣлое; см. его Подробную программу лекцій въ 1876 — 1877 учебномъ году. Казань (1878); въ ней, именно въ программѣ по русской грамматикѣ, читатель найдетъ на стр. 62 — 63 особую главу (8-ю) подъ заглавіемъ: „Вліяніе старославянской (церковно-славянской) письменности на фонетическую сторону русскаго языка. Старославянскій элементъ в рускоій фонетикѣ“.

Согласные губные представляютъ своеобразное смягченіе посредствомъ *j*, а именно въ результатѣ получилось губн. согл.+л'; согласные передне-язычные *т*, *д*, *с*, *з*+*j* измѣнились въ шипящіе; согласные плавные *л*, *р*, *н*,+*j* дали тѣ же плавные—только мягкіе т. е. *л'*, *р'* *н'*; согласные задне-язычные + *j* измѣнились въ шипящіе. (То же и въ ст.-слав., за исключеніемъ tj = **шт** (**щ**), dj = **жд**).

Примѣры: [1]).

а) pj ⇄ пл', треплю || трепалъ
bj ⇄ бл', колеблю || колебалъ
vj ⇄ вл', дешевле || дешевый
mj ⇄ мл', дремлю || дремалъ

б) tj ⇄ ч, мечу || металъ, круче || крутой
dj ⇄ ж, гложу || глодалъ, хуже || худой
sj ⇄ ш, пишу || писалъ, выше || высокій
zj ⇄ ж, лижу || лизалъ, ниже || низкій

в) lj ⇄ л', стелю || стлалъ
rj ⇄ р', орю || оралъ, шире || широкій
nj ⇄ н', стеню || стеналъ

г) kj ⇄ ч, плачу || плакалъ, крѣпче || крѣпкій
gj ⇄ ж, движу || двигалъ, туже || тугой
xj ⇄ ш, пашу || пахалъ, суше || сухой.

---

[1]) Болѣе примѣровъ читатель найдетъ въ моей работѣ: О преподаваніи русскаго языка въ Казанской Татарской Учительской Школѣ (1885) стр. 12 — 15.

Глава XI.

Родство звуковъ русскаго языка съ звуками другихъ индо-германскихъ языковъ. — „Подъемъ“.

§ 87. Сравнимъ формы вопросительнаго мѣстоименія *кому кто* (ст.-слав. **къ-то**) съ родственными словами другихъ индо-германскихъ (аріо-европейскихъ) языковъ относительно начальнаго согласнаго.

Въ санскритѣ (тоже и въ зендѣ) мы встрѣчаемъ слово *kas* („кто“). Это слово вполнѣ можно признать родственнымъ съ вышеприведеннымъ: мы видимъ, что сравниваемыя слова сходны какъ по значенію (оба они имѣютъ значеніе вопросительнаго мѣстоимѣнія), такъ и въ звуковомъ отношеніи (въ обоихъ корень содержитъ *k*).

Въ греческомъ можно указать такія вопросительныя нарѣчія, какъ — ποῦ („гдѣ“), πῶς („какъ“). Но здѣсь легко можетъ возникнуть сомнѣніе относительно родства этихъ вопросительныхъ нарѣчій съ вышеприведенными мѣстоименными формами: правда, что во всѣхъ сравниваемыхъ случаяхъ значеніе сходное, именно — вопросительное, но за то, въ отношеніи звуковомъ, языки русскій, санскритъ и зендъ представляютъ согласный *k* (задне-язычный), греческій же — π (губной). Впрочемъ, сомнѣніе легко устраняется въ виду соотвѣтствующихъ нарѣчныхъ формъ, представляемыхъ ново-іоническимъ діалектомъ [1]), — κοῦ? κῶς? Остается еще вопросъ: если мы признали родство словъ *кто* и πῶς относительно корневаго согласнаго, то

---

[1]) Іоническій діалектъ представляетъ два періода: древній или эпическій — языкъ Гомера и Гезіода, и новый — языкъ Геродота.

нельзя ли къ этой же семьѣ словъ отнести и греч. вопросительное мѣстоимѣніе τίς („кто“)? Да, но объ этомъ рѣчь будетъ впослѣдствіи.

Въ латинскомъ языкѣ можно указать относящіяся сюда слова *quis quod*. И такъ, въ лат. русскому *к* соотвѣтствуетъ *qu*, т. е. согласный задне-язычный съ губнымъ сопровожденіемъ. Къ италійской группѣ, какъ мы знаемъ, принадлежали еще нѣкоторые другіе языки, братья латинскаго, изъ которыхъ важнѣйшими являются оскійскій и умбрійскій (оскійскимъ языкомъ говорили на югѣ полуострова, а умбрійскимъ на сѣверо-востокѣ). Въ оскійскомъ и умбрійскомъ лат. *qu* = *p*, напр. оск. *pid* [1]) = лат. *quod*, умбр. *pis* = лат. *quis*.

Что касается кельтской семьи, то она представляетъ двѣ главныя группы говоровъ: *гаэльскую* или *гибернійскую* (сюда принадлежатъ три нарѣчія — ирландское, эрское т. е. кельтскій языкъ шотландцевъ, и мэнское или нарѣчіе острова Мэна) и *бретонскую* или *кимрскую* (сюда принадлежатъ языки уэльскій, корнуэльскій, бретонскій и галльскій). Въ первой изъ этихъ группъ (болѣе сѣверной) латинскому *qu* соотвѣтствуетъ *c* (т. е. *k*), а въ послѣдней (болѣе южной) — *p*.

Изъ языковъ, принадлежащихъ къ германской семьѣ, остановимся на языкѣ *готскомъ*. Въ немъ мы встрѣчаемъ слово *hvas* („кто“). Какъ сторона звуковая (*hv* т. е. задне-язычный придувной съ губнымъ сопровожденіемъ), такъ равно и сторона значенія (вопросительное мѣстоимѣніе) позволяютъ это слово признать родственнымъ съ разсматривавшимися выше. Въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ словѣ *wer* уцѣлѣлъ только губной элементъ (*v*), предшествующій же задне-язычный спирантъ, вслѣдствіе своего слабаго произношенія, исчезъ.

---

[1]) ú въ оскійскомъ алфавитѣ изображается собственно посредствомъ V съ точкою на верху; въ оскійскихъ же надписяхъ, писанныхъ латинскими буквами, въ этомъ случаѣ стоитъ *o*, откуда можно заключать, что ú выговаривалось какъ *o* съ оттѣнкомъ *u*.

Литовскій языкъ представляетъ родственное слово *kàs* („кто“).

Мы довели до конца наше сравненіе русскихъ словъ *кому кто* съ соотвѣтствующими словами другихъ индогерманскихъ языковъ. Изъ этого сравненія выходитъ, что русскому *к* соотвѣтствуютъ: скт. *k*, зд. *k*, греч. *π*, лат. *qu* (оск. умбр. *p*), кельт. *p* (resp. *c*), гот. *hv*, лит. *k*. Можно подмѣтить, что одни изъ индо-германскихъ языковъ въ данномъ случаѣ представляютъ просто задне-язычный согласный, другіе же характеризуются, такъ сказать, губностью (лабіализаціей; labialis = губной), представляя или задне-язычный согласный съ губнымъ сопровожденіемъ, или же просто губной согласный. Первую изъ этихъ группъ образуютъ четыре восточныхъ индогерманскихъ языка — скт., зд., слав. и лит., а вторую четыре западныхъ — греч., лат. (также оск. и умбр.), кельт. (та вѣтвь, въ которой имѣется въ данномъ случаѣ *p*) и гот. или, вообще, германск.). Такъ какъ представленное звуковое соотвѣтствіе повторяется въ цѣломъ рядѣ другихъ примѣровъ, то оно вслѣдствіе этого получаетъ значеніе обобщенія.

§ 88. Перейдемъ теперь къ другому звуковому соотвѣтствію. Воспользуемся для этого словомъ *сто* (**сто**), обративши вниманіе при этомъ на начальный согласный *с*. Въ санскритѣ для обозначенія того же числа служитъ слово *çatám* [1]), которое легко признать за родственное съ приведеннымъ русскимъ, такъ же какъ и зендское *çatem*. Труднѣе признать родственнымъ съ предъидущими греческое слово ἑκατόν. Но надо замѣтить, что въ словѣ этомъ корень — κατ, отвѣчающій скт. *çat*. Въ латинскомъ имѣется слово *centum*. Теперь латинское *c* при слѣдующемъ смягчающемъ гласномъ обыкновенно выговариваютъ какъ русское *ц*, но въ древнемъ латинскомъ и при

---

[1]) Согласный ç, принадлежащій къ разряду палятальныхъ, произносится какъпольскоеś.

такихъ условіяхъ оно звучало какъ *к*. Такимъ образомъ въ латинскомъ языкѣ мы видимъ такой же согласный, какъ и въ греческомъ. Въ кельтскомъ имѣется тоже *k*: *cét* (*é*, т. е. долгое *e* въ замѣнъ исчезнувшаго *n*). Въ готскомъ — *hund;* начальный согласный этого слова по органу произношенія — задне-язычный, какъ и въ трехъ предъидущихъ языкахъ. Что касается литовскаго языка, то въ немъ имѣется спирантъ передне-язычный, именно *sz* (произносится какъ русское *ш*) — *szìmtas*. Такимъ образомъ и относительно разсматриваемаго соотвѣтствія индогерманскіе языки располагаются въ тѣ же два отдѣла, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, — восточный (скт., зд., слав. и лит.) и западный (греч., лат., кельт., герм.): въ первомъ отдѣлѣ мы видимъ спирантъ, который можно вообще обозначить какъ передне-язычный; этому согласному во второмъ отдѣлѣ соотвѣтствуетъ согласный задне-язычный. Но звуковое соотвѣтствіе только тогда можетъ имѣть силу обобщенія, когда оно подтверждается на цѣломъ рядѣ однородныхъ примѣровъ. Именно таково только что выведенное звуковое соотвѣтствіе (см. § 51 пунктъ 33).

И такъ, мы ознакомились съ двумя рядами звуковыхъ соотвѣтствій:

	рус.	скт.	зд.	греч.	лат.	кельт.	гот.	лит.
(*k²)	k	k	k	π	qu	p (c)	hv	k
						(оск. умбр. p)		
(*k¹)	s	ç	ç	κ	c	c	h	sz.

Замѣчу еще, что русское *s* можетъ имѣть и иное соотвѣтствіе, напр. *есть* = греч. ἐστί, гдѣ такимъ образомъ русское *s* соотвѣтствуетъ греч. не κ, но σ.

§ 89. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію такого явленія, какъ присутствіе *ч* (а не *к*) въ формахъ вопросительнаго мѣстоимѣнія средняго рода, напр. *чему что* (**чьто**). Мы уже знаемъ, что *ч* возникло изъ *к*, благодаря процессу смягченія, благодаря вліянію слѣдующаго смягчающаго звука. Посмотримъ, не произошло ли однородныхъ явленій и въ другихъ индо-германскихъ языкахъ.

Въ санскритѣ мы встрѣчаемъ мѣстоименную форму средняго рода *cit* [1]) (глухой согласный *t* стоитъ въ ней вмѣсто звонкаго *d* въ концѣ слова) соотвѣтствующую по образованію латинскому *quid*. Что же касается значенія, то *cit* является энклитической частицей, которая, въ соединеніи съ вопросительными мѣстоимѣніями придаетъ имъ значеніе неопредѣленныхъ. Формою же вопросительнаго мѣстоимѣнія средняго рода въ санскритѣ ведическомъ является *kát* (по образованію отвѣчающее латинскому *quod*), а позднѣе мы встрѣчаемъ *kím*. Остановимся на этой послѣдней формѣ. Въ ней передъ смягчающимъ гласнымъ мы видимъ *k* а не *c*, встрѣтившееся намъ въ словечкѣ *cit*. Joh Schmidt далъ вполнѣ убѣдительное толкованіе. Онъ говоритъ, что *k* въ *kim* перешло путемъ аналогіи отъ формъ того же вопросительнаго мѣстоимѣнія, въ которыхъ за *k* слѣдовалъ не смягчающій гласный (напр. *kás* и т. п.). Что же касается частицы *cit*, то словечко это, отличаясь по значенію отъ вопросительныхъ формъ, вслѣдствіе этой своей изолированности избѣжало вліянія аналогіи, которому подверглась форма *kím* [2]). И такъ, въ санскритѣ (равнымъ образомъ и въ зендѣ) *k* подверглось такому же смягченію, какъ въ русскомъ и, вообще, въ славянскихъ языкахъ.

Въ греческомъ языкѣ выше была уже указана форма τίς, по образованію и значенію соотвѣтствующая латинскому *quis*. Аналогичное явленіе представляютъ нѣкоторые народные говоры современнаго русскаго языка, напр. говорятъ *тисть* вм. *кисть* и т. п.

Другой примѣръ. Возьмемъ слово *око* || *очи*. Въ греч. имѣется корень ὀπ- „видѣть“ (напр. ὄπ-σομαι fut.; ὄμ-μα „глазъ“, μμ вм. πμ) || ὄσσε (≤ *ὄτjε ≤ *ὄκ-ι-ε; Двойств.).

---

[1]) *c* произносится какъ русское *ч*.

[2]) Schmidt Joh., Zwei arische *a*-laute und die palatalen, въ KZ (т е. Zeitschrift für vergleichende sprachforschung auf dem gebiete der indogermanischen sprachen. Herausgegeben von A. Kuhn, E. Kuhn und J. Schmidt) Band XXV. Neue folge band V (1881) стр. 66.

Такимъ образомъ въ греческомъ мы имѣемъ π передъ несмягчающими звуками, и τ (или его эквивалентъ, какъ напр. въ данномъ случаѣ σσ ⪯ τj) — передъ смягчающими. Въ литовск. имѣется слово *akìs* („глазъ“). Основа или тема этого слова образована посредствомъ *i*, т. е. совершенно такъ же, какъ въ формахъ ὄσσε и *очи* (это послѣднее слово представляетъ собою форму Двойств. числа, для которой И. ед. нужно предположить **очь*). Въ литовскомъ языкѣ *k*, подъ вліяніемъ слѣдующаго палятальнаго гласнаго *i*, произносится мягко; такимъ образомъ смягченіе въ литовскомъ находится пока лишь въ начальной фазѣ развитія. Значительное развитіе смягченія свойственно языкамъ скт., зд. и слав.; меньшую степень представляетъ, какъ мы видѣли, языкъ греческій; въ прочихъ же языкахъ, если смягченіе и существуетъ, то лишь въ начальной фазѣ.

Обратимъ теперь свое вниманіе на соотвѣтствія словамъ *пеку* (**пекѫ**) ‖ *печешь* (**печєши**).

Въ санскритѣ съ тѣмъ же значеніемъ мы находимъ очевидно родственный глаголъ *pacāmi*. Въ окончаніи *-āmi* гласный *ā* соотвѣтствуетъ греческому ω и не долженъ былъ бы смягчать предъидущаго *k*. Какъ объяснить себѣ это появленіе *c* передъ несмягчающимъ гласнымъ? Во 2 и 3 ед. *pacasi pacati* присутствіе *c* понятно: гласный *a* окончаній *-asi -ati*, соотвѣтствующій греческому ε, смягчилъ предъидущее *k* въ *c*. Такимъ образомъ въ однѣхъ формахъ настоящаго времени корень долженъ былъ бы кончаться на *k* (передъ несмягчающими гласными), а въ другихъ—на *c* (передъ гласными смягчающими). Но видъ корня, оканчивающійся на палятальный согласный *(c)*, взялъ перевѣсъ и путемъ аналогіи распространился на тѣ формы того же времени, въ которыхъ долженъ былъ бы имѣть мѣсто несмягченный согласный *(k)*. Перейдемъ къ родственному существительному *pākas*. Въ склоненіи его въ нѣкоторыхъ падежахъ, именно въ тѣхъ, гдѣ за *к* слѣдовалъ смягчающій гласный, мы ожидаемъ *с*, а между тѣмъ и въ этихъ послѣднихъ встрѣчаемъ *к*. Очевидно, что здѣсь взялъ пере-

вѣсъ видъ корня, оканчивающійся на *k*, и путемъ аналогіи распространился на формы, въ которыхъ должно бы быть *c*. Такимъ образомъ въ глаголѣ восторжествовалъ видъ корня, кончащійся на смягченный согласный, тогда какъ въ имени взялъ перевѣсъ видъ корня, оканчивающійся на согласный не-смягченный. Указанное различіе между именами и глаголами находитъ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ примѣровъ [1]).

Кстати теперь будетъ коснуться направленія въ дѣйствіи аналогіи въ русскомъ языкѣ. Вмѣсто литературныхъ формъ *печешь печетъ* и пр. въ народныхъ говорахъ, нерѣдко и въ разговорномъ языкѣ образованныхъ Русскихъ, слышатся: *пек'о́ш пек'о́т* и пр. Эти послѣднія формы возникли путемъ аналогіи (см. § 46), при чемъ мы видимъ, что въ русскомъ языкѣ и въ глаголѣ взялъ перевѣсъ согласный задне-язычный *(к')* надъ палятальнымъ *(ч')* [2]). И такъ, благодаря выравнивающему (нивеллирующему) дѣйствію аналогіи древнее чередованіе *k* || *c* стирается. При этомъ дѣйствіе аналогіи является своеобразнымъ по своему направленію въ отдѣльныхъ аріо-европейскихъ языкахъ. Отсюда возникаетъ запутанность, не полная послѣдовательность въ звуковыхъ соотвѣтствіяхъ между отдѣльными

---

[1]) Еще Ascoli замѣтилъ, что „въ санскритѣ мы встрѣчаемъ много примѣровъ, гдѣ одинъ и тотъ же корневой комплексъ въ глаголѣ передъ гласнымъ или *j* оканчивается на *c* и, напротивъ, въ нѣкоторыхъ именныхъ образованіяхъ тоже передъ гласнымъ или *j* — на *k*“ (Ascoli G. J., Vorlesungen über die vergleichende Lautlehre des Sanskrit, des Griechischen und des Lateinischen. Uebersetzt von J. Bazzigher und H. Schweizer-Sidler. Halle 1872. стр. 32). Вопросъ же о распространеніи (перенесеніи) *k* или же *c* путемъ аналогіи съ однѣхъ формъ на другія, подробно изслѣдуетъ Joh. Schmidt въ указанной выше статьѣ — „Zwei arische *a*-laute und die palatalen“, гл. III. Ср. также Hübschmann KZ XXIV 409, сноска.

[2]) Съ другой стороны, ср. малорусское спряженіе: *можу́, мо́жеш, мо́же, мо́жемо, мо́жете, мо́жут'*.

представителями индо-германскихъ языковъ. Такимъ образомъ мы наталкиваемся на одинъ изъ факторовъ, съ которыми приходится считаться при изученіи языковъ, именно— на факторъ аналогіи.

Продолжимъ наше сравненіе. Въ греческомъ мы встрѣчаемъ уже знакомое намъ чередованіе π || σσ : πέπ-ων („зрѣлый“) || πέσσω (≤= *kjō) или атт. πέττω („пеку“)

Въ лат. съ тѣмъ же значеніемъ имѣется глаголъ *coquo*. Въ этомъ глаголѣ намъ непонятнымъ является начальное *c* (вм. ожидаемаго *p*). Курціусъ обращаетъ вниманіе на то, что въ хорошихъ рукописяхъ Плавта и Виргилія чаще встрѣчается *quoquo* [1]). Но какъ же объяснить начальное *c* или *qu* вм. *p*? Курціусъ выражаетъ даже сомнѣніе на счетъ того, предполагать ли для разсматриваемой семьи словъ первоначальный корень *pak* или же *kak* (съ двумя гуттуральными), хотя оказывается, что два гуттуральныхъ согласныхъ въ этомъ корнѣ представляетъ изъ всѣхъ индогерманскихъ языковъ только латинскій. Я, съ своей стороны, позволю себѣ дать слѣдующее толкованіе указанной особенности латинскаго слова. Въ живыхъ, современныхъ намъ языкахъ мы наблюдаемъ, что при воспріятіи словъ нерѣдко происходятъ ослышки: вм. одного звука или сочетанія звуковъ можетъ послышаться сходный другой звукъ или же другое сочетаніе звуковъ; иногда слово въ этомъ новомъ видѣ распространяется и входитъ въ общее употребленіе. Вотъ этотъ самый процессъ я предполагаю и для латинскаго слова *coquo* или *quoquo*, т. е. что начальное *p* замѣнилось, вслѣдствіе нѣкоторой акустической близости, черезъ *qu* или *c*. Такимъ образомъ мы обратили свое вниманіе на новый факторъ — акустической замѣны звуковъ [2]). Отъ глагола *coquo* происходитъ сущ. *coquīna*, имѣющееся и въ другомъ видѣ —*porīna*

---

[1]) Curtius Georg, Grudzüge der griechischen Etymologie (1873)[1] стр. 459.

[2]) Сюда же относится недослышиваніе слабыхъ звуковъ, ср. нѣм. wer || готск. *hvas*.

(трактиръ, кушанья изъ трактира, запахъ отъ кушанья), гдѣ является непонятнымъ второе *p* (оканчивающее корень), такъ какъ должно бы быть *qu*. Шлейхеръ разсуждаетъ: „такъ какъ *p* въ латинскомъ не = первонач. *k*, то слѣдов. слова, въ которыхъ имѣется *p* = первонач. *k*, должно признать заимствованными. Такъ, слова *Petronius*, *Epona* суть кельтскія, ср. лат. *quatuor*, *equus*; *popīna* — оскійское, ср. лат. *coquīna*, *coquere*“. [1]) Приведенное разсужденіе Шлейхера заставляетъ меня сдѣлать два замѣчанія. Во первыхъ, нельзя безъ доказательствъ утверждать, что такое-то слово заимствовано именно изъ кельтскаго, а такое-то изъ оскійскаго и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, имѣются ли достаточныя основанія для того, чтобы признать напр. слово *Epona* (богиня-покровительница лошадей и ословъ) заимствованнымъ именно изъ кельтскаго? Неужели это слово должно считать кельтскимъ только потому, что въ извѣстной вѣтви кельскаго языка латинскому *equ-* соотвѣтствуетъ *ep-* (ср. Plinius III, 17: „*Eporedias* Galli bonos equorum domitores vocant“; Ascoli Vorlesungen стр. 64, сноска 5). Вѣдь на томъ же самомъ основаніи то же самое слово можно считать оскійскимъ и т. п. Равнымъ образомъ, я не нахожу достаточныхъ основаній для того, чтобы признать слово *popina* оскійскимъ. Отчего, напр., не признать это слово заимствованіемъ изъ греческаго? Въ самомъ дѣлѣ, въ греческомъ мы имѣемъ слово πόπανον (жертвенная лепешка); относительно значенія, ср. лат. *popa* (помощникъ жреца при жертвоприношеніи, заклатель жертвы). Другое замѣчаніе, которое я имѣлъ въ виду, — слѣдующее. Изъ того, что въ языкѣ имѣется въ нѣ-

---

[1]) Schleicher August, Compendium der vergleichenden grammatik der indogermanischen sprachen I (1861) стр. 195 примѣчаніе 2 (§ 151). Ср. также:

Baudry F., Grammaire comparée des langues classiques contenant la théorie élémentaire de la formation des mots en sanscrit, en grec et en latin avec référénces aux langues germaniques. I-re partie: Phonétique (1868) § 101.

Ascoli Vorlesungen стр. 66 — 68.

которыхъ словахъ уклоненіе отъ первоначальнаго звуковаго соотвѣтствія, какъ напр. въ данномъ случаѣ лат. *p* = первонач. *k*, еще не слѣдуетъ съ необходимостью, что слова эти должны быть заимствованіями, такъ какъ они могли быть вызваны и другими факторами, къ которымъ, между прочимъ, должно отнести „акустическую замѣну (субституцію) звуковъ“, о которой было говорено выше. Нужно напомнить кстати и о другомъ факторѣ — народномъ словопроизводствѣ (Volksetymologie). Такъ, слово *porīna* (вм. предполагаемаго **poquina*) объяснимо и приноровленіемъ къ слову *populus* („народъ“). Читатель теперь видитъ важность ознакомленія со всѣмъ разнообразіемъ факторовъ, дѣйствующихъ въ языкѣ. Правда, и тогда не всѣ частные случаи будутъ рѣшены съ достовѣрностью, но за то по крайней мѣрѣ избѣгнутся ошибки, происходящія отъ односторонняго рѣшенія вопросовъ, отъ непринятія въ расчетъ возможности дѣйствія другихъ факторовъ.

Въ заключеніе нашего сравненія обратимся къ языку литовскому. Въ литовскомъ русскому слову *пеку* соотвѣтствуетъ *kepù*, при чемъ особенность въ порядкѣ согласныхъ можно объяснить перестановкою. Явленіе перестановки (metathesis) — физіологическаго (психо-физіологическаго) характера; оно тоже должно быть присоединено къ ряду факторовъ, съ которыми мы уже ознакомились изъ предъидущаго. Такимъ образомъ, мы встрѣтились въ своемъ изслѣдованіи съ слѣдующими факторами:

1) физіологическій;
2) акустическій (акустическая замѣна одного звука другимъ, недослышиваніе слабыхъ звуковъ);
3) заимствованіе;
4) аналогія;
5) народная этимологія;
6) факторъ діалектологическій (ср. н.-іон. *κῶς* || общегреч. *πῶς*).

Когда, въ началѣ настоящей главы, мы сдѣлали первыя сравненія и получили два ряда звуковыхъ соотвѣт-

ствій (*k^1 и *k^2), въ умѣ читателя легко могла пробѣжать идея, что довольно ознакомиться съ подобными звуковыми соотвѣтствіями, дальнѣйшее же разсмотрѣніе примѣровъ, имѣющихся въ большомъ изобиліи, должно признать излишнимъ, такъ какъ они подойдутъ подъ добытыя звуковыя соотвѣтствія. На дѣлѣ же оказывается, что соотвѣтствія эти не такъ просты, какъ это кажется на первый разъ, что на почвѣ отдѣльныхъ языковъ они своеобразно усложнились, вслѣдствіе дѣйствія разныхъ факторовъ, и что разсмотрѣніе этихъ запутанностей требуетъ еще новыхъ изслѣдованій. Впрочемъ, въ современныхъ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ иногда сказывается два крайнихъ направленія. Одни изслѣдователи, основываясь на добытыхъ наукою звуковыхъ соотвѣтствіяхъ, докторально отвергаютъ сопоставленія словъ, не оправдываемыя этими соотвѣтствіями. Они, такимъ образомъ, опускаютъ изъ виду, что разработка вопроса звуковыхъ соотвѣтствій еще далеко не кончена и что подобныя попытки новыхъ сравненій, хотя бы и не оправдываемыя установленными звуковыми соотвѣтствіями, способствуютъ движенію научной разработки впередъ: въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться, что вновь полученное соотвѣтствіе подтвердится цѣлымъ рядомъ однородныхъ примѣровъ, — и, вотъ, наука обогатилась открытіемъ новаго звуковаго соотвѣтствія, которымъ дополняются или же ограничиваются извѣстныя прежде. Но, съ другой стороны, встрѣчаются такіе смѣльчаки, которые, не ознакомившись даже съ элементами сравнительной грамматики, уже дѣлаютъ всевозможныя сравненія и выводы, чѣмъ только увеличиваютъ ненужный хламъ въ наукѣ [1]).

Разсматравая явленіе смягченія въ индогерманскихъ языкахъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли своеобразный ходъ вліянія аналогіи, обусловившій нѣкоторое несоотвѣтствіе между звуковыми рефлексами индо-германскихъ языковъ. Отмѣтивши

---

[1]) Таково, наприм., произведеніе г. Великанова — Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-Славянскаго народа. Томъ вторый. Выпускъ 1-й. Одесса, 1879.

явленіе смягченія въ греческомъ языкѣ, мы не обратили вниманія на то, имѣло ли мѣсто дѣйствіе аналогіи и въ этомъ языкѣ. Для изслѣдованія этого вопроса я беру новый примѣръ: глаголъ, родственный латинскому *sequor*. Не трудно опредѣлить искомое греческое слово. Начальному латинскому *s* передъ гласнымъ въ греческомъ соотвѣтствуетъ густое придыханіе, латинскому *qu* отвѣчаетъ π, вмѣсто же окончанія *-or* въ греческомъ имѣется окончаніе -ομαι. Такимъ образомъ, искомый греческій глаголъ долженъ звучать ἕπομαι; такой глаголъ дѣйствительно существуетъ въ греческомъ языкѣ и съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и лат. *sequor*. Въ предъидущемъ мы видѣли, что въ греческомъ π (*k²) чередуется съ τ, при чемъ первый согласный вообще имѣетъ мѣсто передъ звуками не-смягчающими, а второй—передъ смягчающими. Основываясь на этомъ, мы ожидаемъ, что разсматриваемый глаголъ будетъ спрягаться такъ: ἕπομαι, *ἕτῃ, *ἕτεται и пр.; однако оказывается, что черезъ все спряженіе проходитъ π, все равно, слѣдуетъ ли далѣе смягчающій или же не-смягчающій звукъ: ἕπομαι, ἕπῃ, ἕπεται и пр. Является вполнѣ естественное толкованіе такого исключенія вліяніемъ аналогіи: въ греческомъ взялъ перевѣсъ согласный π, распространившись на случаи, въ которыхъ за согласнымъ слѣдовалъ смягчающій гласный. Въ санскритѣ въ спряженіи взялъ перевѣсъ, наоборотъ, согласный смягченный, т. е. *c*. Такимъ образомъ получаемъ соотвѣтствіе: греческ. π ‖ скт. *c*. Но на это соотвѣтствіе нужно смотрѣть какъ на вторичное, обусловленное дѣйствіемъ аналогіи. Вотъ какъ разсуждаетъ по этому поводу Joh. Schmidt: „τ передъ ε, ι, j чередовалось съ π передъ другими звуками первоначально такъ же правильно, какъ *c* съ *k* въ арійскихъ [1]) языкахъ, такъ что не π соотвѣтствуетъ арійскому *c*, какъ это нерѣдко принималось, но τ. Дѣйствительно, иногда противъ арійскаго *c* стоитъ π, напр. εἶπε=*ávacat*, ἕπεται *sácate*, λέλοιπε=*rirēca* и др.; но эти случаи, натурально, нужно объяснить посредствомъ позднѣйшихъ выравненій“. [2]) „Ежели мы отбросимъ не-первичныя перемѣны, то во всѣхъ этимологиче-

---

[1]) Терминъ „*арійскіе* языки“ въ лингвистическихъ сочиненіяхъ встрѣчается въ двухъ значеніяхъ: 1) = индо-германскіе языки (рѣдко; такъ, у Макса Мюллера въ Наукѣ о языкѣ, см. напр. рус. перев. стр. 191); 2) = санскритъ съ зендомъ (обыкновенно; такъ и въ данной цитатѣ).

[2]) KZ. XXV 140.

ски ясныхъ словахъ τ соотвѣтствуетъ только арійскому *c*, а π только арійскому *k*, или: τ и π стоятъ передъ тѣми же звуками, которые въ арійскихъ языкахъ соотвѣтствующимъ образомъ требуютъ *c* и *k*“. [1])

Приведенное мною толкованіе Joh. Schmidt'a относительно чередованія π и τ въ греческомъ нельзя считать доказаннымъ. Можно даже представить взамѣнъ другое толкованіе, по моему мнѣнію, болѣе вѣроятное. Въ латинскомъ языкѣ, какъ мы знаемъ одинаково имѣется *qu* какъ передъ смягчающими, такъ и передъ не-смягчающими гласными. Подобное же состояніе я предполагаю и для греческаго языка, что же касается измѣненія *qu* (q^F) въ π, то я позволю себѣ нѣсколько остановиться на физіологической сторонѣ этого процесса. Зиверсъ разсуждаетъ по этому вопросу слѣдующимъ образомъ: „такіе переходы, какъ переходъ индо-германскаго k^2 въ *p* (гр. πότερος изъ индог. k^2*otero-s* и пр.), объяснимы только посредствомъ предположенія нѣкотораго прыжка въ артикуляціи, который въ данномъ случаѣ произошелъ вслѣдствіе наклонности къ ассимиляціи, черезъ посредство $k^2\underset{\sim}{u}$ (лат. *qu*) съ сильнымъ губнымъ съуженіемъ“. [2]) Мнѣ кажется, что авторъ въ своемъ объясненіи опустилъ изъ виду факторъ акустическій, слуховую сторону явленія (да и во всемъ трудѣ Зиверсъ, на сколько я могъ усмотрѣть, совершенно не касается акустической замѣны звуковъ, т. е. цѣлаго отдѣла фонетическихъ явленій). Въ разсматриваемомъ процессѣ нужно признать по крайней мѣрѣ соучастіе фактора акустической замѣны звуковъ: субституція или подстановка, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, звука π на мѣсто q^F представляетъ собою какъ бы рядъ ослышекъ, происшедшихъ съ большою послѣдовательностью въ извѣстномъ направленіи, другими словами — рядъ акустическихъ замѣнъ неустойчиваго звука (q^F) другимъ, похожимъ на него и устойчивымъ (π). Такую замѣну я предполагаю возможною не только передъ не-смягчающими, но также и передъ смягчающими гласными [3]). Такимъ образомъ, я не вижу необхо-

---

[1]) Ib. 144.

[2]) Sievers Eduard, Grundzüge der Phonetik (1881)[2] стр. 203 (соотвѣтствующее мѣсто въ первомъ изданіи, имѣющемъ заглавіе Grundzüge der Lautphysiologie 1876, находится на стр. 132).

[3]) Оскійскій и умбрійскій представляютъ именно такого рода явленіе и, такимъ образомъ, придаютъ вѣроятность сдѣланному мною предположенію.

димости предполагать, что напр., въ спряженіи ἕπομαι существовали нѣкогда формы съ τ (*ἕτεται и т. п.), впослѣдствіи будто бы замѣнившіяся подъ вліяніемъ аналогіи формами съ π (ἕπεται и т. п.). Перейдемъ теперь къ другому пункту. Вѣдь звукъ акустически можетъ быть сходенъ съ нѣсколькими звуками, правда, въ разныхъ отношеніяхъ, наприм. б : п, б : д, и т. п. Отсюда, акустическая замѣна одного и того же звука можетъ происходить въ разныхъ направленіяхъ. Такъ, разсматриваемый нами звукъ, т. е. q^F, замѣнился, кромѣ π, въ цѣломъ рядѣ случаевъ также посредствомъ κ. Сюда подойдутъ уже знакомыя намъ ново-іоническія формы κοῦ, κῶς, а кромѣ того цѣлый рядъ общегреческихъ словъ [1]). Но мы встрѣчаемъ въ греческомъ еще другую замѣну первоначальнаго κ^2—именно τ. Не вдаваясь въ подробности вопроса, я укажу лишь на одно постоянное условіе этой замѣны: замѣна k^2 черезъ τ имѣетъ мѣсто только передъ слѣдующими смягчающими гласными или, вообще смягчающими звуками (ε, ι, j). Но спѣшу оговориться, что эта замѣна не имѣетъ всеобщаго характера, т. е. не во всѣхъ случаяхъ q^F передъ смягчающими гласными замѣнилось черезъ τ; въ нѣкоторомъ количествѣ экземпляровъ оно замѣнилось и въ этихъ условіяхъ черезъ π. Теперь посмотримъ, какимъ путемъ могла произойти эта послѣдняя замѣна. Можно допустить, что глаголъ ἕπομαι нѣкогда спрягался такъ: *ἑq^Fομαι *ἑq^Fεται [2]) и т. д. Но гдѣ-либо въ спряженіи этого глагола путемъ акустической замѣны возникаетъ π и распространяется на все спряженіе даннаго глагола. Такимъ образомъ, π въ спряженіи глагола ἕπομαι передъ смягчающими гласными могло утвердиться совершенно независимо отъ процесса смягченія, раньше этого процесса. Мое фонетическое объясненіе водворенія π передъ смягчающими гласными возможно не только относительно флексіи, но и отдѣльныхъ случаевъ. Такъ, напр. русскому слову „четыре“ въ греческомъ соотвѣтствуютъ: іоническое τέσσερες, аттическое τέτταρες дорическое τέτορες || лебійское πέσυρες (πέσσυρες), беотійское πέτταρες, гомерическое πίσυρες. Во-

---

[1]) См. Meyer Gustav, Griechische Grammatik (1886)² § 185.

[2]) Предполагая эти формы, я допустилъ неточность: быть можетъ въ ту эпоху, когда было q^F, начальное *s* передъ гласнымъ еще не измѣнилось въ густое придыханіе, въ такомъ случаѣ предполагаемыя формы должны быть *σεq^{F}ομαι *σεq^{F}εται и т. п.

дореніе π въ приведенныхъ формахъ извѣстныхъ діалектовъ могло произойти путемъ акустической замѣны первоначальнаго q^r [1]), хотя въ данномъ примѣрѣ можно предполагать также, что на такое именно направленіе акустической замѣны (т. е. черезъ π, а не черезъ κ) могло вліять и смежное числительное (πέντε), начинающееся звукомъ π.

§ 90. Разсмотримъ теперь судьбу другихъ первоначальныхъ взрывныхъ глухихъ согласныхъ, именно — *p* и *t*.

Примѣчаніе. Для уясненія себѣ хода звуковыхъ измѣненій необходимо знакомство съ физіологіей звуковъ; тогда станутъ ясными тѣ направленія, по которымъ совершаются измѣненія звуковъ. Такъ напр., глухой взрывной *t* можетъ ослабнуть въ соотвѣтствующій глухой спирантъ, т. е. þ, а этотъ послѣдній при звонкихъ звукахъ можетъ стать тоже звонкимъ, т. е. ð. Тотъ же результатъ можетъ получиться и другимъ путемъ: *t* при звонкихъ звукахъ пріобрѣтаетъ сначала звонкость, т. е. переходитъ въ *d*, а затѣмъ становится спирантомъ — ð. Вотъ такимъ то образомъ мы и встрѣчаемъ своеобразный ходъ измѣненія звуковыхъ системъ на почвѣ отдѣльныхъ языковъ.

Рефлексы (отраженія) первоначальныхъ *p* и *t* въ отдѣльныхъ индогерманскихъ языкахъ не представляютъ особенныхъ трудностей для изслѣдователя. Эти первоначальные согласные отражаются вообще какъ *p* и *t*. Особенности представляютъ вѣтви германская и кельтская. Германская вѣтвь характеризуется извѣстнымъ передвиженіемъ согласныхъ (Lautverschiebung), на которое впервые указали Rask и Grimm; если мы обратимся спеціально къ готскому, то въ немъ вмѣсто первоначальныхъ взрывныхъ глухихъ мы встрѣчаемъ соотвѣтствующіе глухіе спиранты, т. е. вм. *p*—*f*, вм. *t*—þ (вм. k^1—*h*, вм. k^2—*hv*); такъ — въ началѣ словъ и, послѣ ударенія, внутри словъ; при

[1]) Выводъ Joh. Schmidt'a (см. KZ XXV 138), что будто бы въ разбираемомъ числительномъ π замѣнило собою τ основывается на недоказательныхъ предположеніяхъ и потому далеко не можетъ претендовать на логическую необходимость.

удареніи же и при „звонкомъ сосѣдствѣ“ (т. е. при сосѣдствѣ съ звонкими звуками) внутри словъ мы видимъ звонкіе взрывные *g*, *d*, *b*; ср. brṓ*Þ*ar („Bruder“) || mōdár („Mutter“), fadár („Vater“). [1]) Что касается кельтскаго, то въ немъ нужно отмѣтить слѣдующія характерныя черты: 1) Въ кельтскомъ произошло исчезновеніе *p* въ началѣ словъ, наприм.: *lán* (plēnus), *athir* (pater), *ro* (pro) и т. п. (Schl. Comp.[1] § 167 стр. 227); 2) „Окружающіе гласные производятъ на мгновенные согласные смягчающее вліяніе (названное Zeuss'омъ infectio mollis), такимъ образомъ, что глухіе мгновенные согласные *c*, *t*, *p* переходятъ во вторичныя аспираты *ch*, *th*, *ph*“ (Schl. Comp[1]. § 173 стр. 232). Приведенное замѣчаніе Шлейхера требуетъ поправки: въ кельтскомъ начертаніями *ch*, *th*, *ph* выражаются не аспираты (придыхательныя, т. е. взрывные согласные, сопровождающіеся густымъ придыханіемъ), но спиранты (придывные, т. е. χ, *Þ*, *f*, ср. кельт. *ocht* (octo), гдѣ группа согласныхъ *cht* возникла изъ *kt* подобно тому, какъ въ русскомъ *хто* вм. *кто* [2]).

Примѣры:

*p: *п*олный, ст.-слав. **ПЛЪНЪ**; скт. *pūrṇás*; зд. *p*erena; греч. *πίμ-πλη-μι* („наполняю“); лат. *plēnus*; кельт. lán; гот. *f*ulls=**f*ulnas; лит. *p*ìlnas [3]).

*t: *т*о; скт. (зд.)*t*at; греч. *τό*; лат. (is) -*tud*; гот. *þ*ata; лит. *t*às (муж. р.), *tà* (женск.).

---

[1]) Говоря объ удареніи, имѣю въ виду удареніе основногерманское. На это вліяніе при „Lautverschiebung“ основногерманскаго удареніе впервые указалъ Karl Verner въ статьѣ „Eine ausnahme der ersten lautverschiebung“ (KZ XXIII. 1877. стр. 97 — 130).

[2]) Такое же значеніе начертаніямъ *ch*, *th*, *ph* придаетъ и Brugmann; см. его Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Erster Band: Einleitung und Lautlehre (1886) стр. 29 и 377.

[3]) Другіе примѣры соотвѣтствій см. въ трудѣ проф. Бодуэна-де-Куртенэ И. А., Подробная программа лекцій в 1877—1878 учебном году. Казань (1881) стр. 108.

ты; скт. *tvám*; зд. *tūm*; греч. τύ, σύ; лат. *tū*; кельт. *tu*; гот. *þu*; лит. *tù*.

брать (**братъ, братръ**); скт. bhrā́tā (N. sg.); зд. bra*t*ar-; греч. φράτηρ, φράτωρ („членъ фратріи“); лат. frā*t*er; кельт. (др.-ирл.) brá*th*ir; гот. brō(u)*þ*ar; лит. bro*t*erė́lis (уменьш.).

мать (**мати**); скт. mātā́; греч. μήτηρ; m ā*t*er; кельт. má*th*ir; англо-сакс. mō(u)dar; лит. mo*t*ė́.

батя (? акустическая замѣна начальнаго *n* черезъ *б*); скт. pi*t*ā́; зд. pi*t*a; греч. πατήρ; лат. pa*t*er; кельт. a*th*ir; гот. fa*d*ar.

§ 91. Перехожу къ разсмотрѣнію рефлексовъ первоначальныхъ звонкихъ взрывныхъ, т. е. *b*, *d*, g^1, g^2.

Первоначальные *b* и *d* отражаются во всѣхъ индо-германскихъ языкахъ, за исключеніемъ готскаго, вообще какъ *b* и *d;* въ готскомъ мы видимъ передвиженіе первоначальныхъ *b*, *d*, g^1 и g^2 въ соотвѣтствующіе взрывные глухіе, т. е. въ *p*, *t*, *k (qu);* въ другихъ же индо-германскихъ языкахъ рефлексы первоначальныхъ g^1 и g^2 находятся въ соотвѣтствіи съ рефлексами k^1 и k^2, какъ звонкіе съ своими глухими [1]). Нужно еще обратить вниманіе на рефлексы разсматриваемыхъ согласныхъ въ зендѣ (или древне-бактрійскомъ). Памятникомъ этого языка является *Авеста*, дошедшая до насъ не вся, а только въ нѣкоторыхъ частяхъ, изъ которыхъ одна носитъ названіе *Yaçna;* эта часть Авесты представляетъ діалектъ, нѣсколько отли-

---

[1]) Такъ, въ санскритѣ, какъ мы знаемъ, $k^1 = ç$, $k^2 = k$ (смягч. *c*); аналогичнымъ образомъ $g^1 = j$, $g^2 = g$ (смягч. *j*, т. е. соотвѣтствующій звонкій для *c*). Вѣроятно, *j* въ санскритѣ, отражая собою g^1 и g^2 (смягч.), произносилось не одинаково въ этихъ двухъ случаяхъ; можно думать, что въ одномъ случаѣ оно произносилось какъ соотвѣтствующій звонкій для *ç*, а въ другомъ—какъ соотвѣтствующій звонкій для *c* (ср. ниже зендъ).

чающійся отъ другихъ частей и являющійся болѣе древнимъ („Gāthā-dialekt“). Въ этомъ діалектѣ (такъ же какъ и въ древне-персидскомъ) первоначальные *b*, *d*, *g*[2] отражаются какъ *b*, *d*, *g* (смягч. *j*), тогда какъ въ другихъ частяхъ Авесты мы встрѣчаемъ развѣтвленіе: въ началѣ словъ продолжаютъ оставаться *b*, *d*, *g* (смягч. *j*), въ серединѣ же словъ при звонкомъ сосѣдствѣ они измѣнились въ соотвѣтствующіе спиранты, т. е. *w*, đ, γ (смягч. ž) [1]; *g*[1] въ зендѣ = *z*:

Примѣры:

*b [2]): *б*ольше; Миклошичъ сравнилъ съ скт. *b*álam (сила), bálīyān (сравн. степ. прил.), bálišṭhas (превосх., „сильнѣйшій“). Ср. также греческ. βελτίων, βέλτιστος.

*б*орзый (**бръзъ**); греч. βραχύς (короткій); лат. *b*revis.

*б*леять (**блѣкъ**); греч. βληχή (блеяніе); лат. bālāre.

*d: *д*омъ; скт. *d*ámas; зд. *d*ema; греч. δόμος; латинск. *d*omus; кельт. -dam; гот. *t*imrjan („οἰκοδομεῖν“). *д*ать; скт. *dád*āmi 1 sg. praes., *ádad*ām (зд. daδām 1 sg. imf.; греческ. δίδωμι; лат. *d*āre; кельт. *d*án (даръ); лит. *d*ůmi 1 sg. praes.

вид*д*ѣть, вѣ*д*ать; скт. vé*d*mi (знаю); зд. vīδvāo (мудрый, свѣдущій) = скт. vidván (part. praet. act.); греч. οἶδα Fοῖδα (знаю), εἶδον (я увидѣлъ); лат. vi*d*eo; гот. vai*t* (οἶδα); лит. véi*d*as (лицо).

*g[1]: *з*нать; скт. *j*ñā-yá-te (3 sg. praes. pass.); зд. *ž*nā-tar- [3]) (знатокъ, ученый); греч. γι-γνώ-σκω; лат. *(g)* nō-sco co-*g*nō-sco; кельт. ad-*g*én-sa (я узналъ); гот. *k*ann (знаю); лит. *ž*inaú.

моло́*з*иво (т. е. первое послѣ родовъ молоко у женщинъ и у самокъ животныхъ), ст.-сл. **млъжж**

---

[1]) См. Hübschmann H., Iranische studien, KZ XXIV (1879) стр. 343.

[2]) Примѣровъ для первоначальнаго *b* почти нѣтъ, указываютъ всего только нѣсколько словъ.

[3]) *ž* вм. *z* при *n*.

млѣсти („доить“); скт. mṛ̥j-á-ti (3 ед. наст. вытирать, гладить), зд. marezaiti; греч. ἀμέλγω (дою); лат. mul*g*-eo; кельтск. bli*g*im (*ml* дало *mbl*, откуда *bl*) „дою“, mel*g* „молоко“; лит. mélž-u (глажу, дою). Разсматриваемый корень въ смыслѣ „доить“ имѣется только у европейскихъ народовъ; въ этомъ значеніи корень этотъ имѣетъ только *l* (см. Fick Wb. I 720—721).

*g²: говядо (**гов-ядо**); скт. *g*aú-s; греч. βοῦ-ς; лат. *b*ō-s (основа bov-); кельт. *b*ó.

живой; скт. *j*īv-á-s; греч. βί-ο-ς (жизнь); латинск. *v*īv-u-s (начальное *v* вм. *gu*); гот. *qu*iu-s; лит. *g*ýv-a-s.

жеребенокъ (**жрѣбя**); скт. *g*árbhas (муж., утроба матери, дитя); зд. *g*arewa; греч. βρέφο (зародышъ, дитя, дѣтеныш) || δελφός (чрево) [1]; гот. *k*albō.

§ 92. Разсмотримъ теперь судьбу первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ, т. е. *bh*, *dh*, g^1h и g^2h.

Придыхательные *bh*, *dh* и *gh* встрѣчаются только въ *санскритѣ*. Въ *зендѣ*, *славянскомъ*, *литовскомъ*, *готскомъ* и *кельтскомъ*, т. е. въ языкахъ, образующихъ собою сѣверную полосу въ индо-германской семьѣ, первоначальные звонкіе придыхательные отражаются въ видѣ звонкаго взрывнаго; такимъ образомъ они смѣшались здѣсь съ рефлексами первоначальныхъ звонкихъ взрывныхъ (за исключеніемъ готскаго). Въ зендѣ первоначальные звонкіе придыхательные, смѣшавшись съ первоначальными звонкими взрывными, вмѣстѣ съ послѣдними затѣмъ развѣтвились на взрывные и придувные. Въ *греческомъ* первоначальные звонкіе придыхательные измѣнились въ глухіе придыхательные: φ (т. е. ph или p‘), ϑ (th), χ (ch). Въ *латин-*

---

[1]) *k²=π || τ; *g²=β || δ.

скомъ произошло развѣтвленіе: въ началѣ слова имѣется глухой спирантъ, а внутри слова при звонкомъ сосѣдствѣ— звонкій взрывной (кромѣ *g^1h = *h*, напр. ve*h*o); ср. *f*ero || ti*b*i.

Примѣры:

bh:* *б*еру (беръ**); скт. *bh*árāmi (несу), *bh*árati; зд. *b*araiti; греч. φέρω; лат. *f*ero; кельт. *b*er-; гот. baíra (φέρω, τίκτω); лит. bérnas (дитя, слуга).

небо; скт. nábhas (средн., aer, coelum); греч. νέφος, νεφέλη; лат. nūbes, nĕbula; кельт. nél; литовск. debesìs.

жеребенокъ (см. выше § 91).

об*ъ*; скт. a*bh*í; зд. ai*b*i (Gāthā-dialekt), ai*w*i; греч. ἀμφί; лат. am*b*- (напр. am*b*ire).

**dh:* *д*ымъ (см. § 51, пунктъ 31).

*д*ѣлать (ib. пунктъ 34).

**g^1h:* земля (ib. пунктъ 41).

вез*у* (ib. пунктъ 29).

лизать; скт. li*h*- и ri*h*-; греч. λείχω; лат. lin*g*o (послѣ *n* имѣется *g*, а не *h*); кельт. lí*g*im; гот. bi-lai*g*ōn (ἐπιλείχειν); лит. lẽžiù.

g^2h:* у*г*орь (жгрь**) || у*ж*ъ (**жжь**); скт. a*h*is [1]); зд. a*ž*i; греч. ὄφις ἔχις; лат. anguis; лит. angìs.

*ж*олчь (**жлъчь**); греч. χολή; лат. *f*el [2]).

§ 93. Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о другихъ первоначальныхъ согласныхъ. Въ виду того, что въ санскритѣ встрѣчаются первоначальные глухіе придыхательные, напр. a*th*a (вотъ), vet*th*a = οἶσθα, предполагаютъ, что и въ индо-германскомъ праязыкѣ существовали

---

[1]) Въ санскритѣ *g^2h отражаетя въ видѣ *gh* передъ звуками не-смягчающими, передъ звуками же смягчающими— въ видѣ *h*; такимъ образомъ *k* : *c* [k^2]=*g* : *j* [g^2]=*gh* : *h* [g^2h].

[2]) Латинскій характеризуется широкимъ развитіемъ лябіализаціи; ср. *f*ui (*bh) || *f*umus (*dh) || *f*el (*g^1h); ti*b*i (*bh) || ru*b*er (*dh).

глухіе взрывные придыхательные, т. е. *ph*, *th*, k^1h, k^2h; но я не останавливаюсь на нихъ въ виду малочисленности примѣровъ. Первоначальные *носовые* *m* и *n* отражаются тоже какъ *m* и *n* на почвѣ отдѣльныхъ индо-германскихъ языковъ; первоначальные *плавные* *r-l* отражаются тоже соотвѣтствующимъ образомъ, кромѣ зенда, имѣющаго одно *r*. Въ заключеніе осталось указать на рефлексы первоначальныхъ придувныхъ j, s, v. Эти согласные въ большей части аріо-европейскихъ языковъ болѣе или менѣе сохраняются, но въ нѣкоторыхъ (въ греческомъ и кельтскомъ) легко исчезаютъ. Въ греческомъ эти спиранты въ началѣ словъ, передъ гласными, обратились въ густое придыханіе, а внутри слова, между гласными, исчезли; ср. ἕννυμι (кор. Fες-), ἕξ=лат. *sex*, ὗς=скт. *yás*; густое придыханіе могло образоваться даже изъ двухъ спирантовъ, наприм. (изъ *sv*): ἡδύς=лат. svāvis (вм. svadvis); примѣры исчезновенія указанныхъ спирантовъ внутри слова: τιμάω изъ *τιμαjω; γένους ⇐ γενεος ⇐ γενεσος; πλέω вм. πλέFω. Въ латинскомъ языкѣ нужно отмѣтить измѣненіе *s* въ *r* при звонкомъ сосѣдствѣ, напр. *sex* || gene*r*is (ср. отраженіе первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ въ тѣхъ же условіяхъ, напр. *f*umus || ru*b*er). Въ германскихъ языкахъ развѣтвленіе *s* на *s* и *r* находится въ связи съ развѣтвленіемъ первоначальныхъ глухихъ взрывныхъ на глухіе спиранты и звонкіе взрывные. Въ славянской семьѣ *c* (*s*) чередуется съ **х**, ср. **соухъ**=лит. saũsas; вм. **х** мы видимъ **ш**, если далѣе слѣдуетъ смягчающій гласный, ср. **соушити**. Въ санскритѣ встрѣчаемъ измѣненіе первоначальнаго *s* не только въ *ś* (нп. Loc. pl. gatā́su || gatéšu, т. е. *ś* имѣется послѣ узкихъ гласныхъ), но также (въ концѣ словъ) въ *ḥ* и *r*; такъ, ежели слово оканчивается на *-is* и стоитъ въ концѣ фразы, или же передъ начальнымъ глухимъ согласнымъ слѣдующаго слова, то вмѣсто -is встрѣчаемъ -iḥ, а ежели слѣдующее слово начинается звонкимъ звукомъ, то вм. -is является -ir. Вопросъ о направленіяхъ въ измѣненіи первоначальнаго *s* въ аріо-европейскихъ языкахъ требуетъ еще разработки. Относительно перехода *s* въ **х** въ славянскихъ языкахъ

имѣется изслѣдованіе проф. Потебни; но этотъ трудъ не исчерпываетъ вопроса: нужно выдѣлить случаи перенесенія *с* или же **х** путемъ аналогіи съ однихъ словъ на другія; далѣе, требуется разсмотрѣть, не вліяло ли ударе-ніе при образованіи чередованія **с** ‖ **х** (ср. па́смурный ‖ хму́риться); и т. п.

§ 94. Перехожу къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ явле-ній вокализма аріо-европейскихъ языковъ [1]), при чемъ съ большей подробностью я остановлюсь на языкахъ рус-скомъ и старо-славянскомъ.

Слова „бреду“ (бр'æду́, **бредж**) и „бродъ“ (бро́т, **бродъ**) родственны между собою. Въ одномъ изъ нихъ въ корнѣ имѣется гласный *е*, а въ другомъ — *о*, при чемъ *е* нахо-дится въ настоящемъ времени глагола, а *о* — въ соотвѣт-ствующемъ существительномъ. Другіе примѣры, которые представляютъ подобное же чередованіе гласныхъ *е* и *о:* везу (в'æзу́, **везѫ**) ‖ возъ (во́с, **возъ**), гребу (гр'æбу́, **гребж**) ‖ гробъ (гро́п, **гробъ**) и т. п. Чередованіе гласныхъ *е* и *о* наблюдается подобнымъ же образомъ и въ другихъ мор-фологическихъ категоріяхъ. (См. § 51 пунктъ 29).

Примѣчаніе 1. Отъ разсматриваемаго чередованія *е* ‖ *о* нужно отличать позднѣйшее чередованіе *е* ‖ *'о* развившееся уже на почвѣ русскаго языка: ср., съ одной стороны, везу (в'æзу́) ‖

---

[1]) *Важнѣйшая литература:* Brugman Karl, Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache (см. Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik, herausgegeben von Georg Kurtius und Karl Brugman, IX. 1876. стр. 285—338).— De Saussure Ferdinand, Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipsick 1879.— Osthoff Hermann, Die tiefstufe im indogermanischen vocalismus (см. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Von Dr. Hermann Osthoff und Dr. Karl Brugman. IV. 1881).—Hübschmann H., Das indogermanische Vocalsystem. Strassburg 1885.—Въ настоящемъ параграфѣ я стараюсь дать краткое изложеніе вопроса, на основаніи новѣйшихъ открытій, представляемыхъ указанною литературою.

возъ (вóс). А такія явленія русскаго неударяемаго вокализма, какъ в'ъз'ѣнá и т. п., представляютъ еще болѣе позднее наслоеніе.

Переходя отъ русскаго языка къ другимъ аріо-европейскимъ языкамъ, мы встрѣчаемъ въ нихъ родственное чередованіе гласныхъ. Такъ русскому чередованію *е* и *о* словъ беру и -боръ вполнѣ соотвѣтствуетъ чередованіе *древне-греческаго* языка — φέρω || φόρος: въ наст. времени приведеннаго греческаго глагола мы встрѣчаемъ ε, а въ существительномъ о. Другіе примѣры такого же чередованія въ древнегреческомъ: λέγω || λόγος, πλέω || πλόος, στείχω || στοῖχος и т. п.

Примѣромъ родственнаго распредѣленія гласныхъ въ *латинскомъ* языкѣ можетъ служить prĕcor || prōcus, tĕgo || tōga и т. п. Въ *литовскомъ* языкѣ въ такихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ чередованіе *е* || *а*, наприм. русскому слову „везу“ соотвѣтствуетъ литовское vežù, русскому „токъ“ соотвѣтствуетъ литовское tákas.

Обратимся теперь къ языкамъ *арійскимъ*, главными представителями которыхъ являются санскритъ и зендъ. Разсмотрѣнному нами гласному *е* здѣсь соотвѣтствуетъ гласный *а;* гласному же *о* или тоже соотвѣтствуетъ *а* (краткое), что̀ бываетъ въ закрытомъ слогѣ, или же соотвѣтствуетъ $\bar{a}$, что̀ бываетъ въ открытомъ слогѣ. Такъ, чередованію бéру || боръ въ санскритѣ соотвѣтствуетъ чередованіе bhárāmi || bhāras [1]).

Для *праязыка* аріо-европейскаго чередованіе, которое дало въ отдѣльныхъ языкахъ разсмотрѣнныя нами чередованія, условно обозначаютъ посредствомъ: *e || *o или $^{*}a_1$ || $^{*}a_2$.

Русскій языкъ представляетъ еще такое *о*, которое не чередуется съ *е* и имѣетъ особыя соотвѣтствія въ аріоевропейскихъ языкахъ, напр.

---

[1]) Въ существительномъ bhāras въ корнѣ ā, такъ какъ слогъ открытый. Въ окончаніи же этого существительнаго -*as*, соотвѣтствующемъ греческому -ος, имѣется краткое *а* вслѣдствіе закрытости слога.

соль (**сол-ь**); скт. s*ar*-a-s; греч. ἅλ-ς; лат. sal s*ă*l-es= ἅλ-ες; гот. s*a*l-t.

Соотвѣтствующій гласный праязыка обозначаютъ посредствомъ **A* (De Saussure) или *a (Brugman).

Примѣчаніе 2. Въ виду того, что на мѣстѣ европейскихъ ĕ, ŏ, ă, санскритъ представляетъ *a*, прежніе изслѣдователи принимали состояніе санскрита за первоначальное, европейское же разнообразіе—за вторичное развѣтвленіе, развившееся уже впослѣдствіи (B o p p, S c h l e i c h e r). Позднѣйшіе же изслѣдователи, обративъ вниманіе на то, что европейскому различію ĕ, ŏ, ă и въ санскритѣ соотвѣтствуетъ нѣкоторое различіе (напр. a_1=a, a_2=a, ā), приняли, что уже въ аріо-европейскомъ праязыкѣ имѣлось разнообразіе ĕ, ŏ, ă; однообразіе же, замѣчаемое въ санскритѣ,—вторичное, возникшее путемъ конвергенціи (ср. неударяемый вокализмъ южно-великор. говоровъ: н'*асу́*=несу, н*ашу́*=ношу, с*ажу́*=сажу). Краткій очеркъ исторіи вопроса читатель найдетъ въ книгѣ D e S a u s s u r e'a стр. 2—5.

Теперь намъ остается обратить вниманіе на явленіе *исчезновенія* **a_1 (e)* и на возникновеніе *слогообразующихъ согласныхъ.*

Въ формѣ наст. вр. ἔχω мы встрѣчаемъ въ корнѣ ε, отражающее первоначальное a_1 (e). Въ аористѣ II дѣйств. произошло въ корнѣ исчезновеніе a_1, напр. σχεῖν: a_1, будучи неударенным, исчезло. Ежели корень содержитъ гласный *a_1 (e) то такой видъ корня называютъ первымъ полнымъ видомъ, видъ корня съ *a_2 (o) называютъ вторымъ полнымъ видомъ; если же въ корнѣ исчезло *a_1 (e), то такой видъ корня называется слабымъ, краткимъ, или же сокращеннымъ; напр.: λειπ- (λείπω) ‖ λοιπ- (λοιπός) ‖ λιπ- (λιπεῖν).

Примѣчаніе 3. Прежнія изслѣдованія представляютъ большую путаницу относительно того, какой видъ корня считать основнымъ; въ нихъ, напр., такой видъ корня, какъ λιπ (безъ ĕ) считается первичнымъ или чистымъ, а λειπ- (или съ „изворотомъ“ ε въ ο: λοιπ-) — вторичнымъ, усиленнымъ; а рядомъ съ этимъ видъ корня σχ- (безъ ĕ, σχ-εῖν) принимается за вторичный, а ἐχ- (изъ σεχ-)—за первичный. Это противорѣчіе устранено позднѣйшими изслѣдователями, преимущественно D e S a u s s u r'омъ, установившимъ понятіе о троякомъ видѣ корня—первомъ полномъ, второмъ полномъ и сокращенномъ.

Вокализмъ корней въ аріо-европейскомъ праязыкѣ [1])						
1-я полная форма	$a_1(C)$	a_1i	a_1u	a_1n	a_1m	a_1r
2-я полная форма	$a_2(C)$	a_2i	a_2u	a_2n	a_2m	a_2r
Сокращенная форма.	—(C)	—i	—u	—$\underset{\circ}{n}$	— $\underset{\circ}{m}$	—$\underset{\circ}{r}$

Остановимся на случаѣ, когда первый полный видъ корня содержитъ $*a_1$ (=*e) съ слѣдующимъ далѣе плавнымъ или носовымъ (напр. $\sqrt{\text{mer-}}$ $\sqrt{\text{men-}}$ и т. п.), и посмотримъ, каковъ будетъ краткій видъ корня. А такъ какъ каждый изъ трехъ видовъ корня имѣетъ свою морфологическую сферу или свои морфологическія категоріи, въ которыхъ онъ встрѣчается (напр., краткій видъ корня главнымъ образомъ свойственъ аористу II тематическому — ср. λείπω ‖ ἔλιπον, существительнымъ на *ti* — ср. πείθω ‖ πίστις, причастіямъ прош. стр. на *ta* — ср. φεύγω ‖ φυκτός τεύχω ‖ τυκτός скт. dvéšmi „ненавижу“ ‖ dviṣṭás, и нѣкоторымъ другимъ категоріямъ), то желая узнать рефлексы краткаго вида корней въ аріо-европейскихъ языкахъ, мы должны обратиться къ соотвѣтствующимъ морфологическимъ категоріямъ (морфологія такимъ образомъ является пособіемъ или руководящею нитью при фонетическихъ изслѣдованіяхъ).

$\sqrt{\text{mer:}}$ смерть (с'м'е́р'т', **съ-мрь-ть**); скт. m$\underset{\circ}{r}$-ti-s; лат. m*or*-s; лит. m*ìr*-ti (умирать) [2]).

$\sqrt{\text{men:}}$ память (па́м'ьт', **па-ма-ть**); скт. m*a*-tí-s; греч. *αὐτό-μα-το-ς*; лат. m*en*-s; лит. isz-m*in*-ti-s.

$\sqrt{g^2em:}$ скт. g*á*-ti-s ga-tá-s; греч. *βά-σι-ς βα-τό-ς*; лат. circum-v*en*-ti-o -v*en*-tus; гот. ga-q*um*-thi-

---

[1]) Изъ этой таблицы я исключилъ долгіе гласные, о которыхъ буду говорить особо впослѣдствіи.

[2]) Для греч. ср. отъ корня δερ- (δέρω) прич. прош. стр. δαρτός δρατός; см. также § 51 пунктъ 32 (соотвѣтствія слову „сердце“ въ другихъ индо-германскихъ языкахъ).

Разсмотрѣнные нами корни *ter*, *ten*, и g^2em въ сокращенной формѣ должны были бы имѣть видъ *tr*, *tn*, и g^2m; но передъ слѣдующимъ согласнымъ [1]) звуки *r*, *n* и *m* становятся слогообразующими ($\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{n}$, $\underset{\circ}{m}$) и затѣмъ на почвѣ отдѣльныхъ аріо-европейскихъ языковъ даютъ своеобразные рефлексы ($^{*}\underset{\circ}{r}$ = скт. $\underset{\circ}{r}$, зд. ere, греч. $\alpha\rho$ или $\rho\alpha$, лат. or, лит. ir, ст.-слав. рь; $^{*}\underset{\circ}{n}$ и $^{*}\underset{\circ}{m}$=скт. и зд. a, греч. α, лат. em или en, лит. in, им, ст.-слав. ѧ). [2])

Мнѣ остается еще замѣтить, что система De Saussure'a трехъ видовъ корня дополнена Osthoff'омъ, указавшимъ, что слабая ступень („Tiefstufe") бываетъ двухъ видовъ — неударенная (unbetonte) и съ побочнымъ удареніемъ (nebentonige). Такимъ образомъ онъ принимаетъ четыре ступени: 1) Hochstufe (сильная, напр. *loip*), 2) Mittelstufe (средняя, *leip*), 3) Tiefstufe nebentonige ($l\bar{\imath}p$), 4) Tiefstufe unbetonte ($l\breve{\imath}p$). Hübschmann представилъ, съ этой точки зрѣнія, обозрѣніе всего индо-германскаго

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, нужно при этомъ различать положенія передъ согласнымъ и гласнымъ; ср. πατράσι (скт. pit$\underset{\circ}{r}$šu), гдѣ послѣ исчезновенія *e* (a_1) въ суффиксѣ *ter* согласный *r* передъ окончаніемъ, начинающимся съ согласнаго, сталъ слогообразующимъ, откуда затѣмъ и получилось $\rho\alpha$; съ другой стороны, въ формѣ πατρός согласный *r*, послѣ исчезновенія суффиксальнаго *e* (a_1), находясь передъ гласнымъ окончанія, такъ и остался согласнымъ, не ставши слогообразующимъ или сонантомъ.

[2]) Въ разсмотрѣнныхъ нами примѣрахъ слогообразующій носовой (Nasalis sonans) получается отъ ослабленія перваго полнаго вида корня; но онъ можетъ имѣть также другое происхожденіе. Греческой формѣ φέροντι соотвѣтствуетъ въ старо-славянскомъ форма **бержть** (беруть), въ которой носовой ѫ, т. е. õ, отражаетъ первоначальное сочетаніе a_2n, гдѣ n принадлежало окончанію (-nti). То же самое окончаніе -nti имѣется и въ такъ называемыхъ архаическихъ глаголахъ старо-славянскаго языка, такъ что въ 3 мн. напр. глагола **имь** (ѣмъ) изъ предполагаемой формы ***ид-**$\underset{\circ}{n}$ti получается **идать** (ѣдятъ); здѣсь такимъ образомъ носовой слогообразующій самостоятельнаго происхожденія, не изъ перваго полнаго вида.

вокализма. Мои собственныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ пунктовъ новѣйшаго ученія объ аріо-европейскомъ вокализмѣ я представлю въ слѣдующемъ параграфѣ.

§ 95. Сдѣлавши общее обозрѣніе аріо-европейскаго вокализма, мы можемъ перейти къ болѣе частному разсмотрѣнію тѣхъ же вопросовъ на почвѣ русскаго и старославянскаго языка. [1]) Порядокъ разсмотрѣнія при этомъ будетъ согласенъ съ таблицею вокализма корней въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, помѣщенною въ предъидущемъ параграфѣ.

$$\text{I.}\quad \frac{e\,C}{^{e}C} \parallel \frac{o\,C}{^{o}C}\ ^{2})$$

**eC* || **oC*. Я уже говорилъ выше объ этомъ чередованіи (бреду || бродъ, везу || возъ, и т. п.), а потому здѣсь укажу только на нѣкоторыя особенности. 1) дѣло (д'ӕ́лӑ,

---

[1]) Главнымъ пособіемъ при этомъ мнѣ будетъ служить трудъ проф. Н. В. Крушевскаго: К вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе в области старо-славянскаго вокализма 1881. (Особый оттискъ изъ Рус. Фил. Вѣстн. того же года N 1). Г. Крушевскій въ русской лингвистической литературѣ первый обратилъ вниманіе на важныя открытія Brugman'a и De Saussure'a въ области аріо-европейскаго вокализма (см. Рус. Фил. Вѣстн. 1880 N 3 стр. 32 — 45), а затѣмъ самъ предпринялъ изслѣдованіе въ области старо-славянскаго вокализма. Хотя чередованія гласныхъ старо-славянскаго языка и раньше были достаточно подробно изслѣдованы (см. напр. Schleicher Aug., Die formenlere der kirchenslawischen sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. 1852. стр. 33—90), но заслугу г. Крушевскаго составляетъ болѣе или менѣе полное собраніе матеріала и, затѣмъ, сведеніе чередованій гласныхъ старо-славянскаго языка къ новѣйшей системѣ аріо-европейскаго вокализма (De Saussure'a).

[2]) Въ этой формулѣ C=Consonans, въ отличіе отъ S=Sonans; сонантомъ же (т. е. звукомъ, способнымъ образовать слогъ) могутъ быть не только гласные, но также плавные и носовые слогообразующіе.

дѣло) || поле (пóл'ӕ, **полѥ**); **дѣломъ** || **полѥмъ**; несомый (н'ӕсóмъj, **нѥсомъ**) || дѣлаемый (д'ӕ́лъjьмъj, **дѣлаѥмъ**); дубовый (дубóвъj, **дѫбовъ**) || коневый (кӑн'óвъj, **конѥвъ**) и т. п. [1]). Приведенные случаи указываютъ на своеобразное распредѣленіе a_2 и a_1 въ слав. флексіи: a_2 въ „твердой“ флексіи, a_1 въ „мягкой“. Прежнее объясненіе этого явленія перегласованіемъ jo въ **ѥ** (**полѥ** вм. **полjо*) я нахожу неправильнымъ. 2) Въ такихъ случаяхъ, какъ *е*лень || *о*лень, *е*два || *о*два, **пелынь** || полынь и пр., слѣдуетъ видѣть въ первомъ случаѣ отраженіе a_1, а во второмъ a_2. Ср. греч. *ποῦς ποδός* || лат. pes pedis. 3) Имѣетъ значеніе, сопровождается ли С гласнымъ или же согласнымъ; ср. ст.-сл. **грѣкѫ** || **грѣти** (вм. **грѣкти**): во второмъ случаѣ согласный **к** исчезъ съ конца слога; вообще, славянскіе языки переживали нѣкогда эпоху устраненія согласныхъ съ конца слоговъ.

*$_e$*C*. Въ старо-славянскомъ мы встрѣчаемъ случаи ослабленія неударяемаго *a_1 въ **ь**; ср. **рьци** (рцы) 2 един. повелит. || **рѣкѫ**; **пьци** || **пѣкѫ**; **тьци** || **тѣкѫ**; **жьꙁи** || **жегѫ**; **пьсъ** (песъ—пса, п'óс—псá), ср. лат. *pe*cu, скт. *paç*u (см. § 51 пунктъ 35). Эти случаи указываютъ на то, что въ старославянскомъ еще не произошло полнаго сокращенія неударенного *a_1 (=*e). Поэтому я не могу согласиться съ тѣмъ положеніемъ новѣйшаго ученія объ индо-германскомъ вокализмѣ, что сокращеніе *a_1 до нуля будто бы произошло еще на почвѣ праязыка. Я думаю, что этотъ процессъ ослабленія могъ совершиться на почвѣ отдѣльныхъ языковъ и притомъ съ неравномѣрной скоростью, какъ показываетъ языкъ старо-славянскій. Что подобная неравномѣрность движенія вполнѣ возможна, блистательнымъ подтвержденіемъ можетъ служить процессъ смягченія *k^2 въ

---

[1]) Ср. также Loc. sg. **дѣлѣ** (-**ѣ**=*a_2i) || **пол'и** (-**и**=*a_1i); Acc. pl. **рѫбы** (-**ы**=*$a_2$ns, см. § 51 пунктъ 31) || **коня** (-**я**=*$a_1$ns), Такимъ образомъ **о : ѥ=ѣ : и=ы : я.** – Объясненіе данной особенности, равно какъ и слѣдующей, было впервые предложено мною въ Рус. Фил. Вѣстн. VII (1882) 164—165.

индо-германскихъ языкахъ: между тѣмъ какъ въ древнѣйшихъ памятникахъ санскрита это *k* является уже смягчившимся въ *c*, въ современномъ намъ литовскомъ языкѣ смягченіе дошло лишь до степени *k'*. Даже если бы во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ ослабленіе $*a_1$ дошло до нуля, то и тогда еще нельзя утверждать, что процессъ этотъ совершился на почвѣ праязыка. Вѣдь изъ того, что во всѣхъ современныхъ намъ славянскихъ языкахъ наблюдается явленіе такъ называемыхъ бѣглыхъ гласныхъ, еще не слѣдуетъ, что явленіе это возникло на почвѣ славянскаго праязыка или, другими словами, въ основно-славянскомъ языкѣ. Хорошо еще, что мы имѣемъ памятники старо-славянскаго языка, которые показываютъ, что явленіе бѣглыхъ гласныхъ еще не развилось въ старо-славянскомъ языкѣ, а тѣмъ болѣе—въ основно-славянскомъ. И такъ, я нахожу, что новѣйшія теоріи индо-европейскаго вокализма, предрѣшая произвольно вопросъ о времени сокращенія $*a_1$, представляютъ методологическій промахъ. Поэтому я счелъ болѣе осторожнымъ выставить для праязыка формулу ^{e}C, а не просто *C*.

$*^{o}C$. Новѣйшія теоріи индо-европейскаго вокализма, на сколько я могъ замѣтить, ничего не говорятъ объ ослабленіи втораго полнаго вида; а между тѣмъ и неударенное $*a_2$ $(*^{o})$ можетъ ослабѣвать; напр. ср. **зъвати** (звать) ‖ **зовж**, **гънати** (гнать) ‖ **гонити**.

$$\text{II.}\quad \frac{\text{e S}}{^{e}\text{S}} \parallel \frac{\text{o S}}{^{o}\text{S}}\ ^{1})$$

$*eiC$ ($*a_1$iC). Примѣры: **видѣть** (в'ід'ьт', **ви-дѣ-ти**, греч. εἶδομαι вм. Fεἶδομαι); **бити** (б'іт' **би-ти**); **иду** (jіду́,

---

[1]) Въ этой формулѣ S = Sonans; въ послѣдующемъ же я буду послѣдовательно подставлять частныя значенія S (т. е. *i*, *u*, *r*, *l*, *m*, *n*,) при чемъ буду обращать вниманіе на то, слѣдуетъ ли за S согласный (C = Consonans), или же гласный (V = Vocalis).

идѫ; греч. εἶ-μι; скт. é-mi); *лиѫ* (л'іѭ́, **лиѭ**; греч. λείχω); *пиѫ* (п'іш́у, **пишѫ**). И такъ *eiC=ст.-сл. **и**C. [1])

eiV:* бъю (б'ју́, **биѭ, бьіетъ, см. § 51 пунктъ 32); вью (в'ју́, **виѭ**); оконч. И. мн. сущ. муж. на **-ь**, наприм. **пѫтиє, ѕѧтиє** (зятья), также **триє** и др., гдѣ окончаніе **-иє** соотвѣтствуетъ скт. -ayas; впрочемъ здѣсь можно видѣть и отраженіе сокращеннаго вида, т. е. *eiV. При этомъ собственно **и** или **ь** отражаетъ *ei* (или *ei), а согласный *j* развился какъ переходъ отъ небнаго гласнаго *(i)* къ другому гласному. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи относятъ *j* въ такихъ словахъ, какъ **биѭ**, къ суффиксальному слогу. Вообще, разсматриваемые случаи представляются мнѣ весьма неясными. Далѣе, нужно еще обратить вниманіе на то, что въ такъ называемомъ второмъ спряженіи суффиксальное *i*, возникшее изъ *ei* (или же *ei), въ 1 ед. наст. передъ слѣдующимъ гласнымъ сократилось въ *j*; ср. красиши ‖ крашу (т. е. красiV ⇄ красjV ⇄ крашѫ).

oiC:* вѣдать (в'ѣ́дът', **вѣд-ѣ-ти; ср. греч. οἶδα); вѣсъ (в'ѣ́с, **вѣсъ**, ср. **вишѫ**). [2]) Здѣсь нужно указать на особое смягченіе задне-язычныхъ согласныхъ передъ **ѣ**, развившимся изъ *a$_2$i; ср. цѣна (**цѣна**, греч. ποινή, π = *k[2]), **клъцѣ, косѣ, доусѣ.**

oiV:* бой (бо́j, **бои *боj-ь; см. § 51 пунктъ 32).

iC:* чту (чьтѫ**, ср. **число**); честь (**чьсть**); месть (**мьсть**).

---

[1]) Для простоты я говорю только о ст.-сл., отъ котораго уже не трудно перейти къ русскому. — Замѣчу еще, что за сонантомъ можетъ не слѣдовать никакого звука,—въ такомъ случаѣ рефлексъ имѣется такой же, какъ и при слѣдующемъ C; ср. Loc. sing. **пол'и, кон'и** и т. п.

[2]) Въ настоящемъ своемъ обозрѣніи русскаго и старославянскаго вокализма я ограничиваюсь приведеніемъ для каждаго случая лишь нѣсколькихъ примѣровъ. За болѣе полнымъ подборомъ примѣровъ, расположенныхъ по морфологическимъ категоріямъ, читатель можетъ обратиться къ указанному выше труду Н. В. Крушевскаго.

	-V	-C
*ei	?	**и**
*oi	oj	**ѣ**
*^{e}i	?	**ь**

eu V:* реву (р'æву́, **рєкж). Въ другихъ глаголахъ гласный подъ вліяніемъ слѣдующаго **к** измѣнился въ **о**, другими словами—первый полный видъ измѣнился во второй; ср. зову (зо̊ву́, **ꙁовж**; скт. havate); **пловж** (плыву ↑; греч. πλέω, скт. plavate); **словж** (слыву ↑); слово (сло́вӑ, **слово**, греч. κλέος, скт. çravas). О вліяніи звука *v* на предшествующіе гласные въ аріо-европейскихъ языкахъ ср. Крушевскій l. c. стр. 68.

eu C:* блюсти (блюсти**; греч. πεύθομαι, скт. bodhati, гот. biuda), см. § 51 пунктъ 38; клюю (кл'уjу́, **клюж**); чудо (ч'у́дӑ, **чоудо**).

ou V:* зовъ Р. ед. зо́ва (зо́ф, **ꙁовъ); ковъ (**ковъ**); ровъ (**ровъ**); см. также выше **eu V.

ou C:* бужу (боужджж**, ср. выше **блюдж**); куд- (кудесить, кудесникъ, кудесы; ср. выше — чудо); слухъ (**слоухъ**; ср. выше—слово **словж**); сухой (**соухъ**).

^{e}u V:* жвачка ‖ жевать (жьвати**); клевать (кл'æва́т', **кльвати**).

^{e}u C:* дохну́ (да̊хну́, **дъхнж, ср. **доухъ**); сохну (со́хнў, **съхнж**, ср. **соухъ**).

^{o}u V: зовъ Р. ед. зва (**ꙁъвъ**); звать (**ꙁъвати**), рвать (**ръвати**).

^{o}u C:* рыть (рыти**; ср. **ровъ, ръвати**), мыть (**мыти**). [1])

	-V	-C
*eu	**єв**	**ю**
*ou	**ов**	**оу**
*^{e}u	**ьв**	**ъ**
*^{o}u	**ъв**	**ы**

[1]) ы (**ы**) можетъ имѣть и иное происхожденіе; ср. § 51 пунктъ 31.

*emV *enV [1]: внемлю (**въи-иєм-л-ѭ**, простой глаголъ— **иєм-л-ѭ** [2]); лат. emo); изжену (**ижденѫ**, простой глаголъ— **женѫ**).

*emC *enC: клятва (кл'а́тва̃, **кла-тва**); жатва (**жа-тва**). И такъ, если за первоначальнымъ *em* или *en* слѣдовалъ согласный (кромѣ *j*), то въ этихъ случаяхъ въ старо-славянскомъ имѣется **а** (*е* съ носовымъ оттѣнкомъ — ẽ), на почвѣ же русскаго языка ẽ развилось въ *а* со смягченіемъ предъидущаго согласнаго. Нужно еще замѣтить, что, какъ увидимъ ниже, такъ же отражается и первый сокращенный видъ корня, вслѣдствіе чего при приведеніи примѣровъ естественно является сомнѣніе относительно того, представляютъ ли они первый полный видъ корня, или же сокращенный.

*omV *onV: домъ (до́м, **домъ**, греч. δόμος); звонъ (**ꙁвонъ**); выгонъ (вы́гън, **изгонъ**); гоню (га́н'у̀, **гонѭ**).

*omC *onC: дубъ (**дѫбъ**), звукъ (**ꙁвѫкъ**, ср. **ꙁвонъ**), зубъ (**ꙁѫбъ**). И такъ, если за первоначальнымъ *om* или *on* слѣдовалъ согласный (кромѣ *j*), то въ такихъ случаяхъ старо-славянскій показываетъ **ѫ**, т. е. õ, на почвѣ же русскаго языка õ измѣнилось въ *у*. Нужно еще замѣтить, что русскому *у* въ старо-славянскомъ можетъ соотвѣтствовать, кромѣ **ѫ**, также **оу**, ср. *бужу* ‖ **боуждѫ**.

*^{e}mV *^{e}nV: жму (**жмѫ**); мну (**мнѫ**).

*^{e}mC *^{e}nC: жать (**жать**); мять (**мать**); память (па́м'ьт', **па-ма-ть**, см. § 94). Старо-славянское ẽ въ этомъ случаѣ можетъ быть объясняемо прямо изъ *^{e}mC или *^{e}nC, безъ

---

[1]) Я не отдѣляю случаевъ, въ которыхъ за первоначальнымъ *е* слѣдовало *m* отъ случаевъ, въ которыхъ за такимъ *е* слѣдовало *n*, потому что рефлексы ихъ представляютъ совершенную аналогію между собою въ индо-германскихъ языкахъ и нерѣдко совпадаютъ другъ съ другомъ.

[2]) Здѣсь за первоначальнымъ корнемъ **em* слѣдовалъ не гласный, а согласный j; но въ корняхъ съ сонантами *r*, *l*, *m*, *n* рефлексы передъ согласнымъ j такіе же, какъ передъ гласными.

посредства m̥ или n̥. Кромѣ того: -ь изъ *em въ мягкомъ склоненіи, напр. царь.

*°mV *°nV: гнать (гънати, ср. изъ-гонъ); волкомъ (влъкъмь) и т. п.

*°mC *°nC: (?) сто (сто). Сюда же относятся и случаи ослабленія конечнаго *om, напр. волкъ (влъкъ, -ъ = *om); см. § 51 пунктъ 38 — тъ.

	-V	-C
*em *en	ем, ен	а
*om *on	ом, он	ж
*ᵉm *ᵉn	ьм, ьн	а, ь [1])
*°m *°n	ъм, ън	(?ж) ъ

*erV: беру (берж); деру (держ).

*erC: берегъ (брѣгъ); дерево (дрѣво).

*orV: сборъ (съ-бор-ъ); морю (морѣ).

*orC: городъ (градъ); морозъ (мразъ).

*ᵉrV: мру (мьрж); жру (жьрж).

*ᵉrC: мертвый (м'ортвъj, мрьтвъ); жертва (жа́ртва, жрьтва).

*°rV: ърV.

*°rC: торгъ (тръгъ); корма (ка̊рма́, кръма).

	-V	-C
*er	ер	рѣ (ере)
*or	ор	ра (оро)
*ᵉr	ьр (р)	рь (ер)
*°r	ър (р)	ръ (ор)

*elV: мелю (мелѣ); стелю (стелѣ).

*elC: волоку (влѣкѣ, греч. ἕλκω); молоко (млѣко). Приведенные русскіе примѣры указываютъ на вліяніе согласнаго л, переводящаго первый полный видъ корня во второй.

---

[1]) Эта двоякость рефлекса не ясна.

*olV: столъ (ср. стелю); умолъ (ср. мелю).
*olC: молотъ (**млатъ**); долото (**длато**).
*elC, *olC } толку (**тлѣкж**), долблю (**длѣбж**).

	-V	-C
*el	**ел**	**лѣ** (оло)
*ol	**ол**	**ла** (оло)
*el *ol	?	**лъ** (ол)

Что касается *первоначальныхъ долгихъ гласныхъ*, то нужно отмѣтить три главныхъ случая: 1) *ē, напр. о-дъ-ть (**-дѣ-ти**, полный видъ корня) || о-дежда (**-дежда**, *de-d-jā, сокращ. видъ корня); скт. dádhā-mi || dadh-másі, греч. τί-θη-μι || θετός; 2) *ā, наприм. стать (**ста-ти**, полный видъ корня) || стою (**сто-ѭ**, сокращ. видъ корня); греч. ἵ-στη-μι || στα-τό-ς; лат. stūre || stă-tu-s. Въ русскомъ и старо-славянскомъ въ видѣ *а* отражается здѣсь второй полный видъ корня, тогда какъ первый полный видъ корня отражается въ видѣ *ъ*, ср. *лъзу* (**лѣзж**) || *лажу* (**лажж**); 3) *ō, напр. дать (**да-ти**) || дадутъ (**да-д-ать**); греч. δί-δω-μι || δο-τό-ς.

Обратимся теперь къ обозрѣнію *факторовъ*, участвовавшихъ въ развитіи аріо-европейскаго вокализма:

1) *Удареніе.* Ср. δίδωμι || δοτός.

2) *Положеніе* относительно ударенаго слога. Однако, въ виду существованія разныхъ типовъ фонетическаго строенія словъ (ср., русск. гъдѣвóмŭ — формула 1, 2, 3, 1 || французск. santé=лат. sanitátem, формула 2, 1, 3, 1); ср. далѣе — Сѣверно-великор. и Ю.-Вр.), изслѣдователь становится въ затрудненіе при опредѣленіи антропофоническаго строенія словъ аріо-европейскаго праязыка. Можетъ быть, что уже въ праязыкѣ въ этомъ отношеніи были нѣкоторыя діалектическія различія. Говоря объ удареніи, нужно имѣть въ виду также возможность вліянія логическаго ударенія.

3) *Сосѣдніе согласные.* Здѣсь нужно указать на согласные *v, l, m (n)*, вліяніе которыхъ усматривается въ измѣненіи предшествующаго имъ *a_1 (е) въ *a_2 (о), ср. νέος || **новъ**,

молоко ‖ **млѣко**, λέγετε ‖ λέγομεν. [1]) Далѣе, нужно отмѣтить вліяніе *j* въ славянскихъ языкахъ, бывшее причиною возникновенія различія твердой и мягкой флексіи, ср. **окно** ‖ **полѥ**.

4) *Группы согласныхъ звуковъ.* Дѣйствіе этого фактора сказывается въ предохраненіи $*a_1$ (e) отъ исчезновенія; ср. скт. part. perf. med. paspaçānás (‖ vavṛt–ānás).

5) *Открытость и закрытость слога.* Вліяніемъ этого фактора объясняется такое различіе рефлексовъ, какъ **мерж** (слогъ открытый: **ме** | **рж**) ‖ **мрѣти** (изъ $*$**мер-ти**, слогъ **мер** закрытый). Мы видѣли также вліяніе открытости и закрытости слога на отраженіи $*a_2$ въ санскритѣ.

6) *Аналогія;* наприм. perf. πέφευγα вм. ожидаемаго πέφουγα, ср. λείπω — λέλοιπα.

7) *Факторъ діалектическій.* Къ вліянію этого сложнаго фактора сводятся различія, замѣчаемыя въ отдѣльныхъ аріо-европейскихъ языкахъ, напр. ποδός ‖ pedis, измѣненіе $*\breve{e}$ и $*\breve{o}$ въ ă въ санскритѣ, и т. п. Можетъ быть, что уже въ праязыкѣ существовали нѣкоторыя діалектическія различія.

Мнѣ остается еще замѣтить, что новѣйшее ученіе объ аріо-европейскомъ вокализмѣ измѣнило прежнее ученіе о *подъемѣ*. Прежде, напр. считали что λιπ усиливается въ λειπ, тогда какъ по новому ученію оказывается, что λειπ ослабляется въ λιπ. Или, если взять славянскій примѣръ, напр. **жьд-** ‖ **жид-** (**и**=$*a_1$i, **ь**=$*a_1$i), то раньше учили, что **жьд-** усиливается въ **жид-**, между тѣмъ какъ теперь признаютъ, что **жид-** (напр. **жидж**) отражаетъ собою первоначальный первый полный видъ корня, а **жьд-** сокращенный.

Отъ этихъ древнѣйшихъ чередованій гласныхъ, свойственныхъ всѣмъ аріо-европейскимъ языкамъ, отличаютъ чисто-славянскія чередованія гласныхъ, основанныя на от-

---

[1]) Весьма важенъ тотъ фактъ, что въ концѣ словъ $*a_1$ не измѣнилось въ $*a_2$, ср. конечное ĕ въ окончаніяхъ -ε (Vocat., Imperat. 2 sg.), -τε (2 plur). Въ этихъ случаяхъ за $*a_1$ не слѣдовало никакого согласнаго, и оно не измѣнилось въ $*a_2$.

ношеніи долготы и краткости, и состоящія въ томъ, что отъ глагола съ краткимъ корневымъ гласнымъ производится другой глаголъ съ соотвѣтствующимъ долгимъ гласнымъ, съ чѣмъ соединяется также „видовое“ различіе значенія; [1]) ср.

жьдати < жидати
сѫпати < сыпати
мести < мѣтати
бости < бадати.

Является вопросъ, какъ произошло зарожденіе этого явленія (такъ наз. чисто славянскаго подъема). Объясненіе, которое я предлагаю, на сколько мнѣ извѣстно, является совершенно новымъ въ лингвистической литературѣ. [2]) Я нахожу, что явленіе славянскаго подъема зародилось на почвѣ аріо-европейскаго вокализма, и вотъ какимъ образомъ. Если мы возьмемъ, напр., греческое чередованіе λειπ- ‖ λιπ- (λεῖπειν — λιπεῖν), то легко замѣтимъ, что съ этимъ чередованіемъ связано „видовое“ различіе значенія (длительное и краткое или аористическое). На почвѣ славянскаго языка это чередованіе получаетъ одну особенность вслѣдствіе того, что $*a_1i \gtrless$ **и**; благодаря такому измѣненію, разсмотрѣнному нами греческому чередованію ει ‖ ι здѣсь является соотвѣтствующимъ чередованіе **и ‖ ь**, т. е. чередованіе *одного и того же гласнаго (i) долгаго съ краткимъ*, въ соединеніи съ „видовымъ“ различіемъ значенія. Путемъ аналогіи въ одной и той же формѣ можетъ явиться и другой видъ корня, напр.

жьдати ‖ жидати,

что̀ сопровождается различіемъ оттѣнка значенія: въ первомъ случаѣ значеніе болѣе краткое (болѣе близкое къ аористическому), во второмъ же болѣе длительное (болѣе

---

[1]) Это явленіе называютъ чисто славянскимъ *подъемомъ* хотя и здѣсь, какъ увидимъ ниже, не происходило никакого подъема краткаго гласнаго въ долгій.

[2]) Впервые оно было высказано мною въ Рус. Фил. Вѣстн. VII (1882) 164.

близкое къ значенію наст. вр.). По аналогіи къ такимъ случаямъ, какъ **жьдати || жидати,** возникли подобныя же чередованія и въ области другихъ гласныхъ, основанныя тоже на отношеніи долготы и краткости: [1])

съпати || -сыпати

и т. п.

Такимъ-то образомъ, на достояніи, унаслѣдованномъ отъ аріо-европейскаго вокализма, въ славянскомъ зародился подъемъ, основанный на долготѣ и краткости и соединенный съ „видовымъ“ различіемъ значенія.

---

[1]) Ср. греческія соотвѣтствія πόλις || πολίτης, вызвавшія путемъ аналогіи νέος || νεώτης и т. п.

Фундаментальная
Академия наук СССР